90 коп. Индекс 70145

ISSN 0042-8779. Вопросы истории. 1990. № 3. 1—192.

ISSN 0042-8779

Вопросы истории

НОВЫЕ КНИГИ

България през социализма. Съст. Вяра Смилкова. София. БАН. 1989. 309 с.

България през XV–XVIII в. Историографски изследвания «България XV–XIX в.». Ред. колегия: Крумка Шарова (отг. ред.) и др. Т. 1. София. Изд-во на БАН. 1987. 321 с.

ВЕЛЕВА М. **Александър Бурмов.** София. Унив. изд-во «Климент Охридски». 1988. 174 с. (8) л. ил.

КАРАИВАНОВА П. **Американизъм и антиамериканизъм.** София. Партиздат. 1988. 290 с.

КОЛАРОВ В. **Избрани произведения.** В 5 т. Т. 1. 1897–1912. София. Партиздат. 1988. 620 с.

ОГНЯНОВ Л. **Войнишкото въстание, 1918.** София. Наука и изкуство. 1988. 214 с.

ПАВЛОВ Н. **Деловодителят на ЦК. Спомени.** София. Партиздат. 1988. 382 с.

KIRSHNER B. **A Blum-tézisek. A KMP stratégiai vonalának alakulása, 1928–1930.** Budapest. Kossuth. 1988. 213. old.

POÓR J. **Kényszerpályák nemzedéke, 1795–1815.** Budapest. Gondolat. 1988. 234. old.

SIPOS P. **Legális és illegális munkásmozgalom, 1919–1944.** Budapest. Gondolat. 1988. 343. old.

TARDY L. **Kaukázusi magyar tükör: Magyarok, gruzok, cserkeszek a kezdetektől 1848-ig.** Budapest. Akad. kiadó. 1988. 383. old.

Biographien zur Weltgeschichte. Lexikon. Hrsg.: Heinz Tillmann (Leiter), Werner Basler, Otfried Dankelmann et al. Berlin. Dt. Verl. der Wiss. 1989. 645 S.

Deutsche Geschichte in zwölf Bd. Bd. 9. Die antifaschistischdemokratische Umwälzung, der Kampf gegen die Spaltung Deutschlands und die Entstehung der DDR von 1945 bis 1949. Berlin. Dt. Verl. der Wiss. 1989. 492 S.

Erbe und Tradition in der DDR. Die Diskussion der Historiker. Hrsg. von Helmut Meier u. Walter Schmidt. Berlin. Akademie. 1988. 500 S.

Krise – Krisenbewußtsein – Krisenbewältigung. Ideologie u. geistige Kultur im Imperium Romanum während des 3. Jh. Konferenzvortr. Hrsg. vom Wiss.– Bereich Griech.– römisches Altertum der Sekt. Orient-u. Altertumswiss. Halle (Saale). 1988. 125 S.

СЮЙ ЮН. **Цзоусян сяньдай вэньмин. Да бяньгэчжундэ шэхуэй шэнхо фанши.** Пекин. Хуася чубаньша. 1987. 2, 258 с.

Między historią a teorią. Refleksje nad problematyką dziejów i wiedzy historycznej. Praca zbiorowa. Pod red. Mariana Drosdowskiego. Warszawa, Poznań. PWN. 1988. 535 s.

Ruch oporu w Polsce i w Niemczech w latach drugiej wojny światowej. X Konferencja Wspólnej komis. pordręcznikowej PRL – REN historyków, 2–5.VI.1977, Łańcut. Red. Antoni Czubiński, Zbigniew Kulak. Poznań. Inst. zachnodni. 1987. 213 s.

Śląsk i Pomorze w historii stosunków polsko-niemieckich w średniowieczu. XII Konferencja Wspólnej komis. podręcznikowej PRL – RFN historyków, 5–10.VI.1979. Olsztyn. Red. Marian Biskup. Poznań. Inst. zachodni. 1987. 198 s.

Studia z dziejów nowożytnych. Pod red. Krystyna Matwijowskiego. Wrocław. Univ. Wratislaviensis. 1988. 125 s.

NGUYEN KHAC VIEN. **Vietnam une longue histoire.** Hanoi Ed. en langues étrangères. 1987. 504 p.

PIPPIDI D. M. **Studii de istorie şi epigrafie.** Bucureşti. Ed. Acad. RSR. 1988. 278 p.

HÁNAKOVÁ H., STLOUKAL M. **Pohřebiště kolem bývalého kostela svatého Benedikta v Praze.** Spoluprac. Hubert Ječný et al. Praha. Nár. muzeum. 1988. 172 s, 13 l. il.

JANÁČEK J. **Rudolf II. a jeho doba.** Praha Svoboda. 1987. 568 s., (86) l. il.

KOLAFA S. J. **Lenin a Čechy na prahu našeho století.** Ze styků rus. revoluční emigrace a čes. prostředim. Praha. Univ. Karlova. 1987. 161 s.

KAZIMIROVIĆ V. **NDH u svetlu nemačkih dokumenata i dnevnika Gleza fon Horstenau.** Beograd. Nova knjiga; Nar. knjiga. 1987. 355 s. (26) l. il.

Makedonija od ustanka do slobode, 1941–1945. Zbornik radova. Beograd. Vojnoizd. i novinski centar. Skoplje. Inst. za nac. istoriju. 1987. 1020 d.

PERUNIČIĆ B. **Svedočanstvo o Kosovu, 1901–1913.** Beograd. Naučna knjiga. 1988. 537 s.

McKINLAY B. J. **A Century of Struggle.** The A. L. P. A Centenary History. Melbourne. Collins Dove. 1988. VIII. 216 p.

Handwerk und Sachkultur im Spätmittelalter. Intern. Kongr. Krems an der Donau, 7. bis 10. Okt. 1986. Wien. Verl. der Österr. Akad. der Wiss. 1988. 263 S. (16) Bl. ill.

KLAUSNITZER W. **Das Papstamt im Disput zwischen Lutheranern und Katholiken. Schwerpunkte von der Reformation bis zur Gegenwart.** Innsbruck, Wien, Tyrolia. 1987. 586 S.

HOBSBAWM E. J. **L'ère des révolutions.** Bruxelles. Complexe. 1988. 416 p.

ALLMAND Chr. **The Hundred Years War: England and France at War c. 1300–c. 1450.** Cambridge etc. Cambridge Univ. Press. 1988. X, 207 p.

COLEMAN T. **Thatcher's Britain. A Journey through the Promised Lands.** Updated ed. London etc. Gorgi Books. 1988. 200 p.

DAWISHA K. **Eastern Europe, Gorbachev and Reform. The Great Challenge.** Reprint. Cambridge etc. Cambridge Univ. Press. 1988. XIII, 268 p.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ,
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

№ 3 МАРТ 1990

Вопросы Истории

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с января 1926 года.
Москва. Издательство «Правда»

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

ИСТОРИОГРАФИЯ

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

СТАТЬИ

СТАЛИНИЗМ: СУЩНОСТЬ, ГЕНЕЗИС, ЭВОЛЮЦИЯ

Д. А. Волкогонов

Пропасть истории одинаково глубока для всех. Эхо отшумевшего, отзвучавшего доносит до нашего сознания из ее глубин разные звуки. Жизнь и деяния разных людей могут доноситься до нас как призыв и свидетельства или Добра, или Зла. Чем больше мы узнаем о Сталине, тем больше убеждаемся, что ему суждено стать в истории одним из страшных олицетворений Зла. Он совершил, как я убежден, преступление, поставив знак равенства между великой идеей и собственной властью. С именем этого человека связана одна из самых чудовищных форм отчуждения личности от власти, свободы и мысли. Эта форма бюрократического, силового, догматического отчуждения и есть не что иное, как сталинизм.

Еще несколько лет назад советские обществоведы довольно дружно говорили, что понятие «сталинизм» — продукт буржуазных идеологов, пытающихся втиснуть целую социалистическую эпоху в теоретический обруч антисоветизма. Официальная мысль в СССР просто не замечала зарубежного анализа сталинизма. Широкий спектр многочисленных противников социализма (от меньшевиков, окончательно затерявшихся за околицей отечества лишь в 60-е годы, до наимоднейших советологов наших дней) постоянно оперировал категорией сталинизма. Если обратиться к работам таких крупных зарубежных историков, философов и политологов, как З. Бжезинский, Г. Киссинджер, Р. Такер, Д. Келли, Ж. Фурастье, Р. Хофф, Р. Пайпс и др., то можно заметить, что сталинизм трактуется ими как в широком, философском смысле, так и в локально-обыденном понимании. В первом случае сталинизм понимается как тоталитарная разновидность социализма, а во втором — как синоним личного диктаторства и тирании. Думаю, что мы уже достаточно знаем о нашей истории 20—40-х годов, чтобы сегодня утвердительно говорить о таком социальном, политическом и духовном феномене, как сталинизм. В рамках данной статьи предпринята попытка осуществить хотя бы краткий анализ некоторых сторон этого явления.

Исторический соблазн в кратчайшие сроки осуществить вековую мечту человечества о справедливости, равенстве и братстве людей в конечном счете привел к утрате многого из того, за что шла борьба в трех российских революциях. Завоевав в 1917 г. политическую и социальную свободу, в очень скором времени народ России оказался отчужденным и от власти, и от свободы. Это дало основание Н. А. Бердяеву утвер-

ВОЛКОГОНОВ Дмитрий Антонович – доктор философских наук, профессор, начальник Института военной истории Министерства обороны СССР. В основу статьи положен доклад на заседании Бюро Отделения истории АН СССР 16 ноября 1989 года.

диться в мысли, которую он высказывал и ранее: «Революции всегда бывают неудачны; удачных революций не бывает и быть не может. Они всегда порождают не то, к чему стремились, всегда переходят в свою противоположность»[1]. Несмотря на спорность этой мысли, есть немало аргументов, которые позволяют не считать позицию русского философа безнадежной.

Уже с 20-х годов началось время потрясающих исторических парадоксов: огромная, искренняя тяга простых людей к новой жизни все больше сопрягалась с жесткой социальной регламентацией всего бытия; провозглашаемые высокие цели — с беспощадностью средств их достижения; все больший отход от ленинизма происходил под флагом его развития и защиты. Социализм, едва «проклюнувшись», стал все больше испытывать давление мелкобуржуазного революционаризма. Эти и некоторые другие парадоксы выражали появление в общественном, политическом и государственном развитии ряда новых, антисоциалистических тенденций. Печать того, что много лет спустя стали называть «сталинизмом», лежит на этих тенденциях. Вот некоторые из них:

а) В политической сфере: стало быстро происходить сращивание партийного и государственного аппарата, постепенное превращение ВКП(б), политической организации рабочего класса, в своеобразный идеологизированный орден. Политические приоритеты в жизни общества стали абсолютными. Сталинизм постепенно довел до абсурда примат политики над экономикой, государства — над обществом. Здесь находятся корни того, что мы сегодня называем командно-бюрократической системой. Возник своеобразный «политический абсолютизм», когда волевое решение Лидера или Центра совсем не обязательно было вызвано хозяйственной целесообразностью, материальными возможностями, интересами народа.

б) В социально-экономической сфере: возникла коллективная бюрократия, которая постепенно переросла в тотальную. Ее главные признаки — отчуждение государственных мероприятий от экономической целесообразности и всевластие аппарата. Сам Сталин явился зловещим плодом, порождением бюрократии. Тотальный бюрократизм для людей, которых воспитывали в духе несвободы, лжи и закрытости, по-своему, удобен: в жизни все расписано, определено, установлено, начиная с работы, твердого (хотя и полунищенского) заработка и кончая тем, по какому поводу выражать восторг и восхищение, когда и что сеять, какой рапорт готовить «наверх» и т. д. Наступила «эпоха торжества Директивы» как синоним отмирания народовластия.

в) В сфере духовной: традиционный (в значительной мере) догматизм большевиков привел к «обмелению» марксизма, формированию обширного слоя элементарно мыслящих людей. Стало возможным превратить истины в мумии, а диалектику — в формальную отмычку, с помощью которых формировалось мышление специфического типа человека, отчужденного от власти, свободы и средств производства. Мумии сталинских догм — одно из средств превращения людей в тот тип, который китайцы называли «хунвэйбинами», обладавший цитатным, катехизисным мышлением.

Развитие этих тенденций на протяжении десятилетий в конечном счете означало в значительной мере историческую неудачу социализма. К сожалению, долгосрочные пророчества партийных программ не сбылись: капитализм нашел в себе внутренние ресурсы для дальнейшего развития, а социализм, даже выйдя за рамки одной страны, нигде не поднялся до подлинных экономических и гуманных высот. Нет, я совсем не отрицаю многого позитивного, сделанного советским народом за долгие семь десятилетий. Я не ставлю под сомнение привлекательность социалистических ценностей, которые не смогла полностью закрыть длинная и зловещая тень сталинизма. Я не считаю сплошной «черной дырой» десятилетия, прожитые нашим народом после Октября 1917-го. Нет! Но было бы наивно делать вид и не замечать, что самое тяжелое поражение социализму нанес именно сталинизм. Нельзя забывать, что уже в самом начале социалистического пути многое настораживало его главного вдохновителя.

Ленин, диктуя свои последние письма и статьи, как бы чувствовал, что победившая революция требует серьезного «уточнения», демократической корректировки. Но Владимир Ильич не мог предусмотреть всего. Он не был человеко-богом. Ленин не поставил под сомнение диктатуру одного класса (который в Советской России был в подавляющем меньшинстве по сравнению с крестьянством), не вернулся к идее революционного плюрализма, которую отстаивал в конце 1917 г., не осудил насилие как революционный способ решения социальных проблем... В письме народному комиссару юстиции РСФСР Д. И. Курскому от 15 мая 1922 г. Ленин писал о необходимости обосновать и узаконить террор, в частности за пропаганду и агитацию в помощь международной буржуазии. Это деяние «карается высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу»[2]. Ленин, хотя и видел дальше других, не смог разглядеть все опасности, которые таила в себе ставка на непогрешимость одной партии. Видимо, он просто многого не успел сказать. Ортодоксальность ряда теоретических догм марксизма, сформулированных еще в прошлом веке, не подвергалась сомнению... Тем не менее значимость последних работ Ленина огромна: он пытался корректировать пути и методы победившей революции. К сожалению, в полной мере ценность этих работ партия поняла лишь через десятилетия.

Истории бессмысленно мстить, как и смеяться над ней. Это может прозвучать парадоксально, но порой складывается впечатление, что от Октябрьской революции «выиграли» больше капиталистические страны. На Западе почувствовали, что без постоянных реформ и перемен эволюционного характера в своей общественной системе трудно будет ответить на советский вызов. И во многом там ответили так, что еще рельефнее подчеркнулись сталинские деформации в сфере народовластия и прав личности. Оценивая соотношение сегодняшнего социального результата и былых социалистических целей, нельзя не прийти к выводу: редкий, даже уникальный исторический шанс большевики использовали плохо. Но причиной тому являются не изначальные социалистические идеалы, подчеркнем это особо, а во многом порочные, ложные и, как мы теперь знаем, иногда преступные методы и средства их достижения. Этот вывод — главное в предварительной оценке всего того исторического пласта времени, который мечен темной печатью сталинизма.

Именно ложная диалектика в совокупности поставленных целей и применявшихся средств их достижения объясняет сущность сталинизма. Эта сущность заключается в извращении теории и практики научного социализма, в отчуждении народа от власти. Получился антипод социализма. Хотя точнее было бы говорить о самом сталинизме как о системе идеологических взглядов, а об их практической реализации — как о сталинщине. Но в данном случае, в контексте краткого анализа, можно условно считать эти понятия адекватными.

Социально-политическую сущность сталинизма можно характеризовать и как своеобразный цезаризм, сохранявший сугубо внешние, формальные атрибуты народовластия. Но цезаризм — рубеж, линия перерождения и перехода государства в новое состояние. Как справедливо отмечал Бердяев, «цезаризм всегда означает конец эпохи, неизбежность пере-

---

[1] Бердяев Н. Проблемы духовной культуры и религиозной философии.— Сборник «София». Берлин. 1923, с. 125.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 190.

хода к новому миру»[3] («новый» здесь — не позитивная оценка, а лишь иное качество). Сталинизм же как разновидность политического цезаризма в конечном счете сделал социальное бытие СССР одномерным, его экономическую жизнь — директивной, а духовную сферу — догматически примитивной. Суть сталинизма, таким образом, есть замена зарождавшейся у нас демократии тотальной бюрократией. Можно даже сказать, что сталинизм — аномалия, «больная тень» научного социализма. Однако уже в этой горькой констатации потенциально содержится утверждение, что у социализма далеко не исчерпаны исторические шансы, не использованы многие растоптанные цезарем аргументы.

Тем не менее приходится признать, что поражение сталинизма — не только крах тиранического режима, но и в немалой степени крупная историческая неудача социалистической модели, возникшей после Октябрьской революции. Наиболее характерной чертой этой модели является тотальность, которая предопределяет огромную живучесть данной, на наш взгляд, довольно неожиданно возникшей в истории системы. Международный аспект сталинизма — особая тема. Но существование диктатуры Н. Чаушеску вплоть до недавнего времени — одно из свидетельств живучести (как и обреченности) сталинизма, реликты которого еще вкраплены и в нынешнюю действительность.

Каков же генезис сталинизма? Каковы причины его появления? Был ли он случайным или закономерным явлением? По этому поводу высказано много различных суждений, часто взаимоисключающих. Думаю, что мы постепенно все же приближаемся к истине по мере того, как переходим от сущности первого порядка к сущности более глубокой. Сравните, например, ошеломляющий доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС с материалами недавнего политиздатовского сборника «Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма» (М. 1989). Тот доклад первого секретаря ЦК партии носил ярко разоблачительный характер, но не содержал серьезных попыток осмысления всего явления, детерминации сталинизма, выяснения его генезиса, природы и характера. Другое дело сейчас: работы П. В. Волобуева, Ю. А. Полякова, О. Р. Лациса, А. С. Ципко, ряда других исследователей существенно приблизили нас к осмыслению причин трагедии советского народа и драмы социалистических идей.

Думаю, выносить сталинизм целиком за скобки ленинизма неверно. Правда, в этом случае все становится очень просто, и этого так хочется некоторым аналитикам! Но, увы, это не так. Как ни горько признать, ясно, что сталинизм возник на почве ленинизма. Но особо подчеркнем: ленинизма изначально извращенного. А в конце концов — до неузнаваемости. Сталин мало что сам выдумал. Но он смог так по-своему прочесть и интерпретировать ленинизм, что Ленин, представь он себе, допустим, сталинскую теорию и практику 30-х годов, мог бы лишь ужаснуться. И все это родилось формально на почве ленинизма. Однако само учение Ленина в том не виновно. Это вопрос принципа. Идеологическая концепция, любая система идей и теоретических доктрин непосредственно не отвечает за то, как их позднее истолковывают, комментируют и превращают в политическую программу применительно к обстоятельствам. В ином случае К. Марксу пришлось бы отвечать перед судом истории за злодеяния Пол Пота, что, конечно, нелепо. В то же время методологически неверно и политически неточно целиком отделять сталинизм от марксизма. Это одна из уродливых форм развития марксизма в русских условиях. Ленинизм в мыслях и руках Сталина представлял собой уже искаженное, деформированное явление.

Исследуя генезис сталинизма, мы пришли к выводу, что происхождение, точнее — «корневище» «больного социализма» имеет ряд идеологических и социальных истоков. Это, прежде всего, догматизация многими большевиками марксизма, абсолютизация ими некоторых выводов, сделанных Марксом и Энгельсом еще в середине прошлого века. Вспомните, какая была борьба и до Октябрьской революции, и особенно после нее вокруг цитат, какие схоластические споры по поводу чистоты понимания того, как Маркс и Энгельс представляли себе социализм и пути его создания! Марксизм, величайшее интеллектуальное достижение цивилизации, был превращен в немалой степени в политическую библию, в догматизированную государственную идеологию. Подлинной энциклопедией догматизма, сборником мумий антиистин стал пресловутый учебник «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», вышедший более чем 300 изданий тиражом около 43 млн. экземпляров! Этот сборник сталинских догматов стал таким же обязательным учебником жизни для населения СССР, как Коран — для мусульманских фундаменталистов. Но сознание является самой независимой от власти сферой. Ереси, сомнения, инакомыслие рождаются в значительной мере в результате насилия над сознанием, попыток жестко управлять им или держать истины в заточении.

Это, далее, радикализм мировоззрения русских революционеров. Даже самый термин «социальная эволюция» воспринимался многими большевиками как оппортунистическая ересь. Во имя торжества великой идеи считалось допустимым и оправданным приносить в жертву все: историю, культуру, жизни людей. Множества людей! Такой радикализм отвергал историческое равновесие, баланс идей и бытия. Главное — «обогнать», «опрокинуть», «разоблачить», «сокрушить»... Л. Троцкий в статье «Наши разногласия», написанной в 1924 г., но не опубликованной в СССР, писал, что революционный радикализм — необходимость революции: «Революции уже не раз погибали из-за мягкотелости, нерешительности, добродушия трудящихся масс... Революция может спастись, лишь перестроив самый характер свой на иной, более суровый лад и вооружившись мечом красного террора... Где же и когда революции делались без «излишеств» и без эксцессов? Красный террор был необходимым орудием революции. Без него она погибла бы»[4]. Справедливости ради скажем, что так полагал не только Троцкий. Так считали и многие другие руководители РКП(б) и Советского государства. Готовность к насилию как к крайней форме революционного радикализма постепенно становилась чертой мировоззрения. Революционный радикализм, на котором паразитировал Сталин (и который во многом импонировал простым людям), медленно, но неуклонно создавал новую политическую псевдокультуру.

И, наконец, безальтернативность развития. Вскоре после Октябрьской революции широкий спектр способов, методов, путей строительства нового мира постепенно и неуклонно стал сужаться, пока не превратился в единственный вектор, определяемый одним человеком. Многочисленные «оппозиции», «фракции», «уклоны» при всем том, что они часто несли в себе немало сомнительного или ошибочного, тем не менее были одной из диалектических форм выдвижения социальных альтернатив. Если бы, например, левые эсеры, а возможно, и меньшевики-интернационалисты, находившиеся осенью 1917 г. вместе с большевиками в общем революционном движении, были сохранены в структуре и политическом спектре Советской власти, то едва ли могли бы возникнуть в СССР Цезарь и цезаризм. Думаю, дело не дошло бы даже до фигуры Первого консула. Следует напомнить, что большевики взяли власть у Временного правительства при поддержке левых эсеров. Да, последние во многом расходились с большевиками. Тем не менее левые эсеры тоже находились тогда

---

[3] Бердиев Н. Судьба человека в современном мире. Париж. 1934, с. 11.

[4] Коммунистическая оппозиция в СССР (1923–1927). Из архива Льва Троцкого Т. 1. Вермонт. 1988, с. 135–136.

в главном русле революционного потока. Партия левых социалистов-революционеров (в ноябре 1917 г. состоялся ее учредительный съезд), выражая интересы крестьянства, выступая против диктатуры пролетариата и за более широкое представительство социалистических партий в Совете Народных Комиссаров, в решающий момент революции поддержала большевиков. В результате переговоров левые эсеры вошли в декабре 1917 г. в состав Советского правительства, где имели около трети портфелей. Такие лидеры левых эсеров, как И. З. Штейнберг, П. П. Прошьян, А. Л. Колегаев, В. Е. Трутовский, В. А. Карелин, В. А. Алгасов, а затем М. А. Бриллиантов, стали народными комиссарами.

Думаю, что в этом революционном плюрализме коренился исключительный исторический шанс. Ленин это понимал, утверждая, что союз большевиков с левыми эсерами «*может* быть «честной коалицией», честным союзом, ибо коренного расхождения интересов наемных рабочих с интересами трудящихся и эксплуатируемых крестьян *нет*» [5]. Сохранись этот союз, и тогда, возможно, многих трагических проявлений монопольной политической силы в СССР просто бы не было. Но, к сожалению, ни сами эсеры, ни большевики не оценили в полной мере исторической значимости их альянса, распад которого летом 1918 г. стал истоком многих будущих бед. Сталин считал левых эсеров типичной мелкобуржуазной партией, которая, по его мнению, всегда тяготела только к контрреволюции. К несчастью, так думал не один Сталин. Исторический шанс утверждения революционного плюрализма был летом 1918 г. упущен. Политическая монополия, однодумство, безальтернативность власти позднее обернулись жестоким единовластием.

Еще одно замечание по поводу генезиса сталинизма. Каждый из истории берет то, что отвечает его мироощущению. Изучая Великую Французскую революцию, Ленин увидел в огромном потрясении устоев старого режима центральную идею — народовластие. Были налицо его несовершенство и противоречивость. Тем не менее Ленин связывал с народовластием непреходящую историческую надежду. Троцкий, обращаясь к Великой Французской революции, был поражен неумолимостью попятного движения, возможностью безжалостной ликвидации главного завоевания народного выступления — свободы. Для него слово «термидор» стало не просто символом контрреволюции, но также потенциального и реального обмана лучших надежд революционеров. А «вождь народов» больше всего внимания уделил (прочтя впервые в Туруханской ссылке книгу А. Олара «Политическая история Французской революции») той опасности, которая ее погубила. Опасность, как он считал, была конкретной и заключалась в наличии «врагов народа». Этот печальный для советской истории термин пришел в нашу действительность из XVIII века. Прошлое необратимо и живет в сознании людей по-разному. Оно может влиять на настоящее не только как исторический опыт, но и как один из постоянных источников развития индивидуального и общественного сознания.

Таким образом, сталинизм родился на почве догматизации и абсолютизации многих выводов марксизма, сделанных еще в середине XIX в., и в условиях усиления традиционного русского радикализма при отсутствии других революционных альтернатив. Ликвидация социалистического плюрализма была началом монополии на социальную истину и политическую власть. Превращение союзников и конструктивных оппонентов во врагов привело со временем к замене революционной демократии тотальным бюрократизмом. Рождавшаяся новая система постепенно трансформировала и переплавляла легионы революционеров, включенных в партийно-государственный аппарат, в огромную армию бюрократии. Нетерпимость к идейному и политическому плюрализму выглядела вначале

[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 102.

революционной добродетелью. Однако со временем она стала отражать не только окаменелость, неизменность давних установок, которые все больше отставали от бега времени, но и ортодоксальность элементарно мыслящих людей. Поэтому сталинизм, родившийся как волюнтаристское выражение попытки решительного опережения хода истории, превратился в конечном счете в реальный факт огромного исторического отставания.

Генетическое и гносеологическое объяснение сталинизма позволяют глубже понять и его природу. Она связана прежде всего с абсолютизацией революционного насилия во всех сферах, во все времена и в самых различных формах. Именно эта абсолютизация насилия как универсального способа, метода решения любых проблем привела Сталина к выдвижению и обоснованию совершенно ложного тезиса об обострении классовой борьбы по мере продвижения общества к социализму. Идеально, когда крупные лидеры стремятся к гармонии силы и разума. Но так бывает очень редко. Обычно большинство лидеров отдает предпочтение силе, могуществу. Сталин был ярким выразителем такой заданности. В немалой степени это диктовалось, конечно, отсталостью страны, враждебным ей окружением, срывом надежд на мировую революцию и максималистскими целями.

Да, революции, как правило, были кровавыми. Революция, чтобы выжить, часто делала ставку на насилие. Такие установки не были эпизодическими. В Октябрьскую революцию и в годы гражданской войны пролились реки крови. Россияне, соотечественники, обитатели одной страны с ожесточением уничтожали друг друга. Тогда это всем казалось естественным. Даже Ленину. «Свияжск, Троцкому (дата не проставлена). Благодарю, выздоровление идет превосходно. Уверен, что подавление казанских чехов и белогвардейцев, а равно поддерживающих их кулаков-кровопийц, будет образцово-беспощадное. Горячий привет. Ленин» [6]. «Образцово-беспощадное» подавление, может быть, необходимое в критические моменты, постепенно станет едва ли не важнейшим проявлением революционности, обычной социальной практикой для Сталина и в мирное время.

В конце концов советский цезарь сделал силовую политику основным принципом, правилом, основанием функционирования возникшей в СССР общественной системы. Достаточно сказать, что все главные промышленные стройки, все важнейшие индустриальные объекты сооружались у нас трудом миллионов заключенных. Бюрократия сталинского типа действовала в русле беззакония. Чего стоит, например, переселение целых народов, предпринятое по инициативе Сталина! Вот некоторые масштабы этих беззаконий. В феврале 1950 г. министр внутренних дел С. Н. Круглов докладывал Салину, что на 1 января того года состояло на учете в его ведомстве 2 572 829 выселенцев и спецпереселенцев (вместе с членами семей), из них 2 102 174 выселенца — немцы, чеченцы, ингуши, крымские татары, греки, армяне, болгары, турки и курды. «В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года,— писал министр,— выселенцы расселены в местах поселения навечно» [7]. Какое страшное сочетание: социализм и «поселены навечно»! Но ведь беззаконие было главным методом сталинизма не только в данном вопросе, а и во всех сферах общественной жизни.

Эта преступная «методология» привела к тому, что началась, хотя и постепенная, но исторически быстрая деформация естественного хода вещей: «отмена» действия экономических законов, отказ от подлинного народовластия, искусственное форсирование ликвидации различий между

[6] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 325, оп. 1, д. 403, л. 87а.

[7] Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР, ф. 9401, оп. 2, д. 269, т. 1, лл. 141–146.

городом и деревней, между умственным и физическим трудом. Ставка на силовое разрешение возникающих противоречий сама по себе ускоренно создавала жестко централизованную бюрократическую систему. Получив ее в наследство, мы, в частности, должны знать, что с административной системой бороться административными же методами бесполезно. Лишь экономические, социальные и политические преобразования способны постепенно изменить ситуацию.

Силовая стратегия, жертвенный социализм, абсолютизация насилия автоматически обесценивали человеческую личность, девальвировали суть политической и духовной свободы, превращали государство, которое было задумано как вершина народовластия, в государство жесткого тиранического режима, каких в истории имелось и раньше немало. Но тут было «государство рабочих и крестьян», хотя и во главе с диктатором... Сталин продолжает сохранять кое-какие «позиции» в глазах некоторых людей, когда заходит речь о таком событии, как Великая Отечественная война. Это особая тема, хотя уже доказано, что катастрофическое для нас начало войны и беспримерные жертвы народа являлись прежде всего результатом единовластия. В основе сталинской стратегии лежал один из таких, например, постулатов: «Верховное Главнокомандование обязывает не щадить сил и не останавливаться ни перед какими жертвами» [8]. Или чего стоят приказы Сталина о «сжигании дотла» в тылу врага тысяч русских деревень [9], об уничтожении (вместе с фашистами) наших женщин, детей и стариков, которых те гнали впереди себя во время наступления под Ленинградом [10]! Вот лишь штрихи полководческой характеристики Сталина как Верховного Главнокомандующего, для которого жизнь миллионов людей была лишь сферой казенной, закрытой статистики.

Ставка на насилие и привела сталинизм в конце концов к историческому поражению. Сталин, система сталинизма за 30 лет уничтожили в СССР во много раз больше людей, чем все российские цари за 300-летнюю историю Романовых. Так возвышенная, верная, выстраданная столетиями идея равенства, братства, социальной справедливости, будучи ложно истолкованной и ошибочно реализованной, оказалась исторически дискредитированной. Развитие тоталитарных тенденций и цезаристских традиций способствовало возникновению в советском обществе состояния всеобщего ослепления, укоренившейся веры в то, что социализм должен быть именно таким, каким он был создан в 20—40-е годы; что вообще подлинное грядущее процветание возможно только на этом пути. Обожествление застывшего идеала обернулось в конечном счете пренебрежением потребностями конкретных людей в конкретное время. Почти все верили: так нужно во имя великого дела, великой идеи, для обеспечения ее торжества разрешается все! Никто и никогда не говорил (хотя отдельные люди думали), что такое состояние глубоко антигуманно, что это социальный грех перед историей и народом.

Говоря о сталинизме, нельзя, хотя бы кратко, не сказать и о самом человеке, олицетворившем это понятие в теории и на практике. Вот краткий словесный портрет. К началу 50-х годов имя Сталина стало почти мистическим: оно внушало одновременно любовь и ужас, преданность и страх, обожание и покорность. Повторим, что самое страшное преступление этого человека заключалось в том, что он поставил знак равенства между великой идеей и собственной властью. «Тайна» силы Сталина состояла в узурпации, монополизации права на Ленина, на его интерпретацию и «защиту». Это обезоруживало потенциальных соперников, даже тех, кто заметно превосходил его силой интеллекта. А вот документ, датированный 1923 г. (месяц не указан) и озаглавленный «Биографические сведения И. В. Сталина». Копия сохранилась в деле Наркомата по делам национальностей. Назначение и авторство нам неизвестны, хотя есть основания предполагать, что документ подготовлен «под руководством» самого Сталина. В биографических сведениях подробно расписываются «революционные заслуги» Сталина до Октября. Далее: «В октябрьские дни И. В. Сталин состоял членом пятерки (коллектива) для политического руководства восстанием». Примечательны заключительные строки документа: «Как прежняя, так и в особенности настоящая революционная работа И. В. Сталина имеет огромное значение. Отличаясь неутомимой энергией, исключительным, выдающимся умом и непреклонной волей, тов. Сталин является одной из главных скрытых, поистине стальных пружин революции, которая с несокрушимой силой разворачивает русскую революцию в мировой Октябрь. Старый последователь Ленина, он более чем кто-либо другой усвоил методы и мысли его практической деятельности. В настоящее время благодаря этому он блестяще восполняет отсутствие Ленина в области не только специально партийной деятельности, но и в области государственного строительства» [11]. Не верится, что такой документ мог быть написан кем-то еще при жизни Ленина. Кто же его автор? Зачем была сочинена «стальная пружина революции», которая «блестяще восполняет отсутствие Ленина»? Может быть, Сталин, обретя пост генсека и почувствовав, что Ленин более не вернется к политическому рулю государства и партии, готовился стать его преемником уже в 1923 году? Это — тени сталинских тайн...

Сталин исподволь, но совершенно целеустремленно вел дело к тому, чтобы в общественном сознании его имя автоматически олицетворяло социализм. Это был человек с сильным и злым догматическим умом, обладавший твердой, злой волей. Он часто колебался, бывал нерешителен, однако умел искусно скрывать свои сомнения при выборе решения. Это был циничный прагматик в настоящем времени, не обладавший способностями даже посредственного футуролога. Он не мог, например, даже приблизительно предположить, что уже через три года после его смерти, на XX съезде КПСС начнется первое заседание исторического суда над ним. Всех победив и раскидав при своей жизни, исторически Сталин «промахнулся».

Краткий портрет окажется неполным, если не сказать, что этот человек любил и ценил только власть. Именно свою власть. Насилие было для него главным методом достижения поставленных целей. Сталин был насквозь «политическим человеком» и олицетворял собой полный разрыв между политическим и моральным сознанием. В августе 1930 г., когда Троцкий еще не потерял надежды вернуться в СССР, он набросал заметки «К политической биографии Сталина». Резюмируя длинный ряд черт человека, которого Троцкий еще раньше назвал не «личностью, а символом бюрократии», он писал: «Это достаточно законченный образ, в котором энергия, воля и решимость сочетаются с эмпиризмом, близорукостью, органической склонностью к оппортунистическим решениям в больших вопросах, личной грубостью, нелояльностью и готовностью злоупотреблять властью для подавления партии» [12]. Позже он, как и многие, понял, что дело заключалось не только в Сталине. Рождавшаяся жестко централизованная система, где партия стала государственным рыцарским орденом, а народовластие — фикцией, всегда нашла бы своего сталина. Этот человек явился идеальным образцом лидера тоталитарной системы.

Мне думается, к концу жизни Сталин понял, что он нужен только той системе, которую создал. Отсюда его стремление в последние годы жизни зацементировать созданные им политические структуры. Но он плохо

[8] Центральный архив Министерства обороны СССР (ЦАМО), ф. 3, оп. 11556, д. 9, л. 212.
[9] Там же, л. 51.
[10] Там же, д. 2, л. 252.

[11] ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 3, д. 8, л. 85.
[12] Бюллетень оппозиции, 1930, август, № 14, с. 12.

знал логику истории. По мере продвижения человечества по пути общественного прогресса шансы диктаторов стремительно убывают. А в XX в. система автократии — это историческая ловушка.

Мы слишком часто единовластие, цезаризм, тоталитарность связывали с личностью. Это верно лишь отчасти. Главные истоки явления — в природе того термидорианского перерождения, которое произошло в роковое десятилетие истории СССР (1928—1937 гг.). Правда, вождизм в немалой степени был присущ уже послеоктябрьскому большевизму. Еще при жизни Ленина стали слишком часто славить вождей, приписывать им особые заслуги. Известно, как непримиримо относился Ленин к славословию в свой адрес. Но он, видимо, не учел, что одного негодования здесь было мало. В нарождавшейся новой системе отсутствовали те сдерживающие критические механизмы, которые возможны лишь в условиях подлинного революционного плюрализма. Едва ли, например, стали бы славить Сталина левые эсеры, сохранись они на политической сцене. Может быть, раньше других заметил опасность зарождения идеологии вождизма Троцкий, выпавший после смерти Ленина из обоймы вождей. В 1927 г. он написал фрагмент воспоминаний о Ленине, озаглавленный им «О пустосвятстве»: «Умерший Ленин как бы вновь родился: вот вам разгадка мифа о воскресшем Христе... Но опасность начинается там, где есть бюрократизация почитания и автоматизация отношения к Ленину и его учению. Против той, как против и другой опасности очень хорошо и, как всегда, простыми словами говорила недавно Н. К. Крупская. Она говорила о том, чтобы не ставить Ленину лишних памятников и не создавать во имя его ненужных и бесполезных учреждений»[13]. Но то был уже посмертный культ, а Сталин добился прижизненного культа.

Идеология вождизма (мы это сегодня хорошо знаем) рождается и живет лишь при слабости демократических институтов. Уже в начале 30-х годов от них осталась в СССР лишь бледная косметическая тень. В истории политический деятель умирает как бы несколько раз, физически Сталин давно умер. Политически же его призрак сохраняет еще какой-то, может быть эфемерный, шанс. Дело в том, что чем хуже будут идти у нас экономические и иные дела, тем шансы неосталинизма окажутся выше. В истории же, к сожалению, Сталин не умер никогда, и, оставив самую крупную вмятину на щите советской истории, он останется в ряду наиболее зловещих тиранов человечества.

Хронологически я бы определил время «классического сталинизма» с конца 20-х годов (начало коллективизации сельского хозяйства и тихое умирание нэпа) и до XX съезда КПСС. Но, как всякое социальное явление, сталинизм эволюционировал. Условно можно выделить несколько ступеней этой эволюции.

Ступень первая — утверждение. С началом коллективизации сельского хозяйства как «революции сверху» идет быстрое усиление централизации власти и ее полная передача партии. Огосударствление ВКП(б) развернулось одновременно с подготовкой «коронации» генерального секретаря ЦК партии на уникальную должность пожизненного вождя партии и народа. XVII съезд ВКП(б) в 1934 г. закрепил утверждение Сталина и сталинизма как главных выразителей системы, сформировавшейся на базе диктатуры одного класса, с безраздельной властью одной партии и ее лидера.

Ступень вторая — перерождение. Начавшийся еще ранее процесс формирования единовластия имел своей сутью после «съезда победителей» окончательное устранение всех лиц в партии и государстве, кто мог, хотя бы потенциально, оказать этому сопротивление. Рамки второй ступени — с 1934 г. до начала Великой Отечественной войны. Всякая революционная волна несет в себе опасность волны контрреволюционной.

[13] ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 365, л. 79.

В данном случае эволюция сталинизма означала переход от диктатуры пролетариата (явления тоже антигуманного) к диктатуре одной «господствующей личности» (выражение Г. В. Плеханова). То была уже не столько контрреволюция, сколько лже-революция. Эта ступень эволюции сталинизма густо замешана на кровавом насилии, инициатором которого, как доподлинно установлено, был Сталин. То был этап, означавший полное отчуждение трудящихся и создание новой основы власти, сугубо бюрократической.

Ступень третья — частичное отступление сталинизма. Так можно охарактеризовать в плане нашего анализа годы Великой Отечественной войны. На карту было поставлено само существование Советского государства, а следовательно, и сталинской системы. На первый план выдвинулись факторы и параметры, выражавшие судьбоносную значимость решающей силы в истории — народных масс. В соотношении ролей народа и вождя возникли новые моменты. То был роковой час, когда Отечество мог спасти только сам народ; это стало ясно даже тем, у кого на глазах были сталинские шоры. Хотя централизация военно-политической власти в те годы усилилась, сама драма исторической ситуации объективно потребовала сплочения народа под патриотическими знаменами, что повлекло за собой некоторое сокращение репрессий, рост национального самосознания, а также ожидание перемен во внутренней жизни страны в связи с победой над фашизмом. Все это объективно вело к частичному ограничению проявлений сталинизма. В нашем общественном организме почувствовались едва ощутимые токи иного движения, надежд на либеральные перемены и демократические преобразования, которые заслужил народ, заплативший немыслимо высокую цену не только за победу над фашизмом, но и за огромные политические и стратегические просчеты единодержца.

Ступень четвертая — ужесточение режима и консервация сталинизма после войны. Сталин раньше других почувствовал появление у народа надежды на либеральные перемены в общественном и государственном строе. Вождь-догматик, ослепленный ореолом непогрешимости в ранге полководца-победителя, не мог допустить кардинальных перемен в системе. Во-первых, он считал, что Великая Победа подтвердила его историческую правоту; во-вторых, понимал, что в любой другой системе, если произойдут существенные перемены в стране, для него не окажется места. Вождь, апогей власти которого совпал с его 70-летием в 1949 г., приступил к консервации системы, дав ясно понять партии и народу, что все останется по-прежнему. Постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» явилось сигналом, предупреждением всем в духовной сфере. А «Ленинградское дело» затем зловеще напомнило: не только идеология, но и политическая основа государства не изменится. Силовое, карательное, одномерное развитие СССР будет продолжаться.

Можно также увидеть долгую, почти в три десятилетия, ступень постсталинизма, означавшую попытку приспособить основные атрибуты системы, созданной в 20—40-е годы, к новым реалиям. Надежды эти исторически были беспочвенны. Тем не менее они надолго задержали наше общество на дальних рубежах десталинизации.

Разумеется, попытка обозначить здесь ступени эволюции сталинизма условна, тем более если учесть, что последние годы жизни единодержца характеризовались особым политическим цинизмом, позволяющим нам сделать вывод: абсолютная власть развращает абсолютно. Мы будем долго еще оглядываться в поисках глубинных причин утверждения вождизма, а затем и цезаризма как разновидности той тиранической власти, которую Сталину удалось выдать за социалистическую. Отсутствие, точнее — уничтожение, всех разумных демократических альтернатив сделало шансы Сталина чудовищно большими, хотя эти альтернативы исчезли не сразу. Когда после ухода в Советской России других революционных

партий с политической арены большевики остались монополистами на власть, исторический шанс избежать обюрокрачивания создавшейся системы появился в нэпе. Есть основания считать, что экономические перемены в стране Ленин предполагал дополнить рядом «перемен в нашем политическом строе» [14]. Эту необходимость ощущал не только Ленин, но даже его идейные противники. В конце 1924 г. лидер меньшевиков Ф. Дан писал: «Единственная возможность спасения (революции.— *Д. В.*) — в переходе от «нэпа» экономического к «нэпу» политическому» [15]. Тогда еще не всем было ясно (это могли рассмотреть во мгле грядущего лишь проницательные мыслители), что с уходом Ленина начался процесс превращения диктатуры пролетариата в диктатуру аппарата над пролетариатом, а затем в диктатуру единодержца. А такая бюрократическая диктатура всегда найдет своего сталина.

Абсолютизация классовых параметров постепенно привела к эрозии общечеловеческих ценностей и прежде всего такой основополагающей, как свобода. Анализ сталинизма как исторического явления позволяет до боли остро почувствовать, что многое свершившееся в нашей истории произошло из-за пренебрежения свободой. Она была целью Октябрьской революции. Но, завоевав свободу, народные массы не смогли ею распорядиться. В немалой степени потому, что предполагалось: Октябрь — лишь ступень к мировому революционному пожару. А пока он не вспыхнет, пока пролетариат не завоюет власть в мировом масштабе — свобода, демократия, гуманизм не актуальны. Ленин, выступая на III Конгрессе Коммунистического Интернационала летом 1921 г., сказал: «Пока нет общего окончательного результата (речь шла о мировой революции.— *Д. В.*), будет продолжаться состояние ужасной войны. И мы говорим: «На войне мы поступаем по-военному: мы не обещаем никакой свободы и никакой демократии» [16]. То, что казалось временным, преходящим и вынужденным («пока»), к величайшему сожалению, постепенно становилось долгосрочным, принципиальным и «необходимым». При таком подходе к роли свободы с неизбежностью возникает жесткая иерархия власти господствующей силы: партия, ее центральный комитет, руководитель этого органа. Чем выше — тем больше «прав» на абсолютизацию марксистской идеологии. Поэтому появление Абсолютного Жреца было лишь делом времени. Огосударствление партии превращало ее в некий рыцарский орден, ее идеологию — в советскую религию, в которую нужно было просто верить. Но «тогда у нас,— писал Плеханов,— действительно, не будет в партии ни большинства, ни меньшинства, потому что тогда у нас осуществится идеал персидского шаха»; далее он, упомянув о крыловской басне, в которой лягушки просят себе царя, продолжал: «Если бы наша партия, в самом деле, наградила себя такой организацией, то в ее рядах очень скоро не осталось бы места ни для умных людей, ни для закаленных борцов: в ней остались бы лишь лягушки... да Центральный Журавль, беспрепятственно глотающий этих лягушек одну за другою» [17]. По сути дела, такое мировоззренческое и методологическое отношение к свободе прямо означало реальную и грозную опасность трансформации диктатуры пролетариата в режим личной власти. Монополия одной политической силы является как условием, так и причиной не только формирования жесткой бюрократической системы, но и все большего разрыва с истинным правом и моралью. Государственное управление становится синонимом Командования.

Сначала казалось, что все это может быть лишь в начале пути. Затем то, что казалось временным (до победы мировой революции, в которую верили не только Ленин и Троцкий), стало постоянным. Невольно

[14] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 343.
[15] Социалистический вестник, Берлин, 1.XII.1924.
[16] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44, с. 53–54.
[17] Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. М.-Л. 1926, с. 90, 92.

возникает страшная, возможно для кого-то еретическая, мысль: а если бы свершилась мировая революция? А если бы она победила? В нее так верили... Ведь Сталин и в конце 20-х годов продолжал повторять: «Наступила эра крушения капитализма» [18]. Сбудься тогда эти слова, и во главе новых планетарных структур могли бы оказаться люди типа Сталина. Становится как-то не по себе...

В одномерном обществе, которое начало быстро формироваться в СССР после смерти Ленина, главной целью было уже не обеспечение свободы человека и всех его творческих потенций, а создание и совершенствование тотальной бюрократии. Один из критиков сталинизма в начале 30-х годов (они тогда могли быть лишь за околицей отечества) писал: Сталин создал свой порядок, «там господствует одна воля, одно миросозерцание, одна партия, одна система. Весь Советский Союз — это единственная плантация, все население — единственная рабочая армия» [19]. Сказано зло. Так говорят обычно побежденные. Но подмеченная одномерность общества как выражение бюрократической тотальности нашла свое проявление в тех многих уродствах экономической, социальной и духовной жизни, от которых мы не можем освободиться до сих пор. История подтвердила, что демократическое многообразие и идеологический плюрализм более способствуют интеллектуальному и нравственному творчеству, нежели унылое, часто зловещее однообразие, которое господствует в сталинизме. В нем нет места свободе. В этом все дело.

Любые шаги по дальнейшему ограничению и без того эфемерных свобод советских граждан всегда поддерживались сталинской системой. Так, 17 января 1935 г. руководитель репрессивного аппарата Г. Г. Ягода в своем докладе испрашивал решения единодержца: «Считаю целесообразным издание ЦИКом Союза ССР дополнения к Постановлению от 27 мая 1934 года, где должно быть указано, что восстановление в правах трудопоселенцев не дает им права выезда из мест вселения». Резолюция Сталина лаконична: «Правильно» [20]. На любые протесты не обращали никакого внимания. В конце 1939 г. А. А. Жданов получил заявление без подписи, из которого, впрочем, явствовало, что оно исходит от работников Прокуратуры СССР (кстати, в архивах подобных писем сохранилось множество). Там говорилось, что Постановлением ЦК от 17 ноября 1938 г. органы и прокуратура обязывались прекратить преступления и исправить грубые нарушения законов — массовые осуждения честных советских людей: «Эти люди — не единицы, а десятки и сотни тысяч сидят в лагерях и ждут справедливого решения; недоумевают, за что были арестованы, по какому праву издевались над ними, применяя средневековые пытки. Берия продолжает линию Ежова». Резолюция Жданова не менее лаконична и цинична, чем у Сталина: «В архив» [21].

На этих рядовых примерах из социально-политической практики тех лет видно главное: переделкой общественной системы Сталин и сталинизм предопределили основное: революция свершилась как будто во имя свободы человека, а получилось, что для безграничной власти над ним. Таковы цена и результат сталинского вырождения. Но не сами репрессии являлись главной чертой сталинизма, а прежде всего наличие той высшей Инстанции, которая не ограничена какими-либо реальными нормами в процессе достижения ложно понятой цели, во имя которой допускается все. Насилие было средством ускорения движения к цели, а ее могла выдвигать, уточнять и провозглашать лишь высшая Инстанция. Первыми в жертву ей были принесены Свобода и Правда. Верно писал Бердяев, что «трагична судьба свободы, и трагизм ее и есть тра-

[18] Сталин И. В. Соч. Т. 10, с. 248.
[19] Куденхове-Калерги. Большевизм и Европа. Берлин - Рига. 1932, с. 32.
[20] ЦГАОР СССР, ф. 3316, оп. 2, д. 1668, л. 1.
[21] ЦПА ИМЛ, ф. 77, оп. 3, д. 121, лл. 1–2.

гизм человеческой жизни»[22]. Сталинизм как полное выражение антисвободы доказал это всеми своими преступлениями.

Возникшее еще в 30-е годы явление, которое мы потом долго именовали культом личности (что явно сужает проблему), есть не что иное, как отражение грубой деформации социалистических общественных отношений, по сути — абсолютистская попытка сделать народ как субъект истории пассивным ее объектом. Превращение же лидера народа и той системы, в которой он живет, в человеко-бога является в гносеологическом плане выражением замены истины верой, в плане социологическом — попыткой синтеза несовместимого: социализма и цезаризма. Сталинизм в своем «классическом» виде просуществовал четверть века. Это обычный срок для тиранической диктатуры. Но она начала подавать признаки стагнации еще при жизни единодержца. В конце 40-х и начале 50-х годов возник и начал нарастать кризис сталинизма, рельефно подчеркнувший историческую обреченность любой диктатуры. XX съезд КПСС обозначил поэтому важную веху в историческом поражении сталинизма.

Разумеется, в краткой статье невозможно осуществить разносторонний анализ такого сложного политического, социального и духовного образования, каковым являлся сталинизм. Ограничусь лишь следующими соображениями. Анализ сталинизма показывает, что требуется переосмысление самой сути социализма, особенно диалектики его идеалов и путей, методов их достижения. Думаю, что наша хроническая, застарелая слабость заключается в том, что, делая акцент на экономическом детерминизме, мы всегда плохо сопрягали его с торжеством подлинного народовластия (десятилетиями, например, курс исторического материализма полностью обходился у нас без темы демократии). Свобода была целью Октябрьской революции. Но, завоевав ее, народ и партия не сумели ею распорядиться. Это имело трагические последствия. Ведь свобода безальтернативна! Смею, однако, утверждать, что даже после крупной исторической неудачи (а для народа — трагедии) преждевременно говорить о бесплодности социалистического пути, как это ныне многими делается. Дело в том, что социализм пока что не использовал свои лучшие исторические шансы. Они, уверен, имеются.

Сегодняшнее наше стремление к обновлению пока, к сожалению, часто выглядит социальной импровизацией. Предпринимаемые шаги половинчаты и непоследовательны. С моей точки зрения, это происходит еще и потому, что мы слабо осмыслили свой исторический опыт, наши неудачи и достижения. Мы плохо учились также у других народов и обществ. Приступив к обновлению, мы не располагаем пока новой, убедительной концепцией социализма. Имея много разных программ, не имеем ясной стратегии их реализации, что наблюдается исторически уже не впервые. В России, как и в СССР, было много попыток всяческих реформ. В большинстве своем они не удавались. Я далек от каких-то мрачных пророчеств. Но ученые должны помочь обществу понять, почему так случилось? Может быть, все реформы были слишком радикальными? Или, может быть, наоборот — половинчатыми? В любом случае следует задуматься над тем, что большинство реформ имело верхушечный характер и слабо опиралось на творчество масс.

Да, вера в социалистические идеалы у советского народа сохранилась и сегодня. Но ведь никогда не умирала в прошлом и вера в «русскую идею». Тем не менее многочисленные попытки реформ в дореволюционной России обычно вызывали сильную ответную реакционную волну. Реформаторы в России, а затем в СССР, от декабристов до Бухарина, затем до Хрущева, неоднократно терпели поражения. Нельзя забывать об этом. Низвержение Сталина с пьедестала — это еще не ликвидация сталинизма.

[22] Бердяев Н. Философия свободного духа. Париж. 1935, с. 193.

Социальные кризисы и их разрешение имеют не только прогрессивную, но и консервативную логику. Реставрация неосталинизма в какой-либо новой, но тоже зловещей, форме полностью не исключена. Это не личное пророчество, а предостережение, исходящее от самой истории.

Полагаю, что это имеет не косвенное отношение к теме сталинизма. Я убежден: на нас все еще накатываются отраженные временем давние свинцовые волны, зародившиеся от потрясений трагического тридцатилетия. Первой жертвой любой несправедливости всегда является правда, истина. Ложь — универсальное зло. Долгие годы насилие, единовластие, бюрократия, догматизм, цезаризм как атрибуты сталинизма освящались ложью. Поэтому так важно сегодня, когда многие находятся в духовном смятении, помнить о недавнем прошлом. Нельзя жить только будущим, без нормального настоящего. Это чревато грозными потрясениями. А ведь так у нас жили десятилетиями, с того самого времени, когда новоявленный цезарь как бы добился синтеза диктатуры личности и социализма.

Бердяев однажды заметил: прошлое призрачно потому, что его уже нет, а будущее призрачно потому, что его еще нет. Сталин никогда не смог преодолеть в политике разрыв между прошлым и будущим, хотя и соглашаясь с тем, что «сегодня» — это только предыстория. Мы теперь знаем, что это далеко не так. Через десятилетия историки, возможно, назовут наше время трагическим Кризисом Великого Эксперимента. А может быть, временем болезненного, мучительного возвращения к ранним гуманным, демократическим истокам Великой Идеи? В конечном счете все это зависит от нас, живущих в этом времени...

ПУБЛИКАЦИИ

НА РОКОВОМ ПОРОГЕ

(ИЗ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ 1939 ГОДА)

ТЕЛЕГРАММА ВРЕМЕННОГО ПОВЕРЕННОГО В ДЕЛАХ СССР В ИТАЛИИ Л. Б. ГЕЛЬФАНДА В НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

Немедленно 26 июня 1939 года.

В Кастель Фузано я встретился с Чиано. В процессе беседы я указал министру, что его заявление на днях мне о приличном поведении итальянской печати в отношении СССР уже не соответствует действительности: в течение последних трех дней газеты систематически печатают фальшивки из Токио, приводя явно смехотворные цифры сбитых советских аэропланов. Сообщение же ТАСС по этому поводу не опубликовано. Чиано ответил, что сегодня же по возвращении в министерство примет меры к напечатанию нашего сообщения. Министр решительно отводил мой намек на возможность берлинского и римского влияния в нынешних японских провокациях на монгольской границе, что, быть может, связано с англо-советскими переговорами. «Мы,— заявил Чиано,— советуем японцам наступать только на английские и французские позиции. Более того, мы заявили в Берлине, что целиком поддерживаем план Шуленбурга». В ответ на мой недоуменный вопрос, что за «план», Чиано разъяснил, что находящийся в Берлине Шуленбург предлагает стать на путь решительного улучшения германо-советских отношений, для чего:

1. Германия должна содействовать урегулированию японо-советских отношений и ликвидации пограничных конфликтов.

2. Обсудить возможность предложить нам или заключить пакт о ненападении или, быть может, вместе гарантировать независимость Прибалтийских стран.

3. Заключить широкое торговое соглашение.

Чиано добавил, что не имеет пока сообщения об отношении Гитлера к этому плану. При очередной беседе по телефону собирается узнать у Риббентропа и расскажет при встрече со мной.

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 304, д. 2103, лл. 74–75.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР В. М. МОЛОТОВА С ПОСЛОМ ГЕРМАНИИ В СССР ШУЛЕНБУРГОМ 28 ИЮНЯ 1939 ГОДА

Шуленбург начал с того, что он был в Берлине и имел беседу с тов. Астаховым по двум вопросам: 1) о торгпредстве в Праге и 2) по вопросу, о котором он уже говорил со мною.

Окончание. Начало см.: Вопросы истории, 1989, № 11.

На мое замечание, о каком именно вопросе идет речь, Шуленбург ответил, что речь идет о моем высказывании относительно создания политической базы в отношениях между Германией и СССР. Затем Шуленбург, развивая по моей просьбе свою мысль, сказал, что германское правительство желает не только нормализации, но и улучшения своих отношений с СССР. Он добавил далее, что это заявление, сделанное им по поручению Риббентропа, получило одобрение Гитлера. По словам Шуленбурга, Германия уже дала доказательства своего желания нормализовать отношения с нами. В качестве примера он указал на сдержанность тона германской печати в отношении СССР, а также на пакты о ненападении, заключенные Германией с Прибалтийскими странами (Латвией и Эстонией), которые он рассматривает как безвозмездный вклад в дело мира и которые показывают, что Германия не имеет никаких злых намерений в отношении СССР. Также и в области экономических отношений, по словам Шуленбурга, Германия пыталась идти нам навстречу. На мое замечание, что упомянутые послом пакты заключены не с СССР, а с другими странами и не имеют прямого отношения к СССР, посол сказал, что, несмотря на то, что эти пакты заключены не с СССР, вопрос о Балтийских странах носит деликатный характер и представляет интерес для СССР. Мы считали, добавил Шуленбург, что заключением этих пактов Германия делает шаг, не неприятный для СССР. Воздерживаясь от подтверждения мысли Шуленбурга, я напомнил ему о недавно существовавшем пакте о ненападении между Германией и Польшей, утратившем так неожиданно свою силу. При упоминании этого факта Шуленбург пустился в объяснения о том, что в этом виновата сама Польша, Германия же в отношении Польши не имеет злых намерений. Разрыв указанного пакта, добавил Шуленбург, есть будто бы мероприятие оборонительного характера со стороны Германии.

Я не стал полемизировать с Шуленбургом насчет пактов, заключенных Германией с Прибалтами, и сказал, что принимаю сообщение посла о пактах с Прибалтами и его объяснения по этому вопросу к сведению. В связи с замечанием Шуленбурга, что он заверяет, что ни у кого в Германии нет, так сказать, наполеоновских планов в отношении СССР, я сказал, что нельзя никому запретить мечтать, что, должно быть, и в Германии есть люди, склонные к мечтаниям. Я сказал далее, что у посла не может быть оснований для сомнений относительно позиции СССР. Советский Союз стоял и стоит за улучшение отношений или, по крайней мере, за нормальные отношения со всеми странами, в том числе и с Германией.

На мой вопрос, как посол представляет себе возможности улучшения отношений между Германией и СССР, Шуленбург ответил, что надо пользоваться каждой возможностью, чтобы устранить затруднения на пути улучшения отношений. Если посол и теперь, после поездки в Берлин, ничего другого не предлагает, то, очевидно, сказал я, он считает, что в советско-германских отношениях все обстоит благополучно, и посол — большой оптимист. Здесь Шуленбург напомнил, что СССР и Германия связаны берлинским договором о нейтралитете, заключенным в 1926 году, который был продлен Гитлером в 1933 году. Я иронически заметил, что хорошо, что Шуленбург помнит о существовании того договора, и спросил, не находит ли посол, что заключенные Германией в последние годы договора, например «антикоминтерновский пакт» и военно-политический союз с Италией, находятся в противоречии с германо-советским договором 1926 года. Шуленбург стал уверять, что не следует возвращаться к прошлому (к тому, какое значение вначале имел «антикоминтерновский пакт»), и заявил, что договор о союзе с Италией не направлен против СССР, что этот договор имеет в виду в первую очередь Англию.

Затем Шуленбург, переходя к торговым переговорам, заявил, что Германия проявила и в этом вопросе свою добрую волю, выразив желание послать в Москву Шнурре. На это я ответил, что по торговым делам в последнее время имела место беседа тов. Микояна с советником германского посольства Хильгером и что лучше, чтобы германское посольство дало соответствующие ответы на вопросы тов. Микояна, после чего и можно решить вопрос о приезде Шнурре.

В заключение беседы Шуленбург снова просил «умерить» нашу прессу, поскольку будто бы германская уже ведет себя вполне сдержанно в отношении СССР. На это я ответил, что наша пресса не дает никаких поводов для обвинения

в резкостях, чего нельзя сказать о германской прессе, которая дает немало доказательств враждебности в отношении СССР.

Содержание беседы посол обещал передать в Берлин.

Беседа продолжалась свыше часа.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 26, д. 1, лл. 4–6.

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ КОМИТЕТА ПО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КАБИНЕТА МИНИСТРОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ 10 ИЮЛЯ 1939 ГОДА

...МИНИСТР КООРДИНАЦИИ ОБОРОНЫ[1] предупредил членов комитета, что заключение военного соглашения с Россией может оказаться очень трудным делом. До сих пор мы не заключали военного союза ни с одной страной, и это очень серьезный вопрос, если нам придется заранее решать, какие конкретные действия в военно-морской, военной и военно-воздушной областях мы с французами готовы предпринять в различных обстоятельствах и вариантах, связанных с различными странами. В любом случае можно предположить, что переговоры будут очень продолжительными и их, возможно, придется вести на уровне заместителей начальников штабов. Переговоры должны проходить в Лондоне или Париже, но не в Москве.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР[2] спросил, будет ли необходимо с самого начала идти дальше приглашения русских принять участие в работе Верховного военного совета.

МИНИСТР КООРДИНАЦИИ ОБОРОНЫ высказал мнение, что русское правительство придает этим штабным переговорам огромное значение, поскольку они хотят заключить детальное соглашение, по которому мы с французами будем обязаны в различных обстоятельствах действовать так, как это будет предусмотрено в соглашении.

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ[3] сказал, что, по его мнению, военные переговоры не принесут особых результатов. Дискуссии затянутся, и в конце концов каждая сторона примет общие обязательства другой стороны. Таким образом, нам надо будет выиграть время и максимально использовать ситуацию, которой мы не можем сейчас избежать.

МИНИСТР КООРДИНАЦИИ ОБОРОНЫ заметил, что он лишь указал, что для достижения военного соглашения потребуются детальные переговоры и значительный период времени, и что эти переговоры должны проходить на высоком военном уровне, поскольку они сопряжены с очень трудными вопросами, например, какие действия мы согласны предпринять в случае, если Германия нападет на Эстонию или Финляндию.

МИНИСТР ПО ДЕЛАМ КОЛОНИЙ[4] выразил опасение, что пока будут вестись штабные переговоры, следует ожидать неприятностей с малыми странами.

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ сказал, что он посоветуется с премьер-министром, когда будет получен ответ от французского правительства. Каким бы ни был этот ответ, мы должны сказать, что решили сообщить советскому правительству, что если это правительство примет нашу формулу косвенной агрессии, мы готовы пойти ему навстречу в вопросе об одновременном вступлении в силу политического и военного соглашений. В то же время мы, как отметил министр внутренних дел[5], извлечем максимум из этой последней уступки и пойдем на нее с трудом и в ответ на принятие Советами нашей формулы косвенной агрессии...

PRO CAB 27/625, pp. 255–269.

---

[1] Лорд Чэтфилд.
[2] Н. Чемберлен.
[3] Э. Галифакс.
[4] М. Макдональд.
[5] С. Хор.

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ КАБИНЕТА МИНИСТРОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ 19 ИЮЛЯ 1939 ГОДА

Международное положение. Россия.

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ сказал, что если русские не готовы прийти к соглашению в указанном духе, единственной альтернативой полному провалу переговоров будет заключение простого трехстороннего пакта. Если же переговоры в конце концов потерпят неудачу, сказал министр иностранных дел, то это не причинит ему большого беспокойства, поскольку он считает, что какое бы формальное соглашение ни было подписано, советское правительство в случае войны скорее всего будет действовать так, как сочтет для себя наиболее целесообразным...

Отвечая на вопросы, министр иностранных дел сказал, что, по его мнению, есть некоторые признаки, что Германия всеми силами старается затруднить наши переговоры с Советским Союзом. Видимо, между германским и советским правительствами идут какие-то переговоры. Определить их подлинное значение невозможно, но похоже, что эти переговоры посвящены промышленным вопросам.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР сказал, что не может заставить себя поверить в возможность подлинного союза между Россией и Германией...

PRO CAB 23/100, pp. 185–187.

ПИСЬМО ПОСЛА ГЕРМАНИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ Г. ДИРКСЕНА В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ 24 ИЮЛЯ 1939 ГОДА

После того как возбуждение, вызванное данцигским кризисом в конце недели, улеглось, наступило всеобщее успокоение, давшее возможность руководящим деятелям сосредоточить свое внимание на центральном вопросе: повлечет ли за собой войну напряженность германо-английских отношений или можно достигнуть соглашения мирным путем? Среди ответственных и безответственных, алчущих войны и трезвых политиков господствует единодушное мнение, что крайнее напряжение, существовавшее в течение ряда месяцев, дольше продолжаться не может. В то время как пресса и большая часть политических деятелей не идут дальше фатализма или воинственного разглагольствования, немногие, действительно влиятельные государственные деятели Англии глубже продумали и еще более конкретизировали упомянутые в моем донесении от 24 июня 1939 г. соображения о конструктивной политике в отношении Германии. Указанные в этом донесении внешнеполитические и внутриполитические тенденции – напряженность отношений с Японией, приостановка переговоров о пакте с Россией, сомнения в дееспособности польского союзника, тактические предвыборные соображения – продолжали оказывать тем временем свое действие и усиливали конструктивные тенденции.

Общие соображения, каким образом можно вступить на мирный путь урегулирования отношений с Германией, воплотились, по-моему, в ряд конкретных пунктов, которые все вместе и одновременно могли бы быть подвергнуты обсуждению. В настоящее время разрабатывается обширная экономическая программа на основе политического умиротворения, которая посредством широко охватывающей формулы должна обеспечить принцип ненападения и разграничения сфер политических интересов; в эту программу будут включены следующие вопросы: колонии, сырье, сферы экономических интересов, договоренность о сотрудничестве на рынках третьих стран. Само собой разумеется, что в программу включается также пункт об ограничении вооружений, что представляет для англичан наибольший интерес. Более точные сведения об этих планах руководящих кругов может дать государственный советник Вольтат[6], который во время своего пребывания в Лондоне вел на прошлой неделе, по английской инициативе, обстоятельные беседы об этих планах.

---

[6] Г. Вольтат – ближайший сотрудник Геринга, ответственный сотрудник ведомства по четырехлетнему плану, государственный советник.

Для сторонников этих планов наиболее головоломным является вопрос, как приступить к осуществлению этих переговоров. Общественное мнение настолько возбуждено, а поджигатели войны и интриганы настолько взяли сейчас верх, что опубликование сообщения о подобных планах ведения переговоров с Германией было бы немедленно взято под смертоносный огонь Черчиллем или другими подстрекателями, которые тотчас же выступили бы с лозунгом: «Долой второй Мюнхен», или «Долой возврат к политике умиротворения». Насколько деятельна и опасна эта группа, показало опубликование факта конфиденциальных переговоров между Вольтатом (сэр Горас Вильсон[7] и Вольтат) и министром внешней торговли Хадсоном; дополнительной каплей яда явилось опубликование совершенно фантастической и лживой программы переговоров. То, что «The Daily Telegraph» и «News Chronicle» возглавляют эту кампанию травли, ясно показывает, кто именно заправляет ею из-за кулис.

Лица, занятые выработкой программы переговоров, понимают поэтому, что подготовительные шаги, направленные в сторону сближения с Германией, должны быть сделаны самым секретным образом. Лишь после того как будет установлена готовность Германии вести такие переговоры и будет достигнуто единомыслие, по крайней мере в отношении программы, а может быть и в отношении отдельных общих принципов,– лишь тогда английское правительство почувствовало бы себя достаточно сильным, чтобы осведомить общественное мнение о своих намерениях и о сделанных уже шагах. И если оно сможет таким путем подать надежду на урегулирование германо-английских отношений, то, по его убеждению, такое сообщение будет встречено общественностью с большой радостью и заставит замолчать всех интриганов...

ADAP. Bd. VI, S. 815–817.

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ КАБИНЕТА МИНИСТРОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ 26 ИЮЛЯ 1939 ГОДА

Международные отношения. Россия.

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ сказал, что в настоящее время он проводит консультации с французским правительством, касающиеся предложения о необходимости приступить к военным переговорам с советским правительством, как только для этой цели будут назначены военные представители, и о необходимости сделать решительное усилие, чтобы как можно скорее завершить переговоры о политическом соглашении. Видимо, сказал министр иностранных дел, готовность начать военные переговоры рассматривалась русскими как проверка нашей добросовестности. Он считает, что начало этих переговоров окажет положительное воздействие на мировое общественное мнение, хотя не скрывает, что переговоры потребуют очень длительного времени.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР привлек внимание к заявлению, сделанному турецким президентом журналисту, насчет того, что переговоры с русскими будут по-прежнему затягиваться, пока мы не дадим понять, что готовы пойти на риск их провала...

Последовала дискуссия о трудностях ведения военных переговоров с русским правительством, особенно до тех пор, пока не заключено политическое соглашение. Было указано, что мы очень ослабим свою позицию, если предоставим советскому правительству конфиденциальную информацию до заключения с ним какого-нибудь пакта.

Все согласились с мнением, что нашим представителям следует поручить вести переговоры очень медленно, пока не будет заключен политический пакт[...]

PRO CAB 23/100, pp. 224–226.

[7] Г. Вильсон – советник Н. Чемберлена.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ К. ШНУРРЕ С ВРЕМЕННЫМ ПОВЕРЕННЫМ В ДЕЛАХ СССР В ГЕРМАНИИ Г. А. АСТАХОВЫМ И ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ТОРГПРЕДА СССР В ГЕРМАНИИ Е. И. БАБАРИНЫМ 27 ИЮЛЯ 1939 ГОДА

Согласно данному мне указанию, я пригласил вчера на ужин к «Эвесту»[8] советского поверенного в делах Астахова и руководителя здешнего торгпредства СССР Бабарина. Русские оставались примерно до половины первого ночи.

1. В связи с замечанием Астахова о прошлом тесном сотрудничестве и внешнеполитической общности интересов Германии и России я объяснил, что мне и сейчас такое сотрудничество кажется достижимым, если советское правительство придает ему значение. Я мог бы выделить тут 3 этапа.

Первый этап. Возобновление сотрудничества в области экономики путем заключения договора по экономике и кредиту.

Второй этап. Нормализация и улучшение политических взаимоотношений. Сюда, среди прочего, относятся уважительное отношение прессы и общественного мнения к интересам другой стороны, уважительное отношение к научному и культурному достоянию другой стороны. Сюда же можно было бы отнести официальное участие Астахова в Днях немецкого искусства в Мюнхене, в связи с которым он обращался к г-ну статс-секретарю, или приглашение немецких участников на сельскохозяйственную выставку в Москву.

Третьим этапом послужило бы возобновление добрых политических взаимоотношений либо как продолжение того, что имело место в прошлом (Берлинский договор), либо как новое соглашение, учитывающее жизненно важные политические интересы обеих сторон. Этот третий этап также представляется мне достижимым, так как, на мой взгляд, на всем отрезке от Балтийского до Черного моря и на Дальнем Востоке нет каких-либо внешнеполитических противоречий, которые исключали бы возможность подобного урегулирования отношений между двумя странами. Сюда следует добавить то общее, что существует, при всем различии мировоззрений, в идеологии Германии, Италии и Советского Союза: враждебное отношение к капиталистическим демократиям. У нас, так же как и у Италии, мало общего с капитализмом Запада. Поэтому мне кажется довольно-таки парадоксальным, что социалистическое государство Советский Союз именно сейчас хочет встать на сторону западных демократий.

2. Астахов, активно поддержанный Бабариным, определил путь сближения с Германией как отвечающий интересам обеих стран. Однако он подчеркнул, что возможны только медленные и постепенные темпы сближения. Национал-социалистическая внешняя политика поставила Советский Союз перед лицом чрезвычайной угрозы. Мы нашли точное понятие для определения нашей нынешней политической ситуации: окружение. Именно так определялась для Советского Союза политическая ситуация после сентябрьских событий прошлого года. Астахов упомянул антикоминтерновский пакт и наши отношения с Японией, далее Мюнхен и достигнутую нами там свободу действий в Восточной Европе, дальнейшие последствия которой могут быть направлены против Советского Союза. Мы же считаем Прибалтийские государства и Финляндию, а также Румынию сферой наших интересов, что усиливает у советского правительства ощущение угрозы. В Москве не могут поверить в резкое изменение немецкой политики в отношении Советского Союза. Можно ожидать лишь постепенных перемен.

3. В своем ответе я указал на то, что за это время германская политика на Востоке претерпела изменения. У нас не может быть и речи об угрозе Советскому Союзу; наши цели имеют другое направление. Молотов в своей последней речи сам назвал антикоминтерновский пакт камуфляжем коалиции, направленной против западных демократий. Он знаком с данцигским вопросом и со связанным с ним польским вопросом. Я вижу здесь все, что угодно, только не противоречие германских и советских интересов. Наши пакты о ненападении и сделанные в связи с этим предложения достаточно ясно показали, что мы уважаем независимость Прибалтийских государств и Финляндии. У нас прочные дружественные отношения с

[8] Ресторан в Берлине.

Японией, во они не направлены против России. Германская политика направлена против Англии. Это – самое главное. Я мог бы показать, как уже говорилось выше, широкомасштабное равновесие обоюдных интересов, учитывающее жизненно важные для русских вопросы. Но эта возможность будет исключена в тот самый момент, когда Советский Союз, подписав договор, встанет на сторону Англии против Германии. Только по этой причине я возражаю против того, что взаимопонимание между Германией и Советским Союзом можно достигнуть лишь медленными темпами. Сейчас момент подходящий, но не после заключения договора с Лондоном. Об этом должны поразмыслить в Москве. Что Англия может предложить России? В лучшем случае, участие в европейской войне и враждебность Германии, но вряд ли хоть одну заманчивую для России цель. А что, напротив, можем предложить мы? Нейтралитет и неучастие в европейском конфликте, и, если Москве будет угодно, германское соглашение по урегулированию взаимных интересов, которые, как и в прежние времена, будут полезны обеим странам.

4. В дальнейшем Астахов опять вернулся к вопросу о Прибалтийских странах и спросил, нет ли у нас там других, далеко идущих политических целей помимо экономического проникновения. Так же сильно его занимал и румынский вопрос. Про Польшу он сказал, что Данциг так или иначе отошел бы к рейху, и что вопрос о коридоре тоже нужно как-нибудь решить в пользу рейха. Он задал вопрос, не отойдут ли к Германии также бывшие австрийские территории, особенно территории Галиции и Украины. Описывая наши торгово-политические отношения с Прибалтийскими государствами, я ограничился тем, что сказал, что из всего этого никак не вытекает противоречие германо-русских интересов. В остальном же решение украинского вопроса показало, что мы не стремимся ни к чему такому, что угрожало бы Советскому Союзу...

После рассуждений русских у меня сложилось впечатление, что в Москве еще не приняли никакого решения,.. которое в конце концов примут. О состоянии и перспективах переговоров по договору с англичанами русские отмолчались. По всему кажется, что пока Москва придерживается тактики оттягивания и затягивания для того, чтобы отложить принятие решений, значимость которых они полностью осознают...

ADAP. Bd. VI, S. 846–849.

ПИСЬМО ВРЕМЕННОГО ПОВЕРЕННОГО В ДЕЛАХ СССР В ГЕРМАНИИ Г. А. АСТАХОВА ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР В. П. ПОТЕМКИНУ 27 ИЮЛЯ 1939 ГОДА

1. В этой почте Вы найдете записи моих бесед со Шнурре, в которых последний, помимо постановки тех или иных конкретных вопросов, всячески пытается уговорить нас пойти на обмен мнениями по общим вопросам советско-германского сближения. При этом он ссылается на Риббентропа как инициатора подобной постановки вопроса, которую будто бы разделяет и Гитлер. Как Вы помните, примерно то же, но в более осторожной и сдержанной форме, мне говорили Вайцзекер и Шуленбург.

Мотивы подобной тактики немцев ясны, и мне вряд ли стоит подробно останавливаться на этом. Не берусь я также и формулировать какое-либо свое мнение по этому вопросу, так как для этого надо быть в курсе деталей и перспектив наших переговоров с Англией и Францией (о каковых мне известно лишь из газет). Во всяком случае, я мог бы отметить, что стремление немцев улучшить отношения с нами носит достаточно упорный характер и подтверждается полным прекращением газетной и прочей кампании против нас. Я не сомневаюсь, что если бы мы захотели, мы могли бы втянуть немцев в далеко идущие переговоры, получив от них ряд заверений по интересующим нас вопросам. Какова была бы цена этим заверениям и на сколь долгий срок сохранили бы они свою силу, это, разумеется, вопрос другой.

Во всяком случае, эту готовность немцев разговаривать об улучшении отношений надо учитывать и, быть может, следовало бы несколько подогревать их, чтобы сохранять в своих руках козырь, которым можно было бы в случае необходимости воспользоваться. С этой точки зрения было бы, быть может, нелишним сказать им что-либо, поставить им ряд каких-нибудь вопросов, чтобы не упускать нити, которую они дают нам в руки и которая, при осторожном обращении с нею, нам вряд ли может повредить...

АВП СССР, ф. 082, оп. 22, п. 93, д. 6, лл. 122–123.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ ЛОРДА КЕМСЛИ С ГИТЛЕРОМ В БАЙРЕЙТЕ 27 ИЮЛЯ 1939 ГОДА

Д-р Дитрих [9] начал беседу, объяснив г-ну Гитлеру причину визита лорда Кемсли [10] в Германию. Г-н Гитлер ответил, что надеется, что из этого получится что-нибудь хорошее, так как он лично всегда относился к Британии только дружески. В этой связи он сослался на многочисленные дружественные упоминания о Британии в своей речи 28 апреля. Лорд Кемсли подчеркнул, что ему доставит большое удовольствие, если результатом его визита будет улучшение взаимопонимания между двумя странами.

Лорд Кемсли отметил, что конкуренция между газетами Ротермира и его собственными может быть сопоставлена с нынешним положением между Англией и Германией. Эта баталия стоила одной стороне более 4 млн. фунтов стерлингов, а другой – 2,75 млн. фунтов стерлингов. Конфликт был очень острым, и конкуренты извне следили за ним внимательно в надежде, что откроется великолепная возможность для третьей стороны вмешаться. В конечном итоге благодаря вмешательству друга, который очень хорошо знал обе стороны, конфликт завершился. Хотя оба концерна поддерживали с тех пор дружественные отношения, конкуренция между ними была столь же острой, что и прежде, но она не выходила за рамки закона, и ни одна из сторон не пользовалась неправедным преимуществом.

Г-ну Гитлеру понравилась аналогия и он подчеркнул, что боится, что мы сползаем к войне. По его мнению, несколько месяцев назад в Германии за ним стояло чуть более 90% жителей, но в результате заключенных Англией договоров меньшинство присоединилось к нему и сейчас он опирается на все 80 млн. немцев. В сентябре у него будет мобилизовано 2 млн. человек, кроме того он будет располагать очень крупными военно-воздушными силами.

Лорд Кемсли отметил, что сейчас все привыкли к гигантским цифрам. «В конечном итоге, мы в Англии выделяем на вооружения 730 млн. фунтов стерлингов, и, несомненно, в результате таких грандиозных расходов мы должны продемонстрировать что-то значительное».

Г-н Гитлер заявил, что предстоящая война будет сильно отличаться от последней, что касается Германии, тем, что сейчас нет Бетман-Гольвега [11]. Далее он указал, что считает, что Германия победит, но, с другой стороны, он был вполне уверен, что лорд Кемсли скажет, что победит Британия. Но действительная суть дела состоит в том, что, какая бы сторона ни победила, действительной победы не будет. Оба соперника будут ослаблены настолько, что это откроет великолепные возможности для Японии.

Лорд Кемсли указал, что он – владелец большого количества газет в Англии и что он использовал все свое влияние для последовательной поддержки премьер-министра. Он встречался с Чемберленом вскоре после его возвращения из Мюнхена и был абсолютно убежден, что тот придавал громадное значение документу, подписанному им и г-ном Гитлером. Он рассматривал мюнхенское соглашение не

---

[9] О. Дитрих – имперский пресс-шеф.

[10] Лорд Кемсли – владелец крупнейшего английского газетного концерна.

[11] Т. Бетман-Гольвег – рейхсканцлер Германии в 1909–1917 годах.

только как решение судетского вопроса, но и как предвестие иных отношений с Германией в будущем.

По мнению лорда Кемсли, ни одна из групп английского населения не имела намерения вооружаться для нападения на Германию. Но он полагает, что, если премьер-министр сочтет, что Германия сделала нечто настолько серьезное, что подорвет безопасность в мире, и заявит в парламенте, что он решил объявить войну Германии,– весь этот форум поднимется в его поддержку. Но тем не менее верно, если премьер-министр объявит, что он заключил соглашение с Германией, на которое он может полностью положиться, весь парламент проявит такой же энтузиазм. Он считает, что фактором, который повлечет за собой наиболее значительный психологический эффект, будет сокращение вооружений. Однако нет смысла говорить сегодня о полном разоружении.

Лорд Кемсли также указал, что народ Англии продемонстрировал свою готовность принести любую жертву, какова бы ни была цена.

Г-н Гитлер говорил о силе оппозиции премьер-министру, и в особенности указал на Уинстона Черчилля и его ораторские способности. Лорд Кемсли ответил, что, по его мнению, за границей уделяют значительно больше внимания оппозиции, чем в Англии. Хотя он в полной мере отдавал должное Уинстону Черчиллю за его способности писателя и оратора, он напомнил г-ну Гитлеру, что Черчиллю по меньшей мере четырежды не везло в его кампаниях в прошлом с момента отречения короля Эдуарда VIII.

Лорд Кемсли заявил, что он не дипломат, не политик, а владелец газет и деловой человек. Он сказал, что если подобная ситуация возникнет в бизнесе, он, несомненно, будет искать возможности для принятия каких-либо мер. Если бы не Чехословакия, его первой мыслью было бы: нельзя ли организовать встречу между г-ном Гитлером и Чемберленом?

Что касается Чехословакии, заявил г-н Гитлер, то невозможно допустить, чтобы эта страна была острием копья, направленного в сердце Германии. Он подчеркнул, что весьма исчерпывающе рассмотрел этот вопрос в речи 28 апреля. Поскольку все, что он делал, не противоречило британским интересам, он не видит никакого основания для английского вмешательства. Он считает, что отношение Великобритании к Польше и т. д. было крайне несправедливым и неразумным. И Британия заключила пакт с Польшей именно тогда, когда Германия собиралась подписать специальное торговое соглашение.

Германия более или менее сама обеспечивает себя, но как страна с 80 млн. жителей и она нуждается во внешней торговле. В настоящий момент это невозможно.

Далее он сказал, что все страны, даже такие маленькие, как Бельгия и Голландия, имели колонии, и смешно, что такая крупная страна, как Германия с ее 80 млн. жителей, их не имела. Они должны иметь колонии. Они предпочли бы те, которыми ранее обладали, но это было бы не столь существенным, если они будут иметь хоть какие-нибудь колонии. Он упомянул о переговорах Вольтата–Хадсона, которые его не интересовали, поскольку деньги Германии не были нужны. Им также нужна отмена Версальского договора. В ответ на вопрос лорда Кемсли, есть ли у г-на Гитлера какие-либо соображения по улучшению взаимопонимании, последний предложил изложить каждой стране свои требования на бумаге, а это может дать возможность начать дискуссию. Г-н Гитлер далее подчеркнул, что им нужны: а) колонии и б) отмена Версальского договора.

Интервью завершилось выражением удовлетворения со стороны г-на Гитлера тем, что лорд Кемсли будет обедать с д-ром Геббельсом, и лорд Кемсли отбыл с недвусмысленным ощущением того, что фюрер считал себя сделавшим решительный шаг.

PRO PREM 1/322, pp. 40–43.

ТЕЛЕГРАММА НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР В. М. МОЛОТОВА ВРЕМЕННОМУ ПОВЕРЕННОМУ В ДЕЛАХ СССР В ГЕРМАНИИ Г. А. АСТАХОВУ 28 ИЮЛЯ 1939 ГОДА

Ограничившись выслушиванием заявлений Шнурре и обещанием, что передадите их в Москву, Вы поступили правильно.

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 295, д. 2038, л. 93.

ИЗ ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА Х. Л. ИСМЕЯ [12] О ЕГО БЕСЕДАХ В ПАРИЖЕ 29 ИЮЛЯ 1939 ГОДА

...IV. Штабные переговоры с Россией

Генерал Жамэ [13] предположил, что мне было бы целесообразно побеседовать с генералом Думенком [14], возглавляющим французскую миссию на штабных переговорах с Россией. Я принял это предложение, и вскоре генерал Думенк, который был занят с г-ном Даладье [15], присоединился к нам.

2. Генерал Думенк уже ознакомился с предложением, содержащимся в телеграмме Форин оффис, переданной в Париж в пятницу 28 августа [16] относительно состава британской миссии и расписания [переговоров]; он полностью согласен с ними, однако они с генералом Жамэ считают, что было бы лучше, если бы британская миссия присоединилась к своим французским коллегам в Париже в среду 2 августа, а не французская миссия прибыла в Англию в тот же день. Я предположил, что это зависит от того, будут ли миссии путешествовать по морю, суше или по воздуху, и спросил, каково мнение на этот счет генерала Думенка. Он тут же сказал, что предпочитает выехать поездом из Парижа в Москву, поскольку это самый быстрый и удобный маршрут. В ответ на мой вопрос он признал, что поездка примерно 16 или 17 французских и британских офицеров через Германию может произвести нежелательное впечатление, но добавил довольно убедительно, что сейчас повсюду разъезжает много «туристов». Секретные документы, предложил он, можно отправить в Москву диппочтой.

3. Мое предложение, что путешествие самолетом, если его удастся организовать, было бы таким же быстрым и не таким неудобным, не встретило одобрении. Я не стал настаивать.

4. Я сразу же сообщил о вышеупомянутой беседе м-ру Кэмпбеллу [17], и мы решили немедленно телеграфировать в Форин оффис о ее содержании.

5. Позднее в тот же день генерал Гамелен [18] в ходе нашей с ним беседы по собственной инициативе заметил, что его бы устроило, если бы правительство Его Величества предпочло, чтобы миссии отправились по воздуху или морем, но никак не выразил своего отношения к предложению генерала Думенка ехать поездом. В тот же вечер я сообщил м-ру Кэмпбеллу о замечании генерала Гамелена, и он немедленно телеграфировал эту информацию в Форин оффис.

6. Незадолго до полуночи мне позвонили из посольства, сказав, что для меня только что получена чрезвычайно срочная телеграмма, которая в данный момент расшифровывается. Я немедленно оделся и прибыл в посольство, где узнал, что телеграмма предписывала мне дать знать французам, что наша миссия не сможет прибыть в Париж раньше четверга. Я подумал, что генерал Жамэ вряд ли бу-

---

[12] Генерал Х. Исмей – секретарь Комитета имперской обороны Великобритании.

[13] Генерал Жамэ – заместитель начальника генерального штаба французской армии.

[14] Ж. Думенк – глава французской военной миссии на переговорах в Москве в августе 1939 года.

[15] Э. Даладье – премьер-министр Франции.

[16] В тексте ошибка. Имеется в виду 28 июля.

[17] Р. Кэмпбелл – посол Великобритании во Франции.

[18] М. Гамелен – начальник генерального штаба французской армии.

дет призпателен мне, если и разбужу его, чтобы сообщить эту новость; на следующий день мне не удалось связаться с ним лично. Но я оставил записку у дежурного офицера в Высшем совете национальной обороны.

7. Мнение посла Его Величества в Берлине относительно идеи о поездке миссий в Москву поездом через Германию еще не было известно, когда я покинул Париж.

8. В конце моей беседы с генералом Гамеленом генерал Жамэ спросил, может ли он дать мне копию «директивы», которой генерал Думенк должен руководствоваться на переговорах с Россией. Генерал Гамелен сказал: «Конечно. Нам нечего скрывать от друзей», и после того как мы вернулись в его кабинет, генерал Жамэ дал мне копию этого документа, предусмотрительно удалив его заголовок и окончание, чтобы скрыть название учреждения.

9. Документ поражает тем, что составлен в столь общих выражениях, что практически бесполезен в качестве инструкции: он посвящен тому, что французы хотят от русских, и не проливает света на то, что сами французы собираются делать. Когда я заметил генералу Жамэ, что русские, вероятно, захотят задать коекакие вопросы относительно вклада французов и британцев, он улыбнулся и пожал плечами. Должен отметить, что я попытался узнать у генерала Думенка, что он намерен отвечать, если русские потребуют информацию о том, что французы собираются делать, и как много сведений он предполагает им сообщить. Он ответил: «Очень мало. Я буду просто слушать».

10. Я распорядился чтобы директиву французского правительства генералу Думенку размножили, и направлю копии трем начальникам штабов.

11. В то же время вся программа и расписание [переговоров] зависят от решения о том, каким образом миссии будут добираться до Москвы. Такое решение должно быть принято как можно скорее.

PRO FO 371/23072, pp. 37–39.

ДИРЕКТИВА ИМПЕРСКОГО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ФОН РИББЕНТРОПА ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛУ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ 3 АВГУСТА 1939 ГОДА

Сверхсрочно! Господину послу лично!

Вчера вечером я принял русского поверенного в делах, который перед тем находился в министерстве по другим делам. Я имел целью продолжить с ним известные Вам беседы, которые с моего согласия велись с Астаховым руководящими сотрудниками министерства. Я начал беседу с торговых переговоров, которые в настоящее время развиваются радующим образом, и охарактеризовал такое торговое соглашение как хороший этап на пути нормализации германо-русских отношений. Как известно, уже более полугода тональность нашей прессы в отношении России существенно изменилась. Я считаю, что при соответствующем желании русской стороны формирование наших новых отношений возможно при наличии двух предпосылок:

а) Невмешательство во внутренние дела другого государства (господин Астахов полагает, что на это он может согласиться сразу);

б) Отказ от политики, направленной против наших интересов. На это Астахов вполне однозначного ответа дать не мог, но высказал мнение, что его правительство желает проводить политику взаимопонимания с Германией.

Я продолжал, что наша политика подобна прямой линии, начертана на длительный срок, спешить нам некуда. Наша готовность в отношении Москвы налицо, дело только в том, по какому пути желают пойти те, кто находится у власти там. Если Москва встанет у нас на пути, мы знаем, как нам себя вести и как нам действовать; в противном случае – никаких проблем от Балтийского моря до Черного, которые не могли бы быть решены между нами, нет. Я сказал, что на Балтийском море есть место для обеих сторон и что русские интересы здесь никоим образом не должны сталкиваться с нашими. Что касается Польши, то мы следим

за дальнейшим развитием событий внимательно и с ледяным спокойствием. В случае польской провокации счеты с Польшей будут сведены в течение недели. По этому вопросу я сделал легкий намек на возможность договориться с Россией о судьбе Польши. Германо-японские отношения я обрисовал как хорошие и дружественные; отношения эти прочны. Однако насчет русско-японских отношений у меня имеются особые взгляды (под этим подразумевается modus vivendi между обеими странами на длительный срок).

Всю беседу я провел в непринужденном тоне и в заключение еще раз дал понять поверенному в делах, что в большой политике мы не действуем из тактических соображений, как это делают демократические державы. Мы привыкли строить свои планы на солидной основе, мы не нуждаемся в том, чтобы считаться с неустойчивым общественным мнением и не желаем никаких сенсаций. Но если мы не будем вести наши переговоры секретно, как они того заслуживают, их продолжение не состоится. Мы не подняли вокруг них никакого шума: решение, как уже сказано, в руках Москвы. Если к нашим соображениям там проявляют интерес, то господин Молотов вполне мог бы продолжить вскоре разговор с графом Шуленбургом (это уже опережено телеграммой № 164).

Дополнение для графа Шуленбурга:

Я вел беседу, не выказывая какой-либо поспешности. Поверенный в делах, казавшийся заинтересованным, со своей стороны неоднократно пытался конкретизировать разговор, на что я давал ему понять, что ни о какой конкретизации не может быть и речи, пока не будет официально сообщено о принципиальном согласии Советского правительства на формирование новых отношений. Если Астахов будет проинструктирован в этом духе, с нашей стороны интерес к быстрой конкретизации имеется. Это – исключительно для Вашей информации.

Риббентроп

ADAP. Bd. VI, S. 883–884.

ДОНЕСЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ СТАТС-СЕКРЕТАРЮ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ Э. ФОН ВАЙЦЗЕКЕРУ 14 АВГУСТА 1939 ГОДА

...Я все еще придерживаюсь мнения, что какого-либо ускорения развития наших отношений с Советским Союзом следовало бы избегать; это почти всегда будет оказывать вредное воздействие. Поэтому считаю весьма важным, чтобы напряженность в отношениях с советским посольством в Берлине ослаблялась постепенно.

В моей последней беседе с господином Молотовым имелись следующие главные пункты. Заявления о Прибалтике его до известной степени удовлетворили, но он желал знать, включаем ли мы в число данных стран и Литву. Мои высказывания по польскому вопросу тоже произвели на него сильное впечатление; за моими словами он следил с величайшим вниманием. Здесь, вероятно, ценно его замечание: «Выполнение германского желания, чтобы в польском вопросе рейху не было навязано никакого «решения», зависит в первую очередь от самой Германии». Господин Молотов явно хотел сказать этим то, что – как бы там ни было – вина пала бы на нас. Наконец – и это кажется мне важнейшим пунктом – господин Молотов потребовал, чтобы мы не поддерживали дальше японскую «агрессию». В данной взаимосвязи, пожалуй, небезынтересно, что один из сотрудников здешнего, по большей части хорошо информированного, посольства заявил одному из наших господ, что мы могли бы в любой момент опрокинуть британо-французские переговоры, если бы отказались от своей поддержки Японии, отозвали бы нашу военную миссию в Китае и поставили бы китайцам оружие. Боюсь, что эти американские идеи все же слишком оптимистичны и не могут быть запросто осуществлены, но у господина имперского министра, вероятно, есть свои собственные мысли по данному пункту. Ведь в этом направлении должно что-то произойти, если мы желаем продвинуться дальше.

Британская и французская военные миссии вот уже три дня находятся в

Москве. Насчет их прибытия Советы никакого большого «там-тама» не подняли. До сих пор состоялось лишь несколько совещаний военных, о содержании и результате которых пока ничего не известно...

ADAP. Bd. VII, S. 55–56.

ТЕЛЕГРАММА К. ШНУРРЕ ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛУ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ 14 АВГУСТА 1939 ГОДА

Астахов был в субботу у меня, чтобы сделать мне следующее заявление: Он получил от Молотова инструкцию заявить здесь, что с советской стороны проявляется интерес к уточнению отдельных обсуждавшихся групп вопросов. В качестве таких вопросов Астахов назвал, кроме повисших в воздухе экономических переговоров, в частности вопрос о прессе, культурное сотрудничество, польскую проблему, вопрос о старых германо-советских договорах. Но такое уточнение может быть произведено только постепенно или, как он выразился, поэтапно. Советское правительство предложило бы в качестве места для такого обсуждения Москву, поскольку Советскому правительству там значительно легче продолжать беседы. Во время этой беседы А[стахов] оставил открытым вопрос о том, кого именно представляют себе в Москве партнером по беседам – посла или же какое-либо другое лицо, которое будет прислано.

На мой вопрос, на каком же этапе сгруппировала советская сторона вопрос о Польше, А[стахов] ответил, что насчет последовательности обсуждения особых указаний не получил, но центр тяжести его инструкции лежит именно в слове «поэтапно»...

ADAP. Bd. VII, S. 48.

ИНСТРУКЦИЯ ИМПЕРСКОГО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛУ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ 14 АВГУСТА 1939 ГОДА

Прошу Вас посетить господина Молотова и сообщить ему следующее:

1. Противоречие в мировоззрении между национал-социалистической Германией и СССР было в прошедшие годы единственной причиной того, что Германия и СССР противостояли друг другу в двух раздельных и борющихся друг против друга лагерях. Ход развития в последнее время, как кажется, показывает, что различные мировоззрения не исключают разумных отношений между обоими государствами и восстановления нового хорошего сотрудничества. Период внешнеполитической враждебности мог бы тем самым быть законченным навсегда и стать путем в новое будущее для обеих стран.

2. Реальных противоречий в интересах между Германией и СССР не имеется. Хотя жизненные пространства Германии и СССР соприкасаются, но в своих естественных потребностях они не пересекаются. Тем самым заранее отсутствует всякая причина агрессивной тенденции одной страны против другой. Никаких агрессивных намерений против СССР Германия не имеет. Имперское правительство придерживается того мнения, что между Балтийским морем и Черным морем нет такого вопроса, который не мог бы быть урегулирован к полному удовлетворению обеих стран.

Сюда относятся такие вопросы, как: Балтийское море, Прибалтика, Польша, вопросы Юго-Востока и т. д. Сверх того, политическое сотрудничество обеих стран могло бы быть только полезным. Это касается также германской и советской экономик, которые могли бы дополнить друг друга в любом направлении.

3. Нет никакого сомнения в том, что германо-советская политика подошла ныне к историческому поворотному пункту. Политические решения, которые предстоит в ближайшие дни принять в Берлине и Москве, будут иметь решающее значение для формирования отношений между германским народом и народами СССР на многие поколения. От них будет зависеть, скрестят ли однажды вновь и без всякой причины оба народа свое оружие или вернутся к дружественным отношениям. Обеим странам в прошлом всегда было хорошо, когда они были друзьями, и плохо – когда они были врагами.

4. Правдой является то, что Германия и СССР в результате своей многолетней идеологической вражды сегодня не доверяют друг другу. Еще предстоит устранить много скопившегося мусора. Но следует констатировать, что в течение этого времени естественная симпатия немцев ко всему русскому никогда не исчезала. На этом можно заново строить политику обоих государств.

5. Имперское правительство и Советское правительство в соответствии с имеющимся опытом должны учитывать, что капиталистические западные демократии являются непримиримыми врагами как национал-социалистической Германии, так и СССР. Ныне они заключением военного союза снова пытаются втравить СССР в войну против Германии. В 1914 году эта политика имела для России плохие последствия. Настоятельный интерес обеих стран – на все будущие времена избежать растерзания Германии и СССР в интересах западных демократий.

6. Вызванное английской политикой обострение германо-польских отношений, а также английское подстрекательство к войне и связанные с этим стремления к союзу требуют быстрого выяснения германо-русских отношений. Иначе без германского содействия события могли бы принять такой оборот, который лишит оба правительства возможности возродить германо-советскую дружбу и в данном случае совместно разрешить территориальные вопросы в Восточной Европе. Поэтому руководство в обеих странах не должно допустить такого хода событий и вовремя активно вмешаться. Было бы роковым, если бы из-за взаимного незнания взглядов и намерений пути обоих народов окончательно разошлись. У Советского правительства, как нам сообщено, тоже имеется желание внести ясность в германо-советские отношения. Но поскольку, как свидетельствует предшествующий опыт, это может быть осуществлено по обычным дипломатическим каналам лишь медленно, господин и[мперский] м[инистр] и[ностранных дел] Р[иббентроп] готов прибыть в Москву с краткосрочным визитом, чтобы от имени фюрера изложить господину Сталину взгляды фюрера. Только в ходе личной беседы может быть, по мнению г[осподина] ф[он] Р[иббентропа], достигнуто изменение и возможность заложить при этом фундамент окончательного улаживания германо-русских отношений.

Дополнение: Прошу не передавать господину Молотову эту инструкцию в письменном виде, а дословно зачитать ее. Я придаю значение тому, чтобы она как можно точнее дошла до господина Сталина, и уполномочиваю Вас в данном случае по моему поручению просить господина Молотова об аудиенции у господина Сталина, чтобы Вы смогли сделать ему это важное заявление также непосредственно. Наряду с разговором с Молотовым предварительным условием моего визита была бы обстоятельная беседа со Сталиным. Риббентроп

ADAP. Bd. VII, S. 51–52.

ЗАПИСЬ ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ФОН ДЕР ШУЛЕНБУРГА СВОЕЙ БЕСЕДЫ С СОВЕТСКИМ КОМИССАРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ В. МОЛОТОВЫМ 15 АВГУСТА 1939 ГОДА [19]

Секретно!

Беседу с Молотовым 15 августа с. г. я начал с констатации, что согласно ставшим нам известными сообщениям Советское правительство проявляет интерес к продолжению политических обсуждений, но предпочитает вести их в Москве.

Молотов ответил, что это так.

Затем я зачитал господину Молотову содержание порученного мне сообщения,

[19] Записи бесед с немецкими представителями 15–24 августа, сделанные советской стороной, опубликованы в журнале «Международная жизнь» (1989, № 9).

немецкий текст которого абзац за абзацем сразу же переводился на русский язык. Я поставил Молотова в известность в о содержании дополнения к полученной мною инструкции. Мое сообщение, что в данном случае я по поручению господина имперского министра иностранных дел должен просить об аудиенции у господина Сталина, а также констатация, что наряду с разговором с Молотовым предпосылкой заявленного визита является обстоятельная беседа господина имперского министра иностранных дел со Сталиным, Молотов принял к сведению. На желание господина имперского министра иностранных дел, чтобы содержание инструкции было как можно точнее доложено Сталину, Молотов ответил жестом согласия.

Чтение инструкции Молотов слушал с напряженным вниманием и велел секретарю вести запись как можно точнее и близко к тексту.

Затем Молотов заявил, что ввиду важности моих сообщений он не может дать мне немедленный ответ, а должен сначала доложить [о них] своему правительству. Но уже сейчас он может заявить, что Советское правительство живо приветствует выраженное германской стороной намерение достигнуть улучшения отношений с Советским Союзом. Воздерживаясь от дальнейших сообщений, которые он сделает мне вскоре после ознакомления своего правительства, он желает высказать пока собственную точку зрения и сказать по поводу заявления германского правительства следующее.

Осуществление поездки господина имперского министра иностранных дел в Москву требует тщательной подготовки, чтобы намеченный обмен мнениями дал свой результат. В этой связи он попросил меня сообщить, соответствует ли фактам следующее.

Советское правительство в конце июня с. г. получило от своего поверенного в делах в Риме телеграфное донесение о его беседе с итальянским министром иностранных дел Чиано. В этой беседе Чиано сказал, что существует германский план, имеющий целью решительное улучшение германо-советских отношений. При этом Чиано упомянул следующие пункты данного плана:

1. Германия не имела бы ничего против того, чтобы повлиять на Японию в направлении улучшения отношений с Советским Союзом и ликвидации пограничных конфликтов.

2. Далее, обдумывается возможность заключить с Советским Союзом пакт о ненападении и о совместных гарантиях Прибалтийским государствам.

3. Германия готова к экономическому соглашению с Советским Союзом на широкой основе.

Содержание вышеназванных пунктов вызвало у Советского правительства большой интерес, и он, Молотов, охотно хотел бы знать, что в этом плане, который Чиано в вышеизложенной форме обрисовал советскому поверенному в делах, является истинным.

Я ответил, что сообщения Чиано основаны на докладе здешнего итальянского посла Россо, о чем уже слышали и мы. Содержание этого доклада в значительной своей части является комбинациями Россо.

На реплику Молотова, не высосал ли Россо свои сведения из пальца, я ответил, что это верно лишь отчасти. Мы действительно желали, как знает Молотов, улучшения германо-советских отношений и, конечно, задумывались над тем, как такого улучшения можно было бы достигнуть. Результат этих размышлений зафиксирован в переданных мною Молотову инструкциях и в заявлениях господина имперского министра иностранных дел, а также господина Шнурре господину Астахову.

Молотов ответил, что вопрос о том, правильно ли Россо информировал свое правительство, его больше не интересует. Советскому правительству в настоящее время важно прежде всего знать, существуют ли планы, аналогичные содержащимся в донесении Россо, или нечто подобное, и занимается ли еще германское правительство такими соображениями. Он, Молотов, после ознакомления с сообщением из Рима, не нашел в нем ничего невероятного. Советское правительство в самые последние годы находилось под впечатлением, что германское правительство не имеет никакого желания достигнуть улучшения отношений с Советским Союзом. Теперь дело обстоит по-другому. Из бесед, состоявшихся в последние недели, Советское правительство вынесло убеждение, что германское правительство действительно имеет серьезные намерения достигнуть улучшения отношений с Советским Союзом. Сегодняшнее заявление, которое выражает это желание особенно четко и ясно, он считает решающим. Что же касается Советского правительства, то оно всегда приветствовало хорошие отношения с Германией и радуется тому, что это отныне имеет место и у германской стороны. Действительно ли германская сторона имела в виду те детали, которые содержатся в сообщении Россо, решающего значения не имеет. У него, Молотова, сложилось впечатление, что в этом много истинного, поскольку эти мысли развиваются в том же направлении, что и возникшие несколько месяцев назад у германской стороны. Он с удовлетворением констатирует, что экономические переговоры в Берлине продвигаются вперед и явно приближаются к благополучному завершению.

Я заметил, что ход экономических переговоров удовлетворяет и нас, и спросил, как он представляет себе дальнейший modus procedendi в обсуждении политических вопросов.

Молотов повторил, что его прежде всего интересует ответ на вопрос, есть ли у германской стороны желание конкретизировать пункты, содержащиеся в донесении Россо. Так, например, Советское правительство хотело бы знать, видит ли Германия реальные возможности воздействовать на Японию в смысле улучшения ее отношений с Советским Союзом. «Как обстоит, далее, дело с идеей заключения пакта о ненападении? Симпатизирует ли германское правительство этой идее или же она подробно еще не обсуждалась?» – дословно добавил Молотов.

Я ответил: что касается отношений с Японией, то господин имперский министр иностранных дел уже сказал господину Астахову, что на сей счет у него есть особые взгляды. Из чего вполне можно заключить, что господин имперский министр иностранных дел готов обратить внимание и на этот вопрос, учитывая его значительное влияние на японское правительство.

Молотов сказал, что все это его очень интересует, и вставил здесь реплику: Чиано заявил советскому поверенному в делах, что полностью поддерживает идеи донесения Россо. Он продолжал: в связи с намеченной поездкой господина имперского министра иностранных дел в Москву Советскому правительству важно получить ответ на вопрос, готово ли германское правительство заключить с Советским Союзом пакт о ненападении или нечто аналогичное. Ранее речь шла об «оживлении и освежении прежних договоров».

Я подтвердил господину Молотову, что мы действительно думали о новом подходе к положению вещей – в форме привязки к прошлому или же, как в данном случае, на новой основе. Затем я спросил, могу ли я понять его так, что выдвинутые им вопросы должны послужить предметом московских обсуждений господина имперского министра иностранных дел и что он сообщил мне их только для того, чтобы я подготовил господина имперского министра иностранных дел к этим вопросам.

Молотов ответил, что по вопросу о приезде господина имперского министра иностранных дел он мне еще даст дополнительный ответ. Но ему кажется, что для этой поездки необходимо предварительное выяснение и подготовка определенного круга вопросов, чтобы не ограничиться в Москве только разговорами, а принять решение. Он вполне сознает обоснованность моей ссылки на то, что желательно быстрое их выяснение. Он тоже считает, что следует поспешить, чтобы не быть поставленными ходом развития перед свершившимися фактами. Поэтому он должен повторить, что если германское правительство относится к идее заключения пакта о ненападении позитивно и если мое сегодняшнее заявление включает эту или подобную идею, то по этому вопросу надо сначала провести конкретные переговоры. Он просит меня уведомить об этом мое правительство.

ADAP. Bd. VII, S. 72–75.

ДИРЕКТИВА ИМПЕРСКОГО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛУ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ 18 АВГУСТА 1939 ГОДА

Прошу Вас еще раз добиться немедленной беседы с господином Молотовым и использовать все имеющиеся средства для того, чтобы беседа эта состоялась без всякого промедления. Во время этой беседы прошу говорить с господином Молотовым, имея в виду следующее:

Имперское правительство с большим удовлетворением восприняло из его последнего заявления позитивное отношение Советского правительства к формированию новых германо-русских отношений. Разумеется, и мы тоже при нормальных условиях были бы согласны подготовить и обычным путем осуществить новое урегулирование германо-русских отношений. Но нынешнее положение делает необходимым, на взгляд фюрера, использовать другой метод, который быстрее приведет к цели. По его словам, мы должны считаться с тем, что в любой день могут произойти инциденты, которые сделают неизбежным открытый конфликт [с Польшей]. Судя по поведению польского правительства, развитие событий в этом направлении находится не в наших руках. Фюрер считает необходимым во время выяснения германо-русских отношений не дать застигнуть себя врасплох началом германо-польского конфликта. Он считает их предварительное выяснение необходимым для того, чтобы в случае конфликта учесть русские интересы, а без такого выяснения сделать это было бы, разумеется, тяжело.

Сделанное господином Молотовым заявление...* ссылается на Ваше первое сообщение от 15 августа. В моей дополнительной инструкции об этом сообщении ясно сказано, что мы полностью согласны с идеей пакта о ненападении, гарантирования Прибалтийских государств и оказания влияния на Японию. Таким образом, все конструктивные элементы для немедленного начала прямых устных переговоров и для окончательной договоренности имеются.

В остальном Вы можете упомянуть, что названный господином Молотовым первый этап, а именно, завершение переговоров о новом германо-русском экономическом соглашении, на сегодня осуществлен, так что следовало бы приступить ко второму.

Поэтому мы просили бы [Советское правительство] немедленно сообщить о позиции, занятой им по отношению к предложенной в дополнительной инструкции моей немедленной поездке в Москву. Прошу при этом добавить, что я прибыл бы с генеральными полномочиями от фюрера, которые уполномочивают меня исчерпывающим и завершающим образом урегулировать весь комплекс вопросов.

Что же касается прежде всего пакта о ненападении, то для нас этот вопрос настолько прост, что не требует никаких долгих переговоров. Мы думаем здесь о следующих трех пунктах, которые я прошу господину Молотову зачитать, но в письменном виде не передавать:

Статья 1-я. Германский рейх и СССР ни в коем случае не прибегнут к войне или к другому виду применения силы друг против друга.

Статья 2-я. Этот договор вступает в силу немедленно после подписания и действует без дополнительного продления на срок 25 лет.

При этом прошу заметить, что я в состоянии (что касается данного предложения) при устных переговорах в Москве урегулировать все детали и в случае необходимости учесть русские интересы. Точно так же я в состоянии подписать специальный протокол, который урегулирует интересы обеих стран в тех или иных вопросах внешней политики, например, разграничение сфер интересов в районе Балтийского моря, вопрос о Прибалтийских государствах и т. п. Такое урегулирование, которое, как нам кажется, имеет большое значение, тоже возможно только в ходе устной беседы.

В связи с этим прошу подчеркнуть, что германская внешняя политика подошла сегодня к историческому повороту. Я прошу вести на сей раз беседу (не говоря уже о вышеизложенных статьях договора) не зачитывая данную инструкцию, а в духе предстоящих высказываний добиваться быстрого осуществления моей поездки и соответственно реагировать на все обновленные русские возражения. При этом Вы должны иметь в виду тот решающий факт, что быстрое возникновение открытого германо-польского конфликта является делом вероятным, и поэтому мы в огромнейшей степени заинтересованы в том, чтобы моя поездка в Москву состоялась немедленно.

Риббентроп

ADAP. Bd. VII, S. 100–102

* Так в тексте.

ТЕЛЕГРАФНОЕ СООБЩЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ В БЕРЛИНЕ 20 АВГУСТА 1939 ГОДА

После того как и в своей первой беседе с Молотовым, которая началась в 14 часов и продолжалась час, передал ему порученные мне сообщения, я все время старался убедить М[олотова] в том, что поездка господина имперского министра иностранных дел в Москву – единственное средство срочно добиться необходимого ускорения ввиду политического положения. М[олотов] признал позитивное значение предложенной поездки, подчеркнув, что Советское правительство понимает и ценит лежащее в ее основе намерение, однако настаивал на том, что пока невозможно даже приблизительно определить дату этой поездки, так как она требует основательной подготовки. Это относится как к пакту о ненападении, так и к содержанию подлежащего одновременному подписанию протокола. Германский проект пакта о ненападении отнюдь не является исчерпывающим; Советское правительство желает, чтобы в основу пакта о ненападении с Германией был положен один из тех пактов о ненападении, которые Советское правительство заключило с другими странами (например, с Польшей, Латвией, Эстонией и т. д.). Он предоставляет германскому правительству право выбора наиболее подходящего для него. Далее, весьма серьезным вопросом является содержание протокола, и Советское правительство ожидает, что германское правительство еще точнее выскажется насчет того, какие пункты должны быть включены в этот протокол. Советское правительство серьезно относится к договорам, которые оно заключает, соблюдает обязательства, которые на себя принимает, и ожидает того же от своих партнеров по договорам.

На мои повторно и с нажимом высказанные причины, требующие поспешить, М[олотов] возразил, что до сих пор не сделан даже первый шаг на пути заключения экономического соглашения. Сначала надо подписать и опубликовать торговое соглашение, которое должно оказать свое внешнеполитическое действие. А затем наступит очередь пакта о ненападении и протокола.

Мои возражения, как кажется, не произвели на М[олотова] никакого впечатления, так что первая беседа закончилась заявлением М[олотова] о том, что он сообщил точку зрения Советского правительства и больше ему добавить нечего.

Не прошло и получаса после этой беседы, как М[олотов] попросил меня снова посетить его в Кремле в 16 часов 30 минут.

Он извинился за то, что утруждает меня, и заявил: он доложил [о нашем разговоре] Советскому правительству и уполномочен передать мне проект пакта о ненападении. Что касается поездки господина имперского министра иностранных дел, то Советское правительство согласно с тем, чтобы господин Риббентроп прибыл в Москву примерно через неделю после подписания экономического соглашения; если сообщение об этом соглашении будет опубликовано завтра, господин Риббентроп может прибыть в Москву 26 или 27 августа. Причины такого внезапного изменения образа мыслей М[олотов] не назвал. Моя попытка склонить М[олотова] принять прежнюю дату поездки господина имперского министра иностранных дел, к сожалению, успеха не имела.

Текст проекта пакта о ненападении следует телеграфом.

Шуленбург

ADAP. Bd. VII, S. 124–125.

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ КАБИНЕТА МИНИСТРОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ 22 АВГУСТА 1939 ГОДА

3. Международное положение. Россия.

...Вначале военные переговоры проходили в очень дружеской атмосфере. Однако более недели назад Советское правительство запросило, сможем ли мы добиться разрешения Польши и Румынии на действия советских войск с территории этих стран в случае войны. В противном случае, по мнению Советского правительства, продолжать переговоры не имеет смысла. Маршал Ворошилов предложил, чтобы британское и французское правительства обратились по этому вопросу к польскому и румынскому правительствам. Было решено сначала обратиться только к польскому правительству. Начальник польского генерального штаба[20] на вопрос французов ответил, что вступление русских войск в Польшу спровоцирует объявление Германией войны. Британский посол в Варшаве и его военный атташе[21] в свою очередь запросили поляков, которые повторили свои возражения и отметили, что, по их мнению, целью русских является найти предлог, чтобы оккупировать польскую территорию. Полковник Бек, однако, сказал, что в случае начала войны позиция Польши может измениться. Позднее британский и французский военные атташе[22] вновь встретились с польским начальником генштаба, который, не отказываясь от своих возражений против вступления советских войск, сказал, что польский генеральный штаб готов обсудить меморандум о военном сотрудничестве с Советами на основе штабных переговоров в Москве. Французское правительство, видимо, истолковало это как разрешение дать маршалу Ворошилову в принципе положительный ответ на его вопрос, и г-н Даладье 21 августа дал французской миссии в Москве инструкцию сообщить об этом маршалу Ворошилову. Неизвестно, однако, был ли этот ответ действительно передан советским представителям.

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ сказал, что его просили санкционировать аналогичное заявление, но он счел неправильным давать такую санкцию. Министр иностранных дел сослался на телеграмму военной миссии за № 9, где указывалось, что французское правительство предписало генералу Думенку сообщить Советскому правительству следующий ответ Франции на вопрос Советов о праве на проход через польскую территорию: «Да, как только Польша окажется в состоянии войны с Германией». Его спрашивали, можно ли считать, что мы с этим согласны. Министр иностранных дел сказал, что он считал неправильным давать какой-либо ответ на этот вопрос. Он считает, что нам не следует этого делать до тех пор, пока мы не будем знать больше о действительном значении переговоров Германии с Советским правительством. В связи с этим утром сэру Уильяму Сидсу была отправлена телеграмма с предписанием встретиться с г-ном Молотовым и спросить о значении этих переговоров и о том, как они повлияют на наши отношения...

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ предположил, что нам, возможно, удастся извлечь выгоду из советско-германского пакта в связи с нашей дальневосточной политикой. Он, в частности, сослался на содержащееся в телеграмме № 359 из Вашингтона утверждение, что по мнению г-на Молотова условием для заключения соглашения с Германией должно быть прекращение любого прямого или косвенного поощрения агрессивных устремлений Японии на Дальнем Востоке.

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ согласился с этим. Он считает, что заключение пакта может также способствовать улучшению наших отношений с Испанией.

МИНИСТР ФИНАНСОВ[23] спросил, возможно ли продолжение военных переговоров в Москве, если подтвердятся сообщения прессы о том, что пакт о ненападении заключен.

[20] Генерал В. Стахевич.

[21] Х. Кеннард – посол Великобритании в Польше; Э. Суорд – военный атташе Великобритании в Польше.

[22] Ф. Мюсс – военный атташе Франции в Польше.

[23] Дж. Саймон.

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ сказал: если пакт о ненападении означает, что Россия обязуется соблюдать нейтралитет в войне, в которой участвует Германия, то, очевидно, продолжать военные переговоры бесполезно...

Отвечая на вопрос, министр иностранных дел сказал, что в Польше это[24] было воспринято как подтверждение их подозрений относительно России. Несомненно, это не сделает Польшу более склонной к принятию русской помощи. По его мнению, если германо-советский пакт и правда заключен, то само по себе это может быть не так уж важно. Тем не менее, моральный эффект от заключения подобного соглашения сейчас будет очень велик.

PRO CAB 23/100, pp. 317–321.

ИЗ ПРИЛОЖЕНИЯ К ПРОТОКОЛУ ЗАСЕДАНИЯ КАБИНЕТА МИНИСТРОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ 27 АВГУСТА 1939 ГОДА

Совершенно секретно

(Нижеследующее является записью всего сказанного в отношении г-на Д., посредника[25], на заседании кабинета, состоявшемся 27 августа. Данная запись охватывает высказывания, делавшиеся с перерывами в течение всего заседания.)

В начале заседания ПРЕМЬЕР-МИНИСТР попросил министра иностранных дел проинформировать коллег о том, что произошло в ходе переговоров, проведенных г-ном Д.

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ напомнил коллегам, что на предыдущем заседании он сообщил им о получении послания от гражданина нейтральной страны, который связан с фельдмаршалом Герингом и должен был возвратиться в Германию 26 августа. Он проконсультировался с премьер-министром и набросал подходящий письменный ответ для передачи фельдмаршалу Герингу через г-на Д.

Они полагали, что чрезвычайно важно выиграть время, и просили г-на Д. сообщить фельдмаршалу о нашем желании, чтобы урегулирование было достигнуто, и о том, что мы самым тщательным образом обдумаем послание г-на Гитлера[26]. Он добавил также, что нам не совсем ясен смысл некоторых важных деталей в письме г-на Гитлера, относительно которых нам несомненно даст консультацию сэр Невил Гендерсон[27]. Необходимо, чтобы тем временем ситуация на границах и в связи с меньшинствами стала более спокойной. Мы окажем влияние на поляков и надеемся, что фельдмаршал Геринг сделает все возможное, чтобы оказать сдерживающее влияние на другую сторону.

В ночь с субботы на воскресенье после полуночи от г-на Д. было получено телефонное сообщение, что он встретился с фельдмаршалом, который остался доволен посланием. Вначале немцы испытали потрясение от подписания англо-польского договора 25 августа, но теперь, после получения данного письма, они поняли, что необходимости в срочном возвращении сэра Невилв Гендерсона нет. Г-н Д. сказал, что утром он вернется с посланием от г-на Гитлера и фельдмаршала Геринга. Он прибыл в Кройдон в 2.30 и привез короткую запись своей беседы с г-ном Гитлером и фельдмаршалом Герингом. Министр иностранных дел прочел запись членам кабинета. Из записи беседы очевидно явствует, что фельдмаршал Геринг определенно восстановил свое влияние на г-на Гитлера. Ясно также, что у г-на Д. создалось впечатление, что г-н Гитлер выдвинул четкие мирные предложения по поводу Данцига и коридора. Г-н Гитлер сказал, что он очень хотел бы встретиться с двумя-тремя британскими представителями, бегло говорящими по-немецки, чтобы обсудить с ними эти проблемы.

[24] Имеется в виду сообщение о визите Риббентропа в Москву.

[25] Шведский промышленник Биргер Далерус.

[26] В тексте всюду «г-н» дается по-немецки.

[27] Н. Гендерсон – посол Великобритании в Германии.

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ сказал, что они с премьер-министром недвусмысленно дали понять г-ну Д., что для нас было бы нецелесообразным начинать с Германией обсуждение различных вопросов, затрагивающих англо-германские отношения, пока сохраняется возможность германского вторжения в Польшу и нашего вступления в войну с Германией. Мы также объяснили ему, что необходимы прямые переговоры между Германией и Польшей, и что для этого требуется доверие. В остальном, мы очень хотим достичь урегулирования с Германией.

Было установлено, что сэр Александр Кадоган подготовит черновые заметки, ставящие эти важнейшие вопросы, и после одобрения премьер-министром и им самим[28] они будут вручены г-ну Д., который должен тем же вечером возвратиться с ними в Германию...

На вопрос министра внутренних дел МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ответил, что польское правительство ничего не знает о г-не Д. Хотя он понимает риск, связанный с тем, что ведение переговоров через тайного посредника без извещения польского правительства может вызвать подозрения, он считает необходимым обеспечить абсолютную секретность во всем, что связано с этими переговорами.

МИНИСТР АВИАЦИИ[29] привлек внимание к словам фельдмаршала Геринга о том, что г-н Гитлер является великим человеком, но он не очень хорошо умеет вести переговоры. Он считает, что фельдмаршал Геринг хотел бы, чтобы ведение переговоров об урегулировании было поручено ему.

СЭР НЕВИЛ ГЕНДЕРСОН согласился, что когда переговоры будут близки к достижению соглашения, фельдмаршал Геринг хотел бы прибыть в Лондон для осуществления их заключительной стадии...

PRO CAB 23/100, pp. 398–399, 402.

ИЗ ЗАПИСИ ЗАМЕСТИТЕЛЯ СТАТС-СЕКРЕТАРЯ ХЕНКЕ БЕСЕДЫ ИМПЕРСКОГО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СО СТАЛИНЫМ И ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР МОЛОТОВЫМ, СОСТОЯВШЕЙСЯ В НОЧЬ С 23 НА 24 АВГУСТА 1939 ГОДА

Обсуждались следующие вопросы:

1) *Япония:*

Господин и[мперский] м[инистр] и[ностранных дел] сказал, что германо-японская дружба никоим образом не направлена против Советского Союза. Более того, благодаря нашим хорошим отношениям с Японией мы в состоянии содействовать компромиссу в противоречиях между Советским Союзом и Японией. В случае, если господин Сталин и Советское правительство того желают, господин и[мперский] м[инистр] и[ностранных дел] готов действовать в этом духе. Он соответствующим образом воздействовал бы на японское правительство и поддерживал бы контакт по данному вопросу с советско-русским представителем в Берлине.

Господин Сталин ответил, что хотя Советский Союз и желал бы улучшения отношений с Японией, но терпение в отношении японских провокаций имеет свои границы. Если Япония хочет войны, она ее получит. Советский Союз ее не боится и к этому подготовлен. Если же Япония хочет мира – тем лучше! Господин Сталин считает содействие Германии в улучшении советско-японских отношений полезным, но он не хотел бы, чтобы у японцев возникло впечатление, будто инициатива в этом вопросе исходит от Советского Союза.

Господин и[мперский] м[инистр] и[ностранных дел] согласился с тем, что его содействие могло бы означать продолжение тех переговоров, которые он вот уже ряд месяцев ведет с японским послом в духе улучшения советско-русско-японских отношений. Однако и с германской стороны тоже не было бы проявлено никакой инициативы в этом вопросе.

[28] То есть Галифаксом.

[29] Кингсли Вуд.

2) *Италия:*

Господин Сталин спросил господина и[мперского] м[инистра] и[ностранных дел] о его взглядах в отношении Италии. Имеет ли Италия, кроме аннексии Албании, дальнейшие притязания – может быть, на область Греции? Маленькая, гористая и малонаселенная Албания не имеет, по его мнению, для Италии никакого значения.

Господин и[мперский] м[инистр] и[ностранных дел] ответил, что Албания важна для Италии по стратегическим причинам. Впрочем, Муссолини – сильный человек, который не даст себя запугать. Это он оказал во время абиссинского конфликта, в котором Италия собственными силами добилась своих целей, выступая против вражеской коалиции. Германия же была тогда еще не в состоянии оказать Италии существенную поддержку.

Муссолини с воодушевлением приветствует восстановление дружественных отношений между Германией и Советским Союзом. Он выразил свою большую радость по случаю заключения пакта о ненападении.

3) *Турция:*

Господин Сталин спросил и[мперского] м[инистра] и[ностранных дел], что думает Германия насчет Турции.

Господин и[мперский] м[инистр] и[ностранных дел] высказал по этому вопросу следующее: еще несколько месяцев назад он заявил турецкому правительству, что Германия желает дружественных отношений с Турцией. Сам господин и[мперский] м[инистр] и[ностранных] д[ел] делал все для того, чтобы достигнуть этой цели. Ответом же было то, что Турция в качестве первой страны примкнула к фронту окружения против Германии и ни разу не сочла необходимым уведомить о том имперское правительство.

Господа Сталин и Молотов заметили по этому поводу, что и СССР тоже имеет негативный опыт в отношении колеблющейся турецкой политики.

Господин и[мперский] м[инистр] и[ностранных дел] упомянул далее, что Англия раздала в Турции 5 миллионов фунтов [стерлингов], чтобы раздуть пропаганду против Германии.

Господин Сталин полагал, что сумма, которой Англия купила турецких политиков, насколько ему известно, составляет гораздо больше 5 миллионов фунтов.

4) *Англия:*

Господа Сталин и Молотов неодобрительно высказались в отношении английской военной миссии в Москве, которая так ни разу и не сказала Советскому правительству, чего же она, собственно, хочет.

Господин и[мперский] м[инистр] и[ностранных дел] заявил в данной связи, что Англия постоянно делала и сейчас делает попытку помешать развитию хороших отношений между Германией и СССР. Англия слаба и хочет заставить воевать других за свои самонадеянные претензии на мировое господство.

Господин Сталин живо согласился с этим и заметил следующее: английская армия слаба, британский военно-морской флот своего прежнего значения уже не имеет. Воздушный флот хотя и находится в стадии формирования, но испытывает нехватку летчиков. Если же Англия тем не менее господствует в мире, то это – за счет глупости других стран, которые вновь и вновь поддаются на ее блеф. Просто смешно, к примеру, что несколько сот англичан занимают Индию.

Господин и[мперский] м[инистр] и[ностранных дел] согласился с этим и доверительно сообщил господину Сталину, что Англия на этих днях провела новый зондаж, связанный с определенными намеками на 1914 г. Речь идет при этом о типично английском, глупом маневре. Господин и[мперский] м[инистр] и[ностранных дел] предложил фюреру сообщить англичанам, что на любое враждебное британское действие в случае германо-польского конфликта Германия ответит воздушной бомбардировкой Лондона.

Господин Сталин заметил, что при этом зондаже речь явно идет о письме Чемберлена фюреру, которое посол Гендерсон передал 23.VIII в Оберзальцберге. Господин Сталин высказал мнение, что Англия, несмотря на свою слабость, вела бы войну хитро и упорно...

ADAP. Bd. VII. S. 189–190.

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В НОВОМ ОСВЕЩЕНИИ

«ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ»: ИДЕОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

В. П. Булдаков, В. В. Кабанов

«Военный коммунизм» оказал определяющее влияние на развитие советского общества; не будет преувеличением сказать, что в нем были смоделированы последующие трагические страницы нашей истории, заложены основы не изжитой до сих пор командно-административной системы.

Неудивительно, что на протяжении десятилетий наша историография всячески идеализировала «военный коммунизм». Были отодвинуты на задний план идеологический и социокультурный его аспекты, особым образом приукрашены его последствия. Политика «военного коммунизма» была сведена к ряду исключительно вынужденных, главным образом чисто экономических мер, обусловленных интервенцией и гражданской войной. Подчеркивались плавность и постепенность введения «военного коммунизма». Преувеличивались элементы «невоенно-коммунистического» характера на всем протяжении его существования. Наконец, создавалось представление, что от основных элементов «военного коммунизма» (продразверстка, централизация управления национализированной промышленностью, насильственная кооперация, уравнительное распределение, натурализация заработной платы, милитаризация труда) удалось избавиться одним росчерком пера, без всяких негативных последствий при переходе к нэпу.

Итак, «военный коммунизм» связывался с «оборонительной» гражданской войной, а не с наступательной психологией мировой революции, при этом подчеркивались «конструктивные» аспекты его политики. Эта историографическая операция была частью более общей идеологической акции: доказательства правильности курса на строительство социализма «в одной, отдельно взятой стране».

Ложный историографический стереотип породил в современном общественном сознании достойную его идейную реакцию. «Военный коммунизм» часто рассматривается теперь как серия «злонамеренных» акций, направленных против крестьянства с целью его пролетаризации. В действительности все было гораздо сложнее, именно поэтому последствия «военного коммунизма» оказались столь серьезными.

«Военный коммунизм» требует радикального переосмысления [1]. Необходимо выявить весь комплекс его реальных, прежде всего идеологических, правовых и социокультурных истоков. И поскольку предшествующая историография создала тупиковую ситуацию в изучении этого феномена, начинать приходится с самого элементарного.

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.
КАБАНОВ Владимир Васильевич – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

[1] Лишь относительно недавно были сделаны некоторые шаги в этом направлении. Е. Г. Гимпельсов признал наличие в политике «военного коммунизма» элементов неоправданного форсирования темпов социально-экономических преобразований (см. Гимпельсон Е. Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М. 1973), а Е. А. Амбарцумов первым осмелился заявить об элементах утопизма, обусловивших это явление (см. Амбарцумов Е. А. Анализ В. И. Лениным причин кризиса 1921 г. и путей выхода из него.– Вопросы истории, 1984, № 4). Этого явно недостаточно. Еще в 1974 г. венгерский исследователь Л. Самюэли доказывал, что «военный коммунизм» не был обусловлен исключительно условиями гражданской войны, а имел под собой мощную идейную подоплеку, восходящую к К. Марксу, Ф. Энгельсу и, особенно, К. Каутскому (см.: Szamuely L. First Models of the Socialist Economic Systems: Principles and Theories. Budapest. 1974, pp. 24–28).

О происхождении и сути термина. Наша историография пребывает в убеждении (или делает вид, будто его придерживается), что «историческая концепция» «военного коммунизма» была разработана В. И. Лениным. Это лишь отдаленно похоже на истину: впервые он употребил этот термин в апреле 1921 г. в статье со скромным названием «О продовольственном налоге», затем не вспоминал о нем около года. Но на XI съезде партии термин прозвучал в выступлениях В. М. Молотова, Е. А. Преображенского, Л. Д. Троцкого, Б. Д. Рязанова [2]. С чем это было связано? Нам представляется, что налицо была форма идейного утверждения нэпа, включавшая в себя элемент оправдания перед лицом трагических последствий (антоновщина, Кронштадт) всего предыдущего политического курса. В этом историческом контексте никакой общетеоретической нагрузки термин «военный коммунизм» не нес, ибо какой же политик станет создавать «концепцию» своего столь явно обнаружившегося стратегического просчета? Употребленный тогда термин «военный коммунизм» содержал не более «методологического» смысла, чем термин «застой», появившийся в связи с перестройкой. В связи с этим куда важнее обратить внимание на другое.

Термин «военный коммунизм» ввел в оборот вовсе не Ленин, а выдающийся марксистский теоретик А. А. Богданов еще до Октября 1917 года. Это понятие он связывал не с коммунизмом или социализмом, а с армией. Он обращал внимание на «врезающуюся в систему капитализма военно-коммунистическую организацию, ее рост и распространение с фронта на тыл». Сама по себе армия, считал Богданов, в любых условиях представляет собой «обширную потребительскую коммуну строения строго авторитарного». По его мнению, между социализмом и «военным коммунизмом» лежит пропасть: первый – это «товарищеская организация производства»; второй – «авторитарно-регулируемая организация массового паразитизма и истребления» [3].

Таким образом, можно констатировать, что гносеологически «военный коммунизм» не включал в себя ничего социалистического, напротив, был отрицанием духа социализма, черпающего свой импульс в демократии. Более того, он был связан с тем, что называлось государственно-монополистическим капитализмом. Несомненно, Ленин не мог не понимать всего этого и без знакомства с идеями отошедшего от политики своего бывшего соратника Богданова. «Военный коммунизм» использовался Лениным преимущественно как средство (что не мешало некоторым «левым коммунистам» видеть в нем цель).

В связи с этим нельзя считать случайностью, что в апреле 1921 г. Ленин обратил особое внимание на следующий факт: для значительной части большевиков переход от продразверстки к продналогу оказался непонятным. Многие, писал он, «представляют себе дело так, как будто бы переход был от коммунизма вообще к буржуазности вообще». На деле, доказывал Ленин, «продналог есть одна из форм перехода от своеобразного «военного коммунизма», вынужденного крайней нуждой, разорением

[2] XI съезд РКП(б). Стеногр. отч. М. 1961, с. 52, 80, 82, 133.

[3] Богданов А. А. Вопросы социализма. М. 1918, с. 76, 87.

и войной, к правильному социалистическому продуктообмену»[4]. Таким образом, по мнению Ленина, новая экономическая политика есть не отступление, как было понято многими, а, напротив, возвращение на естественную линию развития.

Теперь мы вплотную подошли к тому определению «военного коммунизма», которое предложил в той острой идейной обстановке Ленин. «Своеобразный «военный коммунизм» состоял в том,— пояснял он,— что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги»[5]. Ясно, что это — констатация лишь одной, чисто технической стороны дела. Ленин фактически ограничил «военный коммунизм» продразверсткой в том ее виде, в каком она сложилась на практике.

В конкретных условиях 1921 г. он сознательно предложил урезанное представление о «военном коммунизме». Этим, однако, воспользовалась наша историография, вознамерившаяся и на сей раз «улучшить историю». Но есть ли развернутая характеристика «военного коммунизма» у Ленина? Думаем, есть.

Обратимся к ленинскому проекту Программы партии, написанному уже в начале марта 1918 года. Ленин предлагал следующее: «Уничтожение парламентаризма,.. соединение законодательной и исполнительной государственной работы... Тесная связь (и непосредственная) с профессиями и с производительными — экономическими единицами (выборы по заводам, по местным крестьянским и кустарным округам)... социалистическая организация производства в общегосударственном масштабе: управляют *рабочие организации* (профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты и т. д.) под общим руководством Советской власти, единственно суверенной... сначала государственная монополия «торговли», затем замена, полная и окончательная, «торговли» — планомерно-организованным *распределением* через союзы торгово-промышленных служащих, под руководством Советской власти... Принудительное объединение *всего* населения в потребительско-производительные коммуны... Организация соревнования между различными (всеми) потребительско-производительными коммунами страны для неуклонного повышения организованности, дисциплины, производительности труда, для перехода к высшей технике, для экономии труда и продуктов, для постепенного сокращения рабочего дня до 6 часов в сутки, для постепенного выравнивания *всех* заработных плат и жалований во *всех* профессиях и категориях». Завершало эту серию сознательно изъятых нами из контекста формулировок предложение о необходимости неуклонных, систематических мер к «замене индивидуального хозяйничанья отдельных семей общим кормлением больших групп семей»[6]. Что же это, если не идеальный вариант «распределительного социализма», который легко трансформировался в «военный коммунизм»?

Похоже, что налицо план тотальной регламентации всей общественной жизни. Но не будем, подобно некоторым публицистам, спешить с выводами. В известном смысле этот проект можно рассматривать как «кибернетическую» модель общественного устройства, базирующуюся на мощной обратной связи, парализующую мертвящее воздействие государственных структур. Можно сказать также, что это не был план «огосударствленного» социализма, поскольку предполагалось, что государственная машина утратит свои традиционные характеристики. Следует также отметить, что этот план учитывал реалии многоукладности, переходный характер переживаемой эпохи и вовсе не отражал конечного социалистического идеала. Напомним, что еще до Октября Ленин категорически не соглашался с Бухариным, полагавшим, что сформулировать принципы социалистического устройства нетрудно. «Каков социализм будет, когда достигнет готовых форм,— мы этого не знаем, этого сказать не можем»[7],— считал Ленин. Так что же понимать под идеологией, столь легко трансформировавшейся в «военный коммунизм»?

В основе его лежала идеология «забегания вперед», характерная для всякой революции. Исторически же «военный коммунизм» обнаружил несостоятельность идеологии как в логическом, так и практическом отношении. Эта идеология была своеобразным продуктом всего тогдашнего менталитета. Мы же привыкли рассматривать «военный коммунизм» исключительно в контексте гражданской войны. Гражданская война, несомненно, вызывала необходимость чрезвычайных мер, но изобретены они были вовсе не большевиками, а правительствами стран — участниц первой мировой войны. Весьма основательно, считал Ленин, эти меры осуществляла Германия[8]. В чем они заключались? Это было общеизвестно: государственная монополия на важнейшие продукты питания и товары ширпотреба, их нормированное распределение, трудовая повинность, твердые цены, установление разверсточного метода отчуждения сельскохозяйственного продукта от сельского населения. Позднее Ю. Ларин прямо признал, что германский опыт «ставился на голову», «организационные формы господства буржуазного хозяйства» были превращены в орудие организационного утверждения диктатуры пролетариата[9].

Таким образом, революция, вскоре объявившая себя социалистической, использовала для самоутверждения формы управления, заимствованные у капитализма, находящегося в экстремальной ситуации. Но это было не просто вопросом технологии власти. В атмосфере революционного упоения известные методы трансформировались в утопию «пролетарско-натуральной» экономики[10]. И поскольку она проводилась в жизнь, «военный коммунизм» может рассматриваться как определенное состояние внутринационального общественного развития. Нельзя забывать и о том, что атмосфера «осажденной крепости» порождала особую, «армейскую» психологию. Сугубо штатский человек Троцкий, оказавшись во главе Красной Армии, договорился до того, что объявил милитаризацию наилучшим путем воспитания человека «новой культуры»[11]. «Военный коммунизм» неотделим от особого психологического состояния общества.

Но не тождествен ли в таком случае «военный коммунизм» всей социально-политической истории гражданской войны? Нам представляется, что следует учитывать и другие факторы. С одной стороны, «военный коммунизм» предопределен опытом государственного регулирования экономики в 1914—1917 гг., с другой — он был следствием утопических представлений о путях утверждения мировой революции.

Совершая переворот, большевики были убеждены, что открывают первый этап всемирной пролетарской революции, которая вот-вот грянет вслед за Октябрем и свергнет господство мирового капитала. Вывод о возможности мировой революции они делали из наличия общеевропейской революционной ситуации, отождествляемой с грядущим крахом капитализма. Считалось, что капитализм свою роль уже сыграл и создал все необходимые предпосылки для социалистического развития. Но (теперь это очевидно) империализм оказался не последней, завершающей, а, наоборот, одной из ранних стадий развития капитализма.

---

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43, с. 219.
[5] Там же, с. 219–220.
[6] Там же. Т. 36, с. 72, 74–75.
[7] Там же. Т. 36, с. 64, 65.
[8] См. там же. Т. 34, с. 179.
[9] Ларин Ю. Государственный капитализм военного времени в Германии (1914–1918 гг.). М.-Л. 1928, с. 5–6.
[10] См. Крицман Л. Героический период русской революции. М.-Л. 1926, с. 77.
[11] Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция. Т. 2, ч. 1. М. 1923, с. 127.

Надежды на мировую революцию порождали известную беззаботность взглядов на характер внутринациональных экономических преобразований, упование на помощь мирового пролетариата. Этот фактор предопределил то, что большевики с легкостью, граничившей с безрассудством, шли на применение чрезвычайных мер в экономической области. Именно такие настроения, в частности, лежали в основе «красногвардейской атаки на капитал».

Итак, что же считать «военным коммунизмом» в смысле теоретическом и конкретно-историческом? Несомненно, что «военный коммунизм» — это та организационная форма, в которой осуществляется неизбежное для всякой революции забегание вперед. В конкретных условиях России — это идеология и своеобразная эскалация чрезвычайных мер, призванная утвердить диктатуру пролетариата в стране с гигантским преобладанием мелкобуржуазного населения. Субъективно «военный коммунизм» был вызван к жизни стремлением новой власти продержаться до мировой революции; объективно он был предопределен задачей ликвидации гигантского разрыва между хозяйственными укладами города и деревни. Поскольку еще задолго до революции «ножницы» между городом и деревней лишили страну всяких перспектив хозяйственного прогресса, закономерно, что «пролетарское» наступление на крестьянство (в форме поиска классово приемлемого «союза» с основной его массой) стало наиболее острым проявлением политики «военного коммунизма».

Этапы и формы складывания «чрезвычайщины». Сегодня очевидно, что «военно-коммунистическое» забегание вперед мыслилось не в столь агрессивных формах. Новая власть, утвердившись на гребне народной стихии, отождествлявшей демократию с собственным «суверенитетом», не могла осуществить свою легитимизацию сразу. Сыграло свою роль и известное благодушие победителей. В любом случае, если даже гражданская война и началась 25 октября 1917 г., вести ее теми методами, которые лежали в основе представлений Богданова о «военном коммунизме», не было возможности. Поясним это, прибегнув к наиболее доступному источнику — произведениям Ленина.

После Октября Ленин первоначально исходил из того, что необходимо «предоставить полную свободу творчества народным массам», заявлял, что Россия вообще «выросла из того, чтобы кто-нибудь управлял ею», выражал «полную и искреннейшую готовность большевиков осуществлять коалицию с огромным большинством населения» [12]. Позднее акцент сместился на идею обучения масс путем участия в управлении государством [13], поскольку было подмечено, что уставшие, пауперизованные массы, включая питерский пролетариат, не готовы к решению этой задачи [14], а в целом «в мелкокрестьянской стране, только год тому назад свергнувшей царизм,.. осталось... немало стихийного анархизма, усиленного озверением и одичанием,.. создалось немало настроений отчаяния и беспредметного озлобления» [15]. Так восторжествовала психология управления сверху, продиктованная желанием «встать во главе истомленной и устало ищущей выхода массы» [16], воплотившаяся в идее отождествления общенародного управления с государственным [17]. «Задача социализма — переход всех средств производства в собственность всего народа, а вовсе не в том, чтобы суда перешли к судовым рабочим, банки к банковским служащим... Мы задачу, цель социализма видим в том, чтобы превратить землю, предприятия в собственность Советской республики» [18],— заявлял Ленин уже в начале марта 1918 года. Пройдет еще немного времени, и он без колебаний произнесет: «Революция... требует *беспрекословного повиновения* масс *единой воле* руководителей трудового процесса» [19]. Это был уже стиль «военного коммунизма». Его политика оказалась неотделимой от легитимизации насилия.

Борьба с контрреволюцией и саботажем очень скоро стала одним из важных направлений в деятельности новой власти. Пьяные погромы явились первым кошмарным символом разбуженной стихии. 6 декабря 1917 г. Комитет по борьбе с погромами ввел в Петрограде осадное положение. «Буржуазия идет на злейшие преступления, подкупая отбросы общества и опустившиеся элементы, спаивая их для целей погромов,— писал Ленин Ф. Э. Дзержинскому 7 декабря 1917 г., требуя скорейшей организации Всероссийской чрезвычайной комиссии при СНК по борьбе с контрреволюцией и саботажем.— ... Доходит дело даже до саботажа продовольственной работы, грозящего голодом миллионам людей» [20].

Очень скоро выяснилось, насколько легко в борьбе с погромщиками, саботажниками, контрреволюционерами переступить грань, отделяющую революционный порядок от беззакония. 31 января 1918 г. Совнарком РСФСР принял постановление, в котором деятельность ВЧК ограничивалась пресечением преступления и следствием. Но революцию ждали все новые и новые разочарования. Думать, что правовые методы борьбы с контрреволюцией восторжествуют, оказалось наивностью. В январе 1918 г. Ленин заговорил уже о «расстреле на месте» спекулянтов [21].

В этой атмосфере и началась «красногвардейская атака на капитал». С политикой «военного коммунизма» ее роднит бешеный темп мероприятий экономического характера: интенсивная национализация банков, промышленных и торговых предприятий; организация регулируемой государством системы распределения при помощи создаваемых вместо государственной кооперации производительно-потребительских коммун; тенденции к натурализации хозяйственных отношений и т. д.

Но тогдашняя слабость Советской власти, сопротивление мелкобуржуазной демократии и кооператоров, необходимость блока с левыми эсерами ограничивали наступательный коммунистический порыв, что приводило к компромиссным соглашениям. Однако приостановка оказалась недолгой. Весной 1918 г., когда определились черты политики, близкой к нэповской, продолжали развиваться настроения самого отчаянного штурма. В то время формируется и платформа «левых коммунистов». Именно весной Я. М. Свердлов призывает к расколу деревни. Начинают раздаваться голоса о необходимости перехода на практике к социалистическому строительству.

Из ложного вывода, что задачи буржуазно-демократических преобразований были решены к лету 1918 г., последовал следующий ошибочный шаг: постановка для деревни задач социалистического порядка. Их необходимость подкреплялась убежденностью в том, что крестьяне уже готовы для перехода к социализму, что они уже разочаровались в уравнительном землепользовании. Такой подход, а он нашел отражение, например, в плане большевиков осуществить коллективизацию крестьянских хозяйств за три года, был особенно опасен. Такие настроения особенно сильно проявились в конце 1918 года. Утопичные сами по себе, они резко контрастировали с настроениями крестьян, руководствовавшихся своими собственными утопиями «черного передела». Так закладывалось внутреннее противоречие в развитии самой революции.

Начало новой фазы «военно-коммунистического» наступления, на сей раз на деревню, связано с декретами ВЦИК и СНК по продовольственному вопросу, относящимися к маю 1918 года. Эти акты устанавливали

[12] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 27, 46; см. также: с. 199, 276; т. 36, с. 64.
[13] См. там же. Т. 35, с. 276; т. 36, с. 52, 53.
[14] См. там же. Т. 35, с. 311.
[15] Там же. Т. 36, с. 174.
[16] Там же, с. 201.
[17] См. там же. Т. 35, с. 203; т. 36, с. 157, 160.
[18] Там же. Т. 35, с. 411.

[19] Там же. Т. 36, с. 200.
[20] Там же. Т. 35, с. 156.
[21] См. там же, с. 311, 312, 314, 358.

продовольственную диктатуру государства, то есть легитимизировали насилие по отношению к деревне. Ставилась цель борьбы с голодом, но она стала отождествляться с борьбой за социализм.

Эти меры осуществлялись в атмосфере невероятного политического возбуждения. «Несчастный Брестский мир», конфликты с чехословацкими легионерами, растущая оппозиция «левых эсеров», стремившихся определять внешнюю и внутреннюю политику Советского государства, усиливавшееся недовольство рабочих в связи с бедственным продовольственным положением и активизация меньшевиков — все это провоцировало большевистских лидеров на еще более решительные «коммунистические» действия.

Ряд западных авторов связывает утверждение «военно-коммунистических» порядков и конец «рабочей демократии» с декретом СНК от 28 июня 1918 г. о национализации промышленности [22]. Но он был не столько логическим продолжением «красногвардейской атаки на капитал», сколько реакцией на требование германского правительства уплатить компенсацию за предприятия, функционировавшие с участием немецкого капитала и не национализированные до 30 июня 1918 года [23]. Как бы то ни было, в утверждении методов «военного коммунизма» сыграли роль самые различные обстоятельства внутриполитического и внешнеполитического характера, а декрет о национализации стал одним из важнейших актов, ограничивавших творческую инициативу рабочего класса и укреплявших командную систему управления народным хозяйством. В дальнейшем «военный коммунизм» прошел еще две фазы развития. Первую можно назвать «комбедовской». Имеется в виду не хронологический период существования комбедов (которые — пора это признать — с треском провалились), а применение их методов работы в экономическом строительстве и общественно-политической жизни на протяжении 1919 года. Вторая фаза — «милитаристская» — охватывает 1920 год. Она характеризуется тем, что организация труда принимала военизированные формы, вся народнохозяйственная жизнь осуществлялась военными методами.

Милитаризация труда охватила сначала рабочих и служащих военной промышленности, в ноябре 1918 г.— железнодорожного транспорта, в марте 1919 г.— речного и морского флота. Наши историки по-прежнему считают ее необходимостью, вынужденной мерой, вызванной исключительно тяжелыми условиями военного времени [24]. Однако в 1920 г. она приобрела совершенно иное качество. И дело не в масштабах милитаризации, а в новом понимании ее сути.

Многие советские авторы считают, что идеологическое обоснование милитаризации народного хозяйства дал Троцкий, но это неверно. На новую высоту идею милитаризации экономики поднимает руководство партии в целом. 22 января 1920 г. в «Правде» были опубликованы тезисы ЦК РКП(б) «О мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд». Идеи, заложенные в тезисах, и развил на IX съезде партии Троцкий (март—апрель 1920 г.).

Его мнение сводилось к тому, что рабочие и крестьяне должны быть поставлены в положение мобилизованных солдат. Каждый из них обязан считать себя «солдатом труда, который не может собою свободно располагать, если дан наряд перебросить его, он должен выполнить; если он не выполнит — он будет дезертиром, которого карают» [25]. Съезд поддержал (а не отверг, как впоследствии внушал Сталин) линию Троцкого в хозяйственном строительстве. При этом речь шла вовсе не о временных мерах. В резолюции съезда «О переходе к милиционной системе» было объяснено: так как гражданская война заканчивается, а международное положение Советской России благоприятно, на будущий период, «который может иметь длительный характер», вводится милиционная система экономики, сущность которой «должна состоять во всемерном приближении армии к производственному процессу, так что живая человеческая сила определенных хозяйственных районов является в то же время живой человеческой силой определенных воинских частей».

Эти идеи вовсе не казались бредовыми ни революционной молодежи, ни партийным функционерам. «Что соблазняло и увлекало нас в этом угаре милитаризации? — писал М. Н. Покровский.— Две вещи, по-моему. Во-первых, к этому времени уже определенно выяснилось, что рабочая революция на Западе запаздывает, что ожидать появления социалистического хозяйства в капиталистических странах Западной Европы с сегодня на завтра не приходится... Это — с одной стороны. С другой — быстрота ликвидации белых фронтов, окончание гражданской войны, сулившей бесконечные годы бойни, всего за 2 года, порождало надежду, что дело пойдет так же быстро и в хозяйственном строительстве, стоит только пустить в ход военные приемы. Все это, вместе взятое, и обеспечивало «военному коммунизму», хотя короткий, но блестящий успех» [26].

В процессе формирования «военного коммунизма» сложился идеал социализма, к которому стремились тогда большевики. Основные его постулаты были предельно просты. Частная собственность подлежала тотальному уничтожению. Социализм представлялся господством единой общегосударственной формы собственности. На этой основе делались «практические» выводы.

Мнение, что сельскохозяйственная коммуна или артель — носитель групповой (в позднейшей терминологии — колхозно-кооперативной) собственности — является всего лишь переходной формой к совхозу, родилось в 1918 году [27]. Другим краеугольным камнем создаваемого общества считалась безрыночная система хозяйства, достигаемая путем ликвидации товарно-денежных отношений. В 1918 г. Бухарин писал: «Общество превращается в громадную трудовую артель, которая производит и распределяет производимое без всякого производства золотого металла или бумажных денег. Власти денег приходит конец» [28]. Он имел в виду не отдаленную перспективу, а ближайшую задачу. Именно в то время разрабатывался проект натурализации заработной платы как важнейшего условия «построения нового коммунистического безденежного хозяйства» [29].

К подобным выводам подталкивали не столько марксистская теория, сколько конкретные условия хозяйственной жизни, в частности развал финансовой системы. Денежная эмиссия, начавшаяся задолго до Октября, гигантски возросла. За три года Советской власти было выпущено 1150 млрд. бумажных денег [30]. Сама собой напрашивалась мысль отменить деньги. Но парадокс! Трудящиеся не хотели расставаться даже с

---

[22] См., напр., Daniels R. The Conscience of the Revolution. Communist Opposition in Soviet Union. Boulder — Lnd. 1988, pp. 92, 94.

[23] См. Журавлев В. В. Декреты Советской власти 1917—1920 гг. как исторический источник. М. 1979, с. 268—269.

[24] Гимпельсон Е. Г. Ук. соч., с. 91; Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М. 1983, с. 349.

[25] Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М. 1960, с. 92, 94.

[26] Покровский М. Н. Советская глава нашей истории.— Большевик, 1924, № 14, с. 15.

[27] Это мнение сохранилось до 30-х годов. С образованием колхозов упрочился взгляд, что и они — явление временное, обусловленное недостаточной развитостью производительных сил. В следующие годы это представление трансформировалось в идеализацию «высшей», «последовательно социалистической» формы сельского хозяйства — совхозной.

[28] Бухарин Н. Программа коммунистов (большевиков). М. 1918, с. 47.

[29] Шефлер Е. Натурализация заработной платы.— Экономическая жизнь, 24.XI.1918.

[30] Таргулов Я. Новая экономическая и финансовая политика Советской власти. Пг. 1921, с. 30.

обесцененными деньгами, и они продолжали функционировать. Печатный станок спасал революцию. Эмиссия превращалась в особую форму налога.

Для натурализации хозяйственных отношений было сделано немало (натурпаек, бесплатные коммунальные услуги, бесплатное снабжение рабочих производственной одеждой и обувью, бесплатная выдача продуктов питания детям в крупнейших фабрично-заводских центрах, бесплатная перевозка грузов, а также лиц, следующих по государственным надобностям, рабочих и служащих, едущих на работу и обратно, и пр.), но до конца этот процесс доведен не был. Почему? 30 ноября 1920 г. Ленин писал: «Переход от денег к безденежному продуктообмену бесспорен. Чтобы этот переход был успешно завершен, надо чтобы был осуществлен *продуктообмен* (не *товарообмен*). Пока *мы не в силах* осуществить товарообмен, т. е. давать крестьянству промпродукты,— до тех пор крестьянство *вынуждено* оставаться при *обломках* товарного (а следовательно, *денежного*) обращения, при суррогате его. Отменить суррогат (деньги), пока крестьянству не дали еще того, что устраняет недобность в суррогате, *экономически* неправильно. Надо это обдумать *очень* серьезно»[31]. Но о чем было думать? Деньги, даже обесцененные, еще как-то прикрывали грабеж деревни, что же было бы без них? Деньги не отменили.

Коснемся еще одного важного для любой революции вопроса: понимание соотношения производства и распределения. Перераспределение материальных благ — важнейший социальный стимул революции. Теоретически было хорошо известно: распределение нельзя рассматривать вне производства, способ распределения — вне способа производства; основоположники марксизма предупреждали об исторической обреченности «философии нищеты». Однако обстоятельства плохо согласовывались с теорией. В условиях гражданской войны социальный смысл перераспределения сомкнулся с жесточайшей надобностью распределения того минимума самых необходимых продуктов, который еще остался в распоряжении государства. Идея распределительности выталкивалась на передний план и возрождением старых эгалитаристских утопий, которые трансформировались в наивные и вульгарные представления о социализме и овладели широчайшими народными массами. Психология «экспроприации экспроприаторов» размыла представление о труде как первооснове общественного богатства. И в этой атмосфере сама теория стала давать сбои.

Ленин, как отмечалось, изначально стремился к разумному сочетанию распределения с производством. Таким был замысел потребительско-производительных коммун. И все же в его проекте идея организации производства явно подавляется идеей распределения. Условия гражданской войны не способствовали налаживанию производства в соответствии с социалистическим идеалом. Экономика в полном соответствии с богдановским определением «военного коммунизма» по своей социальной ориентированности не выходила за рамки огромной авторитарно-регулируемой системы потребления. Бухарин позднее признал: «Система «военного коммунизма» выполнила свою историческую роль, роль такой хозяйственной формы, которая должна была более или менее правильно распределить уже имеющиеся запасы, когда характерным является не столько развитие хозяйства и подъем производительных сил, сколько потребление уже имеющихся запасов»[32].

Тем не менее в эпоху «военного коммунизма» не только думали о том, как продержаться в неслыханно трудных условиях, но и старались двигаться вперед, используя любые возможности и кратковременные передышки. Воюя, республика не забывала, что она строит социализм.

[31] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52, с. 22–23.
[32] Бухарин Н. И. О новой экономической политике и наших задачах.– Большевик. 1925. № 8, с. 5–6.

Но где кончалась борьба за выживание и начиналось строительство нового общества? При рассмотрении этого вопроса на первый план выдвигается революционное принуждение. Большевики исходили из непререкаемости положения, что всякая революция есть насилие. Однако где границы его применения?

В настоящее время революционное насилие широко привлекает внимание публицистов и обычно оценивается отрицательно. При этом часто приводят в качестве иллюстрации плакат 1918 г.: «Железной рукой загоним человечество к счастью». С такой же готовностью ссылаются на знаменитые слова из приказа М. Н. Тухачевского частям Красной Армии перед наступлением в Польше в 1920 г.: «На штыках мы принесем трудящемуся человечеству счастье и мир. Вперед на Запад! На Варшаву! На Берлин!». Но это скорее эмоциональные проявления революционной эпохи, позволяющие давать оценки однобокие.

Дело в том, что насилие как универсальный метод находило логическое обоснование. Редактор газеты «Голос трудового крестьянства» С. Модестов, возражая своему оппоненту, писал: «Ошибка т. Кузминского в том, что он, по-видимому, думает, будто «создание всеобщей коммуны» должно произойти путем естественного развития — эволюции снизу: по-бакунински или по рецептам анархо-коммунистов — посредством свободного слияния «федерации коммун». Между тем, захвативши политическую власть, пролетариат не имеет ни малейших оснований дожидаться весьма сомнительных результатов такой тоже довольно сомнительной федерации и приступает к созданию всеобщей коммуны сверху путем подчинения всех как единоличных, так и коммунистических хозяйств учету, контролю и производственно-распределительному плану государства»[33].

А вот обобщение на более авторитетном уровне. Бухарин в книге «Экономика переходного периода» писал: «При капиталистическом режиме принуждение защищалось от имени «интересов целого», тогда как в действительности речь шла об интересах капиталистических групп. При пролетарской диктатуре впервые принуждение действительно есть орудие большинства в интересах этого большинства». Ленин на полях книги замечает: «верно!»[34].

То же самое проповедовал Троцкий, считавший принцип трудовой повинности бесспорным. Выводился он просто: «Кто не работает, тот не ест», а так как есть должны все, то все обязаны работать. При этом большевистские теоретики постепенно стали распространять принуждение не только на эксплуататорские слои, но и на трудящихся. Так, Бухарин заявлял: «Принуждение... не ограничивается рамками прежде господствующих классов и близких к ним группировок. Оно в переходный период — в других формах — переносится и на самих трудящихся, и на сам правящий класс». Ленин полностью согласился с этим положением, подчеркнув фразу «и на сам правящий класс»[35].

В этих условиях и сложилось представление о том, что принуждение — самая подходящая мера для «темного» крестьянства. Сторонники форсированного насаждения коммун считали своим долгом «тащить середняков к социализму путем коммунистических атак». «Среднему крестьянству,— убеждала передовая «Правды»,— придется принять социалистические формы хозяйства и мышления, и оно пойдет к социализму, хотя бы ворча и огрызаясь»[36].

Несомненно, что непонимание социальной природы крестьянства — имманентная черта большевизма, проистекающая из особенностей всего рационалистического мышления XIX века. Вполне в традициях своего времени большевики были уверены, что они лучше крестьян понимают,

[33] Голос трудового крестьянства, 29.X.1918.
[34] Ленинский сборник XI, с. 423.
[35] Там же, с. 421.
[36] Правда, 5.XI.1918.

что надо делать с землей, и настойчиво убеждали крестьян переходить к общественной ее обработке, ибо иного выхода нет [37].

На этом фоне противоречиво выглядит и позиция Ленина. Известно, что он неоднократно высказывался против насилия над крестьянами и против командных методов в экономике вообще. В то же время Ленин допускал применение жестких методов борьбы против «отсталости» крестьянства. Он утверждал: чтобы ввести социализм, следует «учиться государственному капитализму немцев», при этом «не жалеть *диктаторских* приемов для того, чтобы ускорить это перенимание ... не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» [38].

В чем выражалось революционное принуждение? Прежде всего, в совокупности трудовых натуральных повинностей, которая была унаследована от Временного правительства, но как система стала складываться со второй половины 1918 года. Население привлекалось к расчистке железных дорог от снега, заготовке и вывозу дров, на оборонительные работы в прифронтовой зоне, а лошади и подводы мобилизовывались для перевозки военных грузов и т. д. Трудовая и гужевая повинности ложились тяжким бременем прежде всего на плечи крестьянина, который надолго отрывался от своего непосредственного занятия. В среднем на крестьянское хозяйство в Европейской России в 1920/21 хоз. году пришлось по 31 дню работы по мобилизации с лошадью и по 30—40 дней — без лошади, а в местах массовых лесозаготовок или перевозки военных и продовольственных грузов число дней трудовой и гужевой повинности было еще больше. Все это не просто отвлекало крестьян от сельскохозяйственных работ (что было особенно пагубно в страдную пору), но и оказывало негативное влияние на производительные силы крестьянского двора. Трудовые мобилизации и натуральные повинности не стали средством желаемого планомерного развития народного хозяйства, а превратились в орудие решения хотя и важных, но частных задач ударными методами.

Наиболее тяжелой для крестьян стала натуральная хлебная повинность. Она осуществлялась посредством продразверстки, введенной декретом СНК от 11 января 1919 года. Ход продразверстки, итоги ее выполнения, влияние на крестьянское хозяйство — эти сюжеты достаточно хорошо описаны в советской историографии [39]. Обратим внимание лишь на следующее.

Получив землю, крестьяне не получили права свободно распоряжаться продуктами своего труда. Продразверстка неизбежно ставила их в оппозицию к Советской власти. Именно на этой основе крестьяне продолжили свою социальную борьбу, но уже с Советской властью. В нашей историографии эта борьба трактовалась как кулацкие мятежи. Ныне несостоятельность такого подхода очевидна. Насильственное отчуждение продукта крестьянского труда неизбежно вступало в противоречие с крестьянскими представлениями о социальной справедливости. Вековая мечта — быть хозяином на своей земле и свободно распоряжаться продуктами своего труда — не сбывалась. Лишь с отменой продразверстки крестьянство добивается своего, правда, ненадолго.

Ныне известны высказывания некоторых публицистов о том, что продразверстка преследовала цель запугать, подавить крестьянина, страхом заставить подчиниться Советской власти. На деле все было куда серьезнее: не примитивная злая воля, а, напротив, благие намерения в силу своей наукообразной утопичности обернулись столь трудно искоренимым злом.

[37] Бухарин Н. И. Что делать с землей? — Беднота, 28.XI.1918.
[38] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 301.
[39] Давыдов М. И. Борьба за хлеб. М. 1971; Стрижков Ю. К. Принятие декрета о продразверстке и его осуществление в первой половине 1919 г. В кн.: Октябрь и советское крестьянство. М. 1977; История советского крестьянства. Т. 1. М. 1986; Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М. 1988; и др.

Наиболее острым в комплексе проблем, связанных с революционным насилием, является вопрос о терроре. Причины его введения обосновывались необходимостью защиты завоеваний революции. В первые же дни Октября Ленин подчеркивал: «Чем более крайним является сопротивление эксплуататоров, тем энергичнее, тверже, беспощаднее, успешнее будет подавление их эксплуатируемыми» [40]. И хотя наряду с этим не менее искренне делались и противоположные заявления, репрессивный механизм был запущен. 31 января 1918 г. правительство предписало «принять меры к увеличению числа мест заключения». Чуть позже было признано необходимым «обезопасить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях». Для этого не требовалось судебного разбирательства — достаточно было административного решения, что давало широкий простор репрессивным органам: от подавления врагов революции, нейтрализации потенциальных противников до решения чисто хозяйственных дел [41]. Суровость мер принуждения за 1918 г. возросла неимоверно: Достаточно назвать лишь восстановление смертной казни в феврале и «красного террора» в сентябре. С введением массового террора опасность оказаться под подозрением многократно возрастала. В силу вступали немыслимые критерии отбора, например «непролетарский» внешний вид.

В этой атмосфере менялось и само понимание законности. Законодательно предусматривалась возможность принятия экстренных мер. Где же кончалась законность и начиналось беззаконие? Сначала смертная казнь, разрешенная в качестве меры исключительной, далее — лишение свободы только по подозрению в сочувствии контрреволюции, затем никому не подчинявшаяся фактически ВЧК, массовый террор и расстрелы заложников. Естественно, все это делалось с глубочайшей уверенностью в своей «классовой» правоте, с верой в то, что иначе нельзя принести людям счастье. Отсюда начиналась психопатология революции, ибо шла непрерывная эскалация террора.

Особенно опасными и тяжелыми по своим последствиям были террористические акции по отношению к целым социальным группам. Так, предпринятые согласно секретной директиве ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г.[42] действия против донских казаков вызвали мятеж, который имел весьма печальные последствия для Советской власти и создал условия, благоприятствовавшие наступлению Деникина.

Некоторому ослаблению террора способствовала мирная передышка начала 1920 года. В январе правительство отменило расстрел, 18 марта ВЦИК — право ВЧК применять внесудебные репрессии [43]. Однако ни репрессии, ни расстрелы не прекратились. Да и сам декрет от 17 января 1920 г. предусматривал возвращение к политике террора в случае оказания Антантой материальной поддержки мятежникам или вооруженного вмешательства. Человеческая жизнь к тому времени уже потеряла цену, террор стал привычным, чрезвычайные меры почти не осознавались таковыми. Известный экономист Л. Н. Крицман признавал, что «т. н. революционное право эпохи гражданской войны... основывалось не на абсолюте (вечных идеях права), а на классовом интересе, т. е. по существу дела не являлось правом, а потому... лишено было и правового фетишизма» [44]. Так революция перечеркивала свои собственные ценностные основы.

Один из коренных вопросов революции — вопрос о темпах преобразований. Здесь изначально проявились две тенденции: постепенность и бы-

[40] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 194.
[41] Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг. Сб. док. М. 1958, с. 256.
[42] См. Известия ЦК КПСС, 1989, № 6, с. 178.
[43] Декреты Советской власти. Т. 7. М. 1974, с. 354—356.
[44] Крицман Л. Ук. соч., с. 85.

страя ломка старого, стремительное построение нового. Представления о непосредственном и сравнительно кратком переходе к социализму возникли довольно рано. Первоначально Ленин не соглашался с «левыми коммунистами», но именно их программа стала реализовываться. Начатая по необходимости, была ускорена национализация промышленных предприятий. Были национализированы все банки, включая даже кооперативный — Московский народный банк. Резко усилились тенденции к «насаждению» коммун и совхозов. Витает идея коллективизировать сельское хозяйство за три года. Мысль о необходимости переходных форм совершенно забывается. Упоминавшийся выше Модестов заявлял: «Стоящий у власти пролетариат может приступить к социалистической организации народного хозяйства — прямо, не нуждаясь в промежуточных и переходных формах. Сущность социализма в том, чтобы из всего крестьянского хозяйства создать единый организм, единую машину, где все части действовали бы в полном согласии с целым... Разговор о переходных к социализму формах — лишь толчение воды в ступе» [45].

Немного оставалось трезвых голов, противившихся «штурму и натиску». Раздававшиеся время от времени призывы Ленина к постепенности и переходным мерам, особенно в деревне, не находили понимания. Юридически неудачно составленное «Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» было воспринято на местах как указание насаждать социализм в деревне. Изъятие у крестьян переданной им помещичьей земли под совхозы и коммуны вызывало трения между Советской властью и крестьянами. Кое-где происходило насильственное объединение крестьян в коммуны.

Характерной чертой «военного коммунизма», непременно отмечаемой всеми исследователями, является крайняя централизация управления народным хозяйством, промышленностью в первую очередь. Но одновременно доказывается, что партия и правительство видели недостатки такой централизации и «при первой же возможности принимали меры к ее смягчению» [46]. Так ли это?

Во все времена сущность и ранней и позднейшей централизации определялась словосочетанием «демократический централизм», который был возведен в один из важнейших постулатов построения социализма и даже коммунизма. Что скрывалось за этим термином? Какова его роль в реальном процессе бюрократической централизации? «Большевики 20 лет твердят о принципе демократического централизма,— заявил М. С. Ольминский на IX партконференции.— Между тем под влиянием военных действий пришлось пожертвовать демократизмом в значительной степени. Мы понимаем, что это вызвано особыми обстоятельствами, военными обстоятельствами. Пора это отменить или не пора, должно быть усиление централизма за счет демократизма или нет — это дело ЦК. Но многие товарищи наши поняли это так, что уничтожение всякого демократизма есть последнее слово коммунизма, что это есть действенный коммунизм» [47]. Эпоха «военного коммунизма» попросту выхолащивала само представление о демократии.

Сходные признания мы находим и у Бухарина. В 1924 г. он писал: «Тогда мы думали, что наша мирная организаторская работа, наша экономическая политика, строительство нашего хозяйства будут дальнейшим продолжением централизаторского планового хозяйства этой эпохи. А так как и в то время уже было достаточно много нацентрализовано, то отсюда, естественно, возникало представление о близости вполне прочно поставленного на ноги социалистического планового хозяйства» [48].

[45] Модестов С. О политике Наркомзема.— Голос трудового крестьянства, 29.XII.1918.
[46] Гимпельсон Е. Г. Ук. соч., с. 54.
[47] Девятая конференция РКП(б). Протоколы. М. 1972, с. 99.
[48] Бухарин Н. И. О ликвидаторстве наших дней.— Большевик, 1924, № 2, с. 4.

Спрашивается, можно ли было «смягчить при первой возможности» то, что было предписано столь жестким стереотипом сознания?

Своеобразным апофеозом централизаторства стал «главкизм». У истоков его лежала идея преобразования государственно-монополистических органов регулирования капиталистической экономики России, сложившихся в годы первой мировой войны, в механизм планового руководства народным хозяйством в условиях диктатуры пролетариата. Некоторые авторы считают, что в годы гражданской войны были таким путем реализованы материальные предпосылки социализма [49]. Но можно ли назвать социализмом доведение до абсурда того, что не спасло в 1917 г. капиталистическую экономику России от структурного развала?

К лету 1920 г. было создано почти 50 главков (внутри их находились управляемые сверху тресты), осуществлявших управление крупными национализированными предприятиями, регулировавших отношение с ненационализированной мелкой, кустарной и кооперативной промышленностью, координировавших смежные отрасли и занимавшихся распределением готовой продукции. Названия главков говорили сами за себя: Главторф, Главкожа, Главкрахмал, Главруда, Центрохладобойня. Было очевидно, что возник ряд хозяйственно изолированных друг от друга вертикальных объединений, взаимосвязь между которыми зависела исключительно от Президиума ВСНХ. В основе организованной таким образом системы народного хозяйства лежал распределительный принцип, она была полностью лишена стимулов саморазвития, ибо парализовывала местную инициативу. Эта система могла до известной степени координировать количественное приращение продукции, но не ее качество и разнообразие.

Система была к тому же крайне уязвима и немощна, так как не содержала ни элементов саморегуляции, ни внутренних стимулов роста производительности труда: она могла основываться лишь на внеэкономическом принуждении, характерном для докапиталистической формации, или беззастенчиво эксплуатировать самый искренний трудовой энтузиазм. Любые диспропорции развития системы, сбои управления могли привести к ее развалу. Это был настоящий «военно-коммунистический» монстр, а не экономический идеал социализма.

Складывавшаяся централизованная система организации экономической, политической и культурной жизни страны неизбежно диктовала особый, приказной стиль руководства. Оценивая пережитое, Покровский в 1924 г. писал: «Характерной особенностью подлинного военного коммунизма 1920 г. было то, что в нем экономика должна была плясать под дудку политики. Забыта была фраза тов. Ленина, написанная... в 1916 г.: «Экономике нельзя приказывать». Весной 1921 г. эта фраза и оправдалась» [50].

Приказной, угрожающий стиль руководства стал повсеместной нормой. Вот некоторые образчики. В письме Наркомпрода волостным исполнительным комитетам и сельсоветам, подписанном в сентябре 1920 г. заместителем наркома Н. П. Брюхановым, членом коллегии Смирновым и начальником управления заготовок Сениным, сообщалось: «Нужно хлеба произвести как можно больше... Тот, кто думает, что он будет нарочно производить хлеба столько, чтобы только ему самому хватило, и тогда он не будет давать хлеба по разверстке, тот горько ошибается. Раз дело общее, то государство все равно возьмет столько, сколько ему нужно» [51]. Несколько ранее, в апреле 1920 г., Тамбовский губпродком в приказе всем волостным исполкомам требовал: «Немедленно, точно и без оговорок приступить к учету посевной площади. Малейшее уклонение, сабо-

[49] См. Лаверычев В. Я. К вопросу о материальных предпосылках Великого Октября.— История СССР. 1987. № 2. с. 80—95.
[50] Покровский М. Н. Ук. соч. с. 16.
[51] Советы в эпоху военного коммунизма. Сб. док. Ч. 2. М. 1920, с. 23.

таж и ложные показания будут преследоваться самым беспощадным образом вплоть до заключения в концентрационный лагерь»[52]. Однако угрозы, приказы, принуждения не способствовали увеличению посевных площадей и объемов выращенного хлеба.

Еще более нелепо милитаристский угар проявлялся в искусстве. Осень 1920 года. В. Э. Мейерхольд — заведующий театральным отделом Наркомпроса. Его резиденция — это штаб главнокомандующего театрами республики. Под стать ситуации и внешний вид начальника — полувоенный, полугражданский, командирская фуражка с красной звездой, кожаная куртка. Одна из размолвок с И. Г. Эренбургом (Мейерхольд назначил его руководителем всех детских театров республики) закончилась тем, что Мейерхольд вызвал коменданта и приказал: «Арестовать Эренбурга за саботаж»[53]. Смешно? Нелепо? Но, как ни странно, именно эта обстановка, антураж, одежда, стиль способствовали яростному низвержению старых, обветшалых форм театра, бурному натиску новых идей, упрощению театрального действия. И в то же время такой путь неизбежно вел к абсурду — разрушению традиций, искусства и культуры прошлого, порождая, в конечном итоге, пустоту и бездуховность общества.

Централизация, стиль руководства — лишь форма проявления власти. В чьих же руках находилась реальная власть: пролетариата или большевиков? Вопрос можно поставить и так: кто правил страной — Советы или партия?

Партийные комитеты различных уровней (губернские, уездные) почувствовали себя властью довольно рано — уже в 1918 году. Они стали определять состав исполкомов, издавали распоряжения, обязательные для местных Советов. Дело доходило до того, что партийные организации даже распускали беспартийные исполкомы и комбеды, требовали выбирать в новый состав только бедняков и коммунистов[54]. В ряде мест партаппарат подменял Советы, беря на себя решение их вопросов. Об увлечении партийных организаций административными функциями, хозяйственной деятельностью, сборами налогов, контрибуций свидетельствуют материалы разных губерний[55]. Уже осенью 1918 г., констатировал Свердлов, тенденция к утверждению коммунистов как власти на местах «намечается всюду»[56].

Каков механизм этого явления? Американский историк У. Розенберг сделал ряд интересных наблюдений. Прежде всего он отметил, что прочность большевистской власти в значительной степени определялась характером отношения к ней пролетариата. Между тем энтузиазм первых недель после Октября сменился разочарованием, переросшим в открытый конфликт рабочих с новой властью весной 1918 года. Этот конфликт определился не репрессивной политикой большевиков. Сами рабочие, а равно меньшевики и эсеры, пытавшиеся использовать их недовольство, не могли понять причин свалившихся на них бед, не сумели найти путей создания эффективного государственного аппарата. Поэтому активность рабочих скоро сменилась пассивными упованиями на то, что большевистская власть в будущем все же сможет улучшить их положение[57]. Именно неспособность выработать собственную альтернативную программу

[52] Центральный государственный архив народного хозяйства СССР, ф. 1943, оп. 4, д. 510, л. 246.

[53] Встречи с Мейерхольдом. Сб. воспоминаний. М. 1967, с. 180, 197, 353.

[54] 12 февраля 1919 г. ЦК РКП(б) в письме Козьмодемьянскому уездному комитету РКП(б) (Казанская губ.) писал: «В отчете о партийной работе вашего комитета говорится, что в декабре от имени комитета партии было издано постановление: «Всем советским служащим, под угрозой увольнения без расчета, записаться в партию» (Известия ЦК КПСС, 1989, № 7, с. 153).

[55] См. там же, с. 145, 157–158.

[56] Свердлов Я. М. Избранные произведения. Т. 3. М. 1960, с. 42.

[57] См. Rosenberg W. Russian Labor and Bolschevic. In: The Workers' Revolution in Russia, 1917. Cambridge (Mass.). 1987, pp. 128–130.

привела к тому, что пауперизируемые массы стали поддерживать каждое новое «радикальное» действие все более отрывавшейся от них власти. Это мнение поддерживает другой американский автор, А. Рабинович, отмечающий, что к лету 1918 г. Советы практически потеряли власть и стали придатками партийно-административных органов[58].

Всевластие партийных органов приводило к явлениям, имевшим место, например, в Тамбовской губернии. В сентябре 1918 г. III Тамбовский губернский съезд партии принял решение «обнародовать в пределах Тамбовской губ. верховную диктатуру РКП(б) и комбедов и ходатайствовать перед ВЦИК об объявлении «верховной диктатуры РКП(б)» по всей территории РСФСР»[59]. Решение стало осуществляться в пределах губернии. Парторганизациям не нужно было публичного признания их диктатуры, они ее проводили.

ЦК РКП(б) обращал внимание на эти явления, квалифицировал их как недопустимые, но, осуждая диктаторские замашки местных парторганизаций, сам же толкал их на этот путь. В партийных документах того времени постоянно встречаются формулировки: «правящая партия», «партия управляет». Вот, например, строки из решения VIII съезда РКП(б): «Российская Коммунистическая партия, стоящая у власти и держащая в своих руках весь советский аппарат...»[60]. И позднее ситуация не меняется ни на верхнем, ни на нижнем уровнях.

Утверждение руководящей роли партии вело к противопоставлению коммунистов основной массе трудящихся, к бесконтрольности, злоупотреблениям, бюрократизации. Одновременно все это приводило к тому, что шкурники и приспособленцы стали вступать в партию. Многие организации принимали всех желающих и даже понуждали людей к вступлению в партию.

В то же время с мест сообщалось о безобразиях, творимых коммунистами. Спекуляция, утаивание хлеба, самовольные реквизиции, контрибуции вызывали страшное озлобление населения. Особенно много безобразий было в Тамбовской губернии[61]. Простые люди большей частью судили о партии по конкретным поступкам того или иного ее члена. Об этом, в частности, предупреждал Г. Е. Зиновьев в своем докладе об итогах VIII съезда РКП(б) на собрании актива Петроградской партийной организации 29 марта 1919 года[62].

Анализируя причины восстания в дер. Калитве в декабре 1920 г., член Воронежского губкома РКП(б) И. Бережной писал: «Несомненно, видную роль в восстании играли контрреволюционные силы деревни. Но бесспорно и то, что окрепли, развились и разбушевались они вследствие отсутствия коммунистического влияния, коммунистического глаза, отсутствия политической работы, просто советизации... В партийной работе, нужно определенно сказать, умерла живая душа, а встала гигантским ростом канцелярщина и формализм. Политической работы в низах нет. Крестьяне забывают о партии коммунистов-большевиков как о политической партия, будирующей крестьян, вспоминая ее только по реквизициям»[63].

Ужасающую картину «военно-коммунистических» методов руководства дал в середине 1920 г. В. К. Винниченко, в прошлом один из лидеров Центральной рады, пытавшийся сотрудничать с большевиками. Чрезмерная централизация и бюрократизация, считал он, вытекали «из необходимости, из существующего соотношения сил в стране, из неуверенности

[58] Rabinovitch A. The Evolution of Local Soviets in Petrograd. November 1917 – June 1918.– Slavic Review, 1987, Vol. 46, № 1, p. 37.

[59] Советы в эпоху военного коммунизма. Т. 1. М. 1929, с. 413.

[60] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. Т. 2, с. 103.

[61] Известия ЦК КПСС, 1989, № 7, с. 154.

[62] Там же, № 8, с. 195.

[63] Известия Воронежского губкома РКП(б), 1921, № 1, с. 2–3.

огромного большинства населения», но как бы то ни было результат оказался катастрофичным. Власти Советов нет, «есть власть бюрократов,.. которые опираются преимущественно на физическую силу военных и административных аппаратов... Все только обязаны выполнять постановления и приказы небольшой кучки». Это привело к настоящему вырождению революции: «Революция мертвеет, окаменевает, бюрократизируется. Исчез энтузиазм, задор, размах. Везде воцарился безъязыкий чиновник, некритичный, сухой, трусливый, формалист-бюрократ. Из-за этого взяточничество, например, достигло колоссальных, феноменальных размеров». Были ли возможности преодолеть все это? «Есть течение в партии,— писал Винниченко,— которое требует демократической власти, «орабочивания» ее, децентрализации, придания пустой теперь формуле «Советская власть» действительного содержания, но авторитет лиц — Ленина и Троцкого — забивает это течение, и разложение власти идет дальше» [64].

Мертвящая инерция централизма была столь велика, что даже осознание всей противоестественности положения на вершине власти не могло породить ничего, кроме желания сломать бюрократическую систему командными же методами. Отсюда попытки «перетряхивания» бюрократического механизма, которые, конечно, не могли уничтожить командной системы в целом. Ее неустрашимость определялась постоянным воспроизводством ее низового звена.

Преступное поведение многих коммунистов-руководителей способствовало созреванию и взрыву антибольшевистских восстаний в конце 1920 — начале 1921 года. Это антоновщина, этим в значительной мере был обусловлен и Кронштадтский мятеж [65]. Матросы выступали под лозунгами «Вся власть Советам, а не партиям!», «Советы вне партий!». Под аккомпанемент этих лозунгов и был совершен переход к нэпу.

Некоторые итоги. Было бы ошибкой пытаться статистически определить негативные последствия «военного коммунизма» для народного хозяйства. И дело не только в том, что их невозможно отделить от последствий гражданской войны. Итоги «военного коммунизма» имеют не количественное, а качественное выражение. Они — суть изменения социокультурного стереотипа России.

Несомненно, что «военный коммунизм» вознесся на волне утопий — этих непременных спутников революционных потрясений. Для многих западных авторов осуждение революционного утопизма стало общим местом. «Социальные последствия утопий оказываются чисто отрицательными,— считает, например, известный французский философ Ж. Эллюль.— Они не приносят человечеству добра. Стоит людям всерьез воспринять содержащиеся в утопии предписания, как результаты оказываются совершенно катастрофическими» [66]. Это очень удобная позиция. Действительно, разве не очевидно, что технократическая утопия большевизма, сомкнувшись с эгалитаристской утопией крестьянства, не могла дать ничего иного, кроме «казарменного коммунизма»? Разве не ясно, что именно опыт «военного коммунизма» породил известную антиутопию Е. Замятина «Мы» и «Чевенгур» А. Платонова?

[64] Винниченко В. Из дневников.– Дружба народов, 1989. № 12, с. 174–175.

[65] Во всех негативных явлениях необходимо учитывать в изменение качественного состава большевиков за годы войны. Погибли на фронте, умерли от болезней, перенапряжения и истощения старые кадры. Приходившие им на смену принимались без тщательного отбора. Порой они были полуграмотны, а то и вовсе неграмотны. Было много людей случайных, авантюристов, карьеристов, шкурников. Характеризуя настроения моряков, начальник политотдела Балтийского флота писал в феврале 1920 г. в Политуправление республики: «Настроение на флоте создалось довольно напряженное... Вступившие молодые члены партии, подавившие старых членов своим подавляющим большинством, создали в организациях большую сумятицу, неразбериху, внося в коллектив массу шкурных, мещанских в анархических черт» (цит. по: Кузьмин М. Кронштадтский мятеж. Л. 1931, с. 26–27).

[66] Humanist, 1973, Vol. 33, № 6, pp. 22–23.

Все это так, но с таким же успехом можно сказать, что за современным осуждением утопизма стоит лишь боязливый «антиутопизм» сытого неоконсерватизма, с деланным высокомерием уходящего от социального анализа революции.

Нам представляется, что в широком историческом контексте «военный коммунизм» был порожден столкновением в замкнутом пространстве одной страны двух революционных волн: интернационально-пролетарской и национально-крестьянской. Каждая из них имела длительную историю. Это в равной мере относится и к своеобразно преломившейся в большевизме западной социалистической традиции, и к аграрной революции в России.

Включал ли в себя «военный коммунизм» какой-либо позитивный момент? Ленин об этом молчал. Лишь через четыре года после установления Советской власти он сказал о невозможности рассчитывать «на непосредственно коммунистический переход» и о том, что в стране «вполне доделанной является только буржуазно-демократическая работа нашей революции» и «еще нет социалистического фундамента» [67]. Наша историография, как отмечалось, поддерживала тезис о вынужденности «военного коммунизма», что позволяло уходить от его оценок. Западные авторы, напротив, подчеркивают неудачи в организации как промышленности, так и сельского хозяйства [68]. Вероятно, наибольший интерес представляет точка зрения, что итогом «военного коммунизма» была этатизация и архаизация общественно-экономической жизни [69]. Относительно усиления роли государства сомневаться не приходится. Что касается экономики, то здесь положение обстояло сложнее. «Военный коммунизм» смел все остатки средневековья в аграрном секторе, о чем постоянно говорил Ленин. Возможно, это была единственная историческая заслуга «военного коммунизма». Очевидно также, что в те годы произошло укрепление крестьянской общины. Но означало ли это только архаизацию народного хозяйства? Нам представляется, что последствия «военного коммунизма» были гораздо серьезнее.

Политика «военного коммунизма» не привела, да и не могла привести к социализму. Стала очевидной недопустимость забегания вперед, опасность форсирования социально-экономических преобразований в крестьянской стране и насилия в области хозяйственных отношений.

Вместо создания государства диктатуры пролетариата рабочий класс был отчужден от власти. Негативные последствия политики «военного коммунизма» наиболее тяжело отразились на крестьянстве. Оно было абсолютно не готово к экспериментам социалистического толка. Что такое социализм, крестьянство не знало, да и вряд ли могло понять. То, чего оно хотело — быть вольным хозяином на вольной земле, свободно распоряжаться продуктами своего труда — крестьянство не получало.

Переход к нэпу не означал автоматического и быстрого преодоления «военно-коммунистических» представлений в теории, методах отношений, в морали, культуре и идеологии. Более того, нэп не только не устранял прежних иллюзий, но и укреплял многие из них и даже порождал новые.

Прежде всего, довольно долго сохранялись иллюзии относительно мировой революции. Сохранялось многое из странных представлений о модели социализма. Нэп воспринимался большинством коммунистов как «отступление». Все более утверждалась мысль (она сохранялась до середины 30-х годов), что уже при социализме не будет классов. Не преодолевалось, а, напротив, укреплялось понимание социализма как общества бестоварного. Несколько отступила идеализация единой государственной

[67] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44, с. 164. 224; т. 45, с. 109.

[68] Malle S. The Economic Organization of War Communism. 1918–1921. N. Y. 1985; Yaney G. The Urge to Mobilize. Agrarian Reform in Russia. 1861–1930. Urbana. 1982, pp., 463–508.

[69] Levin M. Making of Soviet System. N. Y. 1985.

собственности, но в принципе не пошатнуло веры в нее и признание кооперативно-колхозной собственности.

Многое в хозяйственной практике оставалось в плену старых представлений. Так, и в середине 20-х годов методы торговой конкуренции расценивались как капиталистические. С переходом к нэпу произошли существенные послабления в применении аренды земли и наемного труда, но лишь в 1925 г. на III съезде Советов были одобрены временные правила о применении наемного подсобного труда. Вскоре, впрочем, они сошли на нет. В 20-е годы сохранялось использование административных методов борьбы против частной торговли, зажиточных крестьян. В сущности борьба эта так и не прекратилась, завершившись раскулачиванием.

В 1921—1922 гг. сохранялся приоритет административных методов управления. Кризис («ножницы») цен явился результатом противоборства принципов новой экономической политики с принципами «военного коммунизма». Лишь в 1923 г. наметилась тенденция к отходу от старых принципов распределения продовольственных ресурсов, поступавших по налогу. В числе промышленных объектов, находившихся на госснабжении, оставались лишь важнейшие предприятия и новостройки.

В речи на собрании московского партактива 17 апреля 1925 г. Бухарин отмечал наличие пережитков «военного коммунизма», «которые мешают нашему дальнейшему росту». «Зажиточная верхушка крестьянства и середняк, который стремится тоже стать зажиточным, боятся сейчас накапливать,— признавал он.— Создается положение, при котором крестьянин боится поставить себе железную крышу, потому что опасается, что его объявят кулаком; если он покупает машину, то так, чтобы коммунисты этого не увидели. Высшая техника становится конспиративной» [70]. Даже в 1928 г. Бухарин заявлял: «Мы слишком все перецентрализовали» [71].

Централизация сковывала местные Советы. Попытка активизировать их деятельность проводилась методами административного декретирования. В результате усиливалась их зависимость от партии, а фактически шло их полное ей подчинение. «Военный коммунизм» породил милитаристский стиль руководства и образ мышления, что в 20-е годы искусственно подогревалось мнимой угрозой войны со стороны Запада.

Наследие «военного коммунизма» проявлялось и в духовной сфере. Усиливалась привычка делить людей на «красных» и «белых». Искусственно нагнетался «классовый» антагонизм, навязывался «образ врага», культивировалась ненависть к нему. Подозрительность переполняла все поры общества.

На этом фоне нэп оказался новой утопией. Руководству страной ближе оказался не нэп, а «военный коммунизм» с его торопливым и беспощадным уничтожением частной собственности, многоукладности, товарного обращения, демократии — всего того, что именовалось буржуазным; с его методами, темпами, стилем, моралью, приматом идеологии над экономикой. И с точки зрения опошленной теории «военный коммунизм» выглядел стоящим ближе к марксизму, нежели нэп; не «военный коммунизм», а нэп казался исключением из закономерностей «социалистического» развития. Поэтому нэп не был принят советским обществом, прежде всего его руководством. В конечном счете возобладали «военно-коммунистические» цели, методы, настроения, идеология. Вот почему слом нэпа оказался делом столь легким.

---

[70] Цит. по: Селюнин В. Истоки.— Новый мир, 1988, № 5, с. 172.
[71] Бухарин Н. Заметки экономиста.— Правда, 30. IX.1928.

ВОСПОМИНАНИЯ

МЕМУАРЫ НИКИТЫ СЕРГЕЕВИЧА ХРУЩЕВА

Московские будни

В 1930 г. летом проходил XVI партийный съезд. На этот съезд я не был избран делегатом, ибо учился в Промышленной академии. Промышленная академия занимала нетвердую политическую позицию, и при выборах на съезд моя кандидатура не была выдвинута: во-первых, я был новый человек, неизвестный Московской парторганизации; во-вторых, я в Промышленной академии представлял новое руководство, которое стояло на позициях генеральной линии партии. Бауманский райком партии возглавлял тогда Ширин, а он был политически недостаточно зрелым и, видимо, имелись у него еще какие-то свои соображения. Одним словом, я не был избран, но в ЦК ВКП(б) дали мне постоянный гостевой билет на съезд. Поэтому я присутствовал на отчетном докладе Сталина и на выступлениях, хотя и не на всех, так как было очень много людей, которые обращались ко мне с просьбой дать им гостевой билет, и я не мог им отказать. Хотя и запрещалось передавать гостевой билет другим товарищам, но, каюсь, мы это делали. Правда, некоторых поймали и даже наказали, однако мне сошло. Товарищей, которые ходили с моим гостевым билетом, пропускали туда, и мы были довольны, что не только я, а и другие побывали на съезде по гостевому билету, который был выписан Центральным Комитетом персонально для меня.

Кончились летние каникулы, и осенью мы опять приступили к учебе. Она протекала бурно. Мы много сделали для перестройки учебного процесса. В Промышленной академии училось немало бездельников, которые пришли туда не учиться, а отсидеться в период острой политической борьбы. Это был как бы политический отстойник. «Правые» свили там себе гнездо, окопались там. У нас было два выходных — воскресенье, как обычно, для всех и еще один день для проработки пройденного. Я жил в общежитии и наглядно видел эту «проработку». Все уходили куда-нибудь с утра, а приходили — не знаю когда, просто бездельничали. И мы тогда поставили вопрос о том, что надо учиться: ведь мы прибыли сюда не для того, чтобы просто проводить время в Москве, а чтобы получить знания и вернуться в промышленность теоретически и практически подкованными и с большей пользой работать для партии, для блага народа в деле строительства социализма. И вот провели мы и это мероприятие, и многие отбросили то, что мешало лучшему использованию учебного времени.

Наша партийная организация вскоре приобрела большой авторитет в Московском партийном комитете и в ЦК. Тогда возникало очень много политических ситуаций в ходе борьбы с оппозицией, когда нам надо было реагировать, и реагировать немедленно. Промышленная академия занимала тут как бы ведущее положение. Мы собирались по группам, потом проводили общее собрание, и наши резолюции о текущем моменте сейчас

Продолжение. Начало см. Вопросы истории, 1990. № 2.

же публиковались в «Правде». Таким образом, они становились общим достоянием.

Одним из острейших был вопрос о коллективизации сельского хозяйства. Мы считали, что известное выступление Сталина с письмом «Головокружение от успехов» — это шедевр. Мы понимали его как смелость руководителя партии, который не боится признать ошибки. Правда, он не взял эти ошибки на себя лично, а взвалил их на партийный актив. Хотя местный актив с азартом, грубо говоря, со звериным азартом проводил коллективизацию, но он все же находился под бичом «Правды». Если взять «Правду» за тот период, то она пестрела изо дня в день цифрами (у кого в районе какой процент крестьян уже объединен в колхозы), подхлестывавшими местные партийные организации. В 1929—1930 гг. у меня не было никакого прямого соприкосновения ни с деревней, ни даже с партактивом, который проводил эту кампанию. Я питался данными лишь со страниц «Правды» и радовался. Я стоял за колхозы всей душой и телом, поэтому меня радовали публикуемые цифры.

А когда разразился гром — письмо «Головокружение от успехов», я был несколько смущен: как же так, все было хорошо, а потом вдруг такое письмо? Но стало ясно, что это было необходимо, потому что угроза назревала или даже уже назрела. Уже вспыхивали отдельные восстания крестьян и назревали еще более крупные. Обстановка коллективизации хорошо отражена Шолоховым в «Поднятой целине». Правда, в «Поднятой целине» дело нашло отражение именно так, как оно толковалось Сталиным. Иначе и быть не могло, Шолохов иначе не мог написать. Теперь же, когда выявились злоупотребления Сталиным властью, то при анализе пройденного нами пути требуется более аналитический, более глубокий подход. Надо, все проанализировав, сделать правильный вывод из ошибок, прежде всего из ошибок, допущенных Сталиным, когда он лбом ударился о стену и не смог прошибить ее, из-за чего вынужден был отступить. Но, отступая, свалил свою вину на других, и это очень дорого обошлось тем людям.

Помню, как Московская организация тоже обвинялась в том, что она допустила перегибы. Тогда Московскую парторганизацию возглавлял товарищ Бауман. Я мало знал его, но он считался крупным руководителем. Потом, когда его освободили, на пост руководителя Московской организации был выдвинут Молотов. Однако Молотов мало проработал на этом посту, и на это место был выдвинут Каганович.

Тогда к нам уже стали проникать сведения, что на селе неблагополучно, что с колхозами не все обстоит гладко. Как раз тогда разгорелась острая борьба с «правыми». Потом Рыков и Бухарин сконтактировали свою оппозиционную деятельность с зиновьевцами и даже с троцкистами. Одним словом, разгорелась очень сильная борьба. Вот тогда-то, насколько сейчас помню, Угланова, который был противником такой коллективизации, и сменил Бауман, затем Баумана сменил Молотов, а Молотова сменил Каганович. Таким образом, шло «по возрастающей» выдвижение людей в Московской организации, которая сама выдвигалась на передний план и должна была послужить примером для других, поскольку одновременно шло и нарастание коллективизации.

Когда я уже работал секретарем Московского городского комитета партии (это было в 1932 г.), вдруг Каганович однажды говорит мне, что он собирается уезжать в командировку в Краснодар. Он не вполне откровенно сказал, какие причины вызвали эту поездку. Не знаю, сколько он отсутствовал, наверное, с неделю или с две, однако когда приехал, то как руководитель Московской парторганизации проинформировал нас о положении дел. Оказывается, он выезжал в Краснодар потому, что там началась забастовка (как тогда говорили — саботаж). Кубанские казаки не хотели обрабатывать землю в колхозах, и в результате этой поездки были выселены в Сибирь целые станицы.

Мы смотрели тогда на все эти события глазами Сталина и обвиняли кулаков, «правых», троцкистов, зиновьевцев и всех, кого нужно было обвинить и с кем велась тогда борьба в партии. Просто не допускалось мысли, что могут быть допущены ошибки Центральным Комитетом, в первую голову Сталиным. Он формулировал в то время политические задачи совершенно бесконтрольно. К тому времени, по-моему, уже были фактически отстранены от руководства Рыков, Бухарин, Зиновьев и Каменев, а Троцкого уже и в нашей стране не было, он был выслан за границу. Таким образом, предвидеть эти ошибки или как-то допустить их наличие зависело от ЦК, от Политбюро, а в Политбюро руководящую и решающую роль играл Сталин. Значит, если искать виновных, то главная вина лежала на нем.

Но тогда мы этого не видели, мы смотрели на все глазами Сталина: коллективизация идет, Сталин вовремя повернул руль, все увидел и опубликовал письмо «Головокружение от успехов». Мне неизвестно даже сейчас, какие реальные были у нас успехи. Тогда же, собственно, мы об этом и не задумывались: раз Сталин сказал, значит, так и есть, мы просто не понимали, не замечали фактов. А «успехи» были такие, что в стране возник голод.

У меня имелись приятели среди военных. Вот Векличев, начальник Политуправления Московского военного округа, очень хороший товарищ. Он был ближайшим, преданнейшим другом Якира. Он когда-то работал на Украине и сам происходил из шахтеров. Ходил он тогда с тремя или четырьмя ромбами в петлицах. Он-то и говорил, что на Украине дело обстоит плохо: крестьяне не работают, не хотят пахать, повсюду забастовки, саботаж. Вдруг я узнаю, что мобилизованные красноармейцы посылаются на прополку сахарной свеклы на Украину. В те времена Украина была главным поставщиком сахара, наверное, процентов 70 сахара, если не больше, давала она стране.

Когда я работал на Украине, то несколько соприкасался с сельским хозяйством и получил представление об уходе за сахарной свеклой. Поэтому меня такое известие страшно поразило: если, думаю, красноармейцы будут полоть и убирать сахарную свеклу, то сахара ожидать нельзя. Эта культура довольно трудоемкая, деликатная, и ее нужно обрабатывать со знанием дела, своевременно ухаживая за ней. Конечно, от людей, не заинтересованных в результатах труда, сложно что-либо требовать. К тому же красноармейцы в большинстве своем были из разных районов страны, а не только из свеклосеющих, и они плохо знали конкретное дело. И, конечно, это сказалось на результатах: сахара действительно не было.

Позже просачивалось в Москву много сведений, что на Украине царит голод. Я же просто не представлял себе, как может быть в 1932 г. голод на Украине. Когда я уезжал в 1929 г., Украина находилась в приличном состоянии по обеспеченности продуктами питания. А в 1926 г. мы вообще жили по стандарту довоенного времени, то есть 1913 г., а тогда продуктов питания на Украине имелось много, и все продукты были дешевые: фунт мяса стоил 14 коп., у овощей была буквально копеечная цена. В 1926 г. мы достигли довоенного уровня, и после упадка хозяйства в результате войны и разрухи мы гордились этим успехом. И вдруг — голод!

Уже значительно позже я узнал о действительном положении дел. Когда я приехал на Украину в 1938 г., то мне рассказывали, какие раньше были тяжелые времена, но никто не говорил, в чем же заключались эти тяжелые обстоятельства. Оказывается, вот что было, как рассказал мне потом товарищ Микоян. Он говорил: — Приехал однажды товарищ Демченко в Москву, зашел ко мне: «Анастас Иванович, знает ли Сталин, знает ли Политбюро, какое сложилось сейчас положение на Украине?» (Демченко был тогда секретарем Киевского обкома партии, причем обла-

сти были очень большими). Пришли в Киев вагоны, а когда раскрыли их, то оказалось, что вагоны загружены человеческими трупами. Поезд шел из Харькова в Киев через Полтаву, и вот на промежутке от Полтавы до Киева кто-то погрузил трупы, и они прибыли в Киев. «Положение очень тяжелое,— говорил Демченко.— А Сталин об этом, наверное, не знает. Я хотел бы, чтобы вы, узнав об этом, довели до сведения товарища Сталина».

Вот тоже характерная черта того периода, когда даже такой человек, как Демченко, член Политбюро ЦК КП(б) Украины, видный работник и член ЦК, не мог сам прийти, проинформировать и высказать свое мнение по существу. Уже складывалось ненормальное положение: один человек подавлял коллектив, другие перед ним трепетали. Демченко хорошо все понимал, но он все-таки решил рассказать Микояну, зная, что Микоян был в то время очень близким человеком к Сталину. Да и вообще тогда в партии, в партактиве нередко говорили, что существует «кавказская группа» в руководстве. К кавказской группе относились, в частности, Сталин, Орджоникидзе, Енукидзе и Микоян.

Сколько же тогда погибло людей? Сейчас я не могу сказать. Сведения об этом просочились в буржуазную печать, и в ней вплоть до последнего времени моей деятельности иной раз проскальзывали статьи насчет коллективизации и цене этой коллективизации в жизнях советских людей. Но это сейчас я так говорю, а тогда я ничего этого, во-первых, не знал, а, во-вторых, если бы и знал о чем-то, то нашлись бы свои объяснения: саботаж, контрреволюция, кулацкие проделки, с которыми надо бороться, и т. п. Это ведь нельзя было отрицать, потому что Октябрьская революция породила острую классовую борьбу, которая потрясла весь общественный строй и экономический уклад страны, ее политические основы аж до пупа Земли. Все было... Только теперь видно, что нельзя было все объяснять лишь этим: нужно было еще и разумно руководить страной.

А я начал встречаться со Сталиным, когда уже работал в Москве секретарем горкома партии и отвечал за вопросы реконструкции города. Первый план реконструкции Москвы разрабатывался при мне, когда я работал вторым секретарем горкома ВКП(б), а Булганин был председателем Моссовета. По-моему, главным архитектором города был тогда Чернышев, очень умный человек. Он автор здания Института В. И. Ленина. Этот архитектор производил на меня впечатление человека очень скромного и застенчивого. Произошел однажды неприятный эпизод. Пришли мы на площадь у Моссовета и стали осматривать здания, которые окружают Моссовет. Каганович взглянул на здание Института Маркса — Энгельса — Ленина (новое название, позднее — Центральный партийный архив) и говорит: «Черт его знает, и кто это построил такое уродливое здание?» Дом имел форму куба и окрашен был в серый цвет, под бетон. Действительно, здание выглядело мрачноватым. Архитекторы несколько смутились, и очень-очень смутился Чернышев. Он ответил: «Лазарь Моисеевич, это я проектировал». Тот улыбнулся, извинился и начал несколько смягчать свое оскорбительное замечание в адрес архитектора.

Мы докладывали тогда о ходе реконструкции Москвы в Политбюро. Доклад сделал, кажется, Каганович, хотя, может быть, и Чернышев как главный архитектор города. Мне понравились указания Сталина по соответствующим вопросам. Я сейчас уже не помню, что конкретно он говорил, слова не были настолько яркими, чтобы сохраниться в моей памяти, но общее впечатление осталось хорошее. Это произошло, кажется, в 1934 году. В то время уже началось строительство метрополитена. Когда решался вопрос об этом, мы очень слабо представляли себе, что это за строительство, были довольно наивны и смотрели на это как на нечто чуть ли не сверхъестественное. Сейчас гораздо проще смотрят на

полеты в космос, чем мы тогда — на строительство в Москве метрополитена. Но ведь тогда было другое время, и с этим надо считаться.

Лучшим строителем считался Павел Павлович Ротерт, немец российского происхождения. Он считался крупнейшим среди строителей. В принципе тогда самое крупное гражданское строительство было осуществлено в Харькове, где возвели Дом промышленности на площади Дзержинского. По тем временам это действительно было грандиозное сооружение. После войны Дом промышленности был реконструирован и расширен. Раньше он не был таким огромным, как сейчас, но по тем временам являлся крупнейшим зданием в стране. Строил его как раз Ротерт, поэтому и предложили назначить его начальником строительства метро.

Вначале я к этому строительству не имел отношения. Это было как бы специальное строительство, хотя и в самом городе. Но спустя какое-то время Каганович вдруг говорит мне: «Со строительством метро дело обстоит плохо, и Вам придется как бывшему шахтеру заниматься детальным наблюдением за ним. На первых порах, чтобы ознакомиться с ходом строительства, предлагаю Вам бросить свою работу в горкоме партии, сходите на какие-то метрошахты, а Булганин пойдет на другие. Побудьте там несколько дней и ночей, посмотрите на все, изучайте с тем, чтобы можно было руководить по существу и знать само дело».

Каганович в ту пору являлся первым секретарем горкома ВКП(б) и первым секретарем Московского обкома партии, а одновременно — секретарем ЦК партии. Главные его силы поглощала работа в ЦК, где он был фактически вторым секретарем ЦК, замещая Сталина. Поэтому на мои плечи постепенно перекладывались и большая работа по Москве, и большая ответственность. Это требовало огромного напряжения сил, если учесть, что соответствующих знаний и опыта у меня не было. Приходилось брать усердием и старанием, затрачивая массу усилий. Московская парторганизация была сложным организмом. Я считал, и не без оснований, что мне придется трудно, и прямо сказал об этом Кагановичу. Тем не менее я стал вторым секретарем Московского горкома ВКП(б), а через год — вторым секретарем обкома (после Рындина). Наконец в 1935 г. я был избран первым секретарем, превратившись в профессионального московского партработника. То была большая честь, влекшая за собой и большую ответственность.

Вернусь к метрополитену. Предложение Кагановича мы приняли с восторгом. Я тогда относился к Кагановичу с большим уважением, а он действительно был человеком, преданным партии и практическому делу. В работе, которую он проводил, он, как говорится, наломал немало дров, но не жалел при этом ни сил, ни здоровья. Трудился преданно и упорно. Пошел я в метрошахты. Спустился, осмотрел все и стал более конкретно представлять себе, что такое метрополитен. Раньше это слово ничего для меня конкретно не означало. Когда же глянул, то увидел, что это простые штольни, такие же, с какими я встречался, работая в угольных шахтах. Правда, здесь картина была более впечатляющей. В угольных шахтах все делалось вручную, зато по сравнению с метро было больше порядка и, видимо, работали там более квалифицированные люди.

Булганин простудился в метрошахтах и заболел ишиасом, после чего долго лежал в постели. Потом его послали лечиться в Мацесту. Одним словом, он вышел из строя на долгое время, не помню, на какое; может быть, на месяц; может быть, даже более того. Таким образом, руководство строительством метрополитена как бы закрепилось за мною, и я стал отвечать за него. Я регулярно докладывал Кагановичу о ходе работ и принимал во всем самое деятельное участие. Прежде всего предложил Кагановичу: чтобы построить метрополитен, нужны настоящие кадры.

Там кадры были очень слабенькие. Конечно, люди и работали, и учились, и это похвально. Но только люди эти не знали горного дела. А тут надо было вести горные работы в условиях подземной Москвы, в усло-

виях московских грунтов, часто плавунных, очень насыщенных водой. Кроме того, на поверхности города имелись сооружения, которые легко могли быть разрушены в результате обвалов и т. п. Все это требовало особой ответственности. Поэтому я предложил пригласить горных инженеров. Тут — горные работы, поэтому горный инженер будет вести работу значительно лучше тех, кто возглавлял здесь шахты. Начали мы искать инженеров. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Произошла заминка с добычей угля в Донбассе. Там оказалось дело плохо в том смысле, что росли потребности, которые опережали наши возможности. Подготовительные работы и закладка новых шахт отставали от потребностей в угле. Послали в Донбасс Молотова. Он приехал туда, но не разобрался в сути дела, потому что совершенно не знал горной специфики.

Возглавлял тогда работы в Донбассе Егор Трофимович Абакумов, старый шахтер, широко известный как человек, хорошо знающий шахтное дело. Он был моим другом. Я с ним познакомился, когда вместе работали в 1912—1914 годах на одной шахте, а в 1917 г., опять вместе, встречали революцию и стали общественными деятелями на нашей шахте. Потом, после гражданской войны, с ним вместе мы восстанавливали шахты. Я вернулся из Красной Армии, а он был управляющим рудниками. Меня партийная организация назначила заместителем к нему (тогда парторганизация назначала руководителей). Я просто восхищался его знанием дела. Человек же он был простой, истинно рабочий. То было отличное сочетание: он прекрасно знал горное дело и оказался толковым администратором.

На Политбюро, когда слушали доклад Молотова, то, видимо (я в деталях не знаю эту историю), он предложил снять Абакумова. Таким вот ветром повеяло. Вдруг у меня — звонок. Это звонит мне Каганович: «Вы знаете Абакумова?» «Да, я хорошо знаю Абакумова». «Я из Политбюро. Абакумов, видимо, будет снят со своего поста, и сейчас решается вопрос, где его использовать. Как Вы смотрите на то, если взять Абакумова заместителем начальника строительства метрополитена к Ротерту? Каково Ваше мнение?» Говорю: «Если Абакумов будет снят со своего поста и нам отдадут его на должность заместителя, то лучшего заместителя и искать не нужно. Он будет и замечательным начальником». «Нет,— отвечает,— тут должность Ротерта».

За Ротертом шла слава крупного инженера, а Абакумов не был ни инженером, ни строителем, а просто выходцем из рабочих, хотя экстерном окончил штейгерское училище. Штейгер-практик: были такие люди в капиталистическое время, знающие свое дело, хотя и не прошедшие классической штейгерской школы... Так был к нам назначен Абакумов. Когда он приехал, мне стало полегче, потому что мы с ним были друзья и вообще друг друга знали, друг другу верили. Сейчас же стали мы приглашать горных инженеров. Пригласили нашего общего знакомого и уважаемого товарища, инженера копей Вишневецких Александра Ивановича Шолохова, очень солидного специалиста. Таким способом подобрали кадры, после чего работы в метрополитене двинулись у нас увереннее.

Еще до приезда Абакумова Каганович предложил мне: «Как Вы смотрите, если мы вас утвердим начальником строительства метрополитена?» Говорю: «Я бы не хотел». «Но ведь вы показали свои знания, свое умение. Собственно говоря, сейчас мы уже рассматриваем Вас именно как руководителя строительством метрополитена. Поэтому для вас нового тут было бы мало». «Если состоится такое решение,— отвечаю,— то я буду делать все, что в моих силах, но тогда попросил бы освободить меня от должности секретаря горкома партии, потому что совмещать должность секретаря горкома и начальника строительства метрополитена нельзя». «Нет,— говорит Каганович,— это невозможно».

Позднее я узнал, что это было предложение Сталина. Каганович мне

об этом не сказал, Сталин же указал Кагановичу назначить меня по совместительству, а когда я заявил, что по совместительству работать нельзя, то все было оставлено так, как прежде. Собственно говоря, я 80% своего времени отдавал тогда метрополитену. И на работу в горком, и с работы ходил через шахты метро. Какой у нас реально был рабочий день, сказать просто трудно. Я вообще не знаю, сколько мы спали. Просто тратили минимум времени на сон, а все остальные часы отдавали работе, делу.

Строительство продолжалось. Помню такой случай. Пришел ко мне молодой инженер. Он мне очень понравился. До этого я его не знал, он работал раньше в проектном отделе. Молодой, красивый парень, нарождавшийся специалист нашего, советского времени; Маковский, по-моему, была его фамилия. Говорит он мне: — Товарищ Хрущев, мы строим метрополитен немецким способом, то есть открытым, траншеями. Для города это очень неудобно. Есть и другие методы строительства, например, закрытый способ, с применением щитов, английский. Там надо глубже копать, это будет немного дороже, но если принимать во внимание возможность войны, то метро сможет служить и убежищем. К тому же в этом случае строительство можно будет вести, уже не придерживаясь транспортных магистралей, и проводить под домами. И для транспорта этот метод тоже был бы лучше. Прошу Вас подумать, и если мне будет дано поручение, то я мог бы сделать доклад по этому поводу. Кроме того, сейчас решается вопрос о способе эвакуации пассажиров. Павел Павлович Ротерт готовит заказы на лифты. Это тоже немецкий способ. А почему бы не сделать эскалаторы?

Я, признаться, впервые услышал тогда это слово и не знал, с чем его едят. Спросил, что это значит? Он объяснил мне, насколько я мог его понять. Мне это не показалось какой-то замысловатой сверхсложностью. Говорю ему: «Хорошо, я доложу товарищу Кагановичу, мы обменяемся мнениями, и тогда я Вам отвечу». Он попросил меня ничего не говорить, однако, Ротерту, потому что тот весьма строг и ревнив: «Я и так пошел к Вам без его ведома, не сообщив ему. Я знаю, что ему докладывать бесполезно, он осудит меня, не выслушав, потому что он очень самоуверенный человек». Доложил я Кагановичу. Каганович отвечает: «Вы заслушайте его более подробно насчет эскалаторов, а уж тогда станем или не станем заказывать лифты».

Ротерт доказывал нам, что эти лифты мы в своей стране построить не сможем, а можно их заказать только в Англии или в Германии. Но для этого нужно иметь золото. Золото же тогда у нас было на вес золота. Его было мало, и поэтому расходовалось оно очень скупо, и я считаю, что это было весьма разумно. Добиться, чтобы нам дали золото на строительство метрополитена, долгое время оставалось нашей мечтой, которую мы считали просто несбыточной: во-первых, нам не дадут; во-вторых, и сами мы знали, что золота-то нет. Его расходовали на более важные нужды, чем метрополитен. Но мы все-таки готовились поставить данный вопрос.

Когда Маковский доложил мне более подробно, я сказал, что теперь должен послушать Ротерта. Пригласил Павла Павловича, пригласил и других людей и сказал, что, вот, товарищ Маковский выдвигает такие-то предложения. Надо было видеть эту картину: Маковский — молодой человек, изящный, хрупкий, красавец рекламной внешности, а Ротерт — уже старый человек, огромного роста. Он как глянул на него из-под своих нависших бровей, так, знаете, будто крокодил на кролика. Тот смутился, однако не растерялся: молодой был, но зубастый. Он начал высказывать Павлу Павловичу с очень большим уважением и корректно свою точку зрения: говорил, что она более прогрессивная; что мы используем устаревший метод; начал ссылаться на Англию: тоннели глубокого заложения уже проложены в Лондоне, и станция Пиккадилли сделана с по-

мощью эскалаторов. Это лучшая станция в аристократическом районе Лондона. Поэтому и нам бы сейчас не худо взять такое же направление работы. Ротерт с презрением посмотрел на него, назвал мальчишкой, заявил, что он говорит необдуманно, безответственно и пр. Но тот уже посеял свои семена. Я стоял на стороне Маковского, но когда мы начали готовить доклад в ЦК, то о строительстве с глубоким залеганием станции и об эскалаторах пока не говорили, так как считали, что рано ставить вопрос о золоте, а без него тут не обойтись.

Встал также вопрос, что при работе новым способом могут быть несколько растянуты сроки в сравнении с утвержденными сроками окончания строительства метрополитена. К тому же надо было предусмотреть некоторое удорожание строительства. Все это требовалось решать в правительстве и в Политбюро. Поставили прежде вопрос в Политбюро. Но сначала Каганович собрал заседание в МК партии с докладом Ротерта. Ротерт был довольно упрямый человек. Для инженера это похвально. Он имел свою точку зрения и отстаивал ее до конца. Так он и не согласился с нами.

Каганович был очень смущен: надо идти в Политбюро, к Сталину, а Ротерт против. Сталин может нас не поддержать. Но иного выхода не было, потому что Сталин был уже подготовлен: ему говорили о разногласиях, да и заседание было назначено. Пошли. Ротерт доложил свое, потом начали выступать мы. Выступал ли я, сейчас не помню. Но спор разгорелся. Ротерт сказал: «Дорого». Тут Сталин ответил ему резко: «Товарищ Ротерт, вопрос о том, что — дорого, а что — дешево, решает правительство. Я ставлю вопрос о технике. Можно ли технически сделать то, что предлагает этот молодой инженер Маковский?» «Технически это можно сделать, но будет дорого». «За это отвечает правительство. Мы принимаем глубокое заложение». Так и постановили. Мне это очень понравилось. Сталин решал смело: да, будет дороже, но сразу решался и вопрос обороны. Ведь это были бомбоубежища на случай будущей войны. Действительно, метрополитен сыграл свою роль не только как транспортное сооружение: во время войны его станции служили убежищами. Одно время даже узел связи и некоторые другие помещения Ставки Верховного Главнокомандования размещались на станции метро Кировская... Так было дано новое направление в строительстве метрополитена.

Время реконструкции народного хозяйства до 1935 г. было периодом большого подъема в партии и в стране. Шла индустриализация, велось строительство заводов в Москве и других городах: Шарикоподшипникового, Нефтегазового, Электрозавода, Дукс (авиазавод номер 1), потом развернулась реконструкция Москвы. Строительство, конечно, было по сегодняшним масштабам мизерным, но тогда мы располагали другими возможностями и поэтому все было труднее. Строили метрополитен. Начали сооружать канал Москва—Волга. Стали перестраивать мосты через Москву-реку. По тому времени такие работы считались грандиозными.

Именно на мою долю как второго секретаря горкома партии, а фактически первого, поскольку Каганович был очень загружен по линии ЦК, приходилось все это строительство. Даже отказавшись от должности начальника метростроя, я ничего не выиграл и не проиграл, потому что фактически руководил им, и не «вообще», а очень конкретно отвечал за него. План реконструкции города Москвы слушался на Пленуме ЦК партии. Я не помню, выступал ли там Сталин по этому вопросу, однако основные направления плана были доложены ему еще до Пленума, на заседании Политбюро. Сталин высказал свою точку зрения, и она была полностью отражена затем в Генеральном плане реконструкции Москвы. Вновь скажу, что участие Сталина в решении конкретных вопросов нравилось мне, человеку молодому, который только еще приобщался к городским вопросам, тем более Москвы. Москва того времени уже была крупным городом, но с довольно отсталым городским хозяйством: улицы

неблагоустроены; не было должной канализации, водопровода и водостоков; мостовая, как правило, булыжная, да и булыга лежала не везде; транспорт в основном был конным. Сейчас страшно даже вспомнить, но было именно так.

Пленум ЦК положил начало реконструкции города на новых основах. Это был шаг вперед, и большой шаг. Здесь опять мы увидели внимание и заботу товарища Сталина о Москве и москвичах. Да, так тогда говорили. особенно Лазарь Моисеевич Каганович любил подхалимские эпитеты такого рода, они тотчас подхватывались всеми, и получался гулкий отзвук, прокатывавшийся эхом по всей Москве. Это восхваление с течением времени нарастало.

Вспоминаю, как проходил XVII съезд ВКП(б), на котором я был избран членом Центрального Комитета партии. Скажу о технике голосования при выборах членов ЦК. Она произвела на меня сильное впечатление своей демократичностью. Были выдвинуты кандидаты, затем занесены в список, бюллетени розданы делегатам съезда. Правда, возможности для выбора было предоставлено делегатам мало: кандидатов занесли в список столько, сколько и необходимо было избрать в состав ЦК его членами и кандидатами, далее — членами Ревизионной комиссии, и ни на одного человека больше или меньше. Каждому делегату предоставлялась возможность выразить свое отношение к тому или другому кандидату, то есть оставить его в списке или вычеркнуть. После получения бюллетеней для голосования делегаты сейчас же разбредались, присаживались и штудировали списки: решали, кого оставить, а кого вычеркнуть. Некоторые товарищи (судя по личному наблюдению) довольно усердно занимались этим делом. Сталин же демонстративно на глазах у всех, получив списки, подошел к урне и опустил туда, не глядя. Для меня этот поступок выглядел как-то по-особому. Только потом я понял, что ни одной кандидатуры без благословения Сталина не было в списки занесено, поэтому еще раз читать их ему не было никакой необходимости.

Один из эпизодов произвел на меня удручающее впечатление. Перед голосованием Каганович инструктировал нас, молодых партработников, как относиться к спискам кандидатов, причем делал это доверительно, чтобы никто не узнал. Он порекомендовал вычеркнуть из списков тех или иных лиц, в частности Ворошилова и Молотова, а мотивировал тем, что не должно получиться, что Сталин получит меньше голосов, чем Ворошилов, Молотов или другие члены Политбюро. Говорил, что это делается из политических соображений, и мы отнеслись к такому призыву с пониманием. И все-таки это произвело на меня плохое впечатление. Как же так? Член Политбюро, секретарь ЦК и Московского комитета партии, большой авторитет для нас, и вдруг рекомендует заниматься столь недостойной для члена партии деятельностью.

При голосовании и подсчете голосов техника дела тогда была такой: объявлялось число голосующих и количество голосов, поданных за каждого кандидата. Помню, что Сталин не получил всех голосов: шесть человек, как объявили, проголосовали против. Почему я хорошо это запомнил? Потому что когда произнесли «Хрущев», то у меня тоже не хватило шести голосов. Я почувствовал себя на седьмом небе: против меня проголосовали только шесть делегатов, против Сталина — тоже шесть, а кто же такой я в сравнении со Сталиным? Я считал тогда, что подсчет голосов реально соответствует действительности. Многие другие товарищи получили по нескольку десятков или даже, по-моему, по сотне голосов против. Получивший абсолютное большинство голосов считался избранным.

В тот период я довольно часто имел возможность непосредственно общаться со Сталиным, слушать его и получать от него прямые указания по тем или другим вопросам. Я был тогда буквально очарован Сталиным. его предупредительностью, его вниманием, его осведомленностью, его заботой, его обаятельностью и честно восхищался им.

В ту пору все мы были очень увлечены работой, трудились с большим чувством, с наслаждением, лишая себя буквально всего. Мы не знали отдыха. Очень часто на выходные дни, когда еще они были (потом они исчезли), назначались либо конференции, либо совещания, либо массовки. Партийные и профсоюзные работники всегда находились с массами: на заводах, на фабриках, работали с воодушевлением, жили же довольно скромно, даже более чем скромно. Я, например, материально был обеспечен лучше, когда работал рабочим до социалистической революции, чем тогда, когда являлся секретарем Московских городского и областного комитетов партии.

Главное для нас состояло в том, чтобы наверстать упущенное, создать тяжелую индустрию и оснастить Красную Армию современным вооружением, находясь в капиталистическом окружении, превратить СССР в неприступную крепость. Мы помнили слова Ленина, что через 10 лет существования Советской власти страна станет неприступной, жили одной этой мыслью и ради нее. То время, о котором я вспоминаю, было временем революционных романтиков. Сейчас, к сожалению, не то. В ту пору никто и мысли не допускал, чтобы иметь личную дачу: мы же коммунисты! Ходили мы в скромной одежде, и я не знаю, имел ли кто-нибудь из нас две пары ботинок. А костюма, в современном его понимании, не имели: гимнастерка, брюки, пояс, кепка, косоворотка — вот, собственно, и вся наша одежда.

Сталин служил и в этом хорошим примером. Он носил летом белые брюки и белую косоворотку с расстегнутым воротником. Сапоги у него были простые. Каганович ходил в военной гимнастерке, Молотов — во френче. Внешне члены Политбюро вели себя скромно и, как это виделось, все свои силы отдавали делу партии, страны, народа. Некогда даже было читать художественную литературу. Помню, как-то Молотов спросил меня: «Товарищ Хрущев, Вам удается читать?» Я ответил: «Товарищ Молотов, очень мало». «У меня тоже так получается. Все засасывают неотложные дела, а ведь читать надо. Понимаю, что надо, но возможности нет». И я тоже понимал его.

С каким же трудом я вырвался, придя из Красной Армии в 1922 г., учиться на рабочем факультете. Не дав мне закончить рабфак, меня послали на партработу. Только позже я вымолил у ЦК ВКП(б) разрешение учиться в Промышленной академии. Но и там я и работал, и учился одновременно, был активным политическим деятелем разных ступеней и рангов, активно стоял на позициях ЦК, боровшегося за генеральную линию партии. Партруководители находились тогда как бы вне обычных человеческих отношений — не могли жить для себя. Если кто-то увлекался литературой, то его даже упрекали: вместо того, чтобы работать, читаешь. А уж если он учился, чтобы получить среднее или, боже упаси, высшее образование, значит, это бездельник, который просто не хочет работать над укреплением Советского государства. Вот такая тогда была обстановка.

Помню, как-то Сталин сказал: «Как же это случилось так, что троцкисты и «правые» получили привилегию? Центральный Комитет им не доверяет, сместил их с партийных постов, и они устремились в высшие учебные заведения. Теперь многие из них уже закончили вузы и идут дальше, в науку. А люди, которые твердо стояли на позициях генеральной линии партии и занимались практической работой, не имели возможности получить высшее образование, повысить свой уровень знаний и свою квалификацию...» Он даже назвал тогда некоторых лиц в качестве примера. Но никто не считал, что приносит себя в жертву. Нет! Работали с удовольствием, с большим энтузиазмом, потому что считали его главным. Основное сейчас — укрепить наше государство. Пройдет какой-то период времени, необходимый для того, чтобы создать тяжелую промышленность, перевооружить наше сельское хозяйство, коллективизировать его, создать могучую армию и тем самым сделать советские границы неприступными для врагов, и тогда можно будет подумать и о систематическом образовании.

В те годы в Москве и в Московской области, как и в других областях, развернулось колоссальное строительство заводов, шла реконструкция самой Москвы, осуществлялось строительство метрополитена и мостов. Начали сразу возводить несколько мостов — Крымский, Каменный, Москворецкий и другие. Все это делалось капитально и буквально преобразило город. Одним словом, из Москвы ситцевой создавали Москву индустриальную. А политически вопрос связывался с тем, что ситцевая Москва порождает «правые» настроения, которые отражали Угланов, Уханов и другие московские лидеры. Угланов возглавлял ранее московских большевиков, но принадлежал как раз к «правым».

В 1935 г. москвичи отпраздновали окончание первой очереди строительства метрополитена. Многие получили правительственные награды. Я был удостоен сразу ордена Ленина. Это был мой первый орден. Булганин получил орден Красной Звезды, поскольку он уже награждался орденом Ленина за успешное руководство работой Электрозавода, директором которого он являлся. Помнится, Булганин имел орден Ленина под десятым номером. Это в ту пору очень подчеркивалось. У меня был орден Ленина с номером где-то около 110. Мы пышно отпраздновали завершение строительства первой очереди метрополитена, который был назван именем Кагановича. Тогда было модно среди членов Политбюро (да и не только Политбюро) давать свои имена заводам, фабрикам, колхозам, районам, областям и т. д. Это было настоящее соревнование между ними. Эта нехорошая тенденция родилась при Сталине.

В 1935 г. Каганович был выдвинут на пост наркома путей сообщения и освобожден от обязанностей секретаря Московского комитета партии. Меня после этого выдвинули на посты первого секретаря Московского обкома и горкома партии, а на ближайшем же Пленуме ЦК я был избран кандидатом в члены Политбюро. Конечно, мне было приятно это и лестно, но еще больше появилось страха перед огромной ответственностью. До того времени я постоянно возил с собою и хранил свой личный инструмент. Как у всякого слесаря, это были кронциркуль, литромер, метр, керн, чертилка, всякие угольнички. Я еще не порвал мысленно связь со своей былой профессией, считал, что партийная работа — выборная и что в любое время могу быть неизбранным, а тогда вернусь к основной своей деятельности — слесаря. Но постепенно я превращался в профессионального общественного и партийного работника.

Как секретарь Московского комитета партии я должен был наблюдать и за деятельностью Московского управления НКВД. Наблюдение заключалось в том, что я читал донесения о происшествиях в городе и в области: страшные порою были сводки о жизни большого населенного пункта. В Москве политическое положение было прочным, партийная организация была сплоченной, хотя появлялись иной раз листовки меньшевистского содержания, случались на предприятиях «волынки» или даже забастовки. Это объяснялось очень тяжелым материальным положением рабочих. Мы много строили. Строительных рабочих вербовали в деревнях и селили в бараках. В бараках люди жили в немыслимых условиях: грязь, клопы, тараканы, всякая иная нечисть, а главное, плохое питание и плохое обеспечение производственной одеждой. Да и вообще нужную одежду трудно было тогда приобрести. Все это, естественно, вызывало недовольство.

Недовольство порождали и пересмотры коллективных договоров, связанные с изменением норм выработки и расценок. Здесь сталкивались личные интересы с интересами государства. Хотя они в целом и сливаются воедино в сознании масс, но, когда происходит столкновение конкретного человека с государством, естественно, возникает противоречие.

К примеру, существовала где-то какая-то норма, а потом, после Нового года, вдруг она становится на 10—15% выше при тех же или даже меньших расценках. Это проходило легче там, где были умный директор и толковая партийная организация, которые изыскивали технические возможности, чтобы поднять выработку и которые разъясняли рабочим создавшееся положение. Другие же чаще всего ничего не делали и просто прикрывались авторитетом партии и интересами государства, а это вызывало «волынки» в цехах, а иной раз и завода в целом.

В таких случаях мы приходили из горкома и по-честному, в открытую разъясняли, где рабочие правы, а где — нет, поправляли и наказывали тех, кто допустил злоупотребления, или же объясняли рабочим ситуацию. Они, как правило, хорошо понимали, что мы стоим на более низком уровне по выработке на одного рабочего, чем развитые капиталистические страны. Поэтому нужно в какой-то степени подтягивать пояса, чтобы успешно соревноваться с противником и догонять его. Тогда мы еще редко употребляли слово «перегнать»: пугались его потому, что слишком большим был разрыв. Это так давило, что мы боялись произносить это слово.

В сводках по городу приводилось довольно много нелестных отзывов о партии и оскорбительных выражений в адрес ее вождей. Агенты доносили и о конкретных людях, которые были им известны, с их фамилиями, адресами и прочим. Но против них не принималось тогда еще никаких мер, кроме воспитательных. Мы знали, что там-то и там-то настроение плохое, следовательно, надо усилить общественную и особенно партийную работу, воздействовать на людей через профсоюзы, через комсомол, через лекторов и пропагандистов. Использовали все средства, кроме административных (я имею в виду аресты и суды). Если же это тогда и было, то лишь в виде исключения, в случае конкретных действий антисоветского характера. Все изменилось после убийства Кирова.

Начальником московского управления НКВД был товарищ Реденс, близкий к Сталину человек. Как я уже говорил, Реденс — член партии (кажется, с 1914 г.), по национальности поляк, рабочий-электрик, трудился в Днепродзержинске (бывшее Каменское). По-моему, он был хорошим товарищем. Однажды при встрече со мной он сказал, что получил задание «почистить» Москву. Действительно, Москва была засорена: много было неработающих и паразитических элементов, всяких спекулянтов. Их и надо было «вычистить», для этого составлялись списки людей, предназначенных к высылке из Москвы. То был первый этап репрессий, последовавших за убийством Кирова и направленных пока что против уголовных элементов. Куда их высылали, я не знаю: тогда придерживались такого правила — говорить человеку только то, что его касается. Тут дело государственное, поэтому чем меньше об этом люди знают, тем лучше. Потом уже появились жертвы политического террора.

После того как я стал секретарем парткома Промышленной академии, меня избрали секретарем Бауманского райкома партии, потом Краснопресненского райкома, а затем Московского горкома. На этой должности я проработал до 1935 г., потом я был избран первым секретарем горкома и обкома ВКП(б). Я уже был тогда членом ЦК, а когда меня избрали и первым секретарем Московского комитета, то тут же избрали кандидатом в члены Политбюро. Наконец, когда меня послали в 1938 г. на Украину, то на ближайшем же Пленуме ЦК избрали членом Политбюро. Таким образом, все важнейшие события 1934—1938 гг. происходили у меня на глазах. Поэтому я имею право обобщать.

К 1938 г. прежняя демократия в ЦК была уже сильно подорвана. Например, я, кандидат в члены Политбюро, не получал материалов наших заседаний. После страшного 1937 г. я не знал, собственно говоря, кому вообще рассылались эти материалы. Я получал только те материалы, которые Сталин направлял по своему личному указанию. Эти материалы касались чаще всего «врагов народа»: их показания — целая кипа «признаний», уже якобы проверенных и доказанных. Материалы рассылались для того, чтобы члены Политбюро видели, как опутали нас враги, окружили со всех сторон. Я тоже читал эти материалы, и у меня тогда не возникало сомнений в правдивости документов: ведь их рассылал сам Сталин! У меня и мысли не могло появиться, будто это — ложные показания. Для чего так делать? Кому это нужно? Было полное доверие к документам. Тем более, что я ведь видел Сталина и другим.

В начале 30-х годов Сталин был очень прост и доступен. Когда я работал секретарем горкома и секретарем обкома ВКП(б), то если у меня возникал какой-нибудь вопрос, я звонил прямо Сталину. Он почти никогда не отказывал мне, сейчас же принимал или же назначал время приема. Мои вопросы к нему чаще всего касались политической и практической части резолюций наших партсобраний, потому что Московский комитет всегда служил для других организаций примером. Именно так сам Сталин нам говорил, и я понимал, что принятая нами резолюция будет повторена потом почти всеми партийными организациями, пусть в разных вариантах, но суть та же.

Бытовая сторона жизни Сталина мне тоже нравилась. Бывало, когда я работал уже на Украине, приедешь к нему (чаще всего на ближнюю дачу в Волынском, туда близко было — минут 15 езды из города), а он обедает. Если летом, то всегда обедал на открытом воздухе, на веранде. Сидел он обычно один. Подавали суп — русскую похлебку, стоял графинчик с водкой и графин с водой, рюмочка была по размерам умеренная... Входишь, поздороваешься, он говорит: «Хотите кушать? Садитесь». А «садитесь» — это значит бери тарелку (тут же стоял супник), наливай себе, сколько хочешь, и ешь. Хочешь выпить — бери графин, налей рюмочку, выпей. Если хочешь вторую, то решай сам, как говорится, душа меру знает. Не хочешь, можешь и не пить.

Уже потом мы вспоминали, каким было доброе старое время... Но наступило и такое время, когда ты не только не хочешь пить, а тебя просто воротит, тебя же накачивают, наливают тебе нарочно. Да, и это умел делать Сталин. Правда, он не раз мне говорил: «Вот, помните, когда Берии не было в Москве, у нас не случалось таких питейных дел, не было пьянства». А я видел, что Берия в этом вопросе являлся подстрекателем в угоду Сталину. Сталину это нравилось, и Берия это чувствовал. Когда никто не хотел пить, а он видел, что у Сталина есть такая потребность, то он тут же организовывал выпивку, выдумывал всякие предлоги и выступал зачинщиком. Об этом я говорю потому, что к концу жизни Сталина такое времяпрепровождение было убийственным и для работы, и просто физически. Люди буквально спаивались, и чем больше спивался человек, тем больше получал удовольствия Сталин. Могут сказать, что Хрущев перебирает грязное белье. А куда деваться? Без грязного белья не бывает и чистого. Чистое приобретает чистоту и белизну на фоне грязного. К тому же бытовая обстановка тесно переплеталась там с работой. По-видимому, это почти неизбежное явление, когда страной фактически управляет один человек и в результате личные обстоятельства трудно отделимы от государственных.

Припоминаю также еще несколько конкретных случаев довоенной жизни, когда я сталкивался со Сталиным по тем или иным конкретным хозяйственным вопросам. Я уже говорил, что во всех вопросах реконструкции города Москвы, которые мы поднимали и где сами проявляли инициативу, мы находили у Сталина поддержку. Он вообще толкал нас в спину, призывал не бояться решать острые проблемы, идти на ломку, даже если возникало сопротивление среди членов общества, включая специалистов. Архитекторы иной раз сопротивлялись сносу таких строений, которые представляли архитектурно-историческую ценность. Видимо, эти архитекторы были по-своему правы. Но ведь город рос, он требовал раздвинуть границы его улиц, появлялся новый транспорт,

извозчик исчез, трамвай изживал себя в центре города, заработал метрополитен, появились троллейбусы и новые автобусные линии. Тут не было московской специфики: через такие проблемы проходят все города земного шара.

На мою долю выпала честь помогать прокладке первых троллейбусных линий в Советском Союзе, а именно — в Москве. Я очень много потратил сил для того, чтобы внедрить их. Существовала масса противников этого способа передвижения. Когда троллейбусная линия была уже готова и надо было ее испытвть, раздался вдруг телефонный звонок от Кагановича: «Не делать этого!» Я говорю: «Так ведь уже испытали». «Ну, и как?» «Все хорошо». Оказывается, Сталин усомнился, как бы вагон троллейбуса не перевернулся при испытаниях. Почему-то многие считали, что троллейбус обязательно должен перевернуться, например, на улице Горького — на спуске у здания Центрального телеграфа. И Сталин, боясь, что неудача может быть использована заграничной пропагандой, запретил испытания, но опоздал. Они прошли удачно, и троллейбус вошел в нашу жизнь. Тут же ему доложили, что все кончилось хорошо и что этот вид транспорта даже облагораживает город: он бесшумен, работает на электричестве и не загрязняет воздуха. Получился прогрессивный вид транспорта. Сталин одобрил это, и в 1934 г. первая троллейбусная линия начала работать.

Не знаю, как стоит вопрос сейчас, а в то время говорили, что троллейбус — не городской вид транспорта, а загородный. Я с этим не соглашался, и Сталин здесь тоже меня поддерживал. Мне это опять-таки импонировало: я восхищался Сталиным в связи с тем, что он вникает и в большое, и в малое и поддерживает все прогрессивное. Правда, позднее, когда мы купили двухэтажный (трехосный) троллейбус, Сталин все-таки запретил его использовать: он опять боялся, что тот перевернется. Сколько мы его ни убеждали в обратном, не помогало. Однажды, проезжая по Москве, он увидел такой двухэтажный троллейбус на пробной линии, возмутился нашим непослушанием и приказал: «Снять!» Сняли. Так нам и не удалось пустить их в эксплуатацию.

Большим противником троллейбуса был мой приятель, теперь уже давний покойник, Иван Алексеевич Лихачев. Это был человек, влюбленный в двигатель внутреннего сгорания. Поэтому он везде «совал» авто, а в данном случае говорил: «Автобус пройдет по любому переулку. Никакой твой троллейбус не может с ним сравниться. Это — пустая затея». Я долго и много с ним спорил. Причем все, что ему нужно было делать, когда готовили первые экземпляры троллейбуса, он аккуратно выполнял. Но выполнял как директор завода, а сам приговаривал: «Все равно я против, потому что троллейбусы — не прогрессивное дело». Полагаю, что и сейчас, когда прошло столько времени, его можно считать неправым: троллейбус — более прогрессивный вид городского транспорта. А вот во Франции проложены экспериментальные линии электрических поездов на монорельсе. Это ведь тоже своеобразный троллейбус. За ним будущее, потому что его можно поднять повыше. Следовательно, улицы разгрузятся для наземного транспорта. Кроме того, необходим скоростной транспорт. Безусловно, техника создаст возможность избавиться от шума, и это будет бесшумный транспорт. Думаю, что основа для создания такого вида транспорта была заложена именно троллейбусом.

Скажу также несколько слов об обстановке на заседаниях Политбюро, позднее — Президиума ЦК партии. Я получил возможность бывать на этих заседаниях, когда стал членом Центрального Комитета, после XVII партийного съезда, состоявшегося в 1934 году. Тогда в партии еще сохранялись хорошие традиции, заложенные Лениным. Члены ЦК имели возможность, если того желали, свободно приходить на заседания Политбюро и сидеть там, то есть слушать, но не вмешиваясь в обсуждение вопросов. Это делалось для того, чтобы члены ЦК были в курсе жизни страны и деятельности Политбюро. Я лично этим правом часто пользовался, но не всегда, потому что не всегда располагал временем.

Заседания проводились в определенный час и определенный день. Бывали закрытые заседания, на которых присутствовали только члены Политбюро. Но решения, которые принимались на закрытых заседаниях, записывались в особой папке, и каждый член ЦК мог прийти в секретный отдел, попросить такую папку и ознакомиться с секретными решениями Политбюро. Правда, секретные решения изымались из протоколов, рассылаемых по партийным организациям. Этот факт доступности любых решений любому члену ЦК очень интересен. Фиксирую внимание на нем. Это осталось еще от Ленина. Председательствовал на заседаниях в 30-е годы не генеральный секретарь ЦК, а председатель Совета Народных Комиссаров. Им в мое время был Молотов. Но после убийства Кирова и особенно после мрачного 1937 г. все постепенно изменилось, прежние порядки были ликвидированы. Когда я стал членом Политбюро после XVIII партийного съезда в 1939 г., то уже не помню случая, чтобы проводились даже регулярные заседания.

Убийство Кирова

В 1934 г. собрался XVII съезд партии — съезд победителей, как его тогда называли. Никакой оппозиции уже не было ни в партии, ни на самом съезде. Это был первый съезд после смерти Ленина, где не было оппозиции. Да, при жизни Ленина всегда была оппозиция! В 30-е годы развернулись пятилетки, дела пошли хорошо, все увлеклись хозяйственной деятельностью. Тогда это было главное дело. И это правильно: ведь она конкретно служит идеологии. Если идеология не подкреплена материально, то она не укрепится, не прорастет в сознании людей. Итак, все шло хорошо.

Мне трудно сейчас припомнить все подробности. Как-то вечером в начале декабря раздался телефонный звонок. Звонил Каганович: «Я говорю из Политбюро, прошу вас, срочно приезжайте сюда». Приезжаю в Кремль, захожу в зал. Каганович встретил меня. У него был какой-то страшный и настораживающий вид. Слышу: «Произошло несчастье. В Ленинграде убили Кирова. Потом расскажу. Сейчас Политбюро обсуждает этот вопрос. Туда намечается делегация: поедут Сталин, видимо, Ворошилов, Молотов, лица от московской парторганизации и еще от московских рабочих, человек 60. Делегацию Москвы нужно возглавить вам. Вы будете стоять там в траурном почетном карауле и потом сопровождать тело из Ленинграда в Москву».

Я тут же отправился в Московский комитет. Мы составили свою делегацию и поздним вечером того же дня выехали в Ленинград. Сталина, Ворошилова и Молотова, которые тоже туда поехали, я не видел, ни когда садились в поезд, ни когда мы прибыли, потому что они ехали отдельно, в специальных вагонах. Ленинград (хотя, может быть, это мои личные переживания и я переношу их на всех других) находился в глубоком трауре. Мы видели убитых горем секретарей городского и областного партийных комитетов, многих других людей. Встретился я там и со старыми знакомыми. Особенно в хороших отношениях я был с Чудовым, вторым секретарем Ленинградского областного комитета партии, красавцем, симпатичным, уважаемым всеми товарищем. Все мы просто разводили руками и толком не знали, что произошло. Знали только, что убил Кирова некто Николаев. Нам сказали, что Николаев не то был исключен из партии, не то имел взыскание за участие в троцкистской оппозиции, так что поэтому это — дело рук троцкистов. По-видимому, они организовали убийство, и в нас это вызывало искреннее возмущение и негодование.

Не помню сейчас, сколько дней мы пробыли в Ленинграде. Когда ленинградцы прощались с телом Сергея Мироновича Кирова, мы тоже стояли в карауле, по-моему, даже по нескольку раз. Потом состоялись перевоз тела в Москву и похороны. Как переживали смерть Кирова Сталин и некоторые другие члены Политбюро, не могу сказать. Каганович же, которого я видел, был потрясен и, на мой взгляд, даже напуган. Сталина я видел только, когда он стоял в карауле в Ленинграде. Но он умел владеть собой, и лицо его было совершенно непроницаемо. Да, я даже думать тогда не мог, что он может быть занят иными мыслями, кроме переживаний по поводу смерти Кирова.

Я с Кировым не был близко знаком. Как-то мы вместе с ним выступали на чьих-то похоронах на Красной площади в Москве. Кого мы тогда хоронили, не помню. Каганович мне тогда сказал: «Надо, чтобы вы выступили, но имейте в виду, что там будет выступать Киров. Киров очень хороший оратор, поэтому вы подумайте хорошенько, иначе впечатление о вас может быть неблагоприятным». Я ответил, что ничего не смогу большего, чем смогу, а с Кировым мне не соревноваться, поэтому, может быть, лучше, чтобы кто-нибудь другой выступил? «Нет, велели, чтобы вы выступили». И я выступил. Каганович сейчас же, как я только закончил, подошел ко мне: «Замечательно, блестяще выступили. Это отмечено Сталиным. Он сказал: с Кировым рядом выступать тяжело, а Хрущев выступил хорошо».

Если уж говорить о себе, то я считался неплохим оратором. Выступал всегда без текста, а чаще всего даже без конспекта. Когда я готовился к докладам, то составлял цифровые конспекты, потому что держать цифры в голове тяжело, а так доклады у меня получались лучше. Я начал читать доклады, только когда стал уже большим начальником: все очень ответственно, сказанное поправить трудно. Поэтому я вынужден был поступать именно так. К тому же видел, что все так делают, все читают... Когда, например, я готовился к докладу на XIX съезде партии, Маленков сказал мне: «Вот такой-то и такой-то тебе приготовят доклад. Ты не обижайся. Знаешь, что я тебе скажу? Вот сам Сталин, выступая в 1941 г. на октябрьских торжествах во время войны, в докладе даже запятых не переставил. Ему дали этот доклад, и я не знаю, читал ли он его до того, но абсолютно без всяких изменений зачитал текст. Так что ты не смущайся, это у вождей бывает». Итак, приехали мы в Ленинград. Нас разместили в лучшей гостинице. Наша делегация насчитывала человек 60: рабочие, служащие. Постояли мы в почетном карауле у гроба, а потом сидели в гостинице и разговаривали. Делать-то нам было больше нечего. Ленинградцы угостили нас «жареным мороженым». Все оплакивали Кирова.

Потом завертелась казенная машина. Как она вертелась, я не знаю, меня она не касалась. Этим вопросом занимался сам Сталин. Я был вне той машины, мое дело было лишь в том, чтобы, когда понесут гроб к вокзалу, мы пристроились к общей процессии, а по прибытии в Москву все вместе шли с вокзала. Потом в газетах было напечатано: «Московская организация оказала почести тов. Кирову». Жену его я видел на похоронах в первый и последний раз, сейчас я ее и не узнаю.

В принципе Киров был очень неразговорчивый человек. Сам я не имел с ним непосредственных контактов, но потом расспрашивал Микояна о Кирове и слышал, что тот мог заговорить даже голодных людей. Так он поступал в Астрахани в 1919 г.: есть было нечего, так он людям речи произносил, и люди слушали, забывая о голоде. Он, конечно, был умным человеком и знал, что нужно сказать. Да, он был истинный трибун! Я слушал его на съезде партии. Он говорил без написанного текста и с отработанной жестикуляцией. Отличный оратор. Микоян хорошо его знал. Он рассказывал мне: «Ну, как тебе ответить? На заседаниях он

ни разу ни по какому вопросу не выступал. Молчит, и все. Не знаю я даже, что это означает».

После XX съезда КПСС была создана комиссия для детальной проверки дел невинно осужденных лиц. Председателем комиссии был утвержден Шверник. Я предложил включить в состав комисси Шатуновскую, которая сама отсидела ни за что 16 лет и которая была в моих глазах неподкупным, вернейшим членом партии. Привлекли туда и товарища Снегова, который отсидел почти 20 лет. Получилась ответственная комиссия, которая должна была разобраться в делах и дать свое заключение: как могло случиться, что вот такое количество честных людей погибло во времена Сталина в качестве «врагов народа»?

Естественно, в первую очередь начали проверять, кто же такой Николаев, как он совершил убийство Кирова и что его к этому побудило. Когда приступили к изучению дела, то оказалось, что Николаев незадолго до убийства Кирова был задержан чекистскими органами около здания Смольного, то есть учреждения, в котором работал Киров. Николаев вызвал какие-то подозрения у охраны, был задержан и обыскан. У него обнаружили револьвер. Несмотря на эту улику (а в те времена очень строго относились к этому) и на то, что он был задержан в районе, который особо охранялся, потому что там ходили и ездили член Политбюро и все руководство Ленинградского обкома и горкома партии, Николаев, как докладывала нам комиссия, был освобожден. А спустя какое-то время Николаев убивает Кирова. Все эти обстоятельства настораживали комиссию и нас.

Ведь Николаев стрелял в Кирова не на площади. Нет! Он проник в Смольный, вошел в подъезд, которым пользовался только Киров, и убил его на лестничной клетке, когда тот поднимался по лестнице. Это сразу породило подозрения, что Николаев был подослан для совершения этого террористического акта какими-то людьми. До этого своим поведением Николаев показался подозрительным, и его задержали, однако он был отпущен по указанию сверху. Более того, Николаев получил затем доступ в Смольный, находился на лестничной клетке обкома партии, где работал Киров, там встретил и убил его. Без помощи лиц, обладавших властью, сделать это вообще было невозможно, потому что все подходы к Смольному охранялись, а особенно охранялся подъезд, которым пользовался Киров. Организовать это могли лишь те, которым был доступен вход в данный подъезд.

Мы все были потрясены. Стали разбираться дальше. Может быть, кое-кто из присутствующих и знал ранее все обстоятельства дела, но теперь молчал. Конечно, кое-что знали, несомненно, Молотов и Ворошилов, которые ездили в Ленинград со Сталиным. Комиссия доложила, что она получила сведения о допросе Николаева лично Сталиным. Об этом рассказал кто-то из старых большевиков, но, естественно, никаких документальных данных на этот счет быть не могло. Якобы дело обстояло так: когда к Сталину привели Николаева, тот бросился на колени и стал говорить, что он сделал это «по поручению», от имени партии. Следует отметить, что до разговора со Сталиным Николаев отказывался отвечать на вопросы следователей и требовал, чтобы его передали представителям центрального аппарата ОГПУ. Он утверждал, что ни в чем не виноват, а почему он так поступил, в Москве знают. Было ли дано ему «поручение» или не было, мне трудно судить. Если да, то он выполнил поручение. Но чье оно могло быть?

Конечно, не лично Сталин поручал дело Николаеву. Для этого Николаев был слишком мал. Но у меня нет сомнений, что по поручению Сталина кто-то его подготовил. Это убийство было организовано сверху. Я считаю, что оно было подготовлено руководителем ОГПУ Ягодой, который в свою очередь мог действовать только по секретному поручению Сталина, данному, как говорится, с глазу на глаз. Если принять именно

такую схему рассуждений, то Николаев, наверное, надеялся на какое-то снисхождение. Но по-настоящему рассчитывать на это было слишком наивно. Не такой уж большой человек этот Николаев: он выполнил поручение и думал, что ему будет дарована жизнь. Просто глупец. Как раз после исполнения такого поручения для сохранения тайны требовалось уничтожить исполнителя. И Николаев был уничтожен.

Когда заседала комиссия, еще был жив Ворошилов, а Молотов живет и сейчас *. Но мы, напротив, не были настолько наивны, чтобы спрашивать их об этом. И тот, и другой с возмущением отвергли бы соответствующий вопрос, потому что сознаться — означает признать соучастие в заговоре и в убийстве Кирова. Они не настолько были глупы, чтобы согласиться, а мы не настолько наивны, чтобы их об этом спрашивать.

Комиссия установила далее, что во время пребывания Сталина, Молотова и Ворошилова в Ленинграде при расследовании дела об убийстве Кирова Сталин потребовал привести к нему комиссара ОГПУ, который в тот день охранял Кирова. В те же дни было объявлено партактиву, что когда комиссара везли в автомобиле на допрос, то в результате неисправности рулевого управления машина (а везли его на грузовой машине) ударилась об угол дома, и он погиб. Мы поручили комиссии допросить людей, которые везли этого комиссара, чтобы они рассказали, при каких обстоятельствах произошла авария и как при этом погиб комиссар, начальник охраны Кирова. Стали искать этих людей. Их было трое, мне называли их фамилии. Двое сидели в кузове грузовой машины вместе с комиссаром, охраняя его, а третий находился в кабине с шофером. Всех троих не оказалось в живых: они были расстреляны. Это вызвало у нас еще больше подозрений, что все было организовано свыше и что авария автомашины оказалась не случайной.

И я предложил: «А вы поищите, не остался ли в живых шофер?» Никаких надежд я не питал, потому что видел, как было организовано дело, и считаем, что шофера как свидетеля видимо, тоже уничтожили. Но, на счастье, шофер остался жив. Его допросили. Он подтвердил, что был шофером на той машине, и рассказал: «Вот ехали мы. Рядом со мной сидел чекист и все время понукал меня, чтобы я ехал быстрее, дабы скорее доставить арестованного. На такой-то улице при повороте он вдруг схватил руль и направил машину на угол дома. Но я был крепкий человек, молодой, перехватил руль. Машина вывернулась и только помяла крыло. Никакой аварии не произошло. Однако я слышал, как при нашем столкновении раздался наверху какой-то сильный стук. А потом объявили, что «при аварии» этот комиссар погиб». Таким образом, показания шофера еще больше раскрывали подробности заговора с целью убийства Кирова.

Конечно, самого Кирова нет, и тут порвались связующие нити, которые могли как-то выявиться и обнаружить, что перед нами именно заговор. Все свидетели были убиты. Правда, шофер остался. Я поражался этому. Убийцы были квалифицированными людьми, а всего не предусмотрели. Почти всегда преступление оставляет за собой след, в результате чего и раскрывается. Так случилось и с шофером: все как будто предусмотрели, троих чекистов уничтожили, комиссара убили (комиссар, конечно, мог многое сказать: видимо, он имел какие-то указания, потому что отстал от Кирова, когда они вошли в подъезд и Киров стал подниматься по лестнице), а о шофере забыли.

Потом мы стали искать Медведя, начальника областного ОГПУ Ленинграда. Он был, как говорят, ближайшим другом Кирова. Они вместе ходили на охоту и дружили семьями. Может быть, Медведь что-то скажет? Обнаружили, что Медведь сначала был сослан на Север, а потом расстрелян. Это тоже прерывало след. Он, близкий к Кирову человек,

* Когда произносились эти слова, Молотов был еще жив.

мог иметь свое суждение об убийстве. Комиссия докладывала также, что нашелся какой-то человек, который утверждал, что есть женщина, врач больницы, в которой лежал Медведь и что-то ей рассказывал, чтобы она в будущем передала его рассказ в ЦК партии. «А я,— сказал он,— не доживу, буду уничтожен». Однако мы не сумели найти лица, с которым беседовал Медведь, мы нашли лишь ниточку, да и она оборвалась. Все это установил Шверник через комиссию.

Теперь я подхожу к главному: почему же «выбор» пал на Кирова? Зачем Сталину была нужна смерть Кирова? Киров был человек, близкий к Сталину. Он был послан в Ленинград после разгрома зиновьевской оппозиции и провел там большую работу, а Ленинградская организация состояла прежде в своем большинстве из сторонников Зиновьева. Киров повернул ее, и она стала опорой Центрального Комитета, проводником решений ЦК. Все это сам Сталин ставил в заслугу Кирову. Кроме того, Киров — это большой массовик. Я не стану тут касаться всех тех его качеств, которые высоко ценились в партии. Напомню лишь, что он был прекрасным оратором и, как мог, боролся за идеи партии, за идеи Ленина, был очень популярен в партии и в народе. Поэтому удар по Кирову больно отозвался и в партии, и в народе. Кирова принесли в жертву, чтобы, воспользовавшись его смертью, встряхнуть страну и расправиться с людьми, неугодными Сталину, со старыми большевиками, обвинив их в том, что они подняли руку на Кирова. О Николаеве в те дни говорили, что он когда-то был троцкистом. Возможно, это правда, но никакими документами не подтвержденная ни при жизни Сталина, ни после его смерти, хотя комиссия Шверника имела доступ ко всем материалам: она не обнаружила связи Николаева с троцкистами.

Спрашивается: зачем же была нужна Сталину расправа со старыми большевиками? Комиссия при расследовании обстоятельств убийства Кирова просмотрела горы материалов и беседовала со многими людьми. При этом выявились новые факты. В то время в партии занимал видное место секретарь Северо-Кавказского краевого партийного комитета Шеболдаев. Шеболдаева я знал, хотя близко с ним знаком не был. В 1917 г. он находился в царской армии на Турецком фронте и вел среди солдат очень активную агитационную работу. Как стало теперь известно, этот-то Шеболдаев, старый большевик с дореволюционным стажем, во время работы XVII съезда партии пришел к товарищу Кирову и сказал ему: «Мироныч (так называли Кирова близкие люди), старики поговаривают о том, чтобы возвратиться к завещанию Ленина и реализовать его, то есть передвинуть Сталина, как рекомендовал Ленин, на какой-нибудь другой пост, а на его место выдвинуть человека, который более терпимо относился бы к окружающим. Народ поговаривает, что хорошо бы выдвинуть тебя на пост Генерального секретаря Центрального Комитета партии».

Содержание этого разговора дошло до комиссии Шверника, о чем она и доложила Президиуму ЦК. Что ответил на это Киров, я не знаю. Но стало известно, что Киров пошел к Сталину и рассказал об этом разговоре с Шеболдаевым. Сталин якобы ответил Кирову: «Спасибо, я тебе этого не забуду!» Вот заявление, характерное для Сталина: в этом «спасибо» нельзя понять, благодарит ли он Кирова за сообщение или же угрожает ему. Этот эпизод приоткрывает занавес над причиной, почему была организована затем мясорубка.

Комиссия проявила интерес и к тому, как проходило голосование на XVII партийном съезде. Стали искать членов счетной комиссии. Некоторые из них остались в живых. Мы нашли товарища Андреасяна и некоторых других. Андреасяна я хорошо знал, он работал секретарем райкома партии в Октябрьском районе Москвы в то время, когда я был секретарем на Красной Пресне. Андреасян был близок к Микояну: они в былые времена вместе учились в духовной семинарии. Андреасян тоже

«отбыл срок», просидев не то 15, не то 16 лет. Эти члены счетной комиссии XVII партийного съезда доложили о том, что количество голосов, поданных тогда против Сталина, было не шесть, как это сообщили на съезде, а не то 260, не то 160. И та, и другая цифра очень внушительна, особенно принимая во внимание положение Сталина в партии, его самолюбие и его характер. На съезде же было объявлено, что против кандидатуры Сталина проголосовали шесть человек.

Кто дал счетной комиссии директиву фальсифицировать результаты выборов? Я абсолютно убежден, что без Сталина никто бы на это не пошел. Если связать результаты голосования и беседу Шеболдаева с Кировым, о которой узнал Сталин, и учесть известное предупреждение Ленина, что Сталин способен злоупотреблять властью, то все становится на свои места. Получают логическое объяснение и убийство Кирова Николаевым, и убийство комиссара, который охранял Кирова, и убийство трех чекистов, которые везли комиссара. Сразу становится ясным, почему это произошло. Сталин — умный человек, и он понимал, что если на XVII партсъезде против него проголосовали 260 или 160 человек, то это означает, что в партии зреет недовольство. Кто мог голосовать против Сталина? Это могли быть только ленинские кадры. Нельзя было даже предположить, что Хрущев или подобные ему молодые люди, которые выдвинулись при Сталине, боготворили Сталина и смотрели ему в рот, могут проголосовать против него. Этого никак не могло быть.

А вот старые партийцы, которые общались с Лениным, работали под его руководством, хорошо знали Ленина и чье завещание всегда оставалось в их памяти, конечно, не могли мириться с тем, что Сталин после смерти Ленина набрал к XVII съезду партии такую силу и перестал считаться с ними, стал вовсю проявлять те черты своего характера, на которые указывал Владимир Ильич. Вот они-то, видимо, и решили поговорить с Кировым и проголосовать против Сталина. Сталин понял, что старые кадры, которые находятся в руководстве, недовольны им и хотели бы его заменить, если это удастся. Эти люди могли повлиять на делегатов очередного партсъезда и добиться изменений в руководстве. И вот Киров был убит, а затем началась массовая резня.

Были казнены многие военные. Насчет военных я не могу сказать, что здесь обязательно имелась прямая связь с беседой Шеболдаева и Кирова. Возможно, военные стали жертвой провокации Гитлера, который подбросил чехословацкому президенту Бенешу «документ» об их «связи» с фашистами. Бенеш переслал этот «документ» Сталину. Первой жертвой стал Тухачевский. Тухачевский — очень талантливый полководец. В 27 лет он во время гражданской войны уже командовал войсками Западного фронта. Он вообще подавал большие надежды, и, с одной стороны, это радовало, а с другой — настораживало: не захочет ли Тухачевский воспользоваться примером Наполеона, чтобы стать диктатором? Тухачевский пользовался тогда большим доверием Сталина. Фактически строительством Красной Армии занимался Тухачевский, а не нарком Ворошилов, потому что первый был лучше подготовлен и более организован. Ворошилов занимался представительством на парадах, на всяких маневрах и главным образом саморекламой. Поэтому Ворошилов тоже был заинтересован в устранении Тухачевского.

Если поднять сейчас фамилии тех, кто был тогда арестован, то прежде всего это коснулось старых большевиков, людей ленинской школы, которые занимали ведущее положение в партии и были расставлены на решающих участках. Сталин правильно определил, кто голосовал против него. И вот полетели головы старых большевиков. Они объявлялись врагами народа, и все наши граждане, и партийные и беспартийные, одобряли это. Сейчас* в Китае Мао Цзэдун делает то же самое, только называет этих людей не «врагами народа», а противниками культурной революции.

* То есть в конце 1960-х годов.

Я еще раз перечитал воспоминания Крупской о Ленине. Когда я читал, перед моими глазами как бы проходили все те люди, которые приезжали к Ленину за границу, жили у него, получали его директивы. Это были самые близкие к Ленину люди. А где они сейчас? Их нет. Как они закончили свою политическую карьеру? Они оказались в списках «врагов народа». Крупская пишет о Варейкисе, о Пятницком (это человек, который занимался связями Ленина с Россией), называет Петерса. Я Петерса знал очень хорошо, потому что когда работал секретарем Московского партийного комитета, он возглавлял контрольную партийную комиссию Московской области.

Пишет Надежда Константиновна и об одном болгарине. Недавно в «Известиях» о нем была опубликована заметка. Там не сказано, как он погиб; теперь поступают просто: жил, и нет его, на небо вознесся. Я сейчас не помню его фамилии. Этот человек, когда Ленину нужно было получить нерусские документы, доставал болгарские паспорта Ильичу и Надежде Константиновне. Потом уже, после революции, Ленин пригласил его в Россию, и он тут работал. К концу своей жизни он был, кажется, директором треста хлебозаводов. Этот человек тоже погиб. Почему? Потому что начиналась чистка близких к Ленину людей не только в Центральном Комитете и среди делегатов XVII съезда: убирались и те, кто мог быть с ними связан или мог сочувствовать им.

Сколько же людей, с кем общался Ленин, оказались «врагами народа»! Косиор, член Центрального Комитета, член Политбюро. Рудзутак — кандидат в члены Политбюро, старый большевик, влиятельный человек, к которому Ленин относился с большим уважением. Межлаук — крупнейший экономист и организатор. Он возглавлял Госплан. Я считаю, что из председателей Госплана он был лучшим после Куйбышева. Чубарь Влас Яковлевич, тоже очень уважаемый человек, старый большевик, близкий к Ленину. Петровский. Он умер своей смертью, но был отстранен от прежних должностей и послан на третьестепенную работу. Петровский после революции не считался активным организатором в партии. Он, так сказать, выполнял роль партийной иконы. Поэтому Петровский не был опасен для Сталина, и оказалось достаточно упрятать его в Музей революции. Постышев Павел Петрович — активный человек. Эйхе — секретарь Новосибирского крайкома, а потом нарком земледелия. Когда его арестовали, Сталин сказал: «Вот, считали Эйхе коммунистом, а когда стали его допрашивать, то он говорит: «Что вы пристали ко мне, я не коммунист и никогда коммунистом не был». Это сочинялось Сталиным для того, чтобы через нас распространить свою версию... Варейкис. О нем тоже говорили, что он «провокатор». Одним словом, всех людей, которых арестовывали, порочили и объявляли, что это были не коммунисты, а провокаторы.

Вот, собственно говоря, истоки той мясорубки, которую затеял Сталин, тем самым подтвердив беспокойство Владимира Ильича насчет того, что если Сталин останется на своем посту, то он будет способен злоупотреблять властью. Партия не послушалась Ленина и поплатилась за это. Но уничтожались не только партийные кадры: косили всех. Если кто-нибудь «под настроение» что-то ляпнул, то и этого было достаточно, чтобы попасть в соответствующие списки и потом быть высланным или уничтоженным.

Хочу высказать еще одну мысль. Некоторые люди в беседах со мной говорили: «Товарищ Хрущев, а как вы считаете: следовало ли рассказывать о сталинском терроре, о том, что не было оснований для того, чтобы казнить этих людей, что это были честные люди? Может быть, можно понять и простить Сталина, принять случившееся как историческую необходимость?». Я категорически против этого. Я поднял эти вопросы на

XX съезде партии, я по поручению руководства партии делал доклад по этим же вопросам на XXII съезде, на различных митингах и собраниях разоблачал и клеймил Сталина за то, что он учинил расправу над строителями партии и руководителями нашего Советского государства. И я горжусь этим, считая, что тем самым я сделал что-то полезное для партии и для своей страны.

Зло, которое было причинено Сталиным, нанесло большой вред нашей стране, а всякое зло должно быть заклеймено. Нельзя уповать на то, что, мол, все уже в прошлом. Нет! История может в какой-то степени и повторяться. От разоблачения злоупотреблений наше государство не ослабло, влияние нашей партии не уменьшилось. Ее мощь, наоборот, возросла, потому что мы очистились от преступлений, которые совершил Сталин, и показали: чтобы утвердить Советскую власть и утвердить идеи марксизма-ленинизма, не требовалось такого кровопролития. Другое дело, когда совершилась революция и когда стоял вопрос о завоевании власти рабочим классом. Тогда жертвы были почти неизбежны. В гражданскую войну четыре года сражались русский против русского, брат против брата, сын против отца. И это тогда было оправдано: шла историческая ломка, ломался и свергался капиталистический строй, утверждались новые законы, новая идеология, к власти приходили рабочий класс и трудовое крестьянство. То были оправданные жертвы: их требовала революционная целесообразность.

Но во времена Сталина в этом уже не было никакой необходимости. Гражданская война давно закончилась, вредительство — тоже. Выросли новые кадры, промышленность была на подъеме. Правда, сельское хозяйство еще не набрало силы, но не по причине вредительства, а из-за нашей отсталости: были мы слабы в вопросах сельского хозяйства. Я очень обеспокоен, что сейчас притупилась борьба с культом и проскальзывают статьи, в которых стараются замолчать его, забыть об этих фактах. Из истории ничего выбросить нельзя! Можно лишь выбросить людей, которые настаивают на продолжении разоблачений злоупотреблений Сталина, но самый факт не сможет исчезнуть. Нельзя замолчать XX и XXII съезды партии.

Я встречаюсь со многими людьми, и многие выражают мне благодарность, присылают письма и открытки, где благодарят за то, что я поднял эти вопросы. Они пишут: «Вот у меня тот-то погиб, а я сама сидела, или я сам сидел, а теперь вернулся, восстановил свое доброе имя, раньше я был братом «врага народа» (или была женой «врага народа»), а теперь я получил права гражданства». Ну, что может быть приятнее, чем такое признание? Я все это охотно принимаю, потому что да, именно я был инициатором этого процесса, именно я провел большую работу по разоблачению Сталина. Но я был тут не одинок: это сделал Центральный Комитет, это сделал XX съезд партии. Нельзя говорить: «Хрущёв захотел, Хрущев сделал». Можно ведь захотеть, но не найти поддержки, и тогда ничего не выйдет. Эти вопросы созрели, и их нужно было поднять. Если бы я их не поднял, их подняли бы другие люди, и это стало бы причиной поражения партийного руководства, которое не прислушалось к велению времени.

Яркий пример тому — Чехословакия 1968 года. Я много раз советовал президенту Новотному (он честный коммунист и преданный пролетарий): «Поднимите занавес, разоблачите злоупотребления, если они у вас были». А они были, я знаю, что они были. Я сам был свидетелем того, как Сталин давал определенные поручения чекистам, которые были посланы в Чехословакию «советниками». Эти методы уже были отработаны в 1937 г., и они применялись во всех социалистических странах. Везде были наши «советники»... Новотный сердился и говорил: «Товарищ Хрущев, у нас ничего подобного не было». Я ему отвечал: «Если это не сделаете вы, то это сделают другие, и вы окажетесь в очень незавидном

положении». Новотный не послушался меня, и все знают, к чему это привело и его самого, и всю Чехословакию.

Если бы мы не разоблачили Сталина, то у нас, возможно, произошли бы более острые события, чем в Чехословакии. Мы бы не миновали этого. Надо было сказать народу и партии правду. Что же, тогда действительно были враги? Враги были и есть сейчас. Это вполне понятно. Не может историческая ломка при переходе от капитализма к социализму пройти без борьбы, без крови. И с той, и с другой стороны предпринимаются острые шаги вплоть до террора и прочего. Но удар был направлен Сталиным не против врагов, с которыми тогда в СССР уже было покончено и от которых сохранились только какие-то остатки, скупо проявлявшие себя в тех или других учреждениях, и борьба с которыми не требовала массового террора. Уничтожались члены партии, и в первую голову верхушка партии, люди, которые закладывали основы пролетарской, ленинской партии. Против них был направлен удар, и прежде всего именно они сложили головы. Эти злодейства никак нельзя оправдать. Не было в том никакой исторической необходимости: все эти люди являлись социалистическими организаторами масс рабочих и крестьян.

Почему же тогда Сталин их уничтожил? Он их уничтожил потому, что созревали условия для замены Сталина. В жизни пролетарской партии, построенной на основах демократического централизма, используются уставные методы работы. Значит, всегда может быть поставлен вопрос на съезде партии или на Пленуме Центрального Комитета о замене одного лица другим. Если не признавать за членами партии права менять руководство, то я вообще не знаю, во что превратится партия. Такая партия не сможет привлечь к себе массы, потому что это будет уже не диктатура класса, а диктатура личности. Фактически так и было при Сталине: партия уже не могла высказывать свою волю, Центральный Комитет реально не работал, годами не созывались Пленумы ЦК и съезды партии. На периферии партия еще продолжала жить прежней жизнью, но руководство уже не являлось избранным партией, Центральным Комитетом. Сталин что хотел, то и делал: хотел — казнил, хотел — миловал.

Мне запомнился еще один эпизод, который подтверждает характеристику Сталина, данную Лениным в его завещании. Вспоминаю такой характерный факт. Много раз мы вместе со Сталиным смотрели различные кинофильмы. Однажды был просмотрен фильм из жизни колониальной Англии. Я запомнил его содержание: надо было перевезти какие-то ценности из Индии в Англию. Но путь, которым шли корабли из Индии, контролировался пиратами. Тогда обратились к одному известному пирату, который сидел в Англии в тюрьме, и предложили ему взяться за это рискованное дело, а взамен что-то было ему обещано. Он согласился, однако поставил условие, что он подберет команду по своему усмотрению из тех, кто сидит с ним в тюрьме. Английское правительство согласилось, он подобрал команду, ему дали корабль, он прибыл в Индию, погрузил ценности, отправился в обратный путь и по дороге в Англию начал уничтожать своих единомышленников. Метод был такой: намечал жертву и ставил его фотографию к себе на стол. Так постепенно он уничтожил какое-то количество этих бандитов... Закончился просмотр картины, и Сталин, как обычно, предложил поехать к нему на «ближнюю» дачу поесть. Маленков и Берия сели в одну машину со Сталиным, а мы с Булганиным в моей машине поехали следом за ними. Приехали на «ближнюю», сейчас же пошли мыть руки и, как всегда, перебрасывались словами. Берия: «Слушай, ты знаешь, что сказал Сталин, когда мы ехали: а этот капитан — неглупый парень, он соображал, что делал». И стал подбивать меня, чтобы я поднял эту тему за столом и сказал, что это сущий мерзавец. Я поколебался и согласился, а за

столом сказал: «Товарищ Сталин, какой же мерзавец этот капитан, ближайших своих друзей погубил». Сталин взглянул на меня и ничего не ответил. Я тоже прекратил опасный разговор.

Тут видна параллель: Сталин, как тот пират, составил себе списки (фотографии ему были не нужны) и командовал своим подручным, чья наступила очередь. Куда до него тому бандиту! Тот «младенец» уничтожил десяток или полтора десятка человек, а Сталин-то уничтожил сотни тысяч. Я не могу сказать точно, сколько. Но, когда Сталин умер, в лагерях находилось до 10 млн. человек. Там, конечно, были и уголовники, и наши военнослужащие — бывшие военнопленные. Огромное число людей, которое даже и не снилось тому английскому пирату.

Сталин называл себя марксистом-ленинцем, а допускал зверства против своих единомышленников, против своих друзей по партии, дореволюционному подполью и по славной, великой борьбе за переустройство общества на социалистических началах. Когда Сталин разоблачал «врагов», я считал, что он прозорлив, он видит врагов. А я? Вокруг меня столько было врагов, столько арестовано людей, с которыми я ежедневно общался и не замечал, что они враги... Поэтому у меня еще больше вызывают теперь гнев все эти злоупотребления Сталина. Ведь то были честнейшие, преданные люди. Сколько погибло и моих друзей, и людей, которых я очень уважал: таких, например, как Бубнов, Антонов-Овсеенко. Антонову-Овсеенко было поручено Лениным арестовать Временное правительство в Зимнем дворце. Старый большевик Бубнов был наркомом просвещения. Это был замечательный человек, доступный и простой, мне он очень нравился. И вдруг он оказался «врагом народа». Меня угнетало, что я относился к нему с уважением и не замечал, что это был враг. Так неужели я и сейчас ошибаюсь, как ошибался тогда, когда казнил себя за то, что плохо вижу врагов, а Сталин их видит и чувствует на расстоянии? Нет! Нельзя поднимать убийцу. Мертвому, конечно, все равно, но правда нужна будущему поколению, которое тоже может попасть в такое же положение, в каком оказались мы. Если мы будем прощать («победителей не судят!»), то может появиться большой соблазн для лиц, подобных Сталину, учинить расправу над народом, прикрываясь высокими идеями.

Нашей страной пройден большой путь, многое сделано. И долгое время все заслуги приписывались одному лицу, Сталину. Сам же Сталин много раз осуждал такую точку зрения: это — эсеровский лозунг, где на первый план выдвигаются герои, а масса — якобы лишь толпа. Народ — вот вечный герой. Кто был вождем, когда русский народ сражался против наполеоновского нашествия? Неужели Александр I? Нет и нет! Может быть, Кутузов? Тоже нет! Кутузов был главнокомандующим. Но если бы народ не поднялся против французского нашествия, никакой Кутузов и никто другой не смог бы спасти Россию. Это народ встал грудью, положил тысячи жизней, но отстоял свою Родину. То же и при нашествии фашистов, которые пошли против Советского Союза. Поднялся народ. И, несмотря на то, что Сталин уничтожил лучшие кадры, обезглавил Красную Армию, уничтожил верхушку партийного и хозяйственного руководства, несмотря на все трудности, которые СССР переживал, несмотря на то, что были допущены большие упущения в подготовке армии к войне, народ, а не Сталин разгромил врага.

Да, лучшие командные кадры были уничтожены, другие же просто не выросли, не было на это времени. Другие командиры были выдвинуты на высокие посты, не обладая опытом и умением управлять большими соединениями. Кроме того, армия не была обеспечена вооружением: буквально с первых дней войны не хватало винтовок, не было пулеметов. Это же немыслимое дело! Мы совершенно справедливо критикуем сейчас Николая II за то, что в 1915 г. армия осталась без винтовок. А ведь мы начали войну без должного количества винтовок. Мне сказал тогда Маленков, когда я, находясь на Украине, просил винтовки: «Куйте штыки, куйте пики». Мы просили противотанковые гранаты и противотанковые ружья. Он ответил: «Делайте горючую смесь и обливайте вражеские танки». А потом наши бойцы нередко не вражеские танки обливали бензином, а землю поливали своей кровью, устилали ее своими трупами. Кто в этом виноват? Чьи тут упущения?

Побеждал, дескать, Сталин. А поражения чьи, народа? Действительно, есть старая поговорка: солдаты сдают города, а генералы их берут. Нет и нет! Это Сталин допустил много ошибок перед войной: ослабил армию, руководство нашей промышленностью, и это вынудило Красную Армию отступать с большими потерями, оставить противнику огромную территорию. Фашисты захватили житницу Советского Союза с плотным населением. Но, несмотря на все это, народ поднялся, воспрянул духом, перешел в наступление и разбил агрессора. Новые кадры наших полководцев выковались в процессе боев при отступлении. Но если бы были сохранены кадры, которые прошли школу гражданской войны; кадры, которые закладывали новую индустрию; кадры, которые выковались в процессе построения хозяйства на социалистических началах (это же неприступная сила!), и если бы должным способом были использованы людские и материальные возможности страны, то, конечно, врагу нечего было и думать достичь стен Москвы, занять Северный Кавказ, дойти до Сталинграда. Сейчас кое-кто опять начинает кричать: «Ура Сталину!». Все это уже было, и слишком большой кровью заплачено нами за эти «Ура!».

Если сейчас не осудить те злоупотребления, если не проанализировать наши ошибки, то возникнет опасность, что история может повториться. Народ должен знать все и о своих победах, и о своих поражениях. Он должен знать своих героев и должен знать причины поражений. А причины — это сталинский деспотизм, злоупотребление властью, тот Сталин, который нетерпимо относился к людям, к руководителям партии, к своим же товарищам, с которыми когда-то вместе работал под руководством Ленина. А когда эти люди стали претендовать на коллективное руководство и высказывать свое мнение, он их сперва сделал политическими врагами, а потом просто начал казнить.

Я считаю, что XX и XXII съезды партии приняли абсолютно правильные решения, и как бы кто-то ни хотел приуменьшить или загладить их, ничего из этого не выйдет. Никто не сможет протащить идею, что Сталин ни в чем не повинен, а если повинен, то это не преступление, а ошибки, совершенные в процессе перехода от одной формы общественного уклада к другой. Нет и нет! Ни один настоящий коммунист не станет на сторону убийцы своего народа. Поступить так — это значит подбадривать тех, кто мог бы это повторить, что вообще-то не исключено. Это станет возможным, если не проявить бдительности.

(Продолжение следует)

«КРУГЛЫЙ СТОЛ». РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ИСТОРИИ РОССИИ

Редакция журнала «Вопросы истории», Издательский отдел Московского Патриархата и Московская Духовная Академия 15 ноября 1989 г. провели в Москве «круглый стол» светских и церковных историков на тему «Роль Русской Православной Церкви в истории России». Сопредседателями «круглого стола» были главный редактор журнала «Вопросы истории» член-корреспондент АН СССР А. А. Искендеров и Председатель Издательского отдела Московского Патриархата митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим.

С приветственным словом обратился к собравшимся митрополит ПИТИРИМ: «Наше собрание – результат тех больших перемен, которые произошли в сознании нашего общества за истекший год после тысячелетия Крещения Руси. Растаял толстый покров льда над многими сторонами нашей жизни и стало возможным то, что должно быть нормой,– открытое сотрудничество, участие во всех благотворных процессах консолидации духовных сил нашего общества. Проблем много, но тем не менее мы собрались. Это для нас очень большая радость, мы счастливы беседовать с вами за «круглым столом».

А. А. ИСКЕНДЕРОВ. Мы благодарны церковным деятелям, за то, что они откликнулись на наше предложение. Это первая встреча, которая ставит своей целью обмен мнениями между представителями академической светской и церковной науки. К сожалению, в течение многих лет и даже десятилетий были разобщены и наука и исследователи. Мы не очень хорошо знали исследования церковных ученых, в то время как они, наверное, были лучше осведомлены о характере и уровне исследований светских ученых. Я согласен с Владыкой Питиримом, что мы живем сейчас в такое время, когда дух сотрудничества, диалога, взаимных усилий, взаимного доверия необходим в достижении обогащения духовной жизни общества. Сотрудничество даст возможность лучше знать отечественную историю, причем историю полную, знать, как и кем она творилась, знать все аспекты вашей культуры. Долгие годы мы имели обедненную историю, одни ее стороны знали хорошо, другие – хуже, а чего-то не знали вообще, в том числе и все, что связано с ролью религии в истории России.

Надеюсь, что собравшиеся готовы к диалогу, сумеют найти точки соприкосновения для сотрудничества и взаимопонимания, что поможет развитию нашей науки. Чрезвычайно важно, чтобы при этом восторжествовала историческая правда, что важно для осознания нашей исторической судьбы, для понимания того, как мы развивались и куда идем. Говоря о православной церкви, мы имеем в виду не только ее как организацию. Должен быть более широкий подход вообще к христианству, к православию как носителю определенных общечеловеческих, нравственных, духовных ценностей. Возможно, такие встречи станут регулярными, чтобы для более широких кругов общественности в период перестройки приоткрылась завеса еще над одной гранью отечественной истории, а это будет способствовать решению непростой проблемы – возрождению нашей духовности.

Архимандрит ИННОКЕНТИЙ (Издательский отдел Московского Патриархата). Работая над темой «История русского монашества», я обратился к архивам, фондам библиотек основных культурно-исторических центров России: Киево-Печерской Лавры, Троице-Сергиевой Лавры, Кирилло-Белозерского, Соловецкого, Иосифо-Волоколамского монастырей, Саровской Пустыни и Оптиной Пустыни. Я убедился, что библиотеки этих обителей и организация чтения в них составляли самую сердцевину повседневной жизни не только монахов, населявших эти обители, но и людей, которые духовно окормлялись своими духовниками и несли их слово в свою среду. Идеи, рожденные в обителях, внедрялись в жизнь. Преемственность духовного руководства из поколения в поколение приносила плоды, о чем мы можем судить по материальным выражениям духа, которые сохранила отечественная история.

В 1929 г. безвременно ушел из жизни молодой историк священник Сергий Мансуров, имя которого осталось практически неизвестным. С 1917 по 1929 г. он создавал труд, который мы условно назвали «Очерки из истории Церкви» (Богословские труды, 1970, № 6). В вводной части автор изложил свою концепцию исторического развития от I до XX в., которое он представляет в виде преемства святости в истории Церкви – от духовного отца к сыну и внуку. Он впервые как историк не погнушался популярной литературой, включив в научный оборот буквально все издания предреволюционных лет, какие только можно было собрать, в том числе и малотиражные, имеющие историческое значение: о подвижниках благочестия, о святых. Он развил идею В. О. Ключевского о добрых людях древней Руси и пришел к выводу, что история Церкви – это прежде всего история святых. И я также иду вслед за ним, научно разрабатывая эту схему.

Итогом этого труда явился каталог святых и подвижников благочестия Русской Церкви с X по XX в., построенный в хронологическом порядке, с указанием шифров рукописей отечественных хранилищ, где есть сведения о них. Это лица не вымышленные, реальность их существования подтверждается документально. Работа эта явилась реакцией на тот вульгарный атеизм, который буквально захлестнул нас, семинаристов, в 1958–1964 годах. В ходе работы над своим каталогом я не мог найти материалов по Сибири. Только благодаря трудам археографа Н. Н. Покровского, а также академика М. Н. Тихомирова, который передал свое рукописное собрание в Новосибирск, стало возможно изучать историю Сибири под этим углом зрения.

Должен сказать, что я являюсь противником «макулатурных кампаний», так как пришел к убеждению, что из нашей повседневной жизни и из сферы научных интересов нельзя произвольно исключать какие-либо издания, выходившие в прошлом. Ничто не должно подлежать уничтожению, раз мы обращаемся к печатному слову. Неуважение к нему, воспитываемое сейчас с детских лет, чревато пагубными последствиями в формировании нравственности молодого поколения. Разумеется, следует отделять литературу конъюнктурную от литературы, не являющейся таковой. Но ничто не должно пропасть, ибо, уничтожая какие-то пласты печатных изданий, мы как бы стараемся скрыть что-то, и таким образом вновь искажаем историю. Это важно и для источниковедения и для текстологии (выявления, например, плагиата, интерполяций), чтобы понять дух и сознание той или иной эпохи. Надо пересмотреть методику и преподавания, и изучения источников. Между тем школьники не знают летописи, не знают Повести временных лет, и в школьных, да часто и не только в школьных, библиотеках нет этих книг. Мы сознательно обедняем наше будущее поколение! Пора подумать о восстановлении в памяти народа тех пластов, которые по разным причинам выпали из светской истории. Хочу призвать вас принять участие в конкретном деле – в сохранении фонда протоиерея Александра Сулоцкого в Государственном архиве Тюменской области в г. Тобольске. При знакомстве с этим фондом в 1973 г. я нашел его в очень плохом состоянии – рукописи погибали от сырости. А между тем речь идет об историке Сибири, энциклопедисте, который собрал вдали от центра то, что ускользнуло из поля зрения многих ученых. В 1927–1929 гг. был уничтожен почти весь фонд Тобольской Духовной Семинарии. Конечно, сейчас следует публиковать все сведения о находках последних лет. Я бы предложил для этих целей создать службу экспресс-информации. Возможно, следует привлечь к этому делу такие организации, как ТАСС, АПН. Мы готовы всячески содействовать всем организационным процессам, так как открываемые новые источники должны немедленно вводиться в научный оборот. Для этого более всего пригодны информационные издания, но и о переиздании фундаментальных работ не следует забывать.

В. П. АЛЕКСЕЕВ (академик, Институт археологии АН СССР). Встреча светских и церковных ученых – важное событие в нашей исторической науке, и я счастлив, что принимаю участие в ней. Я придаю этой встрече громадное значение и надеюсь, что за нею последуют и другие – сотрудничество должно иметь перспективу.

Христианская церковь всегда предлагает цельный взгляд на личность. Эта мысль красной нитью проходит через священные тексты в разнообразные комментарии к ним. Русская история выдвинула великое множество личностей как служителей церкви, так и светских умов, сыгравших большую роль в нашей истории. Глубже знать их – первоочередная задача, стоящая как перед духовными, так и перед светскими историками.

Недопустимо малое внимание уделяется истории духовной культуры нашего народа. Мы знаем замечательные труды по истории русского искусства (в том числе уникальные труды археолога Н. Н. Воронина), русской литературы, а вот история духовной культуры в ее самых интимных движениях, историческая психология и ее динамика на протяжении всей истории России освещена пока еще мало. И особенно мало места в исследованиях уделяется роли церкви в этом движении. Воспоминания детства о влиянии священника на ту крестьянскую среду, где я рос, в какой-то мере восполняют пробел в моем понимании этой проблемы. Говоря об истории духовной жизни нашего народа, я имею в виду не только ее светские стороны, но и огромную роль, которую играло религиозное миросозерцание в повседневной жизни народа. Эта проблема требует не только внимания, но и дальнейшей разработки.

Мы сейчас много говорим и пишем о том, что наше общество сталкивается с дефицитом в разных сферах: не хватает продуктов питания и т. д. Конечно, это все важно для жизни, но самое страшное для нас – это то, что скудеет наша духовная культура. Мы должны всячески поднимать и развивать эту сферу. Если наши встречи и дальше будут иметь место, то они, конечно, сыграют свою роль в этом важнейшем деле.

В. Л. ЯНИН (член-корреспондент АН СССР, Московский государственный университет). Имея невероятно богатую историю, мы очень плохо ее знаем, главным образом потому, что бедны источниками. И сегодня, наверное, знаем лучше былины, чем исторические факты, так как многие документы уничтожены, в частности пожарами. Главный источник, которым мы пользуемся,– летопись – по сути дела, документом не является. Это – литературное произведение, которое отражает мнение его автора о тех или иных событиях. Важно находить новые источники и с их помощью устранять пробелы в знаниях о прошлом. Мы, археологи, этим занимаемся, и довольно успешно: каждый год находим что-то новое, что и проясняет наши знания, и ставит новые проблемы. Среди этих материалов много таких, анализ которых требует постоянного сотрудничества с церковными историками.

Оттого, что мы часто имеем дело с мифами, и от недостаточного знания истории у нас нередко возникают прямолинейные противопоставления концепций. Возьмем проблему принятия христианства. В последнее время спор здесь перешел в одну плоскость: было ли это насильственным актом или русский народ принял христианство добровольно. Я думаю, что не это принципиально, так как в XI–XIII вв. существовал синтез старого и нового культов. На основе новых источников необходимо изучать эти явления в совокупности.

Одним из направлений наших совместных исследований должна стать история отечественной духовной культуры. Но следует изучать и историю духовного бескультурья нашего народа. Если бы главной причиной тех потерь, которые мы понесли в 20–30-е годы в области нашей архитектуры, не была бы такая мгновенная неподготовленная вспышка атеизма, непонимания нашей культуры, то результат деятельности двух поколений был бы вполне исправим. Впрочем, во все времена, когда государство пыталось утвердить свою власть над церковью, это приводило к одним и тем же печальным последствиям. Например, в петровскую эпоху, когда переплавляли колокола. Но наиболее отчетливо это проявлялось в годы, последовавшие за реформой Екатерины II 1763 года. Из 95 существовавших в ту пору новгородских монастырей были упразднены 73. Здания их в конце XVIII – начале XIX в. пришли в полную ветхость из-за бесхозности и заброшенности. Так что корни неуважения к церковному зданию у нас очень глубоки, поэтому задачи по искоренению духовного бескультурья более сложны, чем могут показаться на первый взгляд. Здесь тоже необходимы сотрудничество и взаимопомощь. И у нас и у церковных историков есть что дать друг другу.

Митрополит ПИТИРИМ. Церковное источниковедение не сводится только к агиографическим и историко-литературным сюжетам. Есть и крайне важная экономическая и экологическая сторона. Хочу несколько слов сказать о монастырском хозяйствования, монастырском землепользовании, которое в прошлом являлось образцовым, особенно в плане отношения к природным ресурсам, сохранения и преумножения их. Вспомним систему гидротехнических сооружений на Валааме и Соловках, выращивание совершенно несвойственных для той климатической зоны овощей и фруктов, бережное отношение к земле как к дару Божьему по заветам Библейским. Сейчас мы переживаем трудный, но и радостный период восстановления Иосифо-Волоколамского монастыря, что явится примером обращенности аскетического монастырского мышления к грамотному природопользованию, сохранению природы.

Екатерининская секуляризация нанесла непоправимый ущерб не только церковному просвещению, не только памятникам старины (вспомним уничтожение фресок и иконостаса Успенского собора во Владимире и многое другое). К сожалению, это печальное наследие мы получили от XVIII в., когда временщики не ценили ни русской культуры, ни тех сокровищ, которые достались им от предыдущих поколений. Не меньший ущерб понесла и народная нравственность в целом. В свое время монастыри и церкви были, как это принято считать в нашей историографии, «крупнейшими феодалами». Однако я не знаю ни одного случая распродажи крепостных крестьян монастырями и Церковью.

Сейчас решается вопрос о формах собственности, об арендных отношениях, о землепользовании. Несколько опережая события, мы создаем вокруг Иосифо-Волоколамского монастыря экспериментальную хозяйственную структуру. В частности, с западногерманской организацией заключено соглашение о создании школы фермеров. Эта организация берет на себя не только обучение фермеров новейшей технологии сельского хозяйства, но и снабжение инвентарем, его поддержание и совершенствование. Это стало возможным, во-первых, благодаря участию христианских кругов ФРГ, во-вторых, наши партнеры рассчитывают на достижение экономического и психологического эффекта для германской стороны. В ФРГ уже разорилось около 300 тыс. фермерских хозяйств. Сельское хозяйство становится настолько превышающим возможности потребления, что правительство выкупает у разорившихся фермеров технику за 10% ее номинальной стоимости, чтобы как-то компенсировать их потери. Появилась возможность обратить часть этой техники на службу нашему сельскому хозяйству. Мы также приобретаем пустующие земли в Калининской области.

Если наше общество соединится в едином – нравственном – понимании землепользования и природопользования, то и этим мы укрепим наше общее духовное наследие и достоинство. Церковь найдет здесь свое место как вдохновитель определенной части населения. Как народный депутат СССР я часто встречаюсь с многодетными матерями, которые просят поселить их семьи вблизи монастырей, чтобы оградить таким образом своих детей от растлевающего влияния многих отрицательных явлений нашей современности.

Часто мы, говоря о Церкви, прежде всего имеем в виду иерархию, церковную структуру как общественную организацию. Но Церковь всегда – это живые люди. Я не разделяю людей на верующих и неверующих, так как нравственный принцип «не делай другому того, чего не желаешь себе» – это самый общечеловеческий принцип. Церковь достаточно широка, чтобы принять всех, одних – наделяя благодатными средствами своих таинств, других – объединяя на основе нравственности, третьих – просто призывая к совместному труду. Это путь, пройденный нами в прошлом. В истории Российской империи мы не так часто вспоминаем о межнациональных конфликтах, за исключением раздоров местных племен. Враждебности

в лоне действия Церкви в целом не было. Миссионерская работа Русской Православной Церкви была человечной и корректной.

Архимандрит ИННОКЕНТИЙ. Много и неправильно говорится в светской историографии о борьбе так называемых иосифлян и нестяжателей. На самом же деле модель нестяжания заложена во все общежительные уставы, и светские историки, берясь за тему духовности и внутреннего выявления того, что движет тем или иным процессом, начинают давать формулировки, несвойственные природе этого явления. В частности, о «стяжаниях» Иосифо-Волоколамского монастыря: идея его основателя восходила к практической идее обеспечения (на случай беды) народа теми запасами, которые собирал монастырь. И если этот факт исключить из сознания и исторического контекста, то мы будем воспринимать это как «стяжательство». Скит – это необходимое место для уединения после больших трудов. Он был и при Иосифо-Волоколамском монастыре, и при Оптиной Пустыни. А та форма, которая утрируется современными исследователями, увлеченными темой исихазма, в основном строится на восприятии того, что привнес преподобный Нил Сорский, как идеала, необходимого для всякого монашества, и уединенного, и общежительного.

Ю. М. КОНЕВ (кандидат физико-математических наук, Тобольский педагогический институт). Сегодня много говорят о «белых пятнах» в истории, и, мне кажется, одним из них является история народного образования. К сожалению, этот вопрос мало исследован (мы столкнулись с этим при создании музея народного образования в нашем институте). На некоторых этапах церковь сыграла определяющую роль в становлении и развитии системы народного образования. Сейчас в Тобольске открылась духовная семинария. Теперь на базе уже двух учебных заведений – семинарии и пединститута – можно бы организовать встречу ученых и обсудить проблемы истории народного образования в Сибири. Опыт встреч с церковными учеными у нас уже есть. В рамках дней славянской культуры и 200-летия книгопечатания в Сибири в институте выступал митрополит Питирим.

Говоря о становлении и развитии народного образования в Западной Сибири, мы в первую очередь должны вспомнить о митрополите Лещинском, который в 1702–1703 гг. открыл в Тобольске духовную школу. В развитии культуры, в частности театра, Лещинский также сыграл большую роль. Первое театрализованное представление в Тобольске прошло под его покровительством. Он сам писал драмы, и они ставились слушателями архиерейской школы. В 1713 г. в Тобольске официально открывается частная светская школа. Затем духовная школа, открытая Лещинским, была преобразована в семинарию. И именно ее выпускники стали первыми преподавателями в Западной Сибири, в частности первого народного училища в Тобольске, из которого вышли такие люди, как Менделеев, Ершов и др. Именно объединение административной власти и духовной, а Тобольск с 1620 г. стал центром последней, сыграло положительную роль в развитии системы народного образования Западной Сибири, в частности Тобольска.

Церковь причастна и к развитию культуры сибирских татар. В 1783 г. в Тобольском народном училище впервые вводится преподавание татарского языка, а учебник написал священник Софийского собора Иосиф Гиганов. Преподавали в Тобольском народном училище и архитектуру. Достаточно вспомнить Ремезова, понятие «тобольского барокко», первую каменную крепость в Сибири. Возможности совместных исследований светских и церковных историков неисчерпаемы. Нравственное очищение человека также общая задача. С появлением в Тобольске духовной семинарии почва для объединения их усилий значительно расширилась. Перспективным представляется сотрудничество, в частности в издательской деятельности.

В. А. КУЧКИН (доктор исторических наук, Институт истории СССР АН СССР). У историков гражданских и историков церковных научные интересы издавна лежали в разных областях. У них были не только разные объекты исследования, но разные подходы и разные методологии. Однако при всех различиях не

было того, что мы наблюдаем в последние десятилетия: совершенной административной разобщенности. Раньше можно было заседать в Обществе истории и древностей российских, во многих других научных обществах историкам и светским и церковным вместе, возможны были диспуты между ними в первые годы Советской власти, но затем была возведена административная стена, возникла обоюдная изоляция, что вредило развитию науки. В руководстве гражданской наукой сложилось убеждение, что изучение церковных источников – дело малополезное, а то и просто вредное. Между тем изучение прошлого, особенно самого раннего, невозможно без изучения церковных источников, являющихся зачастую единственными письменными свидетельствами своей эпохи. И это особенность не только России, такая ситуация типична и для многих других стран. Что касается древнерусских материалов, то уже в так называемом Начальном своде конца XI в., который предшествовал Повести временных лет, были помещены фрагменты «Жития» Феодосия Печерского и других монахов Киево-Печерского монастыря. Из-за разного рода запретов в СССР чрезвычайно слабо разрабатывается такой большой пласт средневековых источников, как жизнеописания людей, причтенных церковью к лику святых. С XI до середины XV в. насчитывается 40 «Житий» с большой литературной традицией. Их изучение дает многое не только для истории церкви, но и для гражданской истории в целом. Такие источники использовались в нашей стране, но применительно к зарубежной истории. Сошлюсь на вышедшую в Москве в 1917 г. книгу Рудакова «Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии». Конечно, подобные разработки требуют большого труда, необходимо найти и проанализировать немалое количество списков рукописей. Напомню, например, что «Житие» Сергия Радонежского сохранилось примерно в 400 списках. Их изучение представляет труд, на который может уйти не одно десятилетие. Но эти источники необходимо вводить в научный оборот и тщательно изучать, имея в виду, конечно, что содержащиеся в них сведения должны быть критически проверены, и не просто взяты на веру, как поступают многие писатели, а подчас и исследователи. В этой связи хочется напомнить слова митрополита Филарета, который еще в прошлом веке писал в «Житиях русских святых»: «Повторять все повести (имеются в виду рассказы о святых.– *В. К.*) без разбора, без проверки – грешно перед совестью и стыдно перед просвещенным умом». Необходимы строгая научная методика сопоставления текстов и объективная проверка всех фактов в источниках.

В нашем обществе и отчасти в науке утвердилось пренебрежение к «отдельным фактам», непонимание того, что известные из исторических источников факты имеют разные степени достоверности, разные степени доказательности при характеристике тех или иных явлений. Ценятся факты, которые «работают» на какую-либо концепцию, и отвергаются без всякого разбора научной аргументации те, которые противоречат сложившимся взглядам. Если, например, утверждать, что «Житие» Александра Невского было написано не в 1282–1283 гг., как это до сих пор считается, а значительно раньше, поскольку к 1272 г. существовали уже две редакции этого «Жития», то такое заключение, удревняющее памятник, будет встречено с громадным интересом и одобрением. Но стоит только сказать, что встреча Сергия Радонежского с Дмитрием, будущим Донским, произошла не в 1380, а в 1378 г., то это вызывает осуждение, поскольку противоречит шаблонным представлениям. Надо тщательно анализировать исторические факты и на основании их строить концепции, а не наоборот.

Однако при анализе отдельных исторических фактов, взятых из памятников церковной письменности, встречается много трудностей. Такие анализы негде публиковать. Приведу пример. В «Русской исторической библиотеке» (т. 6. СПб. 1908), где были напечатаны памятники древнерусского канонического права, помещено «Послание владимирского епископа местному князю», которое осталось недатированным. В настоящее время можно утверждать, что это «Послание» было написано владимирским епископом Иаковом, адресовано сыну Александра Невского Андрею и создано в первой половине 1294 года. Где можно напечатать такую «мелочь»? А нигде. Нельзя факт ввести в научный оборот, потому что он считается незначительным, неинтересным и т. д. Для поощрения подобных исследований нужно вводить специальные разделы в научных журналах и изданиях. Без учета

всех фактов мы не продвинемся вперед в научных обобщениях и будем совершать ошибки. Рассматривая недавно с Б. Н. Флорей две книги по истории русской церкви в средние века, мы удивились, что там даже не упомянут митрополит Киевский и всея Руси Герасим, москвич по происхождению, недолго пробывший на кафедре и закончивший жизнь трагически: литовский князь Свидригайло сжег его, бросив в костер.

Нам надо переиздать некоторые старые книги по истории церкви, на первых порах пусть их будет немного. Так, нужно воспроизвести 6 том «Русской исторической библиотеки», где собраны памятники древнерусского канонического права. В срочном порядке необходимо переиздать Киево-Печерский патерик (СПб. 1911), где содержится огромный пласт сведений не только по истории церкви, но вообще по истории Киевской Руси. Сведения, которые там приведены, еще не получили своей окончательной оценки, они даже полностью еще не выявлены. Патерик, например, позволил установить, что Никон Печорский прибыл из Тмуторокани в Киев как раз в тот момент, когда сыновья Ярослава Мудрого сражались с Всеславом Полоцким на Немиге (эпизод, воспетый в «Слове о полку Игореве»).

Надо переиздать старую справочную литературу, например, книгу П. М. Строева «Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви» (СПб. 1877). Такой же справочный характер носит книга И. П. Покровского «Русские епархии в XVI–XIX вв.» (т. 1. Казань. 1898). Заслуживают издания и работы С. И. Смирнова «Древнерусский духовник» (М. 1914) и «Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины» (М. 1912), где собраны документы, которые давно уже не используются у нас, а на Западе изучаются и светскими, и церковными историками и на основании этих материалов пишутся исследования по истории семьи в средневековом обществе. И еще я бы предложил переиздать исследование Платона Соколова «Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в.» (Киев. 1913). Это очень ценная работа, несмотря на некоторые спорные места в ней. Она давно стала библиографической редкостью. Переиздание названных книг важно и для исторической науки, и для культуры в целом. Широкое, без каких-либо запретов и ограничений введение в научный оборот памятников, своим происхождением связанных с деятельностью церкви, несомненно даст науке новые факты, новые направления исследований и тем самым углубит знания о нашем прошлом.

А. И. РОГОВ (кандидат исторических наук, Институт славяноведения и балканистики АН СССР). Научные церковные конференции, проведенные в связи с тысячелетием крещения Руси, уже объединили международные усилия светских, в том числе и советских, и церковных историков. История нашего Отечества немыслима без истории церкви так же, как и история церкви не может быть понята без учета всех аспектов политической, культурной жизни общества. Например, факт учреждения патриаршества в России (400-летие этого события было отмечено научной конференцией, состоявшейся в сентябре 1989 г.) может получить верное освещение только благодаря объединенным усилиям светских и церковных историков.

Когда в 1586 г. в Москву приехал патриарх Иоаким (с этого фактически началось учреждение патриаршества), то в беседе с ним Борис Годунов сказал так: «Это украсит церковь нашу святую, но это и для великой славы Отечества крайне нужно». То же самое повторила и сестра его Ирина: «И великой славе царства Российского то сие будет». Так реагировали на это событие не только наши соотечественники, но и иностранцы. Например, известный английский наблюдатель Флетчер два года спустя издал книгу о государстве Российском, где написал, что это событие важно было не только для Руси, для церкви, но и для всего мира, так как оно порождает надежды объединить усилия всех цивилизованных народов в борьбе с османской угрозой. И теперь, когда в Москве есть патриарх, стала возможной реальная оборона от врага креста Христова (имелся в виду турецкий султан).

Важно отметить, что многие события внешнеполитического характера были приурочены русским правительством к факту учреждения патриаршества. Довольно долго кахетинский царь Александр просил принять его в подданство Российского государства. Этот акт был специально совмещен с актом учреждения патриаршества в России, ибо она обладала теперь гораздо большим авторитетом, в том числе и духовным, для Грузии, которая сама имела патриарха – католикоса.

История церкви органически переплетается с историей государства Российского. Возьмем такой факт, как Брестская уния, заключенная через семь лет после учреждения патриаршества в России. В большинстве своем православные люди, не пошедшие за унией, объединившись в братстве, обращались за помощью именно к московскому патриарху. Организация школ в братствах, снабжение их книгами, помощь учителями были возможны лишь благодаря авторитету московского патриарха.

И, наконец, возьмем Смутное время. Гражданская власть тогда сменяла одна другую или вовсе не существовала. В это сложное время лишь патриарх оставался фактически управляющим Российским государством. Это патриарх Гермоген, исповедник и мученик, который является и великим деятелем церкви и национальным героем. Прискорбно, что во многих наших учебниках и трудах по истории Смуты всячески старались обойти эту личность, ссылаясь на то, что буржуазные историки преувеличивали ее роль.

И еще один аспект взаимосвязи жизни церкви и общества. Первый патриарх Иов в труде «О благочестивом житии царя Феодора Иоановича» писал, что после учреждения в Москве патриаршего престола умножилось миссионерство и неотделимые от него строительство школ и просвещение. Православное миссионерство несло знания и просвещение, способствовало развитию образования. Действительно, вместе с учреждением патриаршества возникают проекты организации школ, в чем ощущалась особая потребность не только в России, но и в других славянских странах, прежде всего угнетенных Оттоманской империей. Не случайно александрийский патриарх Сильвестр и наследовавший ему Мелетий Пигас пишут в связи с учреждением на Руси патриаршества, что в Москве должен зажечься очаг просвещения для всего православного мира, и не только в виде школ, но и благодаря греческому книгопечатанию. Патриарх Мелетий просит завести типографию, так как в Константинопольском патриархате турецкие власти пресекали любые попытки ее открытия. Россия оказывалась важной опорой для возрождения самосознания единоверных народов.

После Смутного времени одна за другой открываются в 1632–1645 гг. школа Иосифа, школа Бенедикта и др. При этом всегда сосуществовали школа и типография. А поскольку и то и другое развивалось тогда под эгидой церкви, нельзя представить себе историю русской культуры того времени без изучения истории церкви.

Равным образом можно говорить о строительстве, об архитектуре. Борис Годунов в 1589 г. заложил сразу две церкви: в с. Хорошове на Карамышевской набережной в Москве и в Больших Вяземах. Причем специально затягивал завершение их строительства до своего восшествия на престол. Заложены они были в 1589 г., а освящены в 1598 году. Иван Тимофеев пишет в своем дневнике, что гордыня Годунова дошла до того, что в Москве был учрежден патриарший престол.

Эти и другие факты подтверждают, что в дальнейшем следует помнить о синтезе гражданской и церковной истории. Надеюсь, что усилия светских и церковных историков в этом направлении будут продолжены и станут еще более плодотворными.

Протоиерей ВЛАДИСЛАВ (Московская Духовная Академия). С упразднением патриаршества в России сложилась совершенно новая система взаимоотношений Церкви и государства и новая система церковного управления. Эта реформа имела предысторию: 21 год местоблюстительства как раз тогда, когда инициатор реформы Петр I, а потом главный исполнитель проекта архиепископ Феофан Прокопович обдумывали пути изменения церковного управления. В 1718 г. митрополит Стефан Яворский, местоблюститель Патриаршего престола, подал прошение отпустить его из Петербурга в Москву, поскольку оттуда легче управлять всей Русской Православной Церковью и своей Рязанской епархией. На это прошение император наложил резолюцию об удовлетворении просьбы и добавил: «А для лучшего впредь

управления мнится быть Духовной коллегии, дабы удобно было великие эти дела исправлять возможно». Епископу Феофану Прокоповичу было поручено составить Духовный регламент. Через год, в 1719 г. «Духовный регламент» был готов, в 1720 г. просмотрен и выправлен императором, а в 1721 г. состоялось открытие Духовной коллегии.

До принятия проекта Коллегии он рассматривался на Соборе, остававшемся еще высшим органом церковного управления. Собор был малочислен, состоял из нескольких, случайно оказавшихся в Петербурге иерархов (шесть архиереев и три архимандрита). Для придания документу большего авторитета архимандриту Антонию вместе с полковником Давыдовым велено было объехать всю Россию и собрать всю полноту подписей. Причем было строго предписано получить объяснения от тех, кто отказывался подписать документ. Манифест о Духовной коллегии вышел в январе 1721 г., и Сенату было поручено составить ее штатное расписание. Предполагалось, что коллегию возглавит президент, в ее состав войдут два вице-президента, четыре советника-архимандрита, четыре асессора из протопопов и один из греческих священников-монахов – должности, несколько необычные для Церкви.

На первом же заседании возник вопрос о наименовании, так как название «Духовная коллегия» звучало слишком нецерковно. Остановились на греческом слове «Синод». Название «коллегия» было неприемлемо и по другим соображениям. Православная Церковь в России занимала столь высокое положение, что не могла быть поставлена в один ряд с другими государственными ведомствами, скажем, с финансовой коллегией. Коллегии подчинялись Сенату. Для высшего церковного правительства России такой статус был не совсем естествен. Поэтому название «Святейший Правительствующий Синод» ставило высшее церковное правительство наравне с высшим органом государственного управления – Правительствующим Сенатом. Оба эти учреждения были зависимы лишь от императора.

Реформа церковного управления вписывается в систему реформ, которые были проведены при Петре I. Говорить о значении, которое имела эта реформа для церковной жизни, для государства и всей жизни России, это значит давать оценку всему императорскому, или петербургскому, периоду ее истории. С церковной точки зрения упразднение патриаршего возглавления Церкви, прекращение созыва Поместных Соборов, когда вместо них созывался сокращенный, малый собор – Синод с грубым нарушением правил предыдущих соборов, лежащих в основе устройства церковного поместного управления, имело чрезвычайное значение.

Реформа церковного управления привела к деформации отношений между Церковью и государством. Преобладание государственной власти над церковной, известное ущемление суверенных прав последней внесли диссонанс в те отношения, которые существовали в Православной Церкви (я имею в виду и византийскую) более полутора тысяч лет. Поэтому, когда начиная с середины XIX в. тема петровских реформ стала открытой для историков, они давали довольно резкие оценки церковной реформе, проведенной Петром I. Прежде всего эти негативные оценки шли со стороны славянофилов. Так, А. С. Аксаков писал: «Убыла душа, подменен идеал. На месте идеала Церкви очутился идеал государственный. Правда внутренняя замещена правдой формальной, внешней». Тем не менее в славянофильской оценке петровской реформы есть известный крен, передержка. По-видимому, наша оценка должна быть более взвешенной.

Говоря о деформации, которую претерпело церковное управление и которая негативно сказывалась на духовной жизни как Церкви, так и всего русского народа, необходимо иметь в виду и другие обстоятельства: прежде всего необычайный рост Русской Православной Церкви за 200 лет ее синодальной истории. При Петре I население России составляло приблизительно 20 млн. человек. Вероятно, около 15 млн. из них были православными. К началу XX в. Русская Церковь насчитывала уже не менее 110 млн. приверженцев. Это, естественно, связано и с деятельностью миссионеров и с расширением территории Российской империи, в частности воссоединением оторванных от нее западных русских земель, которое происходило во второй половине XVIII века. Все это объясняется тем укреплением могущества Российского государства, ради которого Петр I и проводил свои реформы.

Наконец, существенные позитивные изменения наблюдались в сфере духовного просвещения, происходившие параллельно с развитием общего образования и просвещения в России. В 1727 г. Русская Православная Церковь имела 2 академии и 46 духовных школ, которые можно сопоставить с появившимися позднее духовными училищами и семинариями. Так обстояло дело сразу после Петра I. А в 1904 г. Русская Церковь имела уже 4 академии, 57 семинарий и 185 духовных училищ. Надо сказать, что вся система светского высшего и среднего образования России выросла в общем-то из системы духовных школ.

XVIII и прежде всего XIX век были эпохой расцвета русского богословия, церковной исторической науки, что вписывалось в общий расцвет русской культуры. Пережив достаточно болезненный этап в XVIII в. и усвоив в XIX в. начальное образование, которого ей не хватало в эпоху допетровскую, русская духовная культура создала почву для настоящего и серьезного роста. Имена историков и богословов той эпохи широко известны. И, наконец, для церковной оценки значения реформ важнейшим критерием является духовность в собственном смысле этого слова. Эпоха XVIII–XIX вв. явила целый сонм подвижников благочестия. И сонм таких же подвижников XX в. был духовно взращен в синодальную эпоху. Имена Преподобных Серафима Саровского, Амвросия Оптинского и всех оптинских старцев, которые оказали большое влияние на русскую светскую культуру, говорят сами за себя. Возвращаясь к оценке петровских реформ, можно сказать, что односторонний негативный крен в оценке синодальной эпохи в истории. Церкви и всего этого периода в истории России, видимо, не совсем правомерен. Митрополит Филарет Дроздов дал ему необычайно взвешенную оценку: «Духовную коллегию, которую у протестантов перенял Петр, провидение Божье и церковный дух обратили в Святейший Синод». Эти слова характеризуют в известной мере то, что произошло с Церковью при Петре I.

Несколько слов по поводу секуляризации церковных земель при Екатерине II и закрытия монастырей в связи с этим. Мероприятие это прежде всего было экономико-политическим и антицерковного характера в прямом смысле не имело. Закрыли около 500 монастырей. Были введены монастырские штаты, куда вошла лишь четвертая часть всех существовавших монастырей (их было до этого около тысячи), и примерно 200–300 монастырей сохранились как заштатные. Бо́льшая часть монастырских церквей тогда не закрывалась. Они присоединялись к другим крупным монастырям или к соседним приходам. Затем под влиянием времени и из-за запустения большинство из них все-таки закрывалось. Конечно, потери от секуляризации церковных земель при Екатерине II можно сравнить с тем, что произошло в 20–30-е годы нашего века, но это было бы не совсем точно. Ведь речь шла в XVIII в. о монастырском землевладении, то есть о землях, населенных крепостными.

Н. В. СИНИЦЫНА (доктор исторических наук, Институт истории СССР АН СССР). Изучение агиографической литературы не сводится к извлечению из нее источниковедчески очищенных фактов. Прямолинейно и не всегда точно истолковываемые выводы В. О. Ключевского о значении Житий как исторического источника могут быть скорректированы при более широком подходе, если искать в житиях не только факты в узком смысле слова, т. е. информацию о конкретных, датируемых и локализуемых событиях. В них отражаются также явления культуры, духовной жизни, общественной мысли, социальной психологии. Еще в 1861 г. Ф. И. Буслаев писал, что «Жития» русских святых и другие духовные повествования предлагают историку России драгоценные данные для разработки народного быта, для истории русских нравов и обычаев; они содержат материалы для истории не только церкви, но и культуры, не только важнейшие данные по истории православия в России, но и любопытнейшие подробности для истории частной жизни, как духовной, так и светской, для истории нравов, обычаев, образа мыслей. В статьях о чудесах угодников, иногда в замечательно ярких образах, выступает частная жизнь наших предков с их привычками, потаенными мыслями, бедами и страданиями. Эти слова академика иногда цитируются при общих характеристиках агиографического жанра, но они остаются порой пожеланиями, не реализованными в практике исторических и литературоведческих исследований. Аналогичные мысли

не были чужды и Ключевскому, но он сам отчасти ослаблял их значение жесткостью формулировок в своих окончательных выводах.

Если обратиться к житиям святых, в частности к житиям преподобных, прежде всего основателей монастырей, то в них ясно проступает своеобразие русского аскетизма: его социальное звучание, остро выраженные социальные принципы, гуманизация аскетического идеала, о которой писал Г. П. Федотов. Существует точка зрения, высказанная Арсением Кадлубовским, что жития святых, основателей монастырей могут быть разделены на две группы – нестяжательскую и иосифлянскую: в первой ярко выражена идея нестяжательства, кротости, милосердия, в известной мере – сопротивления земной власти, а во второй, напротив,– начал хозяйственности, законности владения селами, внешнего обрядового благочестия сотрудничества с властями. Однако анализ конкретных памятников выявляет, что на деле они не прослеживаются в разных группах житий, но часто сосуществуют в них.

Более того, необходимо в связи с этим обратить внимание на роль монастырей в распространении не только христианства, но и опыта рациональной организации и рационального ведения хозяйства. Это приводит нас к актуальной экологической теме. С данной точки зрения как будто еще не обращались к русской средневековой литературе, хотя на материале западноевропейского средневековья проблема уже ставилась. Речь идет не только и даже не столько об описании любви и близости подвижников к природе (например, в Житии Павла Обнорского: «Звери дивии, человекоядцы сущи и ядовитии, прихождаху к нему, яко и великий зверь медведь, и лисица с заяцем вкупе к нему приходяще, пищу приимаху»). Его духовный отец Сергий Радонежский однажды «обрете великаго Павла вне келии стояща, кормяща из рук птицы; множество малых птиц седяще на главе преподобнаго Павла и на плещах его. Вкупе же предстояху ему и великий зверь, еже глаголется медведь, и лисица с зайцем» (ср. эпизоды из Жития Петра и Февронии Муромских). Составной частью аскетического идеала, развиваемого житийной литературой, было осуждение неправедно нажитого богатства, алчности, стяжательства. Этот идеал включал и мысль о необходимости разумного, умеренного, ограниченного потребления.

Эта идея для экологии не менее важна, чем идея рационального ведения хозяйства и отношения к природе, направленного на сохранение ее основного фонда, тогда как идея неограниченности потребления, максимального расширения потребностей является основой, на которой развивается хищническое отношение к природе. Описывая личное бескорыстие игуменов – основателей монастырей и строгую нестяжательность братии и будучи самым распространенным и популярным средневековым жанром, а тем самым делая свои идеалы общезначимыми, агиографические произведения вживляли в общественное сознание мысль о разумном и умеренном потреблении, осуждение корыстолюбия, вообще всякого рода «превышение меры».

Сочинения биографического жанра в сочетании с памятниками нестяжательского направления, по-видимому, могут показать тот механизм (по крайней мере одну из его составных частей), ту живую ткань, в которой материально воплощалась преемственность между древнерусской литературой и некоторыми чертами русской культуры нового времени, стяжавшими ей мировое значение (темы «милости к падшим», «бедных людей», «униженных и оскорбленных», духовного и воинского служения обществу, милосердия, благотворительности, самоотречения во имя ближнего или ради общего дела). Не случайно житийная тема подвижничества была столь привлекательной для писателей XIX века. Житийная литература была яркой страницей духовной жизни и духовной истории.

Теперь – еще об одной историографической концепции, тоже касающейся социальной функции монастыря, темы «монастырь и мир». И. У. Будовниц пытался на материале житий святых показать борьбу крестьян с монастырями в XIV–XVI веках. Однако обращение к контексту привлеченных им источников убедило, что лишь в незначительной их части речь действительно идет об акциях социального протеста. В другой группе памятников описаны разбойные нападения уголовного характера, «корыстолюбивого нечестия» (например, в Житии Григория и Кассиана Авнежских); ряд фактов, приведенных Будовницем для доказательства

тезиса о борьбе крестьян с монастырями, относится к борьбе языческого населения против христианизации (Житие Лазаря Муромского). Многие жития показывают взаимоотношения монастырей с миром, их роль как организаторов хозяйства, их благотворительность. Эта тема изучена недостаточно. Необходимо сказать и о том, что исследование житийной литературы требует своего рода источниковедческого подвижничества, то есть огромной черновой предварительной работы по выявлению, сопоставлению, классификации списков, определению редакций, их последовательности. Грандиозный массив этой литературы остается неизданным.

Иеромонах ФИЛАДЕЛЬФ (Троице-Сергиева Лавра). Фактов о значении Православной Церкви в истории России очень много, большинство из них, конечно, известны собравшимся. Думаю, сегодня уместнее говорить о нынешнем духовном строительстве в нашей стране. Конец XX в. во многом похож на конец предыдущего XIX столетия. Появляется много «изобретателей» вариантов веры, в вековой цитадели Православия – новые модусы. Нам ли, наследникам Преподобного Сергия Радонежского, здесь что-то изобретать? Неужели мало примеров, доказывающих, что следует лишь беречь достояние, дарованное нам от Спасителя и его учеников? Предки наши с этим компасом обретали кратчайшие пути в Царствие Небесное. Не вспомнить ли нам указание преподобного Сергия: «Берегите, как зеницу ока, Православие»?

Наше время характеризуется усилением поляризации. Одни стараются прилепиться к Богу, других обманывает лукавый, сулит укрепить здоровье и бодрость, омолодить человека. По-новому звучат мотивы, раскрытые еще великим Гете. Фауст на старости лет возмечтал об омоложении и продал за это свою бессмертную душу. Этот мотив на новый лад усиленно обыгрывается служителями темных сил. Экстрасенсы, йоги, маги всех мастей и окрасок чаще всего сулят человеку именно возврат молодости и мощи. На склоне лет эта приманка часто увлекает. Но какова цена этого кратковременного повышения жизненного тонуса? Чем за это придется платить?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо разобраться в условиях сделки. Чьей силой нам предлагают улучшить здоровье? Кто посылает сверхъестественные силы экстрасенсам, магам и им подобным? Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин указывает: «Исцеления бывают (иногда) по обольщению и ухищрению демонов. Человек, преданный явным порокам, может иногда производить удивительные действия и потому почитаться святым и рабом Божиим. Через это увлекаются к подражанию его порокам и открывается пространный путь к поношению и уничтожению святости религии; да и сам тот, кто уверен в себе, что обладает даром исцелений, надменный гордостью сердца, испытывает тягчайшее падение». Иной оголтелый сластолюбец скажет: «Хоть откуда бы ни черпали, мне бы только насладиться». Такие поступают подобно Исаву, который продает свое первородство за чечевичную похлебку. Присмотритесь, что сейчас делается с помощью телевидения! Может быть, и мы с помощью того же широковещательного средства и доступной нам прессы выскажем свое отношение, свое однозначное мнение об экстрасенсорике.

Оглядываясь на прошлое, мы видим много фактов, когда Православная Церковь спасала Россию в трудные периоды ее истории. Невольно думается, что и в теперешней непростой ситуации Православная Церковь опять спасет Россию.

В. Г. ОВЧИННИКОВ (кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории АН СССР). Создается впечатление, что мы, по выражению Поля Валери, движемся «пятками вперед». Ведь наши сегодняшние беды – не только в наших прошлых ошибках, они интегральная часть тех проблем и болезней, которые переживает все человечество. Мы лишь начали учиться рассуждать такой категорией, как человечество. Поэтому культуры анализа современного мира нам явно не хватает.

Анализируем ли мы кризис культурных и идеологических ценностей в условиях научно-технической революции, светских и религиозных идеологий конца XX в., проблемы идеологического синкретизма в современном мире? Наверное, не только мы, но и все человечество ищет какую-то новую веру, но пока ее не находит.

Требуется скрупулезное исследование влияния НТР на современного человека, в сознании которого происходят серьезные структурные биологические изменения. Ждут своих исследователей проблемы влияния на сознание современного человека изменения характера труда и соотношения между трудом физическим и трудом интеллектуальным, проблема индивидуализации этических ценностей. А категория времени, которого всем нам стало катастрофически не хватать? Оторвав личное время от природного, мы научились дробить его на мельчайшие отрезки и утилизировать их. Как эти и многие другие факторы современной цивилизации влияют на нравственность и религиозность широких слоев населения? И можем ли мы объяснять все происходящее сегодня с нами одними ошибками административно-командной системы?

Не оказываемся ли мы в плену иллюзий, пытаясь найти ответы на больные вопросы лишь в нашем прошлом, вылечит ли нас православие от всех болезней, есть ли у церкви свой ответ на вопросы, порожденные научно-технической революцией (скажем, на проблему генной инженерии)? Совершенно очевидно, что молодежь не откажется ни от рок- и поп-музыки, ни от новейших достижений науки и техники. Но соединимо ли это с традиционно консервативным православием? Возможен ли синтез этих ценностей?

В. Л. ЯНИН. Недавно мне довелось пережить ощущение возврата к первым послевоенным годам. Во время поездки по Псковской и Новгородской областям у меня сложилось впечатление, что я вернулся в 1946 г.: только что отгремела война, под ногами хрустит стекло, все сыплется, все разваливается. Поездки эти были связаны с тем, что год назад было принято постановление Совета Министров СССР № 816 о реставрации и реконструкции памятников культуры в Новгороде и Пскове. Казалось бы, государство проявило заботу об этих двух городах — жемчужинах нашей духовной культуры. А на деле этим постановлением конституирована прежняя мечта бюрократов, высказанная лет 20 тому назад устами одного псковского деятеля: «А зачем нам хранить все? Давайте приведем в порядок пять древних памятников, а остальные — не надо».

В обеих областях и в городах этим постановлением обращено внимание примерно на 50 (в общей сложности около 100) памятников, на которые выделяются средства и силы. Но в каждой из этих областей около 400 зданий, в основном храмов, находятся в полной безнадзорности! И за тот срок, когда будут ремонтироваться 50—60 памятников, остальные придут в полную ветхость либо просто рухнут. Спасение этих древних зданий — задача даже не государства, а общества в целом.

Церковь — это синтез многих искусств: архитектуры, живописи, музыки, слова, даже запаха, движения ткани. А поскольку церковь вмещает в себя и некрополи — это и обращение к нашей памяти. Поэтому реставрация церкви не должна ограничиваться восстановлением только архитектуры и живописи, необходимо возрождать и все то, что в ней было. Поэтому возвращение церкви к ее первоначальной функции — это тот путь, который сулит успех в выполнении общей задачи. В связи с этим меня удивляет решение о создании нового храма-памятника, который, конечно, впитает в себя массу средств и усилий художественных, творческих и материальных. Может, правильнее было бы (я, впрочем, не берусь советовать) сочетать восстановление духовности с полной реконструкцией старинных церквей.

Иеромонах НИКОН (Московская Духовная Академия). На нашей встрече представлены авторитетные силы отечественной историографии. Не настало ли время поставить вопрос о возрождении Общества истории и древности российских? Журнал «Вопросы истории» уже идет по этому пути. Не сделать ли наши встречи систематическими? Здесь прозвучали выступления, но можно решать и вопросы издательские — о совместной публикации работ, материалов, исследоааний и т. д.

Г. Г. ПРОШИН (кандидат философских наук, Музей истории религии и атеизма, Ленинград). Я с большим интересом слушаю все, о чем здесь говорят. Это чрезвычайно важно и нужно. Но это только фундамент, на котором мы должны построить здание новой нравственности. Поэтому для нас важно не только продолжать изыскания по истории Русской церкви, не только восстанавливать монастыри, но и делать самое главное — заниматься духовно-историческим просвещением народа. Что знают массы из средневековой русской истории? Два-три имени. Это Дмитрий Донской, Александр Невский. Но что мы знаем, кроме военной истории? Кто создавал общество нравственно, духовно? Их имен мы не знаем. А без этого наше общество существовать дальше не может. Можно прожить без каких-то продуктов питания, но без духа — нет. Общество погибнет, рухнет. Наша первейшая задача — нести в массы знания. Необходимо, чтобы духовная сторона просвещения оказалась доступной широким массам. То, что мы здесь собрались вместе,— один из обнадеживающих фактов. Духовное возрождение России началось не вчера. Оно началось с конца XIX — начала XX в.: имена Флоренского, Бердяева не могли исчезнуть. И надежды наши на духовное и культурное возрождение связаны также с трудами отечественных историков, с пониманием нами всей русской истории.

В. Г. ОВЧИННИКОВ. В 1980-е годы стали проявляться и обретать конкретные формы те тенденции, которые ранее в Русской православной церкви развивались подспудно. В частности, расширился и омолодился состав духовенства, более двух третей его получили специальное богословское образование, возросло число священнослужителей и учащихся в духовных учебных заведениях. Изменился и социальный облик основной массы верующих, повысились их культурный, образовательный уровень, степень религиозной активности. Отношение к вероучению, к организации церкви, различным сторонам ее жизни стало в среде духовенства более осознанным, более критическим.

Упрочению позиций и авторитета церкви в обществе способствовали также негативные тенденции духовной и политической жизни страны, кризис ранее провозглашенных, но скомпрометированных ценностей. Как некий феномен можно рассматривать обращение к религии и церкви широких кругов интеллигенции, в том числе писателей, а также молодежи. Поиск нравственных идеалов и ценностей через отрицание ближайшего прошлого уходил в более глубинные пласты истории и культуры. Наметилась тенденция сближения творческой интеллигенции с представителями духовенства. Эти процессы в условиях перестройки привели к значительной эволюции в отношениях государства и церкви и активизировали религиозную жизнь в самой церкви. Началось критическое переосмысление истории, наследия, современного состояния, роли и места церкви в обществе, в мире. Начался анализ имеющихся проблем и трудностей, поиск новых направлений, методов и форм дальнейшего развития православия.

Все это стимулировалось празднованием тысячелетия крещения Руси. Впервые за многие десятилетия широкие слои населения получили большой объем информации о Русской православной церкви. Стали устраняться барьеры между верующими и неверующими, были переосмыслены стереотипы, связанные с абсолютным отрицанием положительного вклада верующих и духовенства в историю и культуру нашей страны. В дни юбилея проходил Поместный собор — событие, знаменательное еще и потому, что на нем был принят новый Устав Русской православной церкви и тем самым отменены постановления Архиерейского собора 1961 г., ограничивавшие деятельность приходских священников и благочинных в своих приходах. Новый Устав приблизился к тому, который был принят Поместным собором 1917—1918 годов.

Но в выступлениях участников собора проявлялась и озабоченность современным состоянием церкви. Раздавались призывы к повышению ее роли в перестройке, к активизации новых течений внутри самой церкви, критика в адрес патриарха и Синода, Издательского отдела патриархии. Сетовали на отсутствие и нехватку специальной религиозной литературы (катехизиса, популярных изданий о православном вероучении, богослужении и литургии, литературы на языках малочисленных народов СССР). Критиковали Учебный отдел за состояние преподавания, схематизм и догматизм обучения по некоторым предметам. Высказывалась критика в адрес членов Синода по поводу административно-командных методов управления, недостаточ-

ного внимания к приходскому духовенству, отсутствия постоянных организованных контактов между архиереями. Выражалась озабоченность состоянием и уровнем традиционной религиозной православной духовности.

В начале второго тысячелетия своего существования Русская православная церковь находится на пороге перемен и, возможно, возрождения. Можно вспомнить двойное хронологическое перекрестье: первое – в 1917 г., связанное с кризисом самодержавной власти, с одной стороны, и важными переменами в жизни церкви – с другой; второе перекрестье – это перемены в жизни церкви в период ее тысячелетия и то, что мы сегодня называем перестройкой. Как в истории нашей страны, так и в истории православия открываются новые страницы. Во всяком случае, отношения между церковью и государством уже вышли из прокрустова ложа чисто классово-политических отношений («или союзник, или враг»). И то, что сейчас происходит в Русской православной церкви, является отражением тенденций борьбы старого и нового, центростремительного и центробежного, того, чем живет сегодня все наше общество в целом. В связи с этим хочется обратить внимание и на возрождение такой традиционной для дореволюционной православной церкви тенденции, как союз высшего духовенства и представителей государственной власти. Ведь именно Русская православная церковь, освящая тяготевшую к абсолютизации власть российских государей, вместе с ними отливала те громоздкие чугунные формы российского самодержавия, с которыми мы еще и сегодня не знаем, что делать. Конечно, пока речь идет лишь о первых шагах, переоценке 70-летнего опыта, поиске новых направлений и приоритетов как для церкви, так и для государства.

Требуются переосмысление и корректировка ряда теоретических тезисов, истинность которых история не подтвердила (например, тезис о том, что по мере строительства социализма и развития научно-технической революции роль религии и церкви будет неизменно падать). Ощущается необходимость в выработке новых теоретических подходов к изучению религии, которые учитывали бы современный уровень развития общественных и естественных наук не только в Советском Союзе, но и в мире. Во всяком случае, требуется переоценка того, что мы называем марксистско-ленинским атеистическим наследием. Мне кажется, что только марксистского понятийно-категориального аппарата недостаточно для полного и глубокого анализа таких феноменов, как религия, религиозность, вера, особенно в современных условиях.

Важной проблемой для Русской православной церкви является русское православное зарубежье, поскольку в основе раскола лежали все-таки политические причины. Ведь это часть нашей русской культуры, и связи с нею нужно восстанавливать, преодолевая претензии на обладание монополией высшей истины. Из других проблем можно назвать дальнейшие судьбы русского православного монашества, возрождение православного старчества и духовности, миссионерская активность, перестройка действующей системы синодальных учреждений Московского патриархата, не говоря уже о финансовых и кадровых проблемах.

Через несколько лет сегодняшняя эйфория и триумфализм перемен в отношениях с государством и качественным ростом интереса широких слоев населения к православной церкви уйдут, а проблемы поиска ею собственного лица обострятся. Сумеет ли церковь восстановить утраченную интегративную функцию в стране с гетерогенной культурой, воссоздать разорванные связи между традиционной православной духовностью и современностью, найти новое место в обществе, сделаться привлекательной для современной молодежи?

Какой подойдет Русская православная церковь к празднованию двухтысячелетия христианства, во многом будет зависеть от того, какими направлениями и методами она будет решать стоящие перед ней проблемы, какую программу и ценности сможет она предложить человеку, обществу и, возможно, всему миру. Во всем этом пока еще много неясного, однако представляется, что в ближайшее десятилетие Русской православной церкви предстоит тяжелое испытание самоопределения.

Архимандрит МАКАРИЙ (Тобольская Духовная Семинария). Поскольку наша встреча посвящена истории и культуре нашего Отечества, я хочу остановиться на вкладе митрополита Макария в развитие духовной культуры России. Он родился

сразу же после освобождения Руси от монголо-татарского ига в 1482 г., был епископом Новгорода, а закончил жизнь митрополитом всея Руси. В течение 30 лет в Пафнутьево-Боровском монастыре он складывался как человек и церковный деятель. Из этого монастыря вышло много подвижников, основателей других монастырей. Здесь находились творения выдающихся русских иконописцев – преподобного Андрея Рублева и других. Многих из них воспитал митрополит Макарий. Расцвет его деятельности начинается в Новгороде, где он нашел благодатную для себя почву. Если в конце XV в. стояла проблема собирания всех библейских книг, то в XVI в. на первый план выходит задача собирания всех памятников русской письменности, существовавших в русской церкви в то время. И это мероприятие митрополит Макарий осуществил с большим успехом. И, наконец, московский период его жизни, когда происходили события, имевшие огромное значение для Русской Церкви, культуры и государства: соборы о «новых чудотворцах» 1547 г. и 1549 г., Стоглавый собор 1551 года. В эти годы русскими авторами создаются житийные произведения, «Похвальные слова». Они активно переписываются, размножаются в пределах всей Русской Церкви и государства. Прославление русских святых потребовало написания икон, создания музыки на новые тексты, возведения храмов, их освящения и присвоения им имен этих святых. В целом это была эпоха подъема национального русского самосознания. И книгопечатание, и «Домострой» связаны с именем митрополита Макария.

Изучение его жизни и деятельности выдвигает новые аспекты в исследовании не известных еще источников, например, грамоты Таллиннского магистрата на немецком языке, которая еще не публиковалась (речь в ней идет о событиях 1541 г., связанных с пожаром и разграблением храма). Она была направлена митрополиту Макарию как свидетелю и очевидцу событий, который мог бы подтвердить перед царем правильность описанных событий и ходатайствовать о возмещении ущерба.

Современники называли митрополита Макария великим книжником. Составленные по его благословению и при непосредственном его участии Великие Минеи-Четьи оказали большое влияние на последующую письменность. Это не только подведение итогов и собирание памятников письменности, но и импульс на перспективу. Жития святых, включенные в Великие Минеи-Четьи, размножались затем в других списках. Макарьевские Четьи-Минеи были результатом большой текстологической работы.

Говоря о влиянии, о роли Церкви в русской культуре, в нашей истории, мы хотели бы предложить определенные мероприятия – учредить, например, Макарьевские чтения. С именем митрополита Макария связано многое: зодчество, литература, иконопись и т. д. Кроме того, такие чтения объединили бы усилия и светских и церковных историков и искусствоведов. Такие контакты необходимы, и первые шаги в этом направлении уже предпринимаются. Здесь уже упоминались организованные в Тобольске чтения, посвященные 200-летию книгопечатания в Сибири и 1000-летию славянской азбуки, которые проводил Тюменский университет и в которых приняли участие представители Русской Православной Церкви.

О. М. РАПОВ (кандидат исторических наук, Московский государственный университет). Многих сегодня волнует вопрос: какой реальный положительный эффект имело принятие христианства Русью. В существующей историографии на этот вопрос нет однозначного ответа. Если в работах некоторых философов и историков говорится о том, что христианство не привнесло ничего положительного в жизнь Киевского государства, то современные богословы, наоборот, пытаются увязать с принятием христианства все важнейшие достижения (в особенности в области культуры) древнерусского общества.

Что же получила Русь, приняв христианство и отвергнув язычество? Прежде всего ее население оказалось объединенным с помощью новой идеологической основы. По мере усвоения жителями страны христианского вероучения стали исчезать отдельные как славянские, так и неславянские племена и народности. Они сливаются в единую древнерусскую народность, обогащая друг друга различными познаниями. В угрофинских поселениях появляются славянские орудия труда, чего не

было в языческие времена. Вырабатывается единый древнерусский язык, вобравший в себя слова и неславянского происхождения.

Новая религия способствовала стабилизации феодальных отношений в стране. Появление княжеских, боярских, церковно-монастырских вотчин в Киевском государстве знаменовало собой новый, более высокий уровень развития древнерусского общества.

Прекратились ритуальные человеческие жертвоприношения. Было покончено с практикой убийства жен, рабынь, слуг на похоронах мужей-домохозяев, что несомненно способствовало увеличению населения Руси.

Русские летописи довольно часто сообщают о восстаниях в X в. целых народов, входивших в состав Киевской державы, которые были направлены против великокняжеской власти. Язычество требовало от каждого славянина, чтобы он накапливал богатства (впоследствии бóльшая их часть уничтожалась на его погребальном костре), чтобы в потусторонний мир он вошел свободным человеком (а для этого он должен был постоянно бороться за свою свободу и независимость). Языческие жрецы фактически толкали покоренные киевскими князьями и их дружинниками народы на вооруженные выступления против собственников земли. Эти выступления пагубно отражались на становлении русской государственности, тормозили генезис феодального способа производства. После принятия Русью христианства восстания народов прекращаются, хотя кое-где имеют место локальные выступления жителей против новой религии и нового общественного строя.

После крещения Руси мощный толчок в своем развитии получили и русские города. Увеличилось их население и в первую очередь ремесленное. Появились новые отрасли древнерусского ремесла. Иностранные мастера-христиане получили возможность приезжать в Киевское государство, передавать свои знания и опыт русским коллегам, не опасаясь, что будут принесены в жертву языческим божествам. Результатом деятельности византийских мастеров явилось сооружение в Киеве уже в 90-е годы X в. знаменитой Десятинной церкви.

Принятие новой религии помогло установить прочные политические, торговые, культурные связи со многими христианскими странами. Это выразилось и в династических браках, и в установлении союзных и мирных отношений Руси с отдельными европейскими державами, и в расширении торговых контактов, и даже в появлении первой русской монеты, отчеканенной на Руси, которая представляла собой подражание монетам, выпускавшимся в Византии. Церковь способствовала созданию на Руси многих великолепных памятников архитектуры и искусства. Повидимому, благодаря ее связям с Византией, в Киевском государстве появляются мозаики и фрески.

Сразу после принятия Русью христианства в стране возникают первые школы, в которых проходят обучение люди из различных слоев населения. Эти школы готовят кадры духовенства. Его представители уже в XI – начале XII в. сумели создать великолепные образцы русской литературы, такие, как «Слово о законе в благодати» (Иларион Киевский), «Память и похвала князю Владимиру» (монах Яков); Повесть временных лет (монах Нестор), «Сказание о Борисе и Глебе» (монах Нестор).

Возникают обширные библиотеки при княжеских дворцах и монастырях. Получает развитие летописание, бывшее итогом трудов в основном иереев и монахов. В первой половине XI в. совершенствуется древнерусская азбука. Происходит становление кириллицы. Несомненно, что в этом активное участие принимало духовенство. В страну проникают произведения зарубежных авторов, которые переводятся на русский язык, переписываются во многих экземплярах и распространяются среди жителей городов.

Духовенство участвовало в совершенствовании древнерусского законодательства. Верховными иерархами страны совместно с великими князьями были созданы церковные уставы. Наконец, церковь активно укрепляла моногамную семью, которая в эпоху феодализма была основной производительной ячейкой.

Конечно, церковь оказывала и некоторое негативное влияние на древнерусскую жизнь. Однако положительная сторона в деятельности церкви в период раннего феодализма безусловно превалировала.

Архимандрит ФИЛАРЕТ (Одесская Духовная Семинария). Здесь много говорилось о духовных ценностях, которые утратило наше общество, что привело его к определенной деградации. В связи с этим я хотел бы затронуть один из аспектов, имеющих отношение к церковной жизни. Речь идет о церковном пении, которое в какой-то степени можно считать летописью духовной жизни Руси. Церковное пение – это как бы зафиксированный в звуках, в знаках колорит жизни русского человека. Это и составная часть храма, который представляет совокупность таких элементов, как архитектурные формы, пение, искусство, иконопись. Церковное пение было порождено духовной жизнью русского человека. В церковных формах выражена живая любовь русского человека к искусству, она как бы увековечена в этом. Вот почему нашу церковную архитектуру, искусство, пение, иконопись часто называют застывшей музыкой, богословием в красках, в звуках, или поющим богословием.

История церковного пения – это очень большой и, к сожалению, для многих неизвестный пласт нашей национальной культуры. В церковной музыке заключена душа русского народа, его духовная жизнь. Мы не считаем церковным пением исполнение произведений итальянских или немецких авторов. К подлинно церковному пению относится, прежде всего, знаменный распев, в котором все идет от текста к музыке, то есть от содержания к форме, а не наоборот. Вот почему так любили церковное пение выдающиеся деятели Русского государства – Иван Грозный, Алексей Михайлович, Петр I, царевна Софья. Они не только любили его, но и сами участвовали в церковном пении. Центрами церковно-певческих школ были монастыри с их укладом, передаваемым из поколения в поколение.

Сегодня ошибка заключается в том, что мы думаем, что, восстановив храмы, реставрировав иконы, научившись петь, возродив милосердие, можно решить сразу все проблемы. Между тем необходимо заново строить основы духовной жизни, иначе мы все время будем иметь дело не с причинами, а со следствием. Это особенно важно для молодежи. Надо возвращать утраченные духовные и нравственные ценности нашего народа.

В заключение хотелось бы обратить внимание на более тщательное изучение богословских нотных фондов, особенно таких известных в церковной среде, как фонды Успенского собора Кремля, Симонова монастыря, Троице-Сергиевой Лавры, Киево-Печерской Лавры, Оптиной Пустыни и др. Возрождение духовной жизни в сочетании с тем, чем мы уже пользуемся (включая и церковное пение), создает предпосылки для возрождения наших нравственных ценностей.

Митрополит ПИТИРИМ. Мы много сейчас говорим о значении Церкви не только как организации, но и ее мировоззрении. Мы скользим по высоким лицам, историческим персонам, вспоминаем Преподобного Сергия Радонежского, святого Димитрия Донского, святого Александра Невского, упуская из виду, что создавали Русь, Россию, ее воинство и ее деревню иереи, приходские священники, забитые, многодетные, чаще всего нищенствующие. В 80-х годах прошлого столетия дискутировался вопрос, разрешить ли приходскому духовенству свою кассу, специальный пенсионный фонд в Российской империи, в 1905–1907 гг.– предоставлять ли духовенству гражданские права. Если мы хотим, чтобы наш народ и вся многонациональная держава восстановили свой духовный потенциал, необходимо концентрировать внимание не на отдельных выдающихся личностях и не на церковной структуре как таковой, а подумать о том, что может и должен дать приходской священник.

А. А. ИСКЕНДЕРОВ. Я разделяю высказанную здесь митрополитом Питиримом тревогу. Действительно, сейчас наше общество испытывает духовно-нравственный дискомфорт. Мы все осознаем, что с духовностью и нравственностью в нашем обществе неблагополучно. Необходимо восстановить многие духовные и нравственные ценности, в выработке и формировании которых Русская православная церковь сыграла важную роль. Это надо четко понимать. Согласен с митрополитом и в том, что наше общество нуждается сейчас в консолидации. И речь вовсе не идет о том, чтобы всех сделать верующими. Но консолидация общества на базе общечеловеческих ценностей необходима. У нас общая беда – снижение нравственного уровня

общества. И здесь необходимы контакты, взаимопонимание и взаимодействие с церковью. Духовное возрождение сегодня – это, может быть, задача задач. Мне также импонирует в выступлении митрополита то, что он видит реальные пути в этом направлении, то, что можно сделать уже сегодня, опираясь на те ценности, которые накоплены за столетия развития нашего общества.

В. П. АЛЕКСЕЕВ. Несколько слов о тех проблемах, решить которые можно путем совместного исследования. Я имею в виду прежде всего археологию. На Западе уже давно библейская археология разрабатывается не только светскими специалистами, но и церковными. Сейчас в США и Англии издан новый атлас по библейской археологии. Над ним работали как светские, так и церковные специалисты. А мы в этом плане проигрываем, так как не привлекаем специалистов по истории христианской церкви. Сейчас идет подготовка конференции, посвященной московскому зодчеству. Думаем провести ее совместно с церковью. Можем участвовать также в создании заповедной территории вокруг Радонежа. Конечно, это пока весьма робкие шаги, но они открывают путь для дальнейшего сотрудничества светских и церковных историков.

П. Н. ЗЫРЯНОВ (кандидат исторических наук, Институт истории СССР АН СССР). Через 10 лет мы будем отмечать 2000-летие со дня рождения Христа. Сейчас уже научно доказано, что он был реальной личностью, и споры по этому вопросу уже не будут омрачать предстоящий юбилей. Наоборот, я думаю, следует ожидать новый и более мощный всплеск интереса к истории церкви. В связи с этим возникает вопрос, только ли юбилейными датами поддерживается этот интерес? Я думаю, не только и не столько. Если бы 1000-летие крещения Руси пришлось на предшествующую эпоху, оно, конечно, не отмечалось бы столь широко и свободно. Но, с другой стороны, уже в конце той, предшествующей эпохи, которую мы называем периодом застоя, книги по истории церкви пользовались повышенным спросом, чего нельзя сказать о 50–60-х годах.

С начала 80-х годов или даже раньше в общественном сознании стихийно стал происходить тот сдвиг, который означал освобождение его от шор чрезмерной идеологизации и догматизации. Мы вдруг вспомнили поэтов и писателей, которые когда-то считались «идеологически невыдержанными» и поэтому замалчивались. Мы вдруг вспомнили, что православная церковь занимает немалое место в нашей истории и культуре. Хотя, к сожалению, еще совсем недавно отдельные представители нашей академической элиты отстаивали ту точку зрения, что церковь – это «антикультура». К счастью, времена изменились, и сейчас мы избавлены от необходимости доказывать очевидные вещи.

Но пока диалог историков с читателями складывается не в нашу пользу, и наряду с прочими дефицитами, которые преследуют нас на каждом шагу, сложился стойкий дефицит исторических знаний. По инерции историки продолжают разрабатывать те проблемы, которые не очень интересуют широкую общественность. Поэтому «белые пятна», о которых так много в последнее время говорят, исчезают либо уж очень медленно, либо остаются. Это касается и истории церкви, особенно на протяжении XVIII–XX веков.

В 1988–1989 гг. вышли две книги по истории церкви, затрагивающие этот наименее исследованный период: «Русское православие: вехи истории» (Политиздат) и «Русская православная церковь, очерки истории, 1917–1988» (Московская патриархия). В целом я высоко оцениваю оба издания, но им присущи некоторые недостатки, и при этом весьма схожие. В обоих изданиях практически не представлено развитие религиозно-философской мысли в XIX – начале XX века. Я имею в виду труды А. С. Хомякова, В. С. Соловьева, Н. Ф. Федорова, П. А. Флоренского. В большей степени этот упрек можно адресовать первой книге, которая освещает в основном политическую и бытовую историю церкви, но никак не ее философский аспект. (Я один из авторов этой книги, и в значительной мере сам виноват в этом недостатке.)

Как известно, революции происходят прежде всего в умах. В связи с этим возникает вопрос, как соотносятся религиозно-философские течения начала XX в. с церковно-обновленческим движением – с первой его волной в 1905–1907 гг. и со второй, поднявшейся на гребне событий 1917 года. Если здесь есть прямая преемственность (я, правда, в этом отчасти сомневаюсь), то возникает новый вопрос. Мне кажется, что глубина и мощь русской религиозно-философской мысли XIX – начала XX в. не отвечает масштабам обновленческого движения. Думаю, эта проблема нуждается в дальнейшем изучении.

И еще один схожий недостаток двух изданий по истории церкви. Он выражается в чрезмерной ортодоксальности. В политиздатовской книге в оценке различных церковных течений используется в основном только один критерий – как они относились к Советской власти. При всей важности этой стороны дела, я думаю, нам пора переходить к более многосторонним оценкам. Наверное, пришло время попытаться разобраться и в том, насколько обоснованными были преследования духовенства, в том числе высшего, в 20-е и особенно в 30-е годы. Период 30-х годов вообще крайне скупо освещен в книге.

В издании Московской патриархии подробно показана борьба церковных течений в 1917–1924 годах. Но опять-таки авторы смотрят на события строго с точки зрения тихоновского течения. Но ведь, помимо Введенского и Красницкого, с ним, как известно, иногда вступали в спор и Сергий, будущий патриарх, и архиепископ Антонин (Грановский). Имя первого широко известно. А вот о судьбе второго знают сравнительно мало. Известно, что осенью 1905 г., в разгар революции епископ Антонин исключил из формулы поминовения царя слово «самодержавнейший». Это был шаг, который требовал большого мужества.

Помимо перехода к более многосторонним и взвешенным оценкам, не менее важна задача утоления общественного голода на исторические знания. Я уже говорил о необходимости изучения религиозно-философской мысли. Нуждаются в исследовании и другие проблемы, например, церковь и отмена крепостного права, церковь и благотворительность, церковь и дело народного просвещения, христианизация народов Поволжья и Сибири и ее историческое значение, церковь и общественное движение. Наконец, есть потребность и в изучении разных слоев духовного сословия. Например, в 1983 г. в США вышла книга Г. Фриза «Приходское духовенство в России XIX в.: кризис, реформа, контрреформа». К сожалению, у нас подобных исследований нет.

Надо продолжать изучение русских монастырей. Особо привлекательно такое явление их жизни в XIX в., как старчество. Со старцем Амвросием из Оптиной Пустыни поддерживали отношения Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой. Их переписка со старцем опубликована и ждет своего исследователя.

Я надеюсь, что со временем из-под пера светских и церковных авторов выйдут биографические работы о деятелях православной церкви. Что касается XIX и XX вв., то кроме старца Амвросия следует обратить внимание на такие яркие личности, как митрополит Евгений Киевский (Болховитинов), митрополит Московский Филарет, митрополит Петербургский Антоний, патриархи Тихон и Сергий, архиепископ Антоний (Храповицкий). Теснейшим образом с церковью была связана деятельность такого крупного государственного деятеля, как К. П. Победоносцев. Наконец, совершенно недостаточно изучена у нас вероисповедная политика царского правительства.

Я не вижу признаков того, чтобы подобные исследования в настоящее время организоаанно разворачивались. При такой постановке дела мы не скоро сможем удовлетворить читательский спрос и приблизиться к пониманию того значения, которое имеет православная церковь в истории России.

М. В. ДМИТРИЕВ (кандидат исторических наук, Московский государственный университет). Мне кажется, что сегодня трудно сказать, какое из направлений изучения истории православной церкви, и в целом православия, наиболее актуально. Вот несколько насущных.

Во-первых, это проблема христианизации, понятой как длительный процесс, как процесс сначала внешнего утверждения христианства в разных регионах и различных социальных средах, а затем постепенного освоения христианства общественным сознанием, трансформации образа христианства в восточнославянских культу-

рах, изменений в восприятии отдельных сторон вероучения, богослужения, церковной жизни от эпохи к эпохе, от одного региона к другому, от одной социальной группы к другой. Эта проблема касается всей европейской цивилизации, и сравнительно недавно она по-новому поставлена западными историками, преимущественно французскими. Они обнаружили факт религиозного невежества огромных масс сельского населения Западной Европы в XVI–XVII веках.

Примечательно, что вывод о высшей степени поверхностном усвоении христианства был сделан применительно к наиболее развитым, издавна считавшимся очагами средневекового католицизма регионам Франции, Италии, Западной Германии, Нидерландов. Если судить по проведенным исследованиям, религиозные верования народных масс, включая значительную часть городского населения, были проникнуты анимистическими, магическими и дуалистическими представлениями. Речь идет не о сохранении языческих пережитков или двоеверии, а о фольклоризации и паганизации (как принято говорить на Западе) христианства, о чрезвычайно примитивном восприятии основных положений его вероучения и культа.

В связи с этим возникает ряд вопросов, очень важных и для истории восточнославянского христианства: к какому времени относить окончательную христианизацию общества; каковы критерии, которые позволяют определить ее глубину; насколько она была равномерна в пространственном и социально-стратификационном отношениях; каковы пути и механизмы процесса христианизации; как определить и охарактеризовать ту систему верований, которые нельзя назвать собственно христианскими, но которые тем не менее включают христианство как важную составную часть; какой должна быть методика исследований в этой области; какова специфика процесса христианизации в православном мире по сравнению с католическим. У нас эти проблемы не ставятся с должной глубиной и широтой. Проблема христианизации сводится к изучению двоеверия, языческих традиций и реликтов в культуре. Хотя это и важный аспект проблемы, но все-таки далеко не исчерпывающий ее.

Во-вторых, это проблема эволюции христианства в украинско-белорусских землях после того, как они оказались в составе Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой. По крайней мере, с середины XV в., после обособления Киевской митрополии от Московской, православие развивалось здесь иными, чем на Северо-Востоке Руси, путями. Невозможно отрицать роль католицизма в культурно-религиозном развитии населения этих земель. Дореволюционная историография показала и особенности церковного строя украинско-белорусского православия, и местную специфику взаимоотношений церкви и государства, церкви и господствующих социальных слоев, и некоторые своеобразные черты культовой жизни. Кроме того, очевидно, что религиозная жизнь в этом регионе более отчетливо, чем в Русском государстве, отзывалась на процессы и события, происходившие в католическом мире. Поэтому мы должны учитывать несхожесть путей развития украинско-белорусского и русского православия. Вместе с тем опыт украинско-белорусского православия был в известной степени усвоен Русской православной церковью в середине и второй половине XVII века.

В-третьих, вряд ли судьба восточнославянского православия будет сколько-нибудь полно понята без учета взаимодействия православия с другими христианскими и нехристианскими конфессиями. Православие отзывалось, так или иначе, в разные периоды своей истории на вызов соперничающих церквей и вероучений. Наибольшее влияние при этом оказывали, конечно, конфликты внутри самого православия. Я имею в виду и униатство, и еретические реформационные движения. История первого во многом еще не исследована советской историографией. В значительно большей степени изучена история реформационных движений. Впрочем, это нельзя сказать о протестантизме и сектантстве на Украине и в Белоруссии, особенно в XVII–XVIII вв., хотя есть довольно обильные фонды источников.

Изучение христианства требует сотрудничества специалистов разного профиля. Оно вряд ли возможно на основе лишь личных контактов. Поэтому было бы полезно объединить вокруг некоторых исследовательских программ сотрудников разных научных учреждений, как светских, так и церковных. При этом необходимо не только переиздание дореволюционных трудов и публикаций по истории православия, но и перевод работ современных зарубежных исследователей Г. Подскальского, А. Поппэ, Э. Бенца, Ж. Мейендорфа, Ф. Лилиенфельдта, С. Рэнсимена, Ф. Дворника, Д. Д. Оболенского, П. Г. Федотова и других.

А. И. ЛАЗАРЕВ (доктор филологических наук, Челябинский университет). Говоря о значении церкви в истории России, мы, конечно, не можем обойти вопрос о ее месте в становлении и развитии отечественной художественной культуры. До недавнего времени факт наличия двух ее основных истоков – восточнославянской по преимуществу народной художественной традиции и церковной – всячески затушевывался, так как это отвечало господствовавшему тогда исключительно классовому подходу к изучению духовных явлений. Вот почему сложный, противоречивый процесс взаимодействия и взаимообогащения языческой и христианской культур, восточнославянских народных и византийских церковных художественных традиций по существу не получил сколько-нибудь удовлетворительного осмысления и объяснения.

Необходимо прежде всего ответить на вопрос, каким образом сложились те художественные традиции, совокупность которых дает представление о русском национальном искусстве. При этом важно избежать односторонности в подходе к проблеме и не говорить либо только о влиянии фольклора на церковную культуру, либо наоборот – только о влиянии церкви на «мирское» искусство, в том числе и на устное народное творчество.

Церкви, соборы, которые строились на Руси, сохранили элементы византийской школы зодчества, но вместе с тем обрели и нечто новое, чисто русское, восточнославянское. Посмотрите на такие жемчужины древнерусской архитектуры, как собор Покрова на Нерли или церковь Спаса на Нередице. Таких силуэтов в византийской архитектуре не было, но дело в том, что не было их и в зодчестве восточных славян. Объединение в одно целое двух разнородных художественных традиций породило тот архитектурный образ, который воспринимается как наиболее яркое воплощение национальных качеств русского культурного зодчества. Киевская София с ее динамичной пирамидальной композицией столь же похожа на свой прообраз – константинопольскую Софию, сколь и отличается от него, вобрав в себя черты теремковой архитектуры Киевской Руси.

Есть основание полагать, что православная церковь сознательно направляла усилия древних зодчих, ваятелей, иконописцев на такое решение поставленных перед ними задач, при котором учитывались бы художественные традиции русского народа. Например, творцы миниатюр в Остромировом Евангелии (1056–1057 гг.), в Изборнике Святослава (1073 г.), создатели отдельных фресок в киевской Софии (вторая половина XI в.) не боялись привнести в византийские образцы, которые они копировали, черты русской самобытности, соединяя в своих изображениях казалось бы несовместимое – христианское содержание с языческой (фольклорной) формой. Церковь, по-видимому, была заинтересована в утверждении самобытных начал русского искусства. Это отвечало и ее патриотической миссии. Она, как известно, вместе со светскими властями, особенно при Ярославе Мудром, отстаивала и свою самостоятельность, и независимость Древнерусского государства.

В литературе (церковной по идеологии и эстетике) наблюдается то же самое. В «Слове о полку Игореве», как ни в каком другом произведении древнерусской литературы, ярко выражен «славянский дух» – стихия устной народной поэзии. Но даже в нем церковное начало дает о себе знать. Причем фольклорное и церковное здесь органически сливаются, образуя неповторимый русский литературный стиль.

Роль церкви в последующем развитии русской художественной культуры изучена и оценена еще меньше. Взаимоотношения русского классического искусства и литературы с религией рассматривались однобоко, чаще всего с точки зрения ее неприятия и критики тем или иным писателем или художником. Подчеркивался, например, атеизм А. С. Пушкина, но оставался без внимания тот факт, что во многих его произведениях философского порядка, где он размышляет о смысле жизни, о добре и вечности, его мысль обращается к ценностям, утверждаемым в сознании людей церковью. Требуют переоценки и «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя.

По-иному надо взглянуть и на проблему взаимоотношений искусства и религии в рамках реалистического метода. Реализм и религиозное сознание всегда представлялись враждебными друг другу, хотя опыт Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, казалось бы, давно должен был заставить взглянуть и на эту проблему диалектически. Церковь, ее житийная литература, св. Писание оплодотворили реалистическое искусство не только многообразными сюжетными мотивами и образами, но и помогали осмыслить действительность. Наша национальная культура искусственно обеднялась тем, что большинству людей долгое время были недоступны шедевры духовной музыки и духовной поэзии, творцами которых были не только безвестные авторы из церковной среды, но и выдающиеся композиторы (Д. С. Бортнянский, Е. И. Фомин, П. И. Чайковский, С. Н. Рахманинов), поэты (А. К. Толстой, А. М. Жемчужников, Н. С. Гумилев и др.).

Особую роль сыграла церковь в распространении и развитии национальной художественной культуры на окраинах царской России, например, в XVII–XVIII вв.– на Урале, на Дону и в Сибири. Этот раздел истории отечественной культуры совершенно не изучен. Например, начало урало-сибирской литературы связано с организацией в 1621 г. Тобольской архиепископии. Первый сибирский архиепископ Киприан Старорусенков занялся организацией здесь книжного дела. С его именем связано возникновение местного летописания: он был инициатором и, видимо, активным участником составления «Синодика казакам Ермака» и «Есиповской летописи», автор которой являлся архиепископским дьяком.

Традиции Киприана были продолжены его преемниками и последователями в XVIII столетии. Среди них особенно заметный след оставил А. И. Попов, который служил протоиереем в родном Кунгуре. Сочинения его – историко-религиозного содержания, нравоучительного характера. Но они обнаруживают передового человека. Он – активный сторонник преобразований Петра I, приверженец Феофана Прокоповича. В своих проповедях он ратовал за науку и просвещение. Ему принадлежит смелое жизнеописание В. Н. Татищева, деятельность которого на Урале он называет «миссией святого человека». В сочинении под названием «Урал оссиянный» Попов рассказывает о подвигах православных миссионеров, принесших в «Каменную страну» землепашество, заводы, города, дороги.

Еще более заметной и плодотворной была деятельность П. А. Словцова. Главным трудом почти всей его жизни было «Историческое обозрение Сибири». Собранный им материал включает рукописи сибирских летописей, различные грамоты и «отписки», записи исторических песен, преданий, легенд. Характеризуя двух первых Демидовых– Никиту и Акинфия, Словцов понимает их заслуги перед Россией и в то же время не скрывает, какими безнравственными средствами и способами они налаживали производство железа на Урале.

Роль церкви в становлении региональных художественных школ в архитектуре, ваянии, живописи столь же значительна, как и в литературе. Достаточно сравнить детали декорирования зданий и культовых сооружений тобольского Кремля (Софийского собора, Покровской церкви, святых ворот и пр.) с отделкой жилых домов старинной постройки в городе, чтобы убедиться в этом. Точно так же содержание и стилистика резьбы иконостасов ничем не отличаются от рельефных украшений на оконных наличниках, ставнях, фронтонах жилых домов Тюмени и Тобольска.

В. Л. ЯНИН. Все, я думаю, согласятся со мной, что наша встреча удалась. Формируются, по крайней мере, три программы: собственно научная, издательская и организационная. Для их реализации следует наметить темы совместных заседаний светских и церковных историков. Это был бы практический вывод из всех пожеланий, прозвучавших на нашей встрече. В ходе такого периодического общения уточнятся и многие конкретные вопросы упомянутых программ дальнейшего сотрудничества.

В работе «круглого стола» приняли также участие член-корреспондент АН СССР Я. Н. Щапов, члены редколлегии и сотрудники журнала «Вопросы истории», сотрудники Издательского отдела Московского Патриархата.

СООБЩЕНИЯ

ДРЕВНИЙ ЦЕНТР МОСКВЫ

М. Г. Рабинович

500 лет тому назад в Москве развернулось строительство нового Кремля – беспримерной для тогдашней Руси и одной из крупнейших в Европе крепости. Начали ее сооружать в 1485 г., а окончательно завершили сложный комплекс работ в 1516 году[1]. Сегодня Кремль с его старинными стенами и башнями, вот уже пять веков вызывающий всеобщее восхищение, воспетый поэтами, многократно изображенный художниками,– политический и культурный центр Москвы и страны. Но было ли так всегда? Ответить на этот вопрос можно, только опираясь на всю совокупность разнообразных источников – материалов археологических раскопок, летописей, актов, описаний современников и т. д.

Долгое время существовала версия, что Москва возникла в устье Яузы. В XVII в. эту версию сформулировал уроженец Москвы, дьякон Холопьего монастыря на Мологе Т. Каменевич-Рвовский; по существу он развил и конкретизировал вымысел об основании Москвы внуком Ноя Мосохом, отраженный, в частности, в Синопсисе: «И созда же тогда Мосох князь и градец себе малый над предвысоцей горе той над устии Яузы реки на месте оном первоприбытном своем именно Московском идеже и днесь стоит на горе той церковь каменная святаго и великого мученика Никиты бесов мучителя»[2]. Ссылка на недавно построенную тогда каменную церковь Никиты за Яузой (церковь эта теперь реставрирована и стоит позади высотного здания в Котельниках) должна была убедить читателя в достоверности всего сказанного. С той же целью автор производил названия Москвы и Яузы от сложения имен Мосоха и его жены Квы, сына Я и дочери Вузы. Позже версию Каменевич-Рвовского поддержал И. Е. Забелин, переосмыслив ее в духе господствовавшей в его время торговой теории возникновения городов. Он считал, что Яуза была важным торговым путем и «политические причины уже летописной междукняжеской истории указали место теперешнему городу Москве... вблизи устья Яузы»[3].

Согласно другой версии, возникшей в XIX в., древнейший центр Москвы находился в бассейне Неглинной. на речке Самотеке (позади нынешнего здания кинотеатра «Форум»). Топографически это место очень удобно для устройства укрепленного поселения. Вероятно, близость его к урочищу, называвшемуся в XIV в. Кучковым полем, побудила З. Доленгу-Ходаковского, производившего обследование этого района, предположить, что там-то и было Кучково – владение боярина Кучки, названного в некоторых древних повестях о начале Москвы[4] первым ее владельцем.

РАБИНОВИЧ Михаил Григорьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнографии АН СССР.

[1] Подробнее см.: Стенам и башням Московского Кремля 500 лет. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции (12–14 ноября 1985 г.). М. 1985.
[2] Цит. по: Забелин И. Е. История города Москвы. Ч. 1. М. 1905, с. 26.
[3] Там же, с. 15.
[4] Повести о начале Москвы. М.-Л. 1964. с. 245–249.

По мнению исследователей, позже «городок Москва» был перенесен в устье Неглинной, на территорию современного Кремля. Эта концепция возникла не без влияния распространенного фольклорного сюжета о перемещении городов в различных экстремальных обстоятельствах на новое место или даже в иную стихию (например, погружение города Китежа в озеро).

Археологические исследования Москвы [5] и были связаны прежде всего с названными районами. В 1946—1947 гг. в результате раскопок в устье Яузы был открыт важный ремесленный район средневековой Москвы XV—XVII вв.— Гончарная слобода. Гончары и их соседи — котельники, кузнецы, оружейники — были едва ли не первыми поселенцами Заяузья. Но ни остатков укреплений, ни более древнего культурного слоя, который должно было оставить городское поселение, если бы оно здесь существовало, обнаружено не было. Лишь фрагменты древних сосудов и шиферного пряслица XII—XIII вв. позволяют предположить, что здесь могло находиться село, притом не самое древнее на территории Москвы.

В 1956 г. было исследовано городище на Самотеке. Но и здесь кроме погребений, относившихся к кладбищу при близлежащей церкви Николы в Драчах, не очень четко определяемого культурного слоя городской окраины сравнительно позднего времени (XVIII — начала XX в.), не было обнаружено отложений, которые могут быть связаны с городом более древним. Правда, найден был один фрагмент древнего горшка «курганного» типа (такие горшки встречены впервые в древних крестьянских курганах с захоронениями, отсюда и название). Однако он позволяет предположить существование здесь в период до нашествия ордынцев лишь какого-то небольшого сельского поселения.

Следы действительно древнейшей Москвы археологи открыли впервые в 1949—1951 гг. в Зарядье, при строительстве гостиницы «Россия». Здесь, на низком берегу Москвы-реки, сохранились последовательные отложения культурного слоя, ярус за ярусом, век за веком. Самый нижний горизонт был богат фрагментами деревянных сооружений, предметами производства и быта горожан (калачевидное кресало, гирька характерной формы от весов, пряжки, часть косы-горбуши, керамические сосуды), которые датировались концом XI века. Причем мощность этого древнейшего горизонта культурного слоя увеличивалась по направлению к Кремлю. Похоже было, что раскопки начались где-то в конце древней улицы, которая шла от Кремля по берегу Москвы-реки, а центр древнего города находился на территории Кремля. Раскопки в самом Кремле велись в 1959—1960 гг. в связи со строительством Дворца съездов, а с 1963 г. и по сей день археологи кремлевских музеев наблюдают здесь за всеми реставрационными работами.

И почти каждый год перед исследователями открывались все новые этапы начальной истории Москвы, когда сооружались рвы и валы первых московских укреплений, срубы жилых домов и хозяйственных построек, мастерские ремесленников — гончаров, кузнецов, кожевенников, сапожников, серебренников (ювелиров), укладывались деревянные мостовые, делались водоотводные сооружения: все то, что характерно для города, а не для села. Находки свидетельствовали о том, что истинный город начал складываться в XI веке. Окончательно в том и другом убедила нас найденная Н. С. Владимирской в шурфе во дворе Оружейной

[5] Археологические работы (наблюдения за строительством и специальные раскопки) ведутся здесь Институтом археологии АН СССР, Государственным Историческим музеем, музеями Московского Кремля, Музеем истории Москвы, а нередко и совместно. Руководили работами в разные послевоенные годы А. В. Арциховский, А. Г. Векслер, Н. С. Владимирская, Н. Н. Воронин, А. Ф. Дубынин, Ю. М. Золотов, В. И. Качанова, Г. П. Латышева, П. Н. Миллер, Б. А. Рыбаков, К. А. Смирнов, А. В. Успенская, С. З. Чернов, а также автор этих строк.

палаты свинцовая булла (печать, скреплявшая грамоту). На одной ее стороне изображена богоматерь в костюме византийской патрицианки, на другой — архистратиг Михаил.

Анализ этой находки привел В. Л. Янина к выводу, что печать принадлежала Киевской церковной митрополии и относится к тому времени, когда в Киеве княжил князь Святополк, а митрополита временно не было (его должность исполнял так называемый местоблюститель),— к 1093—1096 годам [6]. Конечно, это не начальная дата существования Москвы: ведь грамоту с печатью послали, скорее всего, в уже существовавший город. Но и эта дата делает Москву на полвека старше. (Вспомним — первое летописное упоминание о Москве относится к 1147 г.) [7].

Итак, современный Кремль стоит на том месте, где появился в конце XI в. городок Москов. Предположения о переносе городка были, по-видимому, неосновательны. Мыс при впадении в Москву-реку Неглинной является изначальным московским местом, древним ядром города. Городок возник в обжитом районе, где мысовые поселения существовали в течение многих столетий. На Москве-реке известны городища и селища так называемой дьяковской культуры неславянских племен (VII в. до н. з.— V—VII вв. н. з.): выше устья Неглинной, на теперешних Ленинских горах,— Мамоново, или Андреевское, городище и селище; ниже устья Неглинной, у с. Дьяково в районе Коломенского — Дьяковское городище и селище (давшее название всей культуре). Не так давно Н. С. Владимирская обнаружила остатки поселения того же типа в Кремле на месте Архангельского собора.

В этих поселениях жили оседлые скотоводы, пасли стада в прибрежных лугах. О социально-экономическом развитии района, его заселенности, торговых связях в IX в. говорят найденные неподалеку от Кремля клады арабских монет (дирхемов), которые были отчеканены в 862 и 866 гг. на территории Средней Азии и Закавказья, подвластных тогда Арабскому халифату: один — на правом берегу Неглинной, примерно там, где сейчас бассейн «Москва», другой — на правом берегу Москвы-реки, напротив позднейшего Симонова монастыря [8].

Долгое время исследователи считали, что Москов с самого начала был тесно связан только с Суздалем и Суздальской землей. Однако находки в Зарядье и Кремле позволяют в этом усомниться. Кувшины и кубки, покрытые зеленой поливой, фрагменты которых в большом количестве обнаружены археологами, делались в Любече и некоторых других городах Киевского княжества в XI—XII веках. Серебряные привески (так называемые височные кольца), каждая из которых украшена тремя ажурными скаными бусинами, также характерны для Киева и Киевской земли [9]. В Кремле находят и характерные вятичские привески — с семью лопастями, но они, по-видимому, принадлежали рядовым горожанкам. Так что, по крайней мере, городская верхушка древнего Москова была связана с Киевом и Киевской землей. Были и какие-то административные связи. О них говорит и упоминавшаяся печать, попавшая в Москов с какой-то грамотой официального содержания.

Вероятно, Москов вначале был теснее связан с Киевом и лишь спустя полвека перешел во владение суздальского князя. Тогда становятся понятнее и некоторые места сказаний о начале Москвы, и сравнительно позднее появление Москова на страницах летописей (в связи с феодаль-

[6] Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. М. 1970, с. 149, № 319.

[7] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. II. М. 1962, стб. 339.

[8] Москва. Энциклопедия, М. 1980, с. 113–117 (№№ 30, 32, 189, 190), с. 306, 341; Векслер А., Мельникова А. Московские клады. М. 1988, с. 44.

[9] Макарова Т. И. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. М. 1967, с. 58, 68; Латышева Г. П. Торговые связи Москвы в XII–XIV вв. (по материалам археологических раскопок 1959–1960 г. в Московском Кремле). В кн.: Древности Московского Кремля. М. 1971, с. 214–217.

пыми войнами). Впрочем, средневековые города, и не только русские, сравнительно редко упоминались в летописях и хрониках тех времен в первый же год их основания. Обычно их названия встречаются при описании каких-то событий, с ними связанных, то есть речь идет об уже существующих (иногда немалое время) городах. Поэтому принятый счет возраста города от первого упоминания в письменных источниках, если это не специальная запись об основании города, ненадежен, что не раз показывали археологические раскопки.

Что же представлял собой Москов на заре своего существования? Это был обычный феодальный городок, каких в тогдашней Русской земле встречалось довольно много. Он занимал высокий мыс в устье реки и частично — низменную часть берега Москвы-реки, где была пристань (в Древней Руси эти части города назывались соответственно «гора» и «подол»). С самого начала он четко делился на две части: укрепленную — собственно «город», или «детинец» (Кремль, как его стали называть позже), и неукрепленную — предградье, или посад. Это была планировка так называемого мысового типа: детинец занимал оконечность мыса, предградье располагалось перед ним со стороны плато, а также на низменном берегу. Град и предградье были неотъемлемыми частями единого целого — города и вместе с тем существенно различались между собой как по своим функциям, так и в социальном отношении. Детинец имел оборонное значение, был политическим и религиозным центром, резиденцией феодала и его окружения (само название «детинец» происходит от слова «дети», «отроки» — княжеские дружинники). Он занимал площадь около 1 га в юго-западном углу современного Кремля (весь Кремль расположен сейчас на 28 га).

Первоначально детинец был защищен рвом, который проходил поблизости от современного здания Большого Кремлевского дворца, у его юго-западного угла. Ров представляет собой в разрезе опрокинутый вершиной вниз треугольник, что характерно для русских укреплений XI века. Глубина рва — более 6 м, ширина по верху — около 16 метров. Ров чаще всего не заполнялся водой. На валу, насыпанном при рытье рва, стоял частокол. Остатки его видели при земляных работах еще в начале прошлого столетия. Посад носил ремесленный и торговый характер, был экономическим центром города, местом поселения основной массы жителей. На верхней части посада, неподалеку от кремлевского вала, располагался «торг» — торговая площадь, на которой по древнерусскому обычаю стояла позднее церковь Параскевы-Пятницы — покровительницы торговли. В более поздние времена московский посад также укрепляли, и тогда он приобретал оборонные функции.

Кремль и посад тесно взаимодействовали между собой. Кремль не мог расширяться иначе, как за счет посада, благодаря чему он и до наших дней сохранил все признаки планировки мысового укрепления. Посад терял часть территории, прилегавшей к Кремлю, но мог расти свободно за счет близлежащих земель сначала в междуречье Москвы-реки и Неглинной, потом за Неглинной и за Яузой, наконец, за Москвой-рекой. К XVI в. он приобрел округлую форму, хорошо известную по древним планам Москвы. Укрепления его, появившись как продолжение Кремля, развились потом в особое кольцо обороны, стали внешними укреплениями всего города. Территория, отходившая от посада к Кремлю, заселялась и застраивалась заново по тому же типу, что и Кремль. В свою очередь, посад, включая в себя соседние села, превращал их в городские кварталы.

Для Кремля была характерна так называемая кучевая планировка с княжеским дворцом в центре, для посада — уличная. Со включением в территорию Кремля некоторые улицы посада исчезали, а на новые территории, занятые посадами, распространялась уличная планировка: радиальные магистрали, идущие от Кремля к периферии, кольцевые — вдоль новых укреплений. Между улицами образовывалась запутанная сеть переулков и тупиков. Некоторые из них уцелели до наших дней [10]. Например, в центре современной Москвы, рядом с зданием Исторической библиотеки находится древняя церковь Владимира в Старых Садех (и переулок называется Старосадским). Старые Сады — это урочище, оставшееся от загородного дома Ивана III, находившегося здесь во второй половине XV века.

В самом Кремле, на территории, занятой, по крайней мере, с XVII в. дворцовыми постройками, при раскопках открываются более древние слои, оставшиеся от того времени, когда там стояли усадьбы простых горожан, населявших посад еще в XIV в., а на территории гостиницы «Россия» оказываются древние железоделательные, ювелирные и гончарные мастерские, на месте которых в XVI—XVIII вв. выстроены палаты московской знати, сохранившиеся в отдельных случаях до наших дней. В детинце находилась первая московская церковь Иоанна Предтечи (ближе к восточной границе). Исследователи предполагают, что она была построена на месте древнего, еще дохристианского, святилища [11]. Но имеются данные, позволяющие предположить, что в первоначальном Москове и вокруг него могло быть не одно такое святилище: ведь православие распространялось в глухих уголках Руси медленно.

С этим связана особая группа топонимов — названий мест, в которых содержится корень «чёрт». Речка, текущая с внешней стороны теперешнего Гоголевского бульвара и впадающая (ныне она заключена в трубы) в Москву-реку немного выше устья Неглинной, называлась Черторой, или Черторый («черт ее рыл») [12]. Прилегающий район именовался Чертольем. Позже Чертольскими назывались ворота Белого города в начале нынешней Кропоткинской ул.; улицы Волхонка и Кропоткинская назывались Большой и Малой Чертольскими. В административном делении города XVII в. имелись Чертольская черная сотня и Чертольская четверть сотни.

Все эти названия упоминаются с XVI в., но возникли, вероятно, раньше. Может быть эти топонимы появились потому, что где-то поблизости некогда было святилище языческого бога, который, как падший ангел, считался тогда чертом? На правом берегу Черторoя и сейчас видны крутые склоны и гряда, похожая на оплывший вал древнего городища. В центре площадки городища стоит церковь Ильи Обыденного. Сохранившееся здание построено в конце XVII в. и никак не могло быть сооружено «обыдень» — за один день, как строили иногда по обету, чтобы пресечь какое-нибудь общее бедствие (например, эпидемию). Видимо, «обыденной» была первая, маленькая, церковь Ильи, на месте которой стоит теперь эта.

Известно, что церкви во имя Ильи-пророка ставили в древности зачастую на месте жертвенников Перуна — одного из главных богов восточных славян, так как по тогдашним представлениям сходны были некоторые функции языческого бога и христианского святого (в частности, тот и другой были связаны с громом, молнией, дождем) [13]. Храмы и изображения Перуна при этом, конечно, свергались. А ведь свергнутый языче-

---

[10] Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв.– Материалы и исследования по археологии (МИА) СССР, 1956, № 62, с. 26, 62, 113–114.

[11] Гастев М. Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы. Ч. 1. М. 1841, планы Москвы (№ 55), объяснения к планам, с. 4; Забелин И. Е. История города Москвы. М. 1905, с. 64.

[12] См.: Имена московских улиц. М. 1975, с. 457, 300; История Москвы. Т. 1. М. 1952, с. 21, 120, 122, 179, 457 и др.

[13] Зеленин Д. К. Обыденные полотенца и обыденные храмы.– Живая старина, СПб., 1911. ч. XX; Иванов В. В. Илия. В кн.: Мифы народов мира. Т. I. М. 1980, с. 504–506; Иванов В. В., Топоров В. Н. Перун.– Там же. Т. II. М. 1982, с. 306–307.

ский бог мог отождествляться с чертом. Не указывает ли рассмотренная группа древних топонимов на местонахождение к западу от Москова древнего святилища Перуна? Положение таких святилищ за городскими стенами на некотором расстоянии от жилых кварталов не было необычным для Древней Руси. Известно, например, урочище Перынь в Великом Новгороде.

Середина XII в. была для городка временем больших перемен. В результате феодальных войн он перешел во владение суздальского князя Юрия Долгорукого. Этот факт отразился во многих сказаниях о начале Москвы, содержащих драматическое повествование о захвате князем Москвы и убийстве ее владельца боярина Кучки. К 1147 г. Москов был уже, по-видимому, не первый год во владении Юрия Долгорукого. Юрий пригласил к себе на военный совет черниговского князя, передав ему коротко: «Приди ко мне, брате, в Москов» [14], как мог бы сказать — «приезжай ко мне в Суздаль» (или в любое другое свое владение). Городок представлял достаточно удобств для размещения и прокормления князей с их дружинами, то есть не был так уж мал.

Князь считал, однако, необходимым лучше укрепить это новое пограничное владение и уже через девять лет перестроил, вернее, заново выстроил и увеличил детинец. Впрочем, летописная дата перестройки — 1156 г.— принимается большинством исследователей условно, поскольку дошла до нас в относительно позднем тексте Тверской летописи и носит характер «позднейшего припоминания». Видимо, надо говорить в целом о 50-х годах XII века. Правильны и предположения, что Юрий Владимирович, который в то время был занят борьбой за киевский великокняжеский стол и вскоре умер в Киеве, мог лишь дать какие-то указания, а фактически строительством руководил его сын Андрей, прозванный Боголюбским [15].

Этот второй московский Кремль сохранился в толще культурного слоя лучше, чем первый, и довольно подробно исследован археологами. Кремль занимал уже гораздо большую территорию мыса, включая современную Соборную площадь и часть Ивановской. Деревянные земляные укрепления его были гораздо более мощными. Открывшийся в котловане при строительстве Дворца съездов вблизи современных Троицких ворот вал имел высоту 7 м и толщину в основании 14,5 метра. Основание его во многих местах было укреплено особой конструкцией из дубовых бревен, удерживаемых специальными крюками, чтобы не откатились наружу под давлением насыпи. Такая конструкция широко применялась в X—XI вв. в западнославянских городах. Известна она и в детинце Новгорода Великого XI века [16]. На вершине вала, вероятно, стояли еще и деревянные укрепления — срубные забороны, известные в других русских городах того времени. Они не сохранились. Зато в районе Ивановской площади археологам Кремля удалось проследить сухой ров, защищавший крепость со стороны плато. Он был той же конструкции, что и первый, но более мощный (глубина 9 м, ширина более 30 м).

Во рву найден прекрасный клинок меча, на котором реставраторы расчистили клеймо: «Etcelin me fecit» («Меня сделал Этцелин»). Знаменитый европейский оружейник Этцелин работал в середине XII века. Этот меч изготовлен между 1130 и 1170 годами. В ров Москвы он попал скорее всего во время штурма крепости. Возможно, это произошло при нападении на Москву рязанского князя Глеба в 1177 г., о чем рассказывает летопись. Драгоценный меч, конечно, принадлежал не рядовому

[14] ПСРЛ. Т. II, стб. 339.

[15] Воронин Н. Н. Московский Кремль (1156–1367 гг.).– МИА СССР. 1958, № 77, с. 53.

[16] Алешковский М. Х. Новгородский детинец 1044–1430 гг. В кн.: Архитектурное наследство. Т. 14. М. 1961, с. 8–9.

воину, а знатному и богатому рыцарю. Не сам ли рязанский князь уронил или швырнул в ров сломанный в бою клинок?

Зимой 1237/38 г. Москва была, как и многие другие русские города, разорена ордынцами. Известия, исходящие от самих завоевателей, говорят о том, что Москва оказала серьезное сопротивление и что взять ее укрепления было трудно [17]. В восстановленном вскоре городе основой укреплений оставался еще старый, сооруженный почти за 100 лет до того вал. К концу XIII в. относится появление в Кремле первой каменной московской церкви [18], что означало уже серьезный рост политического престижа столицы молодого Московского княжества. Крепость Москвы, как уже говорилось, увеличилась в несколько раз, заняв прилегающие районы посада. Но и сам московский посад значительно вырос. Он занимал в XII—XIII вв. уже всю территорию современного Кремля и весь москворецкий подол Китай-города за исключением его восточной оконечности, где теперь стоит старая церковь Анны, что в углу (неподалеку от площади Ногина).

Первая четверть XIV в. была ознаменована борьбой Москвы за великое княжение. Главным соперником Москвы была Тверь. В 1327 г. Москва стала стольным городом всех русских земель и в дальнейшем возглавила их борьбу за свержение ордынского ига. Политическая и военная обстановка того времени сказалась, конечно, и на самом городе, и на развитии его укреплений. Однако и в период наиболее ожесточенной борьбы с Тверью и некоторое время после того основой обороны Москвы оставался тот Кремль, который противостоял еще войскам Батыя. Нужно думать, что он был все же несколько «модернизирован», хотя территория его и основа конструкции оставались прежними.

Внутри Кремля было построено уже несколько каменных соборов. Из них особенно важен Успенский, возведение которого тесно связано с тем фактом, что Москва стала религиозным центром всей Руси, ее митрополией. Исследование Д. С. Лихачева выявило еще один смысл этого строительства: церквам во имя Успенья Богородицы придавалось в те времена значение оплота обороны, так как богоматерь считалась покровительницей славян, их защитницей в войнах [19]. Не случайным в свете этих положений представляется и выбор места для собора — на краю тогдашнего Кремля, у самой городской стены.

Новый Кремль построили в Москве к концу княжения Ивана Калиты, в 1339 году. Однако остатки его до сих пор не обнаружены. Текст летописи, упоминающий лишь материал, из которого срублены были деревянные стены,— дуб, долгое время вводил в заблуждение исследователей, относивших на этом основании любую находку дубовых срубов ко времени Калиты. Но и гораздо более ранняя крепость середины XII в. имела дубовое основание. Мнения о территории, охватывавшейся городом Калиты, в настоящее время расходятся: одни ученые считают, что ров этой крепости проходил к востоку от современной Ивановской площади; следовательно, крепость была расширена незначительно. Другие предполагают, что крепость при Калите расширилась намного, приблизившись к современным размерам Кремля (за исключением ее северной части) и что эту территорию защищали без малого через 30 лет уже каменные стены, почему и не обнаруживаются остатки деревянных стен Калиты. Так или иначе, вопрос о площади Кремля 1339 г. остается пока открытым.

[17] Тихомиров М. Н. Древняя Москва. М. 1947, с. 19.

[18] Шеляпина Н. С. К истории изучения Успенского собора Московского Кремля.— Советская археология, 1972, № 1, с. 213.

[19] Лихачев Д. С. Градозащитная символика успенских храмов. В кн.: Уникальному памятнику русской культуры – Успенскому собору Московского Кремля – 500 лет. М. 1979, с. 36.

Столь же неясна конструкция крепости: летопись сообщает лишь, что Кремль Калиты был дубовым. Хранящиеся в Историческом музее остатки восьмиугольной башни, рубленой «в лапу» из дубовых брусьев, к сожалению, не имеют паспорта, не известны ни место, ни обстоятельства их находки, ни то, откуда и как они поступили в музей, поэтому отождествление их с крепостью, построенной при Иване Калите, неправомерно. Само по себе соединение бревен «в лапу» известно лишь по постройкам XV—XVII веков. Возможно, хранящиеся в музее экспонаты — остатки не Кремля XIV в., а какой-то более поздней крепости и вообще не московского происхождения. Вот почему А. М. Васнецов воспользовался для своей картины «Кремль при Иване Калите» фрагментами более поздних северных крепостей, в частности Якутского острога XVII века [20]. Реконструкция дубового Кремля XIV в. остается задачей будущих археологических и историко-архитектурных работ.

В 1367 г. был выстроен новый Кремль, каменный. Строительство в Москве крепости из белого камня современники связывали с возросшим политическим значением города, с укреплением роли его как столицы всех русских земель. С тех пор Москву стали называть белокаменной. Некоторые из современников (в частности, тверской летописец) не скрывали отрицательного отношения к возвысившемуся сопернику [21]. Кремль, построенный при Дмитрии Донском, занимал почти такую же территорию, как и современный. Значительные участки стен, которые мы видим сейчас, возведены яа основе старых, белокаменных. Периметр кремлевских укреплений (северный угол Кремля тогда еще не был защищен стенами) составлял 1900 метров.

Если мы хорошо представляем себе территорию Кремля при Дмитрии, то о конструкции его известно меньше. По исследованию Н. Н. Воронина — то была сильная крепость с девятью башнями. На них размещались усовершенствованные метательные орудия, включая первые на Руси пушки. Летопись отмечает, что материалом для строительства служил подмосковный известняк, добывавшийся в каменоломнях у с. Мячкова, и что все грандиозное строительство было завершено в короткий срок, за один строительный сезон. Чтобы добыть, обтесать и привезти белокаменные блоки, вырыть рвы для фундаментов, сложить и оборудовать стены и башни в такой срок, на строительстве должно было работать ежедневно около 2 тыс. человек. Такая стройка была под силу только крупному городу. Москва значительно разрослась. Ее древнейший Большой, или Великий, посад в междуречье Москвы и Неглинной занял уже всю территорию будущего Китай-города, а на отдельных участках приблизился к Яузе. Другой московский торгово-ремесленный посад разместился на правом берегу Неглинной и получил название Занеглименья. Археологические раскопки обнаружили по соседству с Домом Союзов остатки литейных мастерских, а у здания Моссовета — остатки деревянной мостовой XIV века [22].

Отсюда видно, что по древней Тверской дороге тянулась радиальная магистраль посада. Другая такая магистраль шла, видимо, по Смоленской дороге, по линии Арбата и Воздвиженки (начало пр. Калинина). Об этом говорит возведение у нового Кремля первого в Москве каменного моста (на месте современного моста у Троицкой башни), соединявшего Кремль с Занеглименьем. Радиальные магистрали протянулись и на Великом посаде — от нового Кремля к периферии города. На Подоле

[20] Васнепов А. М. Кремль при Иване Калите. В кн.: Аполлинарий Васнецов. К столетию со дня рождения. М. 1967, с. 153, 164—166.

[21] Так, в Рогожском летописце сказано: «На Москве начаша ставити город камен, надеяся на свою великую силу, князи Руськыи начаша приводити в свою волю, а который начал [и] не повиноватися, на тых почали посягати злобою» (ПСРЛ. Т. XV, вып. 1. Пг. 1922, с. 184).

[22] Веислер А. Г. Москва в Москве. М. 1982, с. 109—111.

это была Великая улица, ведшая к москворецкой пристани, и одна или две улицы в нагорной части Великого посада (соответствующие улицам 25-го Октября и Куйбышева). Этот посад настолько вырос, что встал вопрос о создании для него внешней линии укреплений.

В последней четверти XIV в. строились деревянно-земляные укрепления от Москвы-реки к Неглинной, по линии будущего Китай-города. Однако до завершения здесь оборонительных работ строительством каменной крепости прошло еще больше полутора столетий. Освоенная городом территория простиралась и за границы Великого посада. Так, урочище в районе нынешних Сретенских ворот и Чистых прудов — Кучково поле — было, по-видимому, в XIV в. местом публичных казней. В 1379 г. здесь отрубили голову сыну московского тысяцкого И. В. Вельяминову, пытавшемуся бежать в Тверь [23].

Кремль был не только крепостью, но и архитектурным центром, важнейшим ансамблем Москвы. Из-за белокаменных стен и башен виднелись маковки каменных церквей и фигурные кровли дворцов московской знати, над которыми господствовал расположенный ближе к мысу дворец великого князя с его «златоверхим» (вероятно, крытым медными листами) теремом и своеобразной башней со «стекольчатыми» (что было тогда большой редкостью) окнами — резиденцией княгини. Летописи упоминают и приемные, пиршественные залы, и «ложницу» — спальню князя, и парадные террасы второго этажа — «сени». Описывая выступление русских войск в поход против Мамая, автор «Сказания о Мамаевом побоище» говорит, что по трем дорогам от Кремля шли три колонны русских войск, а великая княгиня Евдокия и жены других князей, уходивших в поход, глядели на них из окна терема, «слезы проливающе аки речную струю» [24].

Белокаменный Кремль служил Москве защитой более 100 лет. Войскам ордынского хана Тохтамыша удалось взять его в 1382 г. лишь обманом, уверив москвичей в своем намерении заключить мир. Этот Кремль вынес не одну осаду. Его белокаменные стены страдали и от штурмов, и от пожаров. Их чинили не камнем, а деревом, и к концу XV в. таких починок было уже столько, что побывавший в ту пору в Москве итальянец А. Контарини записал: крепость в Москве деревянная [25]. Этот Кремль нуждался в перестройке. Его строительство, однако, имело в конце XV в., после падения ордынского ига, уже не столько оборонное, сколько престижное значение. Оно должно было показать всему тогдашнему миру, в особенности Западной Европе, военную мощь и высокие культурные достижения молодого Русского государства. Строили кирпичный Кремль более 30 лет. Руководили работами итальянские мастера [26]. Военно-оборонительные и архитектурные сооружения Кремля в большинстве своем сохранились до наших дней, исследованы весьма тщательно и в значительной мере реставрированы [27].

Новое строительство шло в центре уже сложившегося города. Кремль XV—XVI вв. был, по крайней мере, пятым укреплением на мысу в устье Неглинной. Эти обстоятельства наложили весьма серьезный отпечаток на характер новой крепости. Кремлю в то время было некуда особенно расширяться. Территория его выросла лишь незначительно, и на этот раз не за счет посада. Угол его выдвинулся на север, включив

[23] ПСРЛ. Т. XXV. М.-Л. 1949, с. 200.

[24] Сказание о Мамаевом побоище. В кн.: Повести о Куликовской битве. М. 1959, с. 179.

[25] Контарини А. Путешествие в Персию. В кн.: Барбаро и Контарини о России. Л. 1971, с. 227.

[26] Существует немалая литература об этих мастерах. Наиболее значительные работы: Лазарев В. Н. Искусство средневековой Руси и Запад (XI—XV вв.). М. 1970; Подъяпольский С. С. Архитектор Петрок Малый. В кн.: Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М. 1983.

[27] Памятники архитектуры Москвы. М. 1982, с. 259—345.

обильный водою район, не очень удобный для заселения, но дававший значительные выгоды для водоснабжения крепости. Западная линия стен также отодвинулась, спустившись к берегу Неглинной. С восточной стороны крепость не продвинулась в сторону посада, если не считать территории, занятой рвом и гидротехническими сооружениями, соединявшими ров с Неглинной и Москвой-рекой. В нее вошла лишь небольшая часть торговой площади, расположенной под стенами Кремля. Многие башни и участки стен выстроены, как указывают источники, «по старой основе», то есть по линии укреплений белокаменного Кремля XIV в. и даже, как уже говорилось, с использованием их фундаментов.

В планировке нового Кремля сказалась господствовавшая в те времена тенденция равномерного рассредоточения огневых точек, а следовательно, и башен по периметру крепости. Если в древности защищалась преимущественно «приступная» сторона крепости — со стороны плато, а для двух других считались главной защитой водные преграды — реки, то с усовершенствованием метательных машин и в особенности с развитием артиллерии и расширением применения ее для штурма крепостей надежность водных преград уже не была столь значительна, поскольку огонь можно было вести и с другого берега реки. Соответственно 18 основных башен Кремля распределены так, чтобы на каждую сторону неправильной «подтреугольной» фигуры, которую он образует в плане, выходило по семь боевых башен, включая угловые. Некоторое усиление оборонительных сооружений со стороны плато было вызвано лишь тем, что сюда выходили трое ворот (из шести, бывших в крепости), что было необходимо для сохранения постоянной связи с Великим посадом.

Три проездные башни (Троицкая со стороны Неглинной, Константино-Еленинская со стороны Красной площади и Тайницкая со стороны Москвы-реки) были снабжены дополнительными предмостными укреплениями-башнями (в Западной Европе подобные башни назывались «барбаканами»), ворота которых находились на 5—6 м выше поверхности земли и были снабжены подъемными мостами. Из этих трех башен сохранилась лишь одна Кутафья у Троицкой башни, стоявшая некогда на правом берегу Неглинной и соединенная с Троицкими воротами каменным мостом.

Именно тогда сформировались основные черты ансамбля кремлевских зданий. Образуется Соборная площадь. На месте небольших каменных церквей, о которых говорилось выше, строятся грандиозные для того времени соборы — Успенский (Аристотель Фьораванти, 1475—1479 гг.), Архангельский (Алоизио Новый, 1505—1508 гг.), Благовещенский (псковские мастера, 1484—1489 гг.). Знаменитый столп «Иван Великий» возведен архитектором Боном Фрязином в 1505—1508 гг., а надстроен в 1599—1600 годах. Одновременно начал строиться великокняжеский дворец. Нам, привыкшим считать, что дворец — это хотя и огромное, но единое здание, построенное и оформленное по общему замыслу, русский дворец XV—XVII вв. показался бы городком, состоящим из множества различных зданий. Их возводили по мере надобности в разное время разные мастера и из разных материалов. В таком ансамбле было поэтому больше живописности, чем единства, и красота дворца была весьма своеобразной.

Первым был большой и пышный парадный зал для приемов и пиров — Грановитая палата, построенная еще в 1487—1491 гг. итальянцами Марком Фрязином и Пьетро Антонио Солари — архитектором, руководившим также строительством стен и башен Кремля. Солари называл себя «главным архитектором Москвы» [28]. Затем на общем белокаменном подклете, возведенном под руководством Алоизио да Монтаньяно, в течение всего XVI столетия строились все новые и новые дворцовые здания —

[28] Лазарев В. Н. Ук. соч., с. 43.

каменные и деревянные, назначение которых отвечало возникавшим потребностям великокняжеской, а затем царской семьи и двора.

Начавший это строительство Иван III не дожил до его окончания, и в новый дворец переселился его сын Василий III. Дворец был построен со всеми доступными тогда удобствами — «с погребы и с ледники» [29], с «мыльнями» (банями) и пр. Территория дворца была значительно расширена за счет дворов, принадлежавших московским боярам. Бояре же выселялись на новые места в Великом посаде. Так в районе будущего Китай-города появились дворы крупных феодалов, прежде живших в самом Кремле, например, князей Патрикеевых.

Если Кремль не расширялся более за счет посада, то московская знать продолжала занимать посадские земли, расселяясь сначала среди посадских людей в междуречье Москвы-реки и Неглинной, а в XVI—XVII вв.— и в Занеглименье, и в Заяузье. Продолжалось и переселение ремесленников на новые окраины города. Слободы московского посада появились в Заяузье и в Замоскворечье. Первый из упомянутых районов стал как бы средоточием производств, связанных с огнем,— гончарного, кузнечного, оружейного, котельного. В мастерских гончаров, кузнецов, оружейников, котельников и др. имелись специальные горны, особой конструкции для каждого производства. Обилие этих огнедышащих печей представляло для деревянного города немалую опасность. Можно понять, почему слободы мастеров «горячих» профессий выселяли за Яузу, представляющую все же некоторое препятствие для распространения огня. Другие подобные слободы размещались за Неглинной (кузнецы, литейщики, оружейники) и, наконец,— за Москвой-рекой (новая Кузнецкая слобода, о которой и сейчас напоминает название улицы и переулка). Посещавшие Москву иностранцы отмечали, что город кажется еще больше от множества домов «кузнецов и других ремесленников, действующих огнем» [30] на его окраинах; дома эти первыми встречались каждому, въезжавшему в Москву.

Посад рос, как и повсюду в те времена, прежде всего вдоль дорог, которые протянулись во все стороны, к другим городам. Если в начале существования Москвы главную роль играли водные пути, то впоследствии, с развитием техники и транспорта, большое значение приобрели сухопутные дороги. Одной из главнейших была дорога в Тверь и Великий Новгород — будущая Тверская (ныне ул. Горького). Тогда появилась поговорка «Город Тверь — в Москву дверь». Подобным же образом возникли Дмитровка (Пушкинская ул.), Серпуховская, Ордынская, Калужская, Смоленская (Арбат), а также многие другие, в названиях которых не сохранилось имен тех городов, куда вели эти дороги. Пространство между радиальными магистралями долгое время оставалось незастроенным. Там стояли отдельные дворы, тянулись огороды, сады и поля, а за чертой города шла обширная невозделанная зона выгона, где паслись стада. Магистральные улицы обычно были замощены деревянными мостовыми и снабжены системой водоотводных сооружений. Малые же улочки, переулки и тупики утопали в грязи.

Для защиты разросшегося посада уже недостаточно было одного Кремля. Еще в XIV в. делались попытки создать вторую, внешнюю линию укреплений Москвы. В XVI в. московский посад получил три новые линии укреплений. Первая — примыкавшие к Кремлю с востока каменные стены и башни вокруг Великого посада — была построена всего через 20 лет после окончания строительства Кремля (1535—1538 гг.) и называлась Китай-городом (правильнее Катай-город, т. к. была сложена из катаев — каменно-деревянных блоков). Остатки ее сохранились в районе современной пл. Свердлова, позади здания гостиницы «Метро-

[29] ПСРЛ. Т. XII. М.-Л. 1965, с. 249.
[30] Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб. 1908, с. 99.

поль», а в перестроенном виде — у Китайского проезда возле гостиницы «Россия». Но фундамент этой некогда грозной крепости остался в земле почти целиком, так что восстановление ее как памятника истории и культуры (поскольку имеются ее подробные архитектурные обмеры) возможно еще и сейчас.

Следующая крепость — Белый город — охватывала уже и Занеглименье, замыкаясь с одной стороны у Свибловой башни Кремля, с другой — у Кузмодемьянской башни Китай-города. Представление о ее конфигурации дает «кольцо» бульваров — от Гоголевского до Яузского. От этой крепости, некогда окрашенной в белый цвет, осталась только память в названии некоторых площадей между бульварами — «ворота» Никитские, Петровские, Сретенские, Мясницкие (ныне — Кировские). При археологических работах открываются иногда остатки фундаментов Белого города, вымостка проездов его ворот и пр.[31]

В 1591—1592 гг. была сооружена третья линия укреплений, охватывавшая весь посад, включая Замоскворечье. Она представляла собой неправильное кольцо, по линии которого и сейчас проходят Садовые улицы, как бы ограничивая центральную часть Москвы. Это был земляной вал с деревянными стенами и башнями наверху, получивший название Скородом: видимо, потому, что был так скоро построен, несмотря на огромную свою протяженность (15 км). Скородом был сожжен польско-литовскими войсками в начале XVII в., а построенный затем на его месте Земляной город разобран в начале XVIII в.: Петр I предписал хозяевам домов по этой кольцевой улице устроить перед домами палисадники, что и дало улицам название Садовых.

Но еще задолго до того, при сооружении новых крепостей на посаде с внешней стороны каждой из них устраивалась широкая улица, имевшая задачей обеспечить большее удобство обороны крепости и повторявшая ее линию. Так образовались кольцевые магистрали, которым соответствовали внутри укреплений более узкие улицы того же направления, пересекавшие радиальные, то есть сложилась та радиально-кольцевая планировка древнего ядра города, которая характеризует до сих пор Большую Москву. Что касается плотности застройки, то она, как и в других русских городах, не была столь велика, как в городах средневековой Западной Европы или Ближнего Востока. Теснота была относительно меньшей, хотя и неодинаковой в разных районах города.

Территория Москвы в целом в рассматриваемый период была больше, чем территория города с таким же по численности населением в Западной Европе. Недаром иноземные путешественники отмечали, что Москва вдвое больше Праги и больше Флоренции. Организующим ансамбль города центром и в XVI в. был Кремль с его башнями, соборами, дворцами, садами и вертикалью Ивана Великого, с вершины которого открывался вид на далекие окрестности. Значение кремлевской крепости хорошо понимали современники еще до того, как выросли внешние укрепления.

Вскоре после того, как закончилось строительство нового Кремля, в 1525 г. в Риме побывал московский посол Дмитрий Герасимов. На знатного московита плохо подействовала «гнилая» южная зима. Он привык на родине к сильным морозам при относительно сухом воздухе, и в Риме мучился простудой и лихорадкой, вынужден был подолгу оставаться дома. Один из приближенных папы Климента VII, епископ Новокомский Павел Иовий, с которым посол проводил свободное время, имел возможность порасспросить гостя о том великом городе, откуда он приехал и который не был еще широко известен в отдаленных землях.

[31] Коробкова Н. М. Стена Китай-города. В кн.: По трассе первой очереди московского метрополитена. Л. 1934; его же. Стена Белого города. В кн.: Историко-археологический сборник. М. 1948; Подъяпольский С. С. Ук. соч.; Смирнов А. П. Мясницкие ворота Белого города. В кн.: По трассе первой очереди, с. 103–106.

Вот что записал Павел Иовий среди многих других сведений о Московии в целом и о самой Москве со слов Дмитрия Герасимова:

«Это — самый славный из всех городов Московии как по своему положению, которое считается срединным в стране, так и вследствие замечательно удобного расположения рек, обилия жилищ и громкой известности своей весьма укрепленной крепости... Почти три части города омываются двумя реками, остальная же часть окружена очень широким рвом, обильно наполненным водой из тех же самых рек... Город Москва признается вполне достойным названия царственного... тогда как он весьма мудро выстроен почти в центре всей более населенной страны... и укреплен крепостью и реками, так что, по-видимому, при сравнении с другими городами он, по всеобщему признанию, присвоил себе заслуженную честь превосходства и не могущий никогда исчезнуть почет»[32].

К концу XVI в., когда Москва являлась уже столицей централизованного государства, ни в одном из его городов не было столь величественного в своей совокупности центра, как московский Кремль.

[32] Павла Иовия Новокомского книга о посольстве Василия великого государя Московского к папе Клименту VII. В кн.: Герберштейн С. Ук. соч., с. 263–265.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

ОЧЕРКИ РУССКОЙ СМУТЫ

Генерал А. И. Деникин

От редакции. В 1921 г. в Брюсселе бывший генерал-лейтенант российской армии А. И. Деникин написал предисловие к первому тому своих «Очерков русской смуты», в 1922 г.– ко второму. Всего же они составили пять томов (первый – в двух выпусках) и были изданы в Берлине, видимо (на первом, втором и четвертом томах год выпуска не обозначен, на третьем стоит дата – 1924, на пятом – 1926 г.), в период с 1921 по 1926 год.

В прежние времена советский читатель для ознакомления с этим изданием должен был получить допуск в «спецхран» Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, где оно находилось долгие годы. Ученые-историки, преподаватели исторических дисциплин в вузах и средних учебных заведениях, аспиранты и студенты, а тем более широкие круги любителей отечественной истории (а их не счесть) лишены были возможности прочитать эти книги. Правда, в 1928 г. были напечатаны отдельными выпусками главы из четвертого и пятого томов мемуаров генерала («Поход на Москву» – книга охватывает события с лета 1919 по начало 1920 г. (М.) и «Поход и смерть генерала Корнилова» – февраль – апрель 1918 г. (М.-Л.). С ними ознакомиться было проще.

До последних лет мы получали неполное освещение событий Февральской и Октябрьской революций, гражданской войны, могли смотреть на них только глазами тех, кто находился в революционном лагере, воспринимали их взгляды на происходившие события, их оценки прошлого. Но о том, чему были свидетелями люди, находившиеся в противоположном лагере, как вели себя, как относились к происходившему в стране, как его оценивали, нам не дано было знать.

Теперь, благодаря гласности, такая возможность появилась, многие ранее закрытые в «спецхране» труды вышли из тайников. Однако библиографическая редкость многих книг требует бережного к ним отношения, чтобы сохранить эту печатную продукцию для будущих поколений исследователей. Как же сделать эти издания доступными современному читателю? Ведь так естественно его желание увидеть все пласты свидетельств современников судьбоносных событий, узнать все многообразие конкретно-исторических фактов, их трактовок и оценок. Один из возможных путей удовлетворения запросов читателей использует наш журнал, приступая к публикации «Очерков русской смуты» А. И. Деникина.

Антон Иванович Деникин (1872–1947 гг.) – один из главных организаторов тех сил, которые до весны 1920 г. вели борьбу против Советской Республики. С апреля 1918 г. он был командующим Добровольческой армией, затем главнокомандующим Вооруженными силами Юга России (свыше 150 тыс. человек). После поражения, которое они потерпели от Красной Армии в январе – феврале 1920 г., Деникин эмигрировал и, уже находясь за рубежом, написал этот труд. Не претендуя на глубокий анализ и теоретические обобщения, автор приводит огромный фактический материал (все издание составляет около 1700 страниц), излагает свое отношение к происходившему, пытается осмыслить свой путь и судьбу России.

Разумеется, не все выводы Деникина редакция принимает безоговорочно. Тем не менее эта публикация позволит расширить наши знания и представления о том непростом времени, глубже проанализировать и объективнее оценить как отдельные события, так и эпоху в целом. После завершения публикации редакция намерена предоставить слово ученым для научного анализа очерков.

Нами принято современное написание слов и пунктуация (кроме случаев, когда авторские знаки препинания имеют особый смысл). Часто встречающиеся в тексте отточия принадлежат автору. Пропуски слов в тексте взяты в квадратные скобки.

КРУШЕНИЕ ВЛАСТИ И АРМИИ. Февраль – сентябрь 1917.

ТОМ ПЕРВЫЙ. Выпуск первый

В кровавом тумане русской смуты гибнут люди и стираются реальные грани исторических событий. Поэтому, не взирая на трудности и неполноту работы в беженской обстановке – без архивов, без материалов и без возможности обмена живым словом с участниками событий, я решил издать свои очерки.

В первой книге говорится главным образом о русской армии, с которой неразрывно связана моя жизнь. Вопросы политические, социальные, экономические затронуты лишь в той мере, в какой необходимо очертить их влияние на ход борьбы.

Армия в 1917 году сыграла решающую роль в судьбах России. Ее участие в ходе революции, ее жизнь, растление и гибель должны послужить большим и предостерегающим уроком для новых строителей русской жизни.

И не только в борьбе с нынешними поработителями страны. После свержения большевизма, наряду с огромной работой в области возрождения моральных и материальных сил русского народа, перед последним с небывалой еще в отечественной истории остротой встанет вопрос о сохранении его державного бытия.

Ибо за рубежами русской земли стучат уже заступами могильщики и скалят зубы шакалы, в ожидании ее кончины.

Не дождутся. Из крови, грязи, нищеты духовной и физической встанет русский народ в силе и в разуме.

А. Деникин

Брюссель.
1921 г.

Глава I. Устои старой власти: вера, царь и отечество

Неизбежный исторический процесс, завершившийся февральской революцией, привел к крушению русской государственности. Но если философы, историки, социологи, изучая течение русской жизни, могли предвидеть грядущие потрясения, никто не ожидал, что народная стихия с такой легкостью и быстротой сметет все те устои, на которых покоилась жизнь: верховную власть и правящие классы — без всякой борьбы ушедшие в сторону; интеллигенцию — одаренную, но слабую, беспочвенную, безвольную, вначале среди беспощадной борьбы сопротивлявшуюся одними словами, потом покорно подставившую шею под нож победителей; наконец — сильную, с огромным историческим прошлым, десятимиллионную армию, развалившуюся в течение 3—4 месяцев.

Последнее явление, впрочем, не было столь неожиданным, имея страшным и предостерегающим прообразом эпилог манчжурской войны и последующие события в Москве, Кронштадте и Севастополе... Прожив

недели две в Харбине в конце ноября 1905 года и проехав по сибирскому пути в течение 31 дня (декабрь 1907 года) через целый ряд «республик» от Харбина до Петрограда, я составил себе ясное понятие о том, что можно ожидать от разнузданной, лишенной сдерживающих начал солдатской черни. И все тогдашние митинги, резолюции, советы и вообще все проявления военного бунта с большей силой, в несравненно более широком масштабе, но с фотографической точностью повторились в 1917 году.

Следует отметить, что возможность столь быстрого психологического перерождения отнюдь не была присуща одной русской армии. Несомненно, усталость от 3-летней войны сыграла во всех этих явлениях не последнюю роль, в той или другой степени коснувшись всех армий мира и сделав их более восприимчивыми к разлагающим влияниям крайних социалистических учений. Осенью 1918 года германские корпуса, оккупировавшие Дон и Малороссию, разложились в одну неделю, повторив до известной степени пройденную нами историю митингов, советов, комитетов, свержения офицерского состава, а в некоторых частях — распродажи военного имущества, лошадей и оружия... Только тогда немцы поняли трагедию русского офицерства. И нашим добровольцам приходилось видеть не раз унижение и горькие слезы немецких офицеров — некогда надменных и бесстрастных.

«Ведь с нами, с русскими, это же самое сделали вы — собственными руками»...

«Нет, не мы — наше правительство»,— отвечали они. Зимою 1918 года я, как командующий Добровольческой армией, получил предложение от группы германских офицеров, желавших поступить в нашу армию рядовыми добровольцами...

Нельзя также объяснить развал психологией неудач и поражения. Брожение армии испытали и победители: во французских войсках, оккупировавших в начале 1918 года Румынию и Одесский район, во французском флоте, плававшем в Черном море, в английских войсках, прибывших в район Константинополя и в Закавказье, и даже в могучем английском флоте в дни его наивысшего нравственного удовлетворения победой, в дни пленения германского флота было не совсем благополучно. Войска начали выходить из повиновения начальникам, и только быстрая демобилизация и пополнение свежими, отчасти добровольческими элементами, изменили положение.

Каково было состояние русской армии к началу революции?

Испокон века вся военная идеология наша заключалась в известной формуле: «За веру, царя и отечество». На ней выросли, воспитались и воспитывали других десятки поколений. Но в народную массу, в солдатскую толщу эти понятия достаточно глубоко не проникали.

Религиозность русского народа, установившаяся за ним веками, к началу 20 столетия несколько пошатнулась. Как народ-богоносец, народ вселенского душевного склада, великий в своей простоте, правде, смирении, всепрощении — народ поистине христианский терял постепенно свой облик, подпадая под власть утробных, материальных интересов, в которых сам ли научался, его ли научали видеть единственную цель и смысл жизни... Как постепенно терялась связь между народом и его духовными руководителями, в свою очередь оторвавшимися от него и поступившими на службу к правительственной власти, разделяя отчасти ее недуги... Весь этот процесс духовного перерождения русского народа слишком глубок и значителен, чтобы его можно было охватить в рамках этих очерков. Я исхожу лишь из того несомненного факта, что поступавшая в военные ряды молодежь к вопросам веры и церкви относилась довольно равнодушно. Казарма же, отрывая людей от привычных условий быта, от более уравновешенной и устойчивой среды с ее верою и суевериями, не давала взамен духовно-нравственного воспитания. В ней этот вопрос

занимал совершенно второстепенное место, заслоняясь всецело заботами и требованиями чисто материального, прикладного порядка. Казарменный режим, где всё — и христианская мораль, и религиозные беседы, и исполнение обрядов — имело характер официальный, обязательный, часто принудительный, не мог создать надлежащего настроения. Командовавшие частями знают, как трудно бывало разрешение вопроса даже об исправном посещении церкви.

Война ввела в духовную жизнь воинов два новых элемента: с одной стороны, моральное огрубение и ожесточение, с другой — как будто несколько углубленное чувство веры, навеянное постоянной смертельной опасностью. Оба эти антипода как-то уживались друг с другом, ибо оба исходили из чисто материальных предпосылок.

Я не хочу обвинять огульно православное военное духовенство. Много представителей его проявили подвиги высокой доблести, мужества и самоотвержения. Но надо признать, что духовенству не удалось вызвать религиозного подъема среди войск. В этом, конечно, оно нисколько не виновато, ибо в мировой войне, в которую была вовлечена Россия, играли роль чрезвычайно сложные политические и экономические причины, и не было вовсе места для религиозного экстаза. Но, вместе с тем, духовенству не удалось создать и более прочную связь с войсками. Если офицерский корпус все же долгое время боролся за свою командную власть и военный авторитет, то голос пастырей с первых же дней революции замолк, и всякое участие их в жизни войск прекратилось *.

Мне невольно приходит на память один эпизод, весьма характерный для тогдашнего настроения военной среды. Один из полков 4-й стрелковой дивизии искусно, любовно, с большим старанием построил возле позиций походную церковь. Первые недели революции... Демагог-поручик решил, что его рота размещена скверно, а храм — это предрассудок. Поставил самовольно в нем роту, а в алтаре вырыл ровик для...

Я не удивляюсь, что в полку нашелся негодяй-офицер, что начальство было терроризовано и молчало. Но почему 2—3 тысячи русских православных людей, воспитанных в мистических формах культа, равнодушно отнеслись к такому осквернению и поруганию святыни?

Как бы то ни было, в числе моральных элементов, поддерживающих дух русских войск, вера не стала началом, побуждающим их на подвиг или сдерживающим от развития впоследствии звериных инстинктов.

В общероссийском масштабе православное духовенство также осталось за бортом разбушевавшейся жизни, разделив участь с теми социальными классами, к которым примыкало: высшее — причастное, к сожалению, некоторыми именами (митрополиты Питирим и Макарий, архиепископ Варнава и др.) к распутинскому периоду петроградской истории — с правившей бюрократией; низшее — со средней русской интеллигенцией.

Для успокоения религиозной совести русского народа Святейший Синод впоследствии посланием от 9 марта санкционировал совершившийся переворот и призвал «довериться Временному правительству... чтобы трудами и подвигами, молитвою и повиновением облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни»... Но когда жизнь эта стала принимать донельзя уродливые, аморальные формы, духовенство оказалось совершенно бессильным для борьбы: русская революция в первой стадии своей не создала ни одного сколько-нибудь заметного народно-религиозного движения, хотя бы в таком масштабе, как некогда у лжеучителей Иллиодора и Иннокентия, не выдвинула ни одного яркого имени поборника поруганной правды и христианской морали. Я не берусь судить о действенном начале в русской православной церкви после плене-

* Съезды духовенства в Ставке и в штабах армии не имели никакого реального значения.

ния ее большевиками. Жизнь церкви в советской России покрыта пока непроницаемой для нас завесой. Но процесс духовного возрождения ширится несомненно, а мученический подвиг сотен, тысяч служителей церкви, по-видимому, бороздит уснувшую народную совесть и входит в сознание народное творимой легендой.

* * *

Царь? Едва ли нужно доказывать, что громадное большинство командного состава было совершенно лояльно по отношению к идее монархизма и к личности государя. Позднейшие эволюции старших военачальников-монархистов вызывались чаще карьерными соображениями, малодушием или желанием, надев «личину», удержаться у власти для проведения своих планов. Реже — крушением идеалов, переменой мировоззрения или мотивами государственной целесообразности. Наивно было, например, верить заявлениям генерала Брусилова, что он с молодых лет «социалист и республиканец». Он — воспитанный в традициях старой гвардии, близкий к придворным кругам, проникнутый насквозь их мировоззрением, «барин» — по привычкам, вкусам, симпатиям и окружению. Нельзя всю долгую жизнь так лгать себе и другим.

Русское кадровое офицерство в большинстве разделяло монархические убеждения и в массе своей было во всяком случае лояльно.

Несмотря на это, после японской войны, как следствие первой революции, офицерский корпус почему-то был взят под особый надзор департамента полиции, и командирам полков периодически присылались черные списки, весь трагизм которых заключался в том, что оспаривать «неблагонадежность» было почти бесполезно, а производить свое, хотя бы негласное, расследование не разрешалось. Мне лично пришлось вести длительную борьбу с киевским штабом по поводу маленьких назначений (командира роты и начальника пулеметной команды) двух офицеров 17-го Архангелогородского полка, которым я командовал до последней войны. Явная несправедливость их обхода легла бы тяжелым бременем на совесть и авторитет командира полка, а объяснить ее не представлялось возможным. С большим трудом удалось отстоять этих офицеров, и впоследствии оба они пали славною смертью в бою. Эта система сыска создавала нездоровую атмосферу в армии. Не ограничиваясь этим, Сухомлинов[1] создал еще свою сеть шпионажа (контрразведки), возглавлявшуюся неофициально казненным впоследствии за шпионаж в пользу Германии полковником Мясоедовым. В каждом штабе округа учрежден был орган, во главе которого стоял переодетый в штабную форму жандармский офицер. Круг деятельности его официально определялся борьбою с иностранным шпионажем — цель весьма полезная; неофициально — это было типичное воспроизведение аракчеевских «профостов». Покойный Духонин[2] до войны, будучи еще начальником разведывательного отделения киевского штаба, горько жаловался мне на тяжелую атмосферу, внесенную в штабную службу новым органом, который, официально подчиняясь генерал-квартирмейстеру, фактически держал под подозрением и следил не только за штабом, но и за своими начальниками.

Действительно, жизнь как будто толкала офицерство на протест в той или другой форме против «существующего строя». Среди служилых людей с давних пор не было элемента настолько обездоленного, настолько необеспеченного и бесправного, как рядовое русское офицерство. Буквально нищенская жизнь, попрание сверху прав и самолюбия; венец карьеры для большинства — подполковничий чин и болезненная, полуголодная старость. Офицерский корпус с половины 19 века совершенно утратил свой сословно-кастовый характер. Со времени введения общеобязательной воинской повинности и обнищания дворянства военные училища широко распахнули свои двери для «разночинцев» и юношей, вышедших из народа, окончивших гражданские учебные заведения. Таких в армии было большинство. Мобилизации, в свою очередь, влили в офицерский состав большое число лиц свободных профессий, принесших с собою новое миросозерцание. Наконец, громадная убыль кадрового офицерства заставила командование поступиться несколько требованиями военного воспитания и образования, введя широкое производство в офицеры солдат, как за боевые отличия, так и путем проведения их через школы прапорщиков с низким образовательным цензом.

Последние два обстоятельства, неизбежно присущие народным армиям, вызвали два явления: понизили, несомненно, боевую ценность офицерского корпуса и внесли некоторую дифференциацию в его политический облик, приблизив еще более к средней массе русской интеллигенции и демократии. Этого не поняли, или вернее не хотели понять, вожди революционной демократии в дни революции.

Везде в дальнейшем изложении я противополагаю «революционную демократию» — конгломерат социалистических партий — истинной русской демократии, к составу которой без сомнения принадлежит средняя интеллигенция и служилый элемент.

Но и кадровое офицерство постепенно изменяло свой облик. Японская война, вскрывшая глубокие болезни, которыми страдала страна и армия, Государственная Дума и несколько более свободная после 1905 года печать сыграли особенно серьезную роль в политическом воспитании офицерства. Мистическое «обожание» монарха начало постепенно меркнуть. Среди младшего генералитета и офицерства появлялось все больше людей, умевших различать идею монархизма от личностей, счастье родины — от формы правления. Среди широких кругов офицерства явился анализ, критика, иногда суровое осуждение. Появились слухи — и не совсем безосновательные — о тайных офицерских организациях. Правда, подобные организации, как чуждые всей структуре армии, не имели и не могли приобрести ни особого влияния, ни значения. Однако они сильно беспокоили военное министерство, и Сухомлинов, в 1908 или в 1909 году секретно сообщал начальникам о необходимости принятия мер против тайного общества, образовавшегося из офицеров, недовольных медленным и бессистемным ходом реорганизации армии и желавших якобы насильственными мерами ускорить ее...

Настроения в офицерском корпусе, вызванные многообразными причинами, не прошли мимо сознания высшей военной власти. В 1907 году вопросы об улучшении боевой подготовки армии и удовлетворении насущных ее потребностей, в том числе и офицерский вопрос, обсуждались в «Особой подготовительной комиссии при Совете государственной обороны», в которую входили, между прочим, такие крупные генералы старой школы, как Н. И. Иванов, Эверт, Мышлаевский, Газенкампф и др. ...Интересно их отношение к данному вопросу *.

Генерал Иванов говорил: «Упрекнуть наших офицеров в готовности умереть нельзя, но подготовка их в общем слаба и в большинстве они недостаточно развиты; кроме того, наличный офицерский состав так мал, что наблюдается, как обычное явление, что налицо в роте всего один ротный командир. Старшие начальники мало руководят делом обучения; их роль сводится по преимуществу к контролю и критике. За последнее время приходится констатировать почти повальное бегство офицеров из строя, причем уходят, главным образом, лучшие и наиболее развитые офицеры»...

О повальном бегстве из строя «всего наиболее энергичного и способного» говорил и генерал Эверт. А генерал Мышлаевский добавил: «с полным основанием можно сказать, что наши военные училища по-

* Из секретного журнала заседаний.

полняют не столько войска, сколько пограничную стражу, главные управления и даже в значительной мере гражданские учреждения». Мышлаевский в качестве начальника Главного штаба, имевшего постоянное соприкосновение с бытом войск, указывал на новые явления: на «недоумение и беспокойство в верхних и средних слоях офицерского состава», вызванное, по его мнению, непопулярностью вновь введенного аттестационного порядка, принудительным увольнением по предельному возрасту и «неопределенностью новых требований»; на пропаганду среди «самого молодого офицерского состава», которая уже «достигла некоторых успехов».

Все они — Иванов, Эверт, Мышлаевский и другие — видели главную, некоторые исключительную причину ослабления офицерского корпуса в вопиющей материальной необеспеченности его, а в устранении этого положения — надежнейшее средство разрешения офицерского вопроса. Не отрицая большого значения этого материального фактора, нельзя, однако, ограничиться таким элементарным объяснением перелома в жизни офицерской среды; в его возникновении играли роль и другие причины, более глубокие: и суженные тяжелыми внешними условиями духовные запросы и интересы военной среды, и те обстоятельства, которые вероятно впервые в таком высоком собрании умудренных жизнью и опытом военных сановников изложил молодой подполковник генерального штаба, князь Волконский: «Что важно и что не важно, определяют теперь прежде всего соображения политические... Действительно неотложны теперь лишь меры, могущие оградить армию от революционирования... Возможен ли бунт в армии? Пропаганда не прекратилась, а стала умнее. Здесь говорили — «офицеры преданы царю». Морские офицеры были не менее преданны. Говорят: «Морские бунты совпали с разгаром революции». Но революция может вновь разгореться; аграрный вопрос может поставить армию перед таким искушением, которого не было во флоте. Офицерство волнуется. Кроме волнений, оставляющих след в официальных документах, есть течения другого рода: офицеры, преданные присяге, смущены происходящим в армии; иные подозревают верхи армии в тайном желании ее дезорганизовать. Такое недоверие к власти — тоже материал для революционного брожения, но уже справа. Вообще, непрерывное напряжение, травля газет, ответственность за каждую похищенную революционерами винтовку, недохват офицеров и бедность истрепали нервы, т. е. создали ту почву, на которой вспыхивает революционное брожение, нередко даже наперекор убеждениям»...

При этих условиях можно только удивляться, насколько все-таки сохранилось наше офицерство и насколько твердо противостояло оно левым противогосударственным течениям. Процент деятелей, ушедших в подполье или изобличенных властью, был ничтожен.

Что касается отношения к трону, то, как явление общее, в офицерском корпусе было стремление выделить особу государя от той придворной грязи, которая его окружала, от политических ошибок и преступлений царского правительства, которое явно и неуклонно вело к разрушению страну и к поражению армию. Государю прощали, его старались оправдать. Как увидим ниже, к 1917 году и это отношение в известной части офицерства поколебалось, вызвав то явление, которое князь Волконский называл «революцией справа», но уже на почве чисто политической.

Несколько в стороне от общих условий офицерской жизни стояли офицеры гвардии. С давних пор существовала рознь между армейским и гвардейским офицерством, вызванная целым рядом привилегий последних по службе — привилегий, тормозивших сильно и без того не легкое служебное движение армейского офицерства *. Явная несправедливость

* Быстрое чинопроизводство, перевод в армию высшим чином, несоразмерный процент назначений гвардейцев командирами армейских полков и т. д.

такого положения, обоснованного на исторической традиции, а не на личных достоинствах, была больным местом армейской жизни и вызывала не раз и в военной печати страстную полемику. Я лично неоднократно подымал этот вопрос в печати. Один из военных писателей, полковник Залесский (ныне генерал) — тот даже лекцию о применении в бою технических средств связи заканчивал катоновской формулой: «Кроме того полагаю, что необходимо упразднить привилегии гвардии». Заметьте — только привилегии. Так как никто не посягал на существование старых испытанных частей, многие из которых имели выдающуюся боевую историю.

Замкнутый в кастовых рамках и устаревших традициях корпус офицеров гвардии комплектовался исключительно лицами дворянского сословия, а часть гвардейской кавалерии и плутократией. Эта замкнутость поставила войска гвардии в очень тяжелое положение во время мировой войны, которая опустошила ее ряды. Страшный некомплект в офицерском составе гвардейской пехоты вызвал такое, например, уродливое явление: ряды ее временно пополняли офицерами-добровольцами гвардейской кавалерии, но не допускали армейских пехотных офицеров. Помню, когда в сентябре 1916 года, после жестоких боев на фронте Особой и 8 армий, генерал Каледин настоял на укомплектовании гвардейских полков несколькими выпусками юнкерских училищ, офицеры эти, неся наравне с гвардейцами тяжелую боевую службу, явились в полках совершенно чужеродным элементом и не были допущены по-настоящему в полковую среду.

Нет сомнения, что гвардейские офицеры, за редкими исключениями, были монархистами par excellence (преимущественно.— *Ред.*) и провели свою идею нерушимо через все перевороты, испытания, эволюции, борьбу, падение, большевизм и добровольчество. Иногда скрытно, иногда явно. Я не желаю ни возносить, ни хулить. Они — только члены своей касты, своего класса и разделяют с ним его пороки и достоинства. И если в минувшую войну в гвардейских корпусах было больше крови, чем успеха, то виною этому отнюдь не офицерство, а крайне неудачные назначения старших начальников, проведенные в порядке придворного фаворитизма. Особенно ярко это сказалось на Стоходе. Офицерство же дралось и гибло с высоким мужеством. Но наряду с доблестью, иногда рыцарством, в большинстве своем в военной и гражданской жизни оно сохраняло кастовую нетерпимость, архаическую классовую отчужденность и глубокий консерватизм — иногда с признаками государственности, чаще же с сильным уклоном в сторону реакции.

В солдатской толще, вопреки сложившемуся убеждению, идея монархизма глубоких мистических корней не имела. Еще менее, конечно, эта малокультурная масса отдавала себе тогда отчет в других формах правления, проповедуемых социалистами разных оттенков. Известный консерватизм, привычка «испокон века», внушение церкви — все это создавало определенное отношение к существующему строю как к чему-то вполне естественному и неизбежному. В уме и сердце солдата идея монарха, если можно так выразиться, находилась в потенциальном состоянии, то подымаясь, иногда до высокой экзальтации при непосредственном общении с царем (смотры, объезды, случайные обращения), то падая до безразличия. Как бы то ни было, настроение армии являлось достаточно благоприятным и для идеи монархии и для династии. Его легко было поддержать.

Но в Петрограде, в Царском Селе ткалась липкая паутина грязи, распутства, преступлений. Правда, переплетенная с вымыслом, проникала в самые отдаленные уголки страны и армии, вызывая где боль, где злорадство. Члены Романовской династии не оберегли «идею», которую ортодоксальные монархисты хотели окружить ореолом величия, благородства и поклонения.

Война не изменила обстановки. Создание ненужных, дорого стоивших должностей для лиц императорской фамилии (Верховный санитарный инспектор, инспектор войск гвардии, походный атаман казачьих войск и т. д.), назначение их на строевые должности, на которых без надлежащей подготовки они или приносили вред, или служили игрушкой в руках штабов — все это было хорошо известно армии, комментировалось, осуждалось.

Маленькая деталь: войска чрезвычайно чутко относятся ко всякому проявлению внимания к ним, к признанию их заслуг. Ко мне в дивизию и в корпус четыре раза приезжали великие князья награждать от имени государя георгиевскими крестами. Эти приезды всегда вызывали подъем настроения и кончались полным разочарованием. После славного и тяжкого боя так много у всех накопилось переживаний, так хотелось поделиться своими горестями и радостями, хотелось, по крайней мере, чтобы тот, кто приехал награждать, немножко поинтересовался жизнью, бытом, подвигами их... В ответ полное обидное безразличие: приехал, раздал и уехал, как будто исполняя скучную формальность...

Помню впечатление одного думского заседания, на которое я попал случайно.

Первый раз с думской трибуны раздалось предостерегающее слово Гучкова [3] о Распутине: «В стране нашей не благополучно». Думский зал, до тех пор шумный, затих, и каждое слово, тихо сказанное, отчетливо было слышно в отдаленных углах. Нависло что-то темное, катастрофическое над мерным ходом русской истории...

Я не стану копаться в той грязи, которая покрыла и министерские палаты и интимные царские покои, куда имел доступ грязный, циничный «возжигатель лампад», который «доспевал» министров, правителей и владык.

Рассказывали, что попытки Распутина попасть в ставку вызвали угрозу Николая Николаевича повесить его. Так же резко отрицательно относился к нему Алексеев [4]. Этим двум лицам мы обязаны всецело тем обстоятельством, что гибельное влияние Распутина не коснулось старой армии.

Всевозможные варианты по поводу распутинского влияния проникали на фронт, и цензура собирала на эту тему громадный материал даже в солдатских письмах из действующей армии.

Но наиболее потрясающее впечатление произвело роковое слово: «Измена». Оно относилось к императрице. В армии громко, не стесняясь ни местом ни временем, шли разговоры о настойчивом требовании императрицей сепаратного мира, о предательстве ее в отношении фельдмаршала Китченера [5], о поездке которого она якобы сообщила немцам, и т. д.

Переживая памятью минувшее, учитывая то впечатление, которое произвел в армии слух об измене императрицы, я считаю, что это обстоятельство сыграло огромную роль в настроении армии, в отношении ее и к династии, и к революции. Генерал Алексеев, которому я задал этот мучительный вопрос весною 1917 года, ответил мне как-то неопределенно и нехотя: «При разборе бумаг императрицы нашли у нее карту с подробным обозначением войск всего фронта, которая изготовлялась только в двух экземплярах — для меня и для государя. Это произвело на меня удручающее впечатление. Мало ли кто мог воспользоваться ею...» Больше ни слова. Переменил разговор...

История выяснит несомненно то исключительно отрицательное влияние, которое оказывала императрица Александра Федоровна на управление русским государством в период, предшествовавший революции. Что же касается вопроса об «измене», то этот злосчастный слух не был подтвержден ни одним фактом и впоследствии был опровергнут расследованием специально назначенной Временным правительством комиссии Муравьева с участием представителя от Совета р. и с. депутатов.

* * *

Наконец, третий устой — Отечество. Увы, затуманенные громом и треском привычных патриотических фраз, расточаемых без конца по всему лицу земли русской, мы проглядели внутренний органический недостаток русского народа: недостаток патриотизма. Теперь незачем уже ломиться в открытую дверь, доказывая это положение. После Брест-Литовского договора, не вызвавшего сокрушительного народного гнева; после инертного отношения русского общества к отторжению окраин, даже русских по духу или крови, мало того — оправдания его; после польско-петлюровского договора и польско-советского мира; после распродажи русских территориальных и материальных ценностей международным политическим ростовщикам...

Нет сомнения, что явление распада русской государственности, известное под именем «самостийности», во многих случаях имело целью только отгородиться временно от того бедлама, который представляет из себя «Советская республика». Но жизнь, к сожалению, не останавливается на практическом осуществлении такого в своем роде санитарного кордона, а поражает самую идею государственности. Даже в землях крепких, как, например, казачьи области. Правда — не в толще, а в верхах. Так, в Екатеринодаре в 1920 г. на Верховном круге трех казачьих войск, после горячего спора, из предложенной формулы присяги было изъято упоминание о России... Или распятую Россию любить не стоит?

Какую же роль в сознании старой армии играл стимул «отечества»? Если верхи русской интеллигенции отдавали себе ясный отчет о причинах разгоравшегося мирового пожара — борьбы государств за гегемонию политическую и главным образом экономическую, за свободные пути, проходы, за рынки и колонии, борьбы, в которой России принадлежала роль лишь самозащиты, то средняя русская интеллигенция, в том числе и офицерство, удовлетворялись зачастую только поводами — более яркими, доступными и понятными. Войны не хотели, за исключением разве пылкой военной молодежи, жаждавшей подвига; верили, что власть примет все возможные меры к предотвращению столкновения; мало-помалу, однако, приходили к сознанию роковой неизбежности его; поводы были чужды какой-либо агрессивности или заинтересованности с нашей стороны, вызывали искреннее сочувствие к слабым, угнетаемым, находились в полном соответствии с традиционной ролью России. Наконец, не мы, а на нас подняли меч... И потому, когда началась война, стих голос и тех, в которых таился страх, что уровень культуры и экономического состояния нашей страны не даст ей победы в борьбе с сильным и культурным противником. Войну приняли с большим подъемом, местами с энтузиазмом.

Офицерский корпус, как и большинство средней интеллигенции, не слишком интересовался сакраментальным вопросом о «целях войны». Война началась. Поражение принесло бы непомерные бедствия нашему отечеству во всех областях его жизни. Поражение повело бы к территориальным потерям, политическому упадку и экономическому рабству страны. Необходима победа. Все прочие вопросы уходили на задний план, могли быть спорными, перерешаться и видоизменяться. Это упрощенное, но полное глубокого жизненного смысла и национального самосознания отношение к войне не было понято левым крылом русской общественности и привело ее в Циммервальд и Киенталь. Не удивительно поэтому, что когда у анонимных и русских вождей революционной демократии перед сознательным разрушением ими армии в феврале 1917 года предстала дилемма: «Спасение страны или революции?»... Они избрали последнее.

Еще менее идея национальной самозащиты была понята темным народом. Народ подымался на войну покорно, но без всякого воодушевления и без ясного сознания необходимости великой жертвы. Его психоло-

гия не подымалась до восприятия отвлеченных национальных догматов. «Вооруженный народ», каким была по существу армия, воодушевлялся победой, падал духом при поражении; плохо уяснял себе необходимость перехода Карпат, несколько больше — борьбу на Стыри и Припяти, но все же утешал себя надеждой: «Мы Тамбовские, до нас немец не дойдет»... Мне приходится повторить эту довольно избитую фразу, ибо в ней глубокая психология русского человека.

Сообразно с таким преобладанием материальных ценностей в мировоззрении «вооруженного народа», в его сознание легче проникали упрощенные, реальные доводы за необходимость упорства в борьбе и достижения победы, за недопустимость поражения: чужая немецкая власть, разорение страны и хозяйств, тягость предстоящих в случае поражения податей и налогов, обесценение хлеба, проходящего через чужие проливы и т. д. Кроме того, было все же некоторое доверие к власти, что она делает то, что нужно. Тем более, что ближайшие представители этой власти — офицеры шли рядом, даже впереди и умирали также безотказно и безропотно, по велению свыше или по внутреннему убеждению. И солдаты шли мужественно на подвиг и на смерть.

Потом, когда это доверие рухнуло, сознание солдатской массы затуманилось окончательно. Формулы «без аннексий и контрибуций», «самоопределение народов» и проч. оказались более абстрактными и непонятными, чем старая отметаемая, заглохшая, но не вырванная из подсознания идея родины.

И для удержания солдат на фронте с подмостков, осененных красными флагами, послышались вновь и преимущественно знакомые мотивы материального порядка — немецкое рабство, разорение хозяйств, тяжесть налогов и т. д. Раздавались они уже из уст социалистов-оборонцев.

Итак, три начала, на которых покоился фундамент армии, были несколько подорваны. Указывая на внутренние противоречия и духовные недочеты русской армии, я далек от желания поставить ее ниже других: они в той или иной степени свойственны всем народным армиям, получившим почти милиционный характер, и не мешали ни им, ни нам одерживать победы и продолжать войну. Но выяснение облика армии необходимо для уразумения ее последующих судеб.

Глава II. Состояние старой армии перед революцией

Огромное значение в истории развития русской армии имела японская война. Горечь поражения, ясное сознание своей ужасной отсталости вызвали большой подъем среди военной молодежи и заставили понемногу или переменить направление, или уйти в сторону элемент устаревший и косный. Невзирая на пассивное противодействие ряда лиц, стоявших во главе военного министерства и генерального штаба,— лиц неспособных или донельзя безразлично и легкомысленно относившихся к интересам армии, работа кипела. В течение десяти лет русская армия, не достигнув, конечно, далеко идеалов, все же сделала огромные успехи. Можно сказать с уверенностью, что, не будь тяжкого манчжурского урока, Россия была бы раздавлена в первые же месяцы отечественной[6] войны.

Но чистка командного состава шла все же слишком медленно. Наша мягкотелость («жаль человека», «надо его устроить»), протекционизм, влияния, наконец, слишком ригористически проводимая линия старшинства — засорили списки командующего генералитета вредным элементом. Высшая аттестационная комиссия, собиравшаяся раз в год в Петрограде, почти никого из аттестуемых не знала... Этими обстоятельствами объясняется ошибочность первоначальных назначений: пришлось впоследствии удалить четырех главнокомандующих (из них один, правда временный, оказался с параличом мозга...), нескольких командующих армиями, много командиров корпусов и начальников дивизий.

Генерал Брусилов[7] в первые же дни сосредоточения 8-ой армии (июль 1914 г.) отрешил от командования трех начальников дивизий и корпусного командира. Бездарности все же оставались на своих местах, губили и войска и операции. У того же Брусилова генерал Д., последовательно отрешаемый, переменил одну кавалерийскую и три пехотных дивизии, пока, наконец, не успокоился в немецком плену. И обиднее всего, что вся армия знала несостоятельность многих из этих начальников и изумлялась их назначению...

Неудивительно поэтому, что стратегия за всю кампанию не отличалась ни особенным полетом, ни смелостью. Таковы операции Северо-западного фронта в Восточной Пруссии *, в частности — позорный маневр Ренненкампфа, таково упорное форсирование Карпат, о которые разбились войска Юго-западного фронта в 1915 году и, наконец, весеннее наступление наше 1916 года. Последний эпизод настолько характерен для высшего командования и настолько серьезен по своим последствиям, что на нем следует остановиться.

Когда армии Юго-западного фронта в мае перешли в наступление, увенчавшееся огромным успехом — разгром нескольких австрийских армий, когда после взятия Луцка моя дивизия большими переходами шла к Владимир-Волынску,— я, да и все мы, считали, что в нашем маневре — вся идея наступления, что наш фронт наносит главный удар. Впоследствии оказалось, что нанесение главного удара предназначено было Западному фронту, а армии Брусилова производили лишь демонстрацию. Штаб хорошо сохранил тайну. Там, в направлении на Вильну собраны были большие силы, небывалая еще у нас по количеству артиллерия и технические средства. Несколько месяцев войска готовили плацдармы для наступления. Наконец, все было готово, а успех южных армий, отвлекая внимание и резервы противника, сулил удачу и западным.

И вот, почти накануне предполагавшегося наступления между главнокомандующим Западным фронтом генералом Эвертом и начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом Алексеевым происходит исторический разговор по аппарату, сущность которого заключается приблизительно в следующем:

А. Обстановка требует немедленного решения. Вы готовы к наступлению, уверены в успехе?

Э. В успехе не уверен, позиции противника очень сильны. Нашим войскам придется наступать на те позиции, на которых они терпели раньше неудачи...

А. В таком случае делайте немедленно распоряжение о переброске войск на Юго-западный фронт. Я доложу государю.

И операция, так долго жданная, с таким методическим упорством подготовлявшаяся, рухнула. Западные корпуса к нам опоздали. Наше наступление захлебнулось. Началась бессмысленная бойня на болотистых берегах Стохода, где, между прочим, прибывшая гвардия потеряла весь цвет своего состава. А Восточный германский фронт переживал тогда дни смертельной тревоги: «это было критическое время; мы израсходовали все наши средства, и мы хорошо знали, что никто не придет к нам на помощь, если русские пожелают нас атаковать» **.

Впрочем и с Брусиловым случился однажды эпизод, мало распространенный и могущий послужить интересным дополнением к общеизвестной характеристике этого генерала — одного из главных деятелей кампании. После блестящей операции 8-ой армии, завершившейся переходом через Карпаты и вторжением в Венгрию, в декабре 1914 года наступил какой-то психологический надрыв в настроении командующего армией, ген. Брусилова: под влиянием частной неудачи одного из корпусов, он

* Вызваны были, впрочем, исключительно желанием Ставки выручить французскую армию из отчаянного положения.

** Людендорф. Mes souvenirs de guerre.

отдал приказ об общем отступлении, и армия быстро покатилась назад. Всюду мерещились прорывы, окружения и налеты неприятельской конницы, угрожавшей якобы самому штабу армии. Дважды генерал Брусилов снимал свой штаб с необыкновенной поспешностью, носившей характер панического бегства, уходя далеко от войск и теряя с ними всякую связь.

Мы отходили изо дня в день, совершая большие, утомительные марши, в полном недоумении: австрийцы не превосходили нас ни численно, ни морально и не слишком теснили. Каждый день мои стрелки и соседние полки Корнилова переходили в короткие контратаки, брали много пленных и пулеметы.

Генерал-квартирмейстерская часть штаба армии недоумевала еще более. Ежедневные доклады ее о неосновательности отступления сначала оставлялись Брусиловым без внимания, потом приводили его в гнев. Наконец, генеральный штаб обратился к иному способу воздействия: пригласили друга Брусилова — старика генерала Панчулидзева * и внушили ему, что, если так пойдет дальше, то в армии может возникнуть мысль об измене, и дело окончится очень печально...

Панчулидзев пошел к Брусилову. Между ними произошла потрясающая сцена, в результате которой Брусилова застали в слезах, а Панчулидзева в глубоком обмороке. В тот же день был подписан приказ о наступлении, и армия с быстротой и легкостью двинулась вперед, гоня перед собой австрийцев, восстановив стратегическое положение и репутацию своего командующего.

Нужно сказать, что не только войска, но и начальники, получая редко и мало сведений о действиях на фронте, плохо разбирались в общих стратегических комбинациях. Войска же относились к ним критически только тогда, когда явно приходилось расплачиваться своею кровью. Так было в Карпатских горах, на Стоходе, во время второго Перемышля (весна 1917 года) и т. д.

Нет нужды прибавлять, что технические, профессиональные знания командного состава, в силу неправильной системы высших назначений и сильнейшего расслоения офицерского корпуса мобилизациями, не находились на должной высоте.

Наиболее угнетающее влияние на психику войск имело великое галицийское отступление и безрадостный ход войны (без побед) Северного и Западного фронтов, а затем нудное сидение их на опостылевших позициях в течение более года.

* * *

Об офицерском корпусе я уже говорил. Большие и малые недочеты его увеличивались по мере расслоения кадрового состава. Не ожидали такой длительной кампании, и потому организация армии не берегла надлежаще ни офицерских, ни унтер-офицерских кадров, вливая их в ряды действующих частей все сразу в начале войны.

Я живо помню один разговор в период мобилизации, первоначально имевшей в виду одну Австрию, в квартире В. М. Драгомирова, одного из авторитетных генералов армии. Подали телеграмму: объявление войны Германией... Наступило серьезное молчание... Все сосредоточились, задумались. «Как вы думаете, сколько времени будет продолжаться война?» — спросил кто-то Драгомирова. «Четыре месяца»...

Роты выступали в поход иногда с 5—6 офицерами. Так как неизменно, при всех обстоятельствах кадровое офицерство (потом и большая часть прочих офицеров) в массе своей служило личным примером доблести, бесстрашия и самоотвержения **, то естественно оно было в большинстве перебито. Так же нерасчетливо был использован другой прочный элемент — запасные унтер-офицеры, число которых в первый период войны на должностях простых рядовых достигало иногда до 50% состава роты. Отношения между офицерами и солдатами старой армии не везде были построены на здоровых началах. Нельзя отрицать известного отчуждения между ними, вызванного недостаточно внимательным отношением офицерства к духовным запросам солдатской жизни. Но, по мере постепенного падения кастовых и сословных перегородок, эти отношения заметно улучшались. Война сблизила офицера и солдата еще более, установив во многих по преимуществу армейских частях подлинное боевое братство. Здесь необходимо, однако, оговориться: на внешних отношениях лежала печать всеобщей русской некультурности, составлявшей свойство далеко не одних лишь народных масс, а и русской интеллигенции. Оттого наряду с сердечным попечением, трогательной заботливостью о нуждах солдата, простотой и доступностью офицера, по целым месяцам лежавшего вместе с солдатом в мокрых, грязных окопах, евшего с ним из одного котла, и тихо, безжалобно ложившегося с ним в одну братскую могилу... наряду с этим были нередко грубость, ругня, иногда самодурство и заушения.

Несомненно, такого же рода взаимоотношения существовали и в самой солдатской среде, с тою лишь разницей, что свой брат взводный или фельдфебель бывал и грубее и жестче. Вся эта неприглядная сторона отношений, в связи с нудностью и бестолковостью казарменного режима и мелкими ограничениями внутренним уставом солдвтского быта — давала всегда обильную пищу для подпольных прокламаций, изображавших солдата «жертвой произвола золотопогонников». Здоровой сущности не замечали: она умышленно затемнялась неприглядной внешностью. А между тем все мотивы обвинений, исходящих от печальников солдата, были хорошо известны. Они излагались в наводнивших армию в 1905 году листовках, повторялись заученными фразами на всех митингах, перепечатывались с некоторыми вариантами и в 1917 году. Кажется, кроме пресловутой формулы «без аннексий и контрибуций», солдатская революционная литература не обогатилась ни одним новым понятием. Если бы власть своевременно отнеслась внимательнее к психологии солдатской среды, изъяла из уставов все несущественные для сохранения дисциплины ограничения и некоторые смешные или казавшиеся унизительными требования, то потом не пришлось бы отменять их под давлением, не вовремя и в расширенных размерах.

Все эти обстоятельства имели тем большее значение, что закрепление внутренней связи во время войны и без того встречало большие затруднения: с течением времени, неся огромные потери и меняя 10—12 раз свой состав, войсковые части, по преимуществу пехотные, превращались в какие-то этапы, через которые текла непрерывно человеческая струя, задерживаясь недолго и не успевая приобщиться духовно к военным традициям части. Одной из причин сохранения относительной прочности артиллерии и отчасти других специальных родов оружия было то обстоятельство, что в них процент потерь в сравнении с пехотой составлял не более $^1/_{20}$—$^1/_{10}$.

Два фактора имели несомненное значение в создании неблагоприятного настроения в войсках. По крайней мере впоследствии, во время «словесной кампании» министров и военных начальников, солдатские ораторы очень часто касались этих двух тем: введенное с 1915 года официально дисциплинарное наказание розгами и смертная казнь — «палечникам». Насколько необходимость борьбы с дезертирством путем саморанения * не возбуждала ни малейшего сомнения и требовала лишь более

* Начальник санитарной части армии.

** В этом отношении нельзя поставить упрека и большинству старшего командного состава. Личная храбрость, часто безрассудная, явление далеко не редкое.

* «Палечники» — явление не русское. Наши солдаты выучились этому способу у австрийцев, которые первыми начали практиковать его массами еще летом 1914 года.

тщательного технического обследования для избежания возможных судебных ошибок, настолько же крайне нежелательным и опасным, независимо от этической стороны вопроса, являлось телесное наказание, применяемое властью начальника. Военные юристы не сумели разрешить иначе этого вопроса. Между тем судебные уставы не обладают в военное время решительно никакими реальными способами репрессий, кроме смертной казни. Ибо для элемента преступного праволишения не имеют никакого значения, а всякое наказание, сопряженное с уходом из рядов, является только поощрением. Революционная демократия этого вопроса также не разрешила. Впрочем, после полной демократизации, после завоевания всех свобод и даже самостийности, войсковой круг Донского казачьего войска, весьма демократического состава, ввел в свою армию в 1919 году наказание розгами за ряд воинских преступлений. Такова непонятная психология русского человека!

Значительно сложнее вопрос о взаимоотношениях во флоте. Сословные и кастовые перегородки, замкнутость офицерского корпуса, консерватизм и неподвижность устарелых форм быта и взаимоотношений, большая отчужденность от матросской среды — все это не могло не повлиять впоследствии на значительно большую обостренность борьбы этих двух элементов. Кронштадт, Свеаборг, Гельсингфорс, Севастополь, Новороссийск — все эти кровавые этапы несчастного морского офицерства, нещадно избивавшегося, приводят в ужас и содрогание своим бессмысленным жестоким зверством, и, вместе с тем, требуют глубокого и внимательного изучения...

В конечном итоге все эти обстоятельства создавали не совсем здоровую атмосферу в армии и флоте и разъединяли, где в большей, где в меньшей степени, два их составных элемента. В этом несомненный грех и русского офицерства, разделяемый им всецело с русской интеллигенцией. Грех, вызвавший противоположение «барина» мужику, офицера — солдату и создавший впоследствии благоприятную почву для работы разрушительных сил.

В стране не было преобладания анархических элементов. В особенности в армии, которая отражает в себе все недостатки и достоинства народа. Народ — крестьянская и казачья массы — страдал другими пороками: невежеством, инертностью и слабой волей к сопротивлению, к борьбе с порабощением, откуда бы оно не исходило — от вековой традиционной власти или от внезапно появившихся псевдонимов. Не надо забывать, что наиболее яркий представитель чистого русского анархизма — Махно не долго мог держаться на юге России своим первоначальным лозунгом: «долой всякую власть, свободное соглашение между собой деревень и городов. Вся земля и все буржуйское добро — ваше»... Дважды разбитый, весною 1920 года он уже сам приступает к организации гражданского управления и произносит слово: «порядок». Правда, лозунг этот не получил реального осуществления, но уже сама потребность в нем знаменательна.

В армии отнюдь не было преобладания анархических элементов. И потребовалось потрясение слегка подгнивших основ, целый ряд ошибок и преступлений новой власти, огромная работа сторонних влияний, чтобы инерция покоя перешла, наконец, в инерцию движения, кровавый призрак которого долго еще будет висеть над несчастной русской землей.

Сторонним разрушительным влиянием в армии не противополагалось разумное воспитание. Отчасти по крайней неподготовленности в политическом отношении офицерского корпуса, отчасти вследствие инстинктивной боязни старого режима внести в казармы элементы «политики», хотя бы с целью критики противогосударственных учений. Этот страх относился, впрочем, не только к социальным и внутренним проблемам русской жизни, но и к вопросам внешней политики. Так, например, незадолго до войны был издан высочайший приказ, строго воспрещавший воинским

чинам где бы то ни было вести разговор на современную политическую тему (Балканский вопрос, австро-сербская распря и т. д.). Накануне неизбежно предстоявшей отечественной войны старательно избегали возбуждения здорового патриотизма, разъяснения целей и задач войны, ознакомления со славянским вопросом и вековой борьбой нашей с германизмом.

Признаться, я, как и многие другие, не исполнил приказа и подготовлял соответственно настроение Архангелогородского полка, которым командовал. А в военной печати выступил против приказа с горячей статьей на тему: «Не угашайте духа». Ибо для меня нет сомнений, что обвитая траурным флером статуя Страсбурга на площади Согласия (в Париже.— *Ред.*) сыграла огромную роль в воспитании героической армии Франции.

Пропаганда проникала и в старую армию с разных сторон. Нет сомнения, что судорожные потуги быстро сменявшихся правительств Горемыкина, Штюрмера, Трепова [8] — остановить нормальный ход русской жизни — сами по себе давали достаточно материала, возбуждая все больше и больше нараставший народный гнев, переливавшийся и в армию; его использовала социалистическая и пораженческая литература; Ленин нашел первоначальный путь в Россию своему учению через социал-демократическую фракцию Государственной Думы. Еще более интенсивно работали немцы. Об этих вопросах говорится подробно в главе XXIII. Должен, однако, отметить, что вся эта пропаганда извне и изнутри, оказывая воздействие главным образом на тыловые части, гарнизоны и запасные батальоны крупных центров и в особенности Петрограда, до революции имела сравнительно небольшое влияние на войсковые части фронта. И сбитые с толку пополнения, придя на фронт и попадая в тяжелую, но более здоровую боевую атмосферу, зачастую быстро меняли к лучшему свой облик.

Тем не менее, местами влияние разрушительной пропаганды находило подготовленную почву, и до революции еще были один-два случая, когда целые части оказали неповиновение, сурово подавленное.

Наконец, перед главной массой армии — крестьянской — вставал один практический вопрос, который заставлял ее инстинктивно не торопиться с социальной революцией: «Без нас поделят землю... Нет, уж когда вернемся, тогда и будем делить!..»

* * *

Своего рода естественной пропагандой служило неустройство тыла и дикая вакханалия хищений, дороговизны, наживы и роскоши, создаваемая на костях и крови фронта. Но особенно тяжко отозвался на армии недостаток техники и главным образом боевых припасов.

Только в 1917 году процесс Сухомлинова [9] вскрыл перед русским обществом и армией главные причины, вызвавшие военную катастрофу 1915 года. Еще в 1907 г. был разработан план пополнения запасов нашей армии и отпущены кредиты. Кредиты эти возрастали, как это ни странно, часто по инициативе комиссии государственной обороны, а не военного ведомства. Вообще же ни Государственная Дума, ни министерство финансов никогда не отказывали и не урезывали военных кредитов. В течение управления Сухомлинова ведомство получило особый кредит в 450 миллионов рублей и не израсходовало из них 300 миллионов! До войны вопрос о способах усиленного питания армии боевыми припасами, после израсходования запасов мирного времени, даже не подымался... Если действительно напряжение огневого боя с самого начала войны достигло неожиданных и небывалых размеров, опрокинув все теоретические расчеты и нашей и западноевропейской военной науки, то тем более героические меры нужны были для выхода из трагического положения.

Между тем уже к октябрю 1914 года иссякли запасы для вооружения пополнений, которые мы стали получать на фронте сначала вооруженными на 1/10, потом и вовсе без ружей. Главнокомандующий Юго-западным фронтом телеграфировал в Ставку: «источники пополнения боевых припасов иссякли совершенно. При отсутствии пополнения придется прекратить бой и выводить войска в самых тяжелых условиях»...

А в то же время (конец сентября) на вопрос Жоффра[10] «достаточно ли снабжена российская императорская армия артиллерийским снаряжением для беспрепятственного продолжения военных действий», военный министр Сухомлинов отвечал: «настоящее положение вещей относительно снаряжения российской армии не внушает серьезного опасения»... Иностранных заказов не делалось, от японских и американских ружей «для избежания неудобств от разнообразия калибров» отказывались.

Когда в августе 1917 года на скамью подсудимых сел виновник военной катастрофы, личность его произвела только жалкое впечатление. Гораздо серьезнее, болезненнее встал вопрос, как этот легкомысленный, невежественный в военном деле, быть может, сознательно преступный человек мог продержаться у кормила власти 6 лет. Какая среда военной бюрократии — «к добру и злу постыдно равнодушная» — должна была окружать его, чтобы сделать возможным и действия и бездействия, шедшие неуклонно и методично ко вреду государства.

Катастрофа разразилась окончательно в 1915 году. Весна 1915 г. останется у меня навсегда в памяти. Великая трагедия русской армии — отступление из Галиции. Ни патронов, ни снарядов. Изо дня в день кровавые бои, изо дня в день тяжкие переходы, бесконечная усталость — физическая и моральная; то робкие надежды, то беспросветная жуть...

Помню сражение под Перемышлем в середине мая. Одиннадцать дней жестокого боя 4-й стрелковой дивизии... Одиннадцать дней страшного гула немецкой тяжелой артиллерии, буквально срывавшей целые ряды окопов вместе с защитниками их. Мы почти не отвечали — нечем. Полки, измотанные до последней степени, отбивали одну атаку за другой — штыками или стрельбой в упор; лилась кровь, ряды редели, росли могильные холмы... Два полка почти уничтожены — одним огнем...

Господа французы и англичане! Вы, достигшие невероятных высот техники, вам не безынтересно будет услышать такой нелепый факт из русской действительности: когда после трехдневного молчания нашей единственной шестидюймовой батареи ей подвезли пятьдесят снарядов, об этом сообщено было по телефону немедленно всем полкам, всем ротам, и все стрелки вздохнули с радостью и облегчением... И какой тогда тяжелой, обидной иронией звучало для нас циркулярное послание Брусилова, в котором он, не имея возможности дать снаряды, с целью подбодрить, «поднять дух войск», убеждал нас не придавать такого исключительного значения преобладанию немецкой артиллерии, ибо были неоднократно случаи, что тяжелая артиллерия, выпустив по нашим участкам позиции огромное число снарядов, не наносила им почти никаких потерь...

21 марта генерал Янушкевич * сообщил военному министру: «свершился факт очищения Перемышля. Брусилов ссылается на недостаток патронов — эту «bête — noire» (жупел.— *Ред.*) вашу и мою... Из всех армий вопль — дайте патронов»...

* * *

Я не склонен идеализировать нашу армию. Много горьких истин мне приходится высказывать о ней. Но когда фарисеи — вожди российской революционной демократии, пытаясь оправдать учиненный главным образом их руками развал армии, уверяют, что она и без того близка была к разложению,— они лгут.

* Начальник штаба Верх. Главнок. вел. кн. Николая Николаевича. В 1918 г. убит большевиками.

Я не отрицаю крупных недостатков в системе назначений и комплектований высшего командного состава, ошибок нашей стратегии, тактики и организации, технической отсталости нашей армии, несовершенства офицерского корпуса, невежества солдатской среды, пороков казармы. Знаю размеры дезертирства и уклонения от военной службы, в чем повинна наша интеллигенция едва ли не больше, чем темный народ. Но ведь не эти серьезные болезни армейского организма привлекали впоследствии особливое внимание революционной демократии. Она не умела и не могла ничего сделать для их уврачевания, да и не боролась с ними вовсе. Я, по крайней мере, не знаю ни одной больной стороны армейской жизни, которую она исцелила бы, или, по крайней мере, за которую взялась бы серьезно и практически. Пресловутое «раскрепощение» личности солдата? Отбрасывая все преувеличения, связанные с этим понятием, можно сказать, что самый факт революции внес известную перемену в отношения между офицером и солдатом, и это явление обещало при нормальных условиях, без грубого и злонамеренного вмешательства извне, претвориться в источник большой моральной силы, а не в зияющую пропасть. Но революционная демократия в эту именно рану влила яд. Она поражала беспощадно самую сущность военного строя, его вечные, неизменные основы, оставшиеся еще непоколебленными: дисциплину, единоначалие и аполитичность. Это было, и этого не стало. А между тем падение старой власти как будто открывало новые широчайшие горизонты для оздоровления и поднятия в моральном, командном, техническом отношениях народной русской армии.

Каков народ, такова и армия. И, как бы то ни было, старая русская армия, страдая пороками русского народа, вместе с тем в своей преобладающей массе обладала его достоинствами и прежде всего необычайным долготерпением в перенесении ужасов войны; дралась безропотно почти 3 года; часто шла с голыми руками против убийственной высокой техники врагов, проявляя высокое мужество и самоотвержение; и своей обильной кровью * искупала грехи верховной власти, правительства, народа и свои.

Наши союзники не смеют забывать ни на минуту, что к середине января 1917 года эта армия удерживала на своем фронте 187 вражеских дивизий, т. е. 49% всех сил противника, действовавших на европейских и азиатских фронтах. Старая русская армия заключала в себе достаточно еще сил, чтобы продолжать войну и одержать победу[11].

Глава III. Старая армия и государь

В августе 1915 года государь, под влиянием кругов императрицы и Распутина, решил принять на себя верховное командование армией. Этому предшествовали безрезультатные представления восьми министров и некоторых политических деятелей, предостерегавших государя от опасного шага. Официальными мотивами выставлялись, с одной стороны, трудность совмещения работы управления и командования, с другой — риск брать на себя ответственность за армию в тяжкий период ее неудач и отступления. Но истинной побудительной причиной этих представлений был страх, что отсутствие знаний и опыта у нового Верховного главнокомандующего осложнит и без того трудное положение армии, а немецко-распутинское окружение, вызвавшее паралич правительства и разрыв его с Государственной Думой и страной, поведет к разложению армии.

* Французский депутат Люи Мартэн исчисляет потери армий одними убитыми следующими цифрами (в миллионах): Россия – 2,5, Германия – 2, Австрия – 1,5, Франция – 1,4, Англия – 0,8, Италия – 0,6 миллиона и т. д. На долю России приходится 40% мартиролога всех союзных армий.

Ходила, между прочим, молва, впоследствии оправдавшаяся, что решение государя вызвано отчасти и боязнью кругов императрицы перед все более возраставшей, невзирая на неудачи армии, популярностью великого князя Николая Николаевича.

23 августа армии и флоту был отдан приказ, в котором после официального текста государь собственноручно приписал: «С твердою верою в Милость Божию и с непоколебимою уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамим земли Русской. Николай».

Этот значительный по существу акт не произвел в армии большого впечатления. Генералитет и офицерство отдавало себе ясный отчет в том, что личное участие государя в командовании будет лишь внешнее, и потому всех интересовал более вопрос: кто будет начальником штаба?

Назначение генерала Алексеева успокоило офицерство. Что касается солдатской массы, то она не вникала в технику управления, для нее царь и раньше был верховным вождем армии и ее смущало несколько одно лишь обстоятельство: издавна в народе укоренилось убеждение, что царь несчастлив...

Фактически в командование вооруженными силами России вступил генерал Михаил Васильевич Алексеев. На фоне русской военной истории и русской смуты фигура генерала Алексеева занимает такое большое место, что нельзя в кратких словах очертить его значение. Для этого необходимо специальное историческое исследование жизненного пути человека, вызвавшего различное отношение — и положительное, и отрицательное — к своей военной и политической деятельности, но никогда не дававшего повода сомневаться в том, что «крестный путь его озарен кристаллической честностью и горячей любовью к Родине — и великой, и растоптанной»... *

Не всегда достаточно твердый в проведении своих требований, в вопросе о независимости Ставки от сторонних влияний Алексеев проявил гражданское мужество, которого так не хватало жадно державшимся за власть сановникам старого режима.

Однажды, после официального обеда в Могилеве, императрица взяла под руку Алексеева и, гуляя с ним по саду, завела разговор о Распутине. Несколько волнуясь, она горячо убеждала Михаила Васильевича, что он не прав в своих отношениях к Распутину, что «старец — чудный и святой человек», что на него клевещут, что он горячо привязан к их семье, а главное, что его посещение Ставки принесет счастье...

Алексеев сухо ответил, что для него это вопрос — давно решенный. И что, если Распутин появится в Ставке, он немедленно оставит пост начальника штаба. «Это ваше окончательное решение?» «Да, несомненно». Императрица резко оборвала разговор и ушла, не простившись с Алексеевым. Этот разговор, по словам Михаила Васильевича, повлиял на ухудшение отношений к нему государя. Вопреки установившемуся мнению, отношения эти, по внешним проявлениям не оставлявшие желать ничего лучшего, не носили характера ни интимной близости, ни дружбы, ни даже исключительного доверия. Государь никого не любил, разве только сына. В этом был трагизм его жизни — человека и правителя.

Несколько раз, когда Михаил Васильевич, удрученный нараставшим народным неудовольствием против режима и трона, пытался выйти из рамок военного доклада и представить царю истинное освещение событий, когда касался вопроса о Распутине и об ответственном министерстве, он встречал хорошо знакомый многим непроницаемый взгляд и сухой ответ: «Я это знаю». Больше ни слова. Но в вопросах управления армией государь всецело доверялся Алексееву, выслушивая долгие, слишком, быть может, обстоятельные доклады его. Выслушивал терпеливо и

* Слова из приказа по Добровольческой армии.

внимательно, хотя по-видимому эта область не захватывала его. Некоторое расхождение случалось лишь в вопросах второстепенных — о назначениях приближенных, о создании им должностей и т. п. Полное безучастие государя в вопросах высшей стратегии определилось для меня совершенно ясно после прочтения одного важного акта — записи суждений военного совета, собранного в Ставке в конце 1916 г. под председательством государя из всех главнокомандующих и высших чинов Ставки для обсуждения плана кампании 1917 года и общего наступления.

Подробная запись каждой произнесенной фразы создавала впечатление о властности и руководящей роли временного заместителя начальника штаба — генерала Гурко, о несколько эгоистических устремлениях главнокомандующих, пригонявших стратегические аксиомы к специальным интересам своего фронта и, наконец... о полном безучастии Верховного главнокомандующего.

Такие же взаимоотношения между государем и начальником штаба существовали во время исполнения последней должности генералом Гурко. Алексеев осенью 1916 г. тяжко заболел и лечился в Севастополе, не прекращая, однако, связи со Ставкой, с которой он сносился по прямому проводу.

* * *

Между тем, борьба Государственной Думы (прогрессивного блока) с правительством, находившая несомненно сочувствие у Алексеева и у командного состава, принимала все более резкие формы. Запрещенный для печати отчет о заседании 1-го ноября 1916-го г.* с историческими речами Шульгина, Милюкова [12] и др. в рукописном виде распространен был повсеместно в армии. Настроение настолько созрело, что подобные рукописи не таились уже под спудом, а читались и резко обсуждались в офицерских собраниях. «Я был крайне поражен,— говорил мне один видный социалист и деятель городского союза, побывав впервые в армии в 1916 г.,— с какой свободой всюду, в воинских частях, в офицерских собраниях, в присутствии командиров, в штабах и т. д. говорят о негодности правительства, о придворной грязи. Это в нашей стране — «слова и дела»!... Вначале мне казалось, что меня просто провоцируют»...

Связь Думы с офицерством существовала давно. Работа комиссии государственной обороны в период воссоздания флота и реорганизации армии после японской войны протекала при деятельном негласном участии офицерской молодежи. А. И. Гучков образовал кружок, в состав которого вошли Савич, Крупенский, граф Бобринский и представители офицерства, во главе с генералом Гурко. По-видимому, к кружку примыкал и генерал Поливанов [13], сыгравший впоследствии такую крупную роль в развале армии (Поливановская комиссия). Там не было ни малейшего стремления к «потрясению основ», а лишь желание подтолкнуть тяжелый бюрократический воз, дать импульс работе и инициативу инертным военным управлениям. По словам Гучкова, кружок работал совершенно открыто, и военное ведомство первое время снабжало его даже материалами. Но затем отношение Сухомлинова круто изменилось, кружок был взят под подозрение, пошли разговоры о «младотурках»...

Как бы то ни было, осведомленность комиссии государственной обороны была очень большая. Генерал Лукомский [14], бывший начальником мобилизационного отдела, потом помощником военного министра, рассказывал мне, как серьезно надо было готовиться к докладам и какое жалкое впечатление производил во время своих редких выступлений легкомысленный и несведущий министр Сухомлинов, терзаемый со всех сторон членами комиссии...

* Появился в газетах в урезанном виде только в начале января 1917 года.

Во время процесса сам Сухомлинов рассказал эпизод, как однажды он явился в заседание комиссии, в которой рассматривались два больших военных вопроса и как его остановил Родзянко: «Уходите, уходите... Вы для нас красное сукно: как только вы приезжаете, дела ваши проваливаются».

После галицийского отступления Государственной Думе удалось, наконец, добиться постоянного участия своих членов в деле правильной постановки военных заказов, а земским и городским союзам — образования «главного комитета по снабжению армий».

Кровавый опыт привел, наконец, к простой идее мобилизации русской промышленности. И дело, вырвавшееся из мертвящей обстановки военных канцелярий, пошло широким ходом. По официальным данным, на армию посылалось в июле 1915 г. по 33 парка вместо затребованных 50-ти, а в сентябре, благодаря привлечению к работе частных заводов — 78. Я по непосредственному опыту, а не только по цифрам имею полное основание утверждать, что уже к концу 1916 г. армия наша, не достигнув, конечно, тех высоких норм, которые практиковались в армиях союзников, обладала все же вполне достаточными боевыми средствами, чтобы начать планомерную и широкую операцию на всем своем фронте. Это обстоятельство также было учтено надлежаще в войсках, укрепляя доверие к Государственной Думе и общественным организациям.

Но в области внутренней политики положение не улучшалось. И к началу 1917 г. крайне напряженная атмосфера политической борьбы выдвинула новое средство. Переворот!

* * *

В Севастополь к больному Алексееву приехали представители некоторых думских и общественных кругов. Они совершенно откровенно заявили, что назревает переворот. Как отнесется к этому страна, они знают. Но какое впечатление произведет переворот на фронте, они учесть не могут. Просили совета.

Алексеев в самой категорической форме указал на недопустимость каких бы то ни было государственных потрясений во время войны, на смертельную угрозу фронту, который по его пессимистическому определению, «и так не слишком прочно держится», и просил во имя сохранения армии не делать этого шага. Представители уехали, обещав принять меры к предотвращению готовившегося переворота.

Не знаю, какие данные имел Михаил Васильевич, но он уверял впоследствии, что те же представители вслед за сим посетили Брусилова и Рузского и, получив от них ответ противоположного свойства, изменили свое первоначальное решение: подготовка переворота продолжалась.

Пока трудно выяснить детали этого дела. Участники молчат, материалов нет, а все дело велось в глубокой тайне, не проникая в широкие армейские круги. Тем не менее, некоторые обстоятельства стали известны. Целый ряд лиц обращались к государю с предостережением о грозящей опасности стране и династии, в том числе Алексеев, Гурко, протопресвитер Шавельский, Пуришкевич [15], великие князья Николай и Александр Михайловичи и сама вдовствующая императрица.

После приезда в армию осенью 1916 года председателя Государственной Думы Родзянко [16], у нас распространилось письмо его к государю: оно предостерегало царя о той огромной опасности, которая угрожает трону и династии, благодаря гибельному участию в управлении государством Александры Федоровны. Одно из подобных «вмешательств» Родзянки вызвало высочайший выговор, переданный письменно председателю Государственной Думы по приказанию государя генералом Алексеевым. Это обстоятельство, между прочим, весьма существенно отразилось на последующих отношениях этих двух государственных деятелей.

Великий князь Николай Михайлович в своем письме, прочтенном государю 1 ноября, после указания на недопустимость сделавшегося известным «всем слоям общества» порядка назначений министров при посредстве ужасной среды, окружающей императрицу, говорит: «Если бы Тебе удалось устранить это постоянное вторгательство темных сил, сразу началось бы возрождение России и вернулось бы утраченное Тобою доверие громадного большинства Твоих подданных... Когда время настанет, а оно уже не за горами, Ты сам с высоты престола можешь даровать желанную ответственность перед Тобою и законодательными учреждениями. Это сделается просто, само собой, без напора извне и не так, как совершился достопамятный акт 17 октября 1905 г. Я долго колебался открыть Тебе истину, но после того, что Твоя матушка и Твои обе сестры меня убедили это сделать, я решился. Ты находишься накануне эры новых волнений, скажу больше, новых покушений. Поверь мне, если я так напираю на Твое собственное освобождение от создавшихся оков, то я это делаю не из личных побуждений... а только ради надежды спасти Тебя, Твой престол и нашу дорогую родину от самых тяжких и непоправимых последствий». Но никакие представления не действовали.

В состав образовавшихся кружков входили некоторые члены правых и либеральных кругов Государственной Думы, прогрессивного блока, члены императорской фамилии и офицерство. Активным действиям должно было предшествовать последнее обращение к государю одного из великих князей... В случае неуспеха, в первой половине марта предполагалось вооруженной силой остановить императорский поезд во время следования его из Ставки в Петроград. Далее должно было последовать предложение государю отречься от престола, а в случае несогласия, физическое его устранение. Наследником предполагался законный правопреемник Алексей и регентом Михаил Александрович.

В то же время большая группа прогрессивного блока, земских и городских деятелей, причастная или осведомленная о целях кружка, имела ряд заседаний для выяснения вопроса, «какую роль должна сыграть после переворота Государственная Дума» *. Тогда же был намечен и первый состав кабинета, причем выбор главы его, после обсуждения кандидатур М. Родзянко и князя Львова, остановился на последнем.

Но судьба распорядилась иначе. Раньше предполагавшегося переворота началась, по определению Альбера Тома [17], «самая солнечная, самая праздничная, самая бескровная русская революция»...

Глава IV. Революция в Петрограде

С событиями в Петрограде и Ставке я ознакомился только впоследствии. Для последовательности изложения коснусь их вкратце. В телеграмме царю членов государственного совета в ночь на 28 февраля положение определялось следующим образом: «Вследствие полного расстройства транспорта и отсутствия подвоза необходимых материалов, остановились заводы и фабрики. Вынужденная безработица и крайнее обострение продовольственного кризиса, вызванного тем же расстройством транспорта, довели народные массы до полного отчаяния. Это чувство еще обострилось той ненавистью к правительству и теми тяжкими подозрениями против власти, которые глубоко запали в народную душу. Все это вылилось в народную смуту стихийной силы, а к этому движению присоединяются теперь и войска. Правительство, никогда не пользовавшееся доверием в России, окончательно дискредитировано и совершенно бессильно справиться с грозным положением»...

Находившая благоприятную почву в общих условиях жизни страны подготовка к революции прямо или косвенно велась давно. В ней приня-

* Милюков. «История 2-ой русской революции».

ли участие самые разнородные элементы: германское правительство, не жалевшее средств на социалистическую и пораженческую пропаганду в России, в особенности среди петроградских рабочих; социалистические партии, организовавшие свои ячейки среди рабочих и воинских частей; несомненно, и протопоповское министерство, как говорили, провоцировавшее уличное выступление, чтобы вооруженной силой подавить его и тем разрядить невыносимо сгущенную атмосферу. Как будто все силы — по диаметрально противоположным побуждениям, разными путями, различными средствами — шли к одной конечой цели...

Вместе с тем прогрессивный блок и общественные организации, учитывая неизбежность больших событий, начали готовиться к ним, а некоторые круги, идейно или персонально близкие к указанным организациям, как я уже говорил, приступили к подготовке дворцового переворота, как последнего средства предотвратить надвигающуюся революцию.

Тем не менее, восстание все же вспыхнуло стихийно, застав всех врасплох. В исполнительном комитете Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов впоследствии, около 10 марта *, видными членами его по частному поводу были даны разъяснения, что «восстание солдат произошло независимо от рабочих, с которыми солдаты еще накануне переворота никакой связи не имели» и что «восстание подготовлено не было, почему и не оказалось соответствующего органа управления». Что касается думских и общественных кругов, то они подготовлены были к перевороту, а не к революции и в ее бушующем пламени не могли сохранить душевное равновесие и холодный расчет.

Первые вспышки начались 23 февраля, когда толпы народа запрудили улицы, собирались митинги и ораторы призывали к борьбе против ненавистной власти. Так продолжалось до 26-го, когда народное движение приняло грандиозные размеры и начались кровавые столкновения с полицией, с применением ею пулеметов.

26-го получен был указ об отсрочке сессии Государственной Думы, а 27-го утром в заседании Думы решено было не разъезжаться из Петрограда...

Между тем в тот же день утром обстановка в корне изменилась, так как на сторону восставших перешли запасные батальоны Литовского, Волынского, Преображенского и саперного гвардейских полков. Именно запасные батальоны, так как настоящие гвардейские полки находились тогда на Юго-западном фронте. Эти батальоны не отличались ни дисциплиной, ни настроением от прочих имперских запасных частей.

Командный состав многих частей растерялся, не решил сразу основной линии своего поведения, и эта двойственность послужила отчасти причиной устранения его влияния и власти. Войска вышли на улицу без офицеров, слились с толпой и восприняли ее психологию. Вооруженная толпа, возбужденная до последней степени, опьяненная свободой, подогреваемая уличными ораторами, текла по улицам, сметая баррикады, присоединяя к себе все новые толпы еще колебавшихся... Беспощадно избивались полицейские отряды. Встречавшихся офицеров обезоруживали, иногда убивали. Вооруженный народ овладел арсеналом, Петропавловской крепостью, Крестами (тюрьма)...

В этот решительный день вождей не было, была одна стихия. В ее грозном течении не виделось тогда ни цели, ни плана, ни лозунгов. Единственным общим выражением настроения был клич: «Да здравствует свобода!»

Кто-то должен был овладеть движением. И после горячих споров, после проявления некоторой растерянности и нерешительности эту роль приняла на себя Государственная Дума, выделив из своей среды «Комитет Государственной Думы» *, который в таких осторожных выражениях объявил 27 февраля о существе своего назначения: «Временный комитет членов Государственной Думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка... Комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием».

Центром политической жизни страны стала Дума, которая, несомненно, к тому времени, после патриотической и национальной борьбы ее против ненавистного народу правительства, после большой и плодотворной работы в интересах армии, пользовалась широким признанием во всей стране и армии. Никто другой не мог стать во главе движения. Никто другой не мог получить такое доверие страны и такое быстрое и полное признание верховной властью, как власть, исходившая из недр Государственной Думы. Это обстоятельство отлично было учтено Петроградским советом рабочих депутатов, который тогда еще не претендовал на официальное возглавление российского правительства. Такое отношение тогда к Государственной Думе породило иллюзию «всенародности» Временного правительства, ею созданного.

Поэтому, наряду с частями, смешавшимися с вооруженной толпой и громившими все, что слишком резко напоминало старую власть, наряду с отрядами, оставшимися ей верными и оказавшими сопротивление, к Таврическому дворцу стали подходить войсковые части с командирами и офицерами, с музыкой и знаменами и по всем правилам старого ритуала приветствовали новую власть в лице председателя Государственной Думы Родзянко.

Таврический дворец представлял из себя необыкновенную картину: законодатели, сановники, солдаты, рабочие, женщины... Палата, военный бивак, тюрьма, штаб, министерства... Сюда стекалось все, искавшее защиты и спасения, жаждавшее руководства и ответа на вставшие вдруг недоуменные вопросы...

Но в тот же день 27 февраля из стен Таврического дворца вышло объявление: «Граждане! Заседающие в Государственной Думе представители рабочих, солдат и населения Петрограда объявляют, что первое заседание их представителей состоится сегодня в 7 час. вечера в помещении Государственной Думы. Всем перешедшим на сторону народа войскам немедленно избрать своих представителей по одному на каждую роту. Заводам избрать своих депутатов по одному на каждую тысячу. Заводы, имеющие менее тысячи рабочих, избирают по одному депутату»... Этот факт имел чрезвычайное и роковое влияние на весь ход последующих событий: 1) создал параллельно Временному правительству орган неофициальной, но, несомненно, более сильной власти Совета рабочих и солдатских депутатов, борьба с которым оказалась не под силу правительству; 2) придал политическому перевороту и буржуазной революции организованные формы и характер революции социальной, которая была немыслима при современном состоянии страны и не могла пройти без страшных потрясений в период тяжелой внешней войны; 3) установил тесную связь между тяготевшим к большевизму и пораженчеству Советом и армией, что внесло в нее постоянный бродящий фермент, приведший к разложению.

И когда войска стройными рядами, с командирами и офицерами, дефилировали мимо Таврического дворца, это была лишь показная внешность. Связь между офицерством и солдатами была уже в корне наруше-

* При посещении его генералом Корниловым.

* М. В. Родзянко, Н. В. Некрасов, А. И. Коновалов, И. И. Дмитрюков, А. Ф. Керенский, В. В. Шульгин, С. И. Шидловский, П. Н. Милюков, М. А. Караулов, В. Н. Львов, В. А. Ржевский, М. С. Чхеидзе, который отказался, предпочитая председательствование в совете рабочих депутатов. Потом вступил Б. Энгельгардт.

на, дисциплина подорвана, и с тех пор войска петроградского округа до последних своих дней представляли опричнину, тяготевшую своей грубой и темной силой над Временным правительством. Впоследствии все усилия Гучкова, Корнилова и Ставки повлиять на них и вывести на фронт остались тщетными, встречая резкое сопротивление Совета.

Временами среди войсковых частей вспыхивало вновь сильное брожение, иногда форменный военный бунт. Члены Думы разъезжали по казармам успокаивать войска. Попытка Гучкова совместно с ген. Потаповым и князем Вяземским водворить порядок в Измайловском полку завершилась печально: измайловцы и петроградцы открыли огонь, кн. Вяземский был смертельно ранен, а спутники его пробились с большим трудом. По свидетельству Потапова, бывшего председателя военной комиссии, ведавшей внешней обороной Петрограда, к 3-му марта полки пришли в полное расстройство. «Только 176 полк сохранял еще порядок и занял Царскосельский вокзал; Балтийский же и Варшавский вокзалы и впереди лежащие позиции, в ожидании подходивших с фронта эшелонов, были заняты почти исключительно офицерскими командами. Те же офицеры пробивались навстречу направленным войскам и смело среди них разъясняли происходившие события, чем много содействовали общему успеху и предотвратили кровопролитие».

Фактически к Петрограду подходили, главным образом по собственной инициативе, войсковые части из его окрестностей, вливавшиеся затем в состав гарнизона. Офицерство несомненно переживало тяжелую драму, став между верностью присяге, недоверием и враждебностью солдат и велением целесообразности. Часть офицеров, очень небольшая, оказала вооруженное противодействие восстанию и в большинстве погибла, часть уклонилась от фактического участия в событиях, но большая часть в рядах полков, сохранивших относительный порядок, в лице Государственной Думы искала разрешения вопросов мятущейся совести.

Большое собрание офицеров, находившихся в Петрограде, 1 марта вынесло постановление: «идя рука об руку с народом... признавая, что для победоносного окончания войны необходима скорейшая организация порядка и дружная работа в тылу, единогласно постановили признать власть исполнительного комитета Государственной Думы впредь до созыва Учредительного Собрания».

* * *

Безудержная вакханалия, какой-то садизм власти, который проявляли сменявшиеся один за другим правители распутинского назначения, к началу 1917 года привели к тому, что в государстве не было ни одной политической партии, ни одного сословия, ни одного класса, на которое могло бы опереться царское правительство. Врагом народа его считали все: Пуришкевич и Чхеидзе[18], объединенное дворянство и рабочие группы, великие князья и сколько-нибудь образованные солдаты.

В мои намерения не входит исследование деятельности правительства, приведшей к революции, и борьбы его с народом и представительными учреждениями. Я суммирую лишь те обвинения, которые справедливо предъявлены были ему накануне падения Государственной Думой.

Все государственные сословия и общественные учреждения — Государственный Совет, Государственная Дума, дворянство, земство, городское самоуправление и объединение — были взяты под подозрение в неблагонадежности, и правительство вело с ними формальную борьбу, парализуя всякую их государственную и общественную работу.

Бесправие и сыск доведены были до небывалой еще степени. Русский независимый суд подчинен был «требованиям политического момента».

В то время как в союзных странах вся общественность приняла горячее участие в работе на оборону страны, у нас эта помощь презрительно отверглась, и работа велась неумелыми, иногда преступными руками, вызвав фатальные явления сухомлиновщины и протопоповщины. Военно-промышленный комитет, оказавший делу снабжения армии большие услуги, систематически разрушался. Незадолго до революции рабочая группа его была без причины арестована, что едва не вызвало кровавых беспорядков в столице.

Правительственными мероприятиями, при отсутствии общественной организации, расстраивалась промышленная жизнь страны, транспорт, исчезало топливо. Правительство оказалось бессильно и неумело в борьбе с этой разрухой, одной из причин которой были несомненно и эгоистические, иногда хищнические устремления торгово-промышленников.

Деревня была обездолена. Ряд тяжких мобилизаций без каких-либо льгот и изъятий, которые предоставлялись другим классам, работавшим на оборону, отняли у нее рабочие руки. А неустойчивость твердых цен с поправками, внесенными в пользу крупного землевладения в начале, и затем злоупотребление в системе разверстки хлебной повинности, при отсутствии товарообмена с городом, привели к прекращению подвоза хлеба, голоду в городе и репрессиям в деревне. Служилый класс, вследствие огромного поднятия цен и необеспеченности, бедствовал и роптал.

Назначения министров поражали своей неожиданностью и казались издевательством. Страна устами Государственной Думы и лучших людей требовала ответственного министерства. Этот минимум политических чаяний русского общества еще утром 27 февраля считался Государственной Думой достаточным, чтобы задержать «последний час, когда решалась судьба Родины и династии»...*.

Общественная мысль и печать были задушены. Широко раздвинувшая пределы своего ведения военная цензура внутренних округов (в том числе Московского и Петроградского) была неуязвимой, скрываясь за военное положение, в котором находились эти округа, и за статьи 93 и 441 положения о полевом управлении войск, в силу которых от командующих и главнокомандующих «никакое правительственное место, учреждение или лицо в империи не могут требовать отчетов». Общая цензура не уступала в удушении. В одном из заседаний Думы обсуждался такой поразительный факт. Когда в феврале 1917 года, не без участия немецкой руки, начало распространяться по заводам забастовочное движение, члены рабочей группы военно-промышленного комитета составили воззвание: «Товарищи рабочие Петрограда! Считаем своим долгом обратиться к вам с настоящим предложением немедленно приступить к работам. Рабочий класс, в сознании своей ответственности переживаемого момента, не должен ослаблять своих сил затягиванием забастовки. Интересы рабочего класса зовут вас к станкам». Это воззвание, невзирая на обращение Гучкова** к министру внутренних дел и к главному цензору, дважды было снято с печатных станков и пропущено не было...

Если в государственной деятельности павшего правительства в области хозяйственно-экономической подлежит исследованию и выяснению вопрос, что должно быть отнесено за счет деятелей и системы и что за счет непреодолимых условий потрясенного мировой войной организма страны, то удушение совести, мысли, духа народного и общественной инициативы не найдет оправдания.

Неудивительно поэтому, что Москва и провинция присоединились почти без борьбы к перевороту. Вне Петрограда, где, за [не]многими исключениями не было той жути от кровавых столкновений и бесчинства опьянелой толпы, переворот был встречен еще с большим удовлетворением, даже ликованием. И не только революционной демократией, но и просто демократией, буржуазией и служилым элементом. Небывалое

* Телеграмма Родзянко Государю.
** Председатель комитета.

оживление, тысячные толпы народа, возбужденные лица, возбужденные речи, радость освобождения от висевшего над всеми тяжелого маразма, светлые надежды на будущее России и, наконец, повисшее в воздухе, воспроизводимое в речи, в начертаниях, в образах, в музыке, пении, волнующее — тогда еще не забрызганное пошлостью, грязью и кровью — слово: Свобода! «Эта революция — единственная в своем роде,— писал князь Евгений Трубецкой.— Бывали революции буржуазные, бывали и пролетарские, но революции национальной в таком широком значении слова, как нынешняя, русская, доселе не было на свете. Все участвовали в этой революции, все ее делали — и пролетариат, и войска, и буржуазия, даже дворянство... все вообще живые общественные силы страны... Только бы это объединение сохранилось»...

В этих словах отразились чаяния и тревоги русской интеллигенции, но не печальная русская действительность. И кровавые бунты в Гельсингфорсе, Кронштадте, Ревеле, гибель адмирала Непенина и многих офицеров служили первым предостережением для оптимистов...

* * *

Жертвы первых дней революции в столице были не велики: регистрация Всероссийского союза городов определила их для Петрограда общим числом убитых и раненых в 1443, в том числе воинских чинов 869 (офицеров 60). Конечно, много раненых избегло учета. Однако положение Петрограда, выбитого из колеи, насыщенного горючим материалом и вооруженными людьми, долго еще было крайне неопределенным и напряженным.

От членов Государственной Думы и правительства впоследствии я слышал, что весы сильно колебались, и они все время чувствовали себя сидящими на бочке с порохом, который ежеминутно мог вспыхнуть и уничтожить их всех и создаваемое ими государственное здание. Товарищ председателя Совета р. и с. д. Скобелев говорил журналистам: «должен сознаться, что когда я в начале революции вышел на крыльцо Таврического дворца, чтобы встретить кучку солдат, пришедших первыми в Государственную Думу, и обратился к ним с речью, я был почти убежден, что я говорю одну из своих последних речей, что пройдет несколько дней и я буду расстрелян или повешен». А несколько офицеров — участников событий уверяли меня, что растерянность и всеобщее непонимание положения в столице были так велики, что один твердый батальон во главе с начальником, понимающим, чего он хочет, мог повернуть вверх дном всю обстановку.

Как бы то ни было, 2 марта Временный комитет членов Государственной Думы объявил о создании Временного правительства *, которое, после длительных переговоров с параллельным органом «демократической власти» — Советом рабочих депутатов, издало декларацию: «1) Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям, аграрным преступлениям и т. д. 2) Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек, с распространением политических свобод на военнослужащих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями. 3) Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений. 4) Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего равного, прямого и тайного голосования Учредительного Собрания, которое установит форму правления и конституцию страны. 5) Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления. 6) Выборы в органы местного самоуправления на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. 7) Не разоружение и не вывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении. 8) При сохранении воинской дисциплины в строю и при несении военной службы — устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам.

Временное правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления по осуществлению вышеизложенных реформ и мероприятий».

Эта декларация носила слишком явные следы давления «параллельной» власти. Последняя, в свою очередь, издала воззвание, в котором, между прочим, говорилось: «в той мере, в какой зарождающаяся власть будет действовать в направлении осуществления этих обязательств и решительной борьбы со старой властью, демократия должна оказать ей свою поддержку» и далее: «ради успеха революционной борьбы надо проявить терпимость и забвение несущественных проступков против демократии тех офицеров, которые присоединились к той решительной и окончательной борьбе, которую вы ведете со старым режимом».

Как известно, той же демократической властью накануне был издан приказ № 1.

«Я часто мечтал об этой революции, которая должна была облегчить тяготы нашей войны,— говорит Людендорф **.— Вечная химера! Но сегодня мечта вдруг исполнилась непредвиденно. Я почувствовал, что с меня спала очень большая тяжесть. Но я не мог предположить, что она станет могилой для нашего могущества». Важнейший деятель Германии — страны, так много поработавшей для отравления души русского народа, пришел к позднему сознанию, что «наше моральное падение началось с началом русской революции»...

Глава V. Революция и царская семья

Государь — одинокий, без семьи, без близких, не имея возле себя ни одного человека, которому мог или хотел довериться, переживал свою тяжелую драму в старом губернаторском доме в Могилеве.

Вначале Протопопов и правительство представляли положение серьезным, но не угрожающим: народные волнения, которые надо подавить «решительными мерами». Несколько сот пулеметов были предоставлены в распоряжение командовавшего войсками петроградского округа генерала Хабалова; ему и председателю совета министров, князю Голицину, расширены значительно права в области подавления беспорядков; наконец, утром 27 с небольшим отрядом двинут генерал Иванов, с секретными полномочиями — полноты военной и гражданской власти, о которой он должен был объявить по занятии Царского Села. Трудно себе представить более неподходящее лицо для выполнения поручения столь огромной важности — по существу — военной диктатуры. Дряхлый старик, честный солдат, плохо разбиравшийся в политической обстановке, не обладавший уже ни силами, ни энергией, ни волей, ни суровостью... Вероятно, вспомнили удачное усмирение им Кронштадта в 1906 году. Просматривая впоследствии последние донесения Хабалова и Беляева ***, я убедился в полной их растерянности, малодушии и боязни ответственности.

Тучи сгущались. 26 февраля императрица телеграфировала государю: «Я очень встревожена положением в городе»... В этот же день Родзян-

---

* Князь Львов, Милюков, Гучков, Коновалов, Мануилов, Терещенко, Львов, Шингарев, Годнев, Керенский.

** «Mes souvenirs de Guerre».

*** Военный министр.

ко прислал историческую телеграмму: «Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога: чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца». Эта телеграмма послана была Родзянко и всем главнокомандующим, с просьбой поддержать его.

27-го утром председатель Думы обратился к государю с новой телеграммой: «Положение ухудшается, надо принять немедленно меры, ибо завтра будет уже поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и династии».

Трудно думать, что и в этот день государь не отдавал себе ясного отчета в катастрофическом положении; вернее, он — слабовольный и нерешительный человек — искал малейшего предлога, чтобы отдалить час решения, фаталистически предоставляя судьбе творить неведомую волю...

Во всяком случае, новое внушительное представление генерала Алексеева, поддержанное ответными телеграммами главнокомандующих на призыв Родзянко, не имело успеха, и государь, обеспокоенный участью своей семьи, утром 28 февраля поехал в Царское Село, не приняв никакого определенного решения по вопросу об уступках русскому народу.

Генерал Алексеев — этот мудрый и честный патриот — не обладал достаточной твердостью, властностью и влиянием, чтобы заставить государя решиться на тот шаг, необходимость которого сознавалась тогда даже императрицей, телеграфировавшей 27-го: «уступки необходимы».

Два дня бесцельной поездки. Два дня без надлежащей связи, осведомленности о нараставших и изменявшихся ежеминутно событиях... Императорский поезд, следуя кружным путем, распоряжением из Петрограда дальше Вишеры пропущен не был и, после получения ряда сведений о признании гарнизоном Петрограда власти Временного комитета Государственной Думы, о присоединении к революции царскосельских войск,— государь велел повернуть на Псков.

Вечером 1 марта в Пскове. Разговор с генералом Рузским; государь ознакомился с положением, но решения не принял. Только в 2 часа ночи 2-го, вызвав Рузского вновь, он вручил ему указ об ответственном министерстве. «Я знал, что этот компромисс запоздал,— рассказывал Рузский корреспонденту,— но я не имел права высказать свое мнение, не получив указаний от исполнительного комитета Государственной Думы, и предложил переговорить с Родзянко» *.

Всю ночь телеграфные провода передавали разговоры, полные жуткого глубокого интереса и решавшие судьбы страны: Рузский с Родзянко и Алексеевым, Ставка с главнокомандующими, Лукомский ** — с Даниловым ***.

Во всех — ясно сознаваемая неизбежность отречения.

Утром 2-го Рузский представил государю мнения Родзянко и военных вождей. Император выслушал совершенно спокойно, не меняя выражения своего как будто застывшего лица; в 3 часа дня он заявил Рузскому, что акт отречения в пользу своего сына им уже подписан **** и передал телеграмму об отречении.

Если верить в закономерность общего исторического процесса, то все же приходится задуматься над фаталистическим влиянием случайных эпизодов — обыденно-житейских, простых и предотвратимых. Тридцать минут, протекшие вслед за сим, изменили в корне ход событий: не успели разослать телеграмму, как пришло сообщение, что в Псков едут делегаты Комитета Государственной Думы, Гучков и Шульгин... Этого обстоятельства, доложенного Рузским государю, было достаточно, чтобы он вновь отложил решение и задержал опубликование акта.

* Chessin. La revolution russe.
** Генерал-квартирмейстер штаба Верховного Главнокомандующего.
*** Начальник штаба Северного фронта (Рузского).
**** Акт был составлен в Ставке и прислан государю.

Вечером прибыли делегаты. Среди глубокого молчания присутствующих * Гучков нарисовал картину той бездны, к которой подошла страна, и указал на единственный выход — отречение.

«Я вчера и сегодня целый день обдумывал и принял решение отречься от престола,— ответил государь.— До 3 часов дня я готов был пойти на отречение в пользу моего сына, но затем я понял, что расстаться со своим сыном я неспособен. Вы это, надеюсь, поймете? Поэтому я решил отречься в пользу моего брата».

Делегаты, застигнутые врасплох такой неожиданной постановкой вопроса, не протестовали. Гучков — по мотивам сердца — «не чувствуя себя в силах вмешиваться в отцовские чувства и считая невозможным в этой области какое-нибудь давление» **. Шульгин — по мотивам политическим: «быть может, в душе маленького царя будут расти недобрые чувства по отношению к людям, разлучившим его с отцом и матерью; кроме того, большой вопрос, может ли регент принести присягу на верность конституции за малолетнего императора!»...

«Чувства» маленького царя — это был вопрос отдаленного будущего. Что касается юридических обоснований, то само существо революции отрицает юридическую законность ее последствий; слишком шатко было юридическое обоснование всех трех актов: вынужденного отречения императора Николая II, отказа его от наследственных прав за несовершеннолетнего сына, и, наконец, впоследствии — передача верховной власти Михаилом Александровичем — лицом, не восприявшим ее,— Временному правительству, путем подписания акта, в котором великий князь «просил» всех российских граждан подчиниться этому правительству. Неудивительно, что «в общем сознании современников этого первого момента,— как говорил Милюков,— новая власть, созданная революцией, вела свое преемство не от актов 2 и 3 марта, а от событий 27 февраля»...

Я могу прибавить, что и впоследствии в сознании многих лиц высшего командного состава, ставивших на первый план спасение родины, в этом вопросе соображения юридического, партийно-политического и династического характера не играли никакой роли. Это обстоятельство имеет большое значение для уяснения многих последующих явлений.

Около 12 час. ночи на 3 марта, после некоторых поправок, государь вручил делегатам и Рузскому два экземпляра манифеста об отречении. «В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее нашего дорогого отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца.

Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками может окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России сочли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной Думой признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расставаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие

* Фредерикс, Нарышкин, Рузский, Гучков, Шульгин.
** Рассказ В. В. Шульгина.

наше брату нашему, великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол государства Российского.

Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушаемом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои ими будут установлены, принеся в том ненарушимую присягу во имя горячо любимой родины.

Призываю всех верных сынов отечества к исполнению своего святого долга перед ним — повиновение Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему вместе с представителями народа вывести государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России. Николай II».

Поздно ночью поезд уносил отрекшегося императора в Могилев. Мертвая тишина, опущенные шторы и тяжкие, тяжкие думы. Никто никогда не узнает, какие чувства боролись в душе Николая II — отца, монарха и просто человека, когда в Могилеве, при свидании с Алексеевым, он, глядя на него усталыми, ласковыми глазами, как-то нерешительно сказал: «Я передумал. Прошу вас послать эту телеграмму в Петроград». На листке бумаги отчетливым почерком государь писал собственноручно о своем согласии на вступление на престол сына своего Алексея...

Алексеев унес телеграмму и... не послал. Было слишком поздно: стране и армии объявили уже два манифеста. Телеграмму эту Алексеев, «чтобы не смущать умы», никому не показывал, держал в своем бумажнике и передал мне в конце мая, оставляя верховное командование. Этот интересный для будущих биографов Николая II документ хранился затем в секретном пакете в генерал-квартирмейстерской части Ставки.

* * *

Между тем, около полудня 3 марта у великого князя Михаила Александровича, который с 27 февраля не имел связи со Ставкой и государем, собрались члены правительства и Временного комитета *. В сущности вопрос был предрешен и тем настроением, которое царило в Совете рабочих депутатов по получении известия о манифесте, и вынесенной исполнительным комитетом Совета резолюцией протеста, доведенной до сведения правительства, и непримиримой позицией Керенского, и общим соотношением сил: кроме Милюкова и Гучкова — все прочие лица, «отнюдь не имея никакого намерения оказывать на великого князя какое-либо давление», в страстных тонах советовали ему отречься. Милюков предостерегал, что «сильная власть... нуждается в опоре привычного для масс символа», что «Временное правительство — одно — может потонуть в океане народных волнений и до Учредительного собрания не доживет» **...

Переговорив еще раз с представителем Государственной Думы Родзянко, великий князь заявил о своем окончательном решении отречься. В тот же день обнародовано «заявление» великого князя Михаила Александровича: «Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне императорский всероссийский престол в годину беспримерной войны и волнений народа. Одушевленный со всем народом мыслью, что выше всего благо родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского.

Призывая благословение Божие, прошу всех граждан державы российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа. Михаил».

После отречения великий князь поселился возле Гатчины, не принимал решительно никакого участия в политической жизни страны и жил там до середины марта 1918 г., когда по инициативе местного большевистского комитета был арестован, препровожден в Петроград и затем вскоре сослан в Пермскую губернию.

Первоначально ходили слухи, что около половины июля 1918 года ему, вместе с преданным секретарем-англичанином, удалось бежать от большевиков; с тех пор об участи его никто ничего определенного не знает. Все розыски, произведенные органами Южного и Сибирского правительств и по инициативе вдовствующей императрицы, не привели к достоверным результатам. Точно так же со стороны большевиков не было дано никаких официальных разъяснений. Позднейшие исследования, однако, заставляют думать, что «освобождение» явилось провокацией, великий князь увезен был тайно большевиками, убит недалеко от Перми, и тело его спущено под лед.

Эта таинственность исчезновения великого князя родила много легенд и вызвала даже появление в Сибири самозванцев. Летом 1918 года, ко времени первых успехов Сибирской армии, распространился широко по советской России и Югу слух о том, что сибирские войска ведет против большевиков великий князь Михаил Александрович. Газеты печатали его манифест. Периодически эти слухи и печатание апокрифических манифестов в провинциальной печати, преимущественно крайней правой, возобновлялись даже в 20-м году (в Крыму).

Нужно заметить, впрочем, что когда летом 1918 года киевские монархисты вели сильную кампанию за придание антибольшевистскому военному движению монархического характера, они отказались от легитимного принципа, как по некоторым соображениям персонального свойства кандидатов, так — в отношении Михаила Александровича — и потому, что он «связал себя» торжественным обещанием перед Учредительным Собранием.

Учитывая всю создавшуюся к марту 1917 года обстановку, я прихожу к убеждению, что борьба за оставление власти в руках императора Николая II вызвала бы анархию, падение фронта и окончилась бы неблагополучно и для него, и для страны; поддержка регентства Михаила Александровича была бы проведена с некоторой борьбой, но без потрясений и с безусловным успехом. Несколько труднее, и все же возможным представлялось утверждение на престоле Михаила Александровича, при условии введения им широкой конституции.

И члены Временного правительства и Временного комитета, за исключением Милюкова и Гучкова, терроризованные Советом рабочих депутатов и переоценивая силу и значение возбужденной солдатской и рабочей массы Петрограда, взяли на себя большую историческую ответственность — убедить великого князя отказаться от немедленного восприятия верховной власти.

Дело не в монархизме и не в династии. Это — вопросы совершенно второстепенные. Я говорю только о России. Трудно, конечно, сказать, насколько прочна и длительна была бы эта власть, какие метаморфозы испытала бы она впоследствии, но, если бы только на время войны она сберегла от распада армию, весь ход дальнейшей истории русской державы мог бы стать на путь эволюции и избавиться от тех небывалых потрясений, которые ныне ставят вопрос о дальнейшем ее существовании.

* Князь Львов, Милюков, Керенский, Некрасов, Терещенко, Годнев, Львов, Гучков, Родзянко, Шульгин, Ефремов, Караулов.

** Милюков. «История второй русской революции».

* * *

7 марта Временное правительство постановило «признать отрекшегося императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село». Выполнение этого постановления в отношении императрицы возложено было на генерала Корнилова, что впоследствии не могли ему простить ортодоксальные монархисты. Как странно: Александра Федоровна после объявления ей об аресте, высказала удовлетворение, что это было сделано славным генералом Корниловым, а не кем-либо из членов нового правительства...

В отношении государя исполнение правительственного распоряжения возложено было на четырех членов Государственной Думы. 8 марта, простившись со Ставкой, государь уехал из Могилева при гробовом молчании собравшегося на вокзале народа; в последний раз его провожали полные горючих слез глаза матери.

Чтобы понять казавшееся странным отношение правительства к государевой семье во время пребывания ее и в Царском Селе, и в Тобольске, нужно напомнить следующее обстоятельство: невзирая на то, что за все 7 с половиной месяцев власти Временного правительства не было ни одной серьезной попытки к освобождению арестованных, они пользовались исключительным вниманием Совета рабочих и солдатских депутатов; и в заседании Совета 10 марта товарищ председателя Соколов при полном одобрении собрания докладывал: «вчера стало известным, что Временное правительство изъявило согласие на отъезд Николая II в Англию и даже вступило об этом в переговоры с британскими властями без согласия и без ведома исполнительного комитета совета рабочих депутатов. Мы мобилизовали все находящиеся под нашим влиянием воинские части и поставили дело так, чтобы Николай II фактически не мог уехать из Царского Села без нашего согласия. По линиям железных дорог были разосланы соответствующие телеграммы... задержать поезд с Николаем II, буде таковой уедет... Мы командировали своих комиссаров,.. отрядив соответствующее количество воинской силы с броневыми автомобилями, и окружили Александровский дворец плотным кольцом. Затем мы вступили в переговоры с Временным правительством, которое санкционировало все наши мероприятия. В настоящее время бывший царь находится не только под надзором Временного правительства, но и нашим надзором»...

1 августа 1917 года царская семья была отправлена в Тобольск, а после утверждения в Сибири советской власти император с семьей был перевезен в Екатеринбург, и там, подвергаясь невероятному глумлению черни, мучениями и смертью своею и своей семьи* — заплатил за все вольные и невольные прегрешения против русского народа.

Когда во время второго Кубанского похода, на станции Тихорецкой, получив известие о смерти императора, я приказал Добровольческой армии отслужить панихиды, этот факт вызвал жестокое осуждение в демократических кругах и печати... Забыли мудрое слово: «мне отмщение и аз воздам»...

* Убийство произошло в ночь с 16 на 17 июля 1918 года.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В. А. Сухомлинов (1848–1926) – генерал от кавалерии, в 1909–1915 гг.– военный министр.

[2] Н. Н. Духовин (1874–1917) в 1917 г. генерал-лейтенант; с 3(16) по 9(22) ноября – главковерх. После занятия Ставки (Могилев) революционными войсками убит солдатами.

[3] А. М. Гучков (1862–1936) – лидер октябристов, с 1910 г. председатель III Государственной думы; а 1915–1917 гг. председатель Центрального военно-промышленного комитета; военный и морской министр Временного правительства, один из организаторов корниловщины.

[4] Николай Николаевич (1856–1929) – великий князь, генерал от кавалерии, Верховный главнокомандующий (1914–1915) и главнокомандующий войсками Кавказского фронта (1915–1917); М. В. Алексеев (1857–1918) – генерал от инфантерии. В мировую войну – начальник штаба Юго-Западного фронта, командующий Северо-Западным фронтом, с 1915 г. начальник штаба Ставки, в марте – мае 1917 г.– верховный главнокомандующий. С 31 августа возглавлял Добровольческую армию.

[5] Гораций Герберт Китченер (1850–1916) – граф, английский фельдмаршал, в 1914–1916 гг.– военный мивистр.

[6] Так в России называли первую мировую империалистическую войну 1914–1918 годов.

[7] А. А. Брусилов (1853–1926) – генерал от кавалерии. В мировую войну командующий 8-й армией в Галицийской битве, с 1916 г.– главком Юго-Западного фронта, в мае – июле 1917 г. – верховный главнокомандующий. С 1920 г.– в Красной Армии.

[8] И. Л. Горемыкин (1839–1917) – председатель Совета Министров в 1914–1916 гг.; Б. В. Штюрмер (1848–1917) – в 1916 г. (одновременно министр внутренних и иностранных дел); А. Ф. Трепов (1862–1928) – в том же году.

[9] В 1916 г. Сухомлинов был арестован за неподготовленность русской армии к войне и в 1917 г. приговорен к пожизненному заключению. В 1918 г. освобожден по старости, эмигрировал.

[10] Жозеф Жак Жоффр (1852–1931) – маршал Франции, главнокомандующий французской армией в 1914–1916 годах.

[11] Опубликованная в книге диаграмма распределения сил противника на всех фронтах к середине января 1917 г. содержит следующие данные: Русско-румынский и Кавказский фронты – 157 пех. дивиз., 30 кавал. дивиз.; Французский фронт – 131 пех. дивиз., $\frac{1}{2}$ кавал. дивиз.; Итальянский фронт – $30\frac{1}{2}$ пех. диаиз.; Салоникский фронт – 18 пех. дивиз.; Азиатские фронты – $13\frac{1}{2}$ пех. дивиз., $\frac{1}{2}$ кавал. дивиз. Всего – 350 пех. дивиз., 31 кавал. диаиз.

[12] П. Н. Милюков (1859–1943) – один из организаторов партии кадетов, член ее ЦК, министр иностранных дел Временного правительства, известный русский историк; В. В. Шульгин (1878–1976) – один из лидеров правого крыла во II и IV Государственной думе, член Временного комитета Государственной думы.

[13] А. А. Поливаноа (1855–1920) – генерал от инфантерии, в 1915–1916 гг.– военный мизистр.

[14] А. С. Лукомский (1868–1939) – генерал-лейтенант, помощяик командующего Добровольческой армией (1918–1919), председатель правительства при Деникпне.

[15] В. М. Пуришкевич (1870–1920) – один из лидеров крайне правых во II и IV Государственной думе.

[16] М. В. Родзянко (1859–1924) – один из лидеров октябристов в 1911–1917 гг., председатель III и IV Государственной думы, а с 1917 г.– и созданного ею Временного комитета.

[17] Альбер Тома (1872–1932) – французский политический деятель, историк.

[18] Н. С. Чхеидзе (1864–1926) – один из лидеров меньшевизма, депутат III и IV Государственной думы. В 1918 г.– председатель Петросовета, ВЦИК.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

КРАСНЫЙ СТЯГ НАД ОСМУССААРОМ

Г. Г. Кудрявцев

Эстонский остров Осмуссаар (прежнее название — Оденсхольм, сами эстонцы называют его чаще Осмуссаари) расположен в 5 милях от западного побережья Эстонии и в 30 милях от п-ва Ханко (Гангут, Финляндия). Командование ВМФ высоко оценило оперативное значение Осмуссаара, несмотря на его небольшие размеры (длина — 5 км, ширина — 1,5 км), и еще в 1940 г. приняло решение укрепить остров дальнобойными береговыми батареями и прикрыть с воздуха зенитной артиллерией. К началу Великой Отечественной войны здесь размещался немногочисленный гарнизон, в состав которого входили 180-мм башенная и 130-мм береговая батареи, да одна зенитная 76-мм батарея. Этот гарнизон моряков Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) в трудных условиях боевой обстановки 1941 г., находясь в глубоком тылу врага, в течение 164 дней (до его эвакуации в начале декабря в Ленинград) мужественно и стойко сражался с немецко-фашистскими захватчиками, отразив все их попытки овладеть островом и провести свои корабли в Финский залив. В ноябре, после двухмесячного обстрела острова и ударов авиации, враг предъявил гарнизону ультиматум о сдаче, но осмуссааровцы отклонили его, подняли над островом красный флаг и продолжали сражаться. Защитники Осмуссаара до конца выполнили свой воинский долг и только по приказу командования оставили его и совместно с героическим гарнизоном п-ва Ханко ушли защищать Ленинград. Мне как бывшему начальнику штаба гарнизона Осмуссаара и непосредственному участнику тех событий хотелось бы, остновываясь на архивных материалах, рассказать, как это произошло.

В начале 1940 г. комиссия под председательством видного артиллериста Балтики контр-адмирала И. И. Грена выбрала на Осмуссааре огневые позиции для стационарных береговых батарей, а уже в июне—июле на остров прибыли Особое строительство № 03 во главе с военным инженером 2-го ранга П. И. Сошневым (главный инженер — военный инженер 3-го ранга Б. М. Слезингер), 46-й Отдельный строительный батальон (ОСБ) капитана Н. П. Токарева (военком — старший политрук Е. В. Васильев, главный инженер — Н. И. Патрикеев) и основная группа личного состава 314-й батареи 180-мм калибра во главе с И. Т. Клещенко. Он же был назначен комендантом Осмуссаара, а военкомом батареи — старший политрук В. П. Усков. Все они должны были в короткие сроки построить береговые батареи и другие оборонительные объекты на острове.

Строительные материалы, технику, палатки, продовольствие и другое имущество (вместе с 46-м ОСБ) на Осмуссаар доставил в начале июля из Ораниенбаума транспорт «Днестр». Условия строительства, особенно в зимний период, были крайне тяжелыми. Однако строители и личный состав гарнизона с задачей справились успешно. Большую помощь строителям оказало население близлежащих поселков и деревень. Около 80 рабочих-эстонцев работали на бетонном заводе и на заготовке щебня из гранитных валунов. Эстонки трудились в военном пищеблоке и прачечных.

КУДРЯВЦЕВ Гавриил Григорьевич – генерал-лейтенант в отставке.

Строительные работы велись с большим напряжением и высокими темпами. Их ход проверялся начальником строительного управления ВМФ Г. П. Комаровым, заместителем наркома ВМФ Г. И. Левченко и командующим КБФ В. Ф. Трибуцем. Немецкие самолеты часто облетали остров, нарушая воздушное пространство СССР. Для прикрытия острова с воздуха в ноябре 1940 г. сюда прибыла 509-я зенитная батарея старшего лейтенанта П. Л. Сырмы (политрук — П. И. Антонов). В ее составе было четыре 76-мм орудия и две счетверенные пулеметные установки калибра 7,62 мм. В апреле 1941 г. были построены бетонные сооружения (некоторые из них трехэтажные, с заглублением на 12 м) для двух стационарных береговых батарей. Подготовлены к монтажу блок командного пункта с дальномерной вышкой, две башни (по два орудия в каждой) для 180-мм батарей, три орудия и центральный пост управления для 130-мм батареи. К этому времени на остров прибыли 60 рабочих-монтажников с ленинградских и других заводов, в их числе мастера высокого класса И. К. Февралев, А. С. Захаров, Н. Ф. Кукайло и др. Монтажников возглавляли инженер Ленинградского механического завода П. П. Белозеров и представитель Артиллерийского управления КБФ старший лейтенант Н. М. Васерин.

И все же война застала Осмуссаар не полностью готовым к боевым действиям. Лишь одна зенитная батарея оказалась в строю. Башенная 180-мм батарея находилась в стадии окончания строительства. У 130-мм батареи материальная часть орудий, боезапас и личный состав отсутствовали. Если матчасть для батареи № 90 на остров была доставлена только в конце июня, то личный состав во главе с командиром батареи капитаном А. Н. Пановым (политрук — Ф. И. Миронычев) прибыл во второй половине июля.

Вольнонаемный состав строителей не имел стрелкового оружия [1]. 18 июля на Осмуссаар прибыло командование 205-го артдивизиона: командир — капитан М. Р. Цепенюк, военком — полковой комиссар В. Г. Голубев, начальник штаба — капитан Г. Г. Кудрявцев, автор этих строк. В день нашего прибытия вражеская авиация сбросила на остров несколько бомб. То было наше первое боевое крещение перед вступлением в должность. Командование с первого же дня занялось окончанием строительства и монтажа батарей, организацией противодесантной обороны. Были сформированы штаб и управление дивизиона с его службами, осуществлялись заготовка продовольствия и получение вооружения. Капитан Цепенюк как комендант острова и штаб дивизиона непосредственно отвечали за обеспечение всем необходимым частей и подразделений, находившихся на Осмуссааре.

Между тем военная обстановка на территории Эстонии осложнилась. 7 августа передовые части врага вышли к южному берегу Финского залива. Осмуссаар, острова Моонзундского архипелага (Сурвяйн) и Таллин оказались в тылу врага. Вражеские моторизованные части рвались к городу — главной базе КБФ, которая оказалась блокированной с материка. С 15 августа начались бои за Таллин. Активизировали деятельность корабли противника. Они пытались прорваться в Финский залив и поддержать свои войска с моря, но каждый раз встречали мощный огонь батарей Ханко и Осмуссаара. Утром 20 августа враг после мощной артиллерийской подготовки и налетов авиации перешел в наступле-

[1] Об организации островной артиллерии см.: Центральный военно-морской архив в Гатчине (ЦВМА), ф. 7, оп. 1, д. 2613, лл. 44, 72.

ние с целью захвата Таллина. Тяжелые бои на подступах к нему продолжались 21 и 22 августа. Батареи Осмуссаара не давали действовать противнику на побережье и использовать для наступления приморские дороги, ведущие к городу.

В те тяжелые для Таллина дни командующий КБФ, исходя из сложившейся оперативной обстановки, для обеспечения надежного управления и огневого взаимодействия с сухопутными частями Красной Армии приказом № 11/034 от 21 августа 1941 г. подчинил гарнизон острова Осмуссаар коменданту береговой обороны Главной базы (БОГБ) флота полковнику И. А. Кустову. 23 августа в адрес коменданта Осмуссаара прибыла телеграмма начальника штаба флота, в которой подтверждалось, что мы полностью подчиняемся коменданту береговой обороны Главной базы флота и что 46-й ОСБ в полном составе со штатным вооружением должен быть срочно отправлен в Палдиски для обороны Таллина. В телеграмме указывалось также, что за батальоном вышел транспорт «Вохур» (ВТ-510)[2].

Телеграмма начальника штаба флота об отправке в Палдиски 46-го ОСБ была полной неожиданностью: еще не закончились некоторые работы на башнях и строительство огневых точек в системе противодесантной круговой обороны острова, не был закончен и монтаж дизелей на первой башне. Однако приказ есть приказ. Последними остров покинули командир батальона Токарев и военком Васильев. Утром 25 августа 46-й ОСБ был с ходу введен в бой на подступах к Таллину. Боевое крещение его личный состав получил в районе ст. Вазалемма и г. Кейла (Кегель). Появление этого батальона было неожиданностью для немецкого командования, которое приостановило на некоторое время свое наступление. Имея только стрелковое оружие, воины батальона бесстрашно вступали в бой с фашистами, поддерживаемыми танками и артиллерией. Все роты, включая резерв, вместе с подразделениями отряда полковника Е. И. Сатурина вели ближний бой с противником. В отдельных случаях дело доходило до штыковых схваток, чтобы можно было оторваться от врага. К тому же 46-й ОСБ 27 августа получил приказ прикрыть отход наших войск и населения в порт Палдиски и их посадку на корабли. Утром 28 августа под обстрелом артиллерии и минометов 46-й батальон произвел погрузку на «Вохур» и в тот же день в сопровождении «Лайне» прибыл с 46-м ОСБ на Ханко, где был довооружен и переформирован в 46-й стрелковый батальон. Согласно приказу командира Военно-морской базы (ВМБ) Ханко от 31 августа 1941 г. № 0120, командиром батальона был назначен капитан Олейник, бывший на Ханко командиром 51-го строительного батальона; начальником штаба — капитан Мендрул. Вначале этот батальон находился в резерве командира ВМБ Ханко генерала С. И. Кабанова, а затем влился в 270-й стрелковый полк 8-й Отдельной стрелковой бригады и до конца разделил судьбу защитников Ханко, а затем Ленинграда[3].

После ухода 46-го ОСБ с Осмуссаара обстановка на острове значительно осложнилась. Гарнизон уменьшился более чем наполовину. Вместе с вольнонаемными рабочими и женщинами на острове оставалось 965 человек, из них 675 краснофлотцев, 130 красноармейцев, 160 вольнонаемных; боезапаса: 180-мм выстрелов — 718, 130-мм — 860, 76-мм зенитных снарядов — 2036, винтовочных патронов — 167 тыс., гранат — 1750. Эти данные взяты из донесения коменданта Северного укрепления сектора (СУС) в адрес коменданта береговой обороны Балтийского района (БОБР) от 1 сентября 1941 года. Продовольствия по полной норме оставалось на два месяца, бензина — 18 тонн; из них 4 сентября 8 т бензина и немного продовольствия Осмуссаар передал гарнизону Ханко[4]. Командование Осмуссаара резко сократило нормы расхода продовольствия. А недостаток артбоезапаса заставлял нас экономить его до последнего дня обороны.

[2] Там же, ф. 9, оп. 1, д. 708, л. 41; ф. 7, оп. 1, д. 2649, л. 32.

[3] Там же, ф. 100, оп. 1, д. 34187, л. 78; д. 697, л. 11; ф. 1144, оп. 06508, д. 40, л. 62; ф. 9, оп. 1, д. 10292, л. 1.

Штабу и командованию гарнизона пришлось заново пересмотреть организацию круговой противодесантной обороны. Когда 28 августа наши войска и флот оставили Таллин и Палдиски, Осмуссаар об этом еще не знал. Телефонная связь со штабом БОГБ флота вышла из строя 26 августа, радиосвязь нарушилась 27 августа. Нас это очень беспокоило. В ночь с 28 на 29 августа до нас доносились глухие взрывы со стороны Таллина и видны были пожары. Нам казалось, что бои под Таллином еще продолжаются. Утром 29 августа для уточнения обстановки мы выслали в Палдиски катер КМ во главе с начальником связи дивизиона лейтенантом А. И. Кобыльницким. При подходе к Палдиски с катера увидели на пирсе немцев. Катер повернул обратно, но враг сразу открыл с берега огонь. Были ранены начальник связи и старшина катера. Командование острова приняло решение об эвакуации личного состава узла связи, пограничников и взвода охраны наших баз, расположенных на материке в районе Пысаспеа и Дирхамн. В тот же вечер я снял их личный состав и доставил на остров. Узел связи был закрыт; кабель, соединявший остров с материком в районе мыса Шпитхамн, перерезан.

В ночь на 31 августа и вечером 31 августа с берега в направлении Осмуссаара из разных точек береговой черты передавались световые сигналы. Наши сигнальщики не смогли их понять. Мы пришли к выводу, что враг вышел на западное побережье, надо ожидать его активных действий против Осмуссаара. Командование решило высадить разведывательно-диверсионный десант в составе 50 человек в районе рыбацкого поселка Пысаспеа. Возглавить его было приказано мне. 1 сентября стало для нас радостным днем: мы проверили стрельбой всю башенную батарею с центральной наводкой на четыре месяца раньше, чем предусматривалось планом. В тот день к нам прибыли представители СУС БОБР с о-ва Хийумаа, которые привезли приказ о подчинении Осмуссаара коменданту СУС БОБР на основании телеграммы командующего КБФ от 30 августа. Представители СУС ознакомились с батареями, гарнизоном, планом разведывательно-диверсионного десанта и дали согласие на его проведение. Вечером 3 сентября противник попытался с 20 десантных катеров при поддержке четырех артиллерийских батарей высадить морской десант на Осмуссаар. Почти каждый катер имел на буксире по баркасу с десантом. Дальномерщики башенной батареи матросы Н. Голайдо и Н. Михайлов своевременно доложили об этом. Раздался сигнал: «Боевая тревога! К отражению десанта изготовиться!». Батареи почти одновременно открыли огонь по врагу, который в первые же минуты потерял несколько катеров, был вынужден прикрыться дымовой завесой и повернуть обратно. В некоторых документах и книгах отмечается, что десант высаживался на Осмуссааре 6 сентября (дата прибытия донесения в главный штаб ВМФ); но в действительности попытка была предпринята 3 сентября. Вот что говорится об отражении десанта в боевом донесении начальника штаба БОБР от 4 сентября на имя начальника штаба КБФ: «В 18.55 3 сентября 1941 года 40 моторных катеров противника из района Шпитхамн пытались высадить десант на остров Осмуссаар. Артиллерией острова противник отброшен, утоплено 2 катера, выбросились на берег — 2. Остальные отошли»[5].

После разгрома десанта наши батареи нанесли мощный удар по фашистским батареям и заставили их замолчать: контрбатарейная борьба продолжалась затем три месяца, до последнего дня эвакуации остро-

[4] Там же, ф. 7, оп. 1, д. 2650, лл. 15, 36.

[5] Там же, д. 2620, л. 28; ф. 9, оп. 1, д. 706, л. 33; д. 2619, л. 100.

ва. Опыт отражения десанта на Осмуссаар был использован командованием БОБР при отражении десантов противника на Моонзундский архипелаг. Уместно привести телеграмму начальника штаба БОБР в адрес коменданта СУС от 5 сентября: «Усильте наблюдение и готовность частей к отражению десанта. По-видимому, противник готовится серьезней, чем при попытке на Осмуссаар. Особенно обратите внимание на остров Вормси, пристани Кердла и Хелтермаа». 8 сентября, в день высадки вражеского десанта на Вормси, Военный совет КБФ принял решение о выводе Осмуссаара из подчинения коменданту Хийумаа и подчинил его командиру военно-морской базы Ханко, который отвечал за минно-артиллерийскую позицию у входа в Финский залив. Это решение оказалось целесообразным. В телеграмме командиру ВМБ Ханко от 8 сентября о подчинении ему гарнизона Осмуссаара командующий КБФ указывал: «Весь гарнизон Оденсхольма подчиняю вам всех отношениях. Предоставляю самому решать вопрос по обстановке снятию людей и матчасти. Трибуц. № 22.20. 8 сентября 1941 г.» [6].

После неудачной попытки 3 сентября высадить десант на Осмуссаар враг начал систематический обстрел острова артиллерией и бомбардировку. Но командование флотом, видимо, не исключало возможности повторной высадки крупного десанта на Осмуссаар, тем более что авиаразведка с Ханко сообщала о передвижениях войск противника из-под Таллина и сосредоточении их в районе Хаапсалу (Гапсаль) — Ригульди (Рохукюла). Мы на острове, естественно, не знали об этих телеграммах, тем более не считали себя обреченными. Осмуссаар продолжал сражаться, вел контрбатарейную борьбу, по вызову коменданта Хийумаа огнем поддерживал действия наших войск на Вормси, не подпускал корабли противника к этому острову и порту Хаапсалу с севера. Командир ВМБ Ханко Кабанов, только что принявший в свое подчинение Осмуссаар, тоже был обеспокоен сложившейся обстановкой на побережье в районе Шпитхамн—Ригульди—Хаапсалу. Он не исключал возможности высадки оттуда морского десанта на Осмуссаар и Вормси. Чтобы выяснить обстановку, Цепенюку было приказано провести разведывательную десантную операцию в ночь на 10 сентября. Для участия в ней он прислал «Лайне» с начальником разведки базы А. Довмаляном и оператором штаба Р. А. Карпиловым. В состав десанта входило до 60 человек, многие из них участвовали в разведывательно-диверсионной операции в ночь на 2 сентября и имели уже опыт боевых действий на берегу. Местом высадки был выбран район Дирхамн—Ригульди, командиром назначен капитан В. Гуляев.

Десантники с двух катеров и шлюпок высадились на берег, но были обнаружены вражескими дозорами, которые удалось уничтожить. При продвижении и в глубь и вдоль побережья отряд натолкнулся на огневые точки и небольшие группы немцев и вступил с ними в бой. С мыса Дирхамн и мыса возле Роослепы действовали крупнокалиберные пулеметы; их подавила артиллерия «Лайне». На Осмуссаар произвели огневой налет три батареи противника, которые затем были подавлены нашими батареями. Судно «Лайне» врагом не обстреливалось: оно находилось в мертвом пространстве за высоким лесом. Карпилов, руководивший боем десанта с корабля, получив донесение командира десанта о подходе вражеских подкреплений и невозможности пробиться в глубь территории, дал сигнал о возвращении отряда на корабль.

14 сентября командир ВМБ Ханко прислал на Осмуссаар новое командование, что оказалось неожиданностью для нас. Вместо Цепенюка прибыл капитан Е. К. Вержбицкий, на место военкома Голубева был назначен батальонный комиссар Н. Ф. Гусев. Цепенюк и Голубев отзывались в распоряжение командира ВМБ. Мы тепло проводили своих друзей, под руководством которых защитники Осмуссаара досрочно ввели в строй башенную батарею, стреляли по кораблям противника, пытавшимся прорваться в Финский залив и к Таллину, разгромили вражеский десант 3 сентября и дважды высаживали разведывательные группы на побережье, занятое врагом. Осмуссаар успешно содействовал также своим огнем отражению десанта противника на Вормси. За нанесение удара по десантным средствам врага у пирсов Хаапсалу командование Осмуссаара и личный состав 314-й батареи получили благодарность от командира и военкома СУС БОБР. Новое командование уже приобрело боевой опыт на Ханко, что позволило ему быстро войти в курс дела, умело руководить гарнизоном Осмуссаара и продолжить строительство круговой противодесантной обороны. Вместе с нами оно до конца разделило судьбу защитников острова. Командование ВМБ Ханко стало уделять больше внимания Осмуссаару. База оказывала нам помощь специалистами по строительству противодесантной обороны, делилась скудными запасами боеприпасов и оружия. Для доставки на Осмуссаар этих грузов был выделен транспорт «Вохи» (ВТ-556) водоизмещением около 500 т с эстонским экипажем и капитаном А. Кивикари. «Вохи» уже приходил на Осмуссаар 4 сентября вместе с катером ПК-236. Мы тогда поделились с Ханко бензином и продовольствием. А теперь уже «Вохи» доставлял нам с Ханко боеприпасы, оружие и другие грузы.

22 сентября от прямых попаданий снарядов сгорел пароход «Альф» водоизмещением около 300 т, стоявший на якоре в южной гавани Осмуссаара. В тот день мы потеряли шесть человек убитыми, трое были ранены, несколько человек получили ожоги. С почестями похоронили мы боевых товарищей, но вместо ружейного салюта произвели салют батареями острова, нанеся мощный артиллерийский удар по вражеским батареям, их наблюдательным пунктам и возможным местам сосредоточения десанта. После этого несколько дней батареи противника молчали. В конце сентября враг увеличил артгруппировку у Осмуссаара и резко усилил обстрел острова. Нам тоже пришлось усилить контрбатарейную борьбу, хотя запас снарядов с каждым днем уменьшался. Из сентябрьских боев с кораблями противника мне особенно запомнились проведенные 20 и 29 сентября. В первом случае конвой в составе пяти транспортов с охранением пытался ранним утром прорваться в Финский залив в направлении Таллина. По транспортам открыли огонь 180-мм батарея Клещенко и 130-мм батарея Панова. Расстояние до них было около 12 миль. Клещенко добился двух попаданий в головной транспорт, Панов попал в концевой. Корабли конвоя прикрылись дымовой завесой и повернули в Балтийское море. Во втором случае несколько вражеских транспортов пытались пройти севернее Вормси к Хаапсалу, но огонь батареи Клещенко заставил их прикрыться дымовой завесой и отойти на северо-запад. Мы видели два попадания тяжелых снарядов в один из транспортов, и он вскоре затонул [7]. В октябре противник постоянно применял против нас артиллерию и авиацию. Все чаще стали появляться его корабли у Хийумаа, что хорошо было видно с нашего маяка.

После падения Хийумаа 21 октября обстановка для Осмуссаара резко ухудшилась. Теперь остров стал единственной территорией Эстонии, куда не ступала еще нога немецкого солдата. Враг создал специальное соединение для борьбы с островом и подтянул к Осмуссаару до четырех артдивизионов, в том числе калибра 170—280 мм. Ежедневно по острову выпускалось до 2 тыс. снарядов, стала чаще налетать вражеская авиация, по которой наша зенитная батарея вела огонь. На счету батареи уже имелось несколько сбитых самолетов. В начале ноября враг усилил удары по острову, выпуская в сутки до трех тысяч снарядов, в том числе крупного калибра. Из-за отсутствия достаточного количества бое-

[6] Там же, ф. 7, оп. 1, д. 2620, л. 31; ф. 27; оп. 1, д. 2979, л. 11.

[7] Там же, д. 719, лл. 151, 152; д. 34185, л. 92.

припасов мы открывали ответный огонь лишь тогда, когда противник угрожал нашим батареям, главным образом башенной. 4 ноября в полдень обстрел внезапно прекратился. Стало зловеще тихо. Столбы пыли и дыма сносились ветром в южном направлении. На море показалась шлюпка: двое гребли, а рулевой размахивал белым флагом и семафорил: «Не стреляйте! Свои!». Он сообщил, что они военнопленные с Даго и доставили пакет немецкого командования на имя коменданта острова. В конверте лежало письмо немецкого командования в Эстонии с ультиматумом о капитуляции Осмуссаара к 12.00 5 ноября. В знак согласия мы должны были поднять белый флаг на маяке и построить гарнизон без оружия на видном месте. В случае отказа немцы угрожали уничтожить остров вместе с личным составом. Решение нами было принято единодушно: ультиматум отклонить, драться до последнего. Вместо белого поднять над островом красный флаг, соорудив высокий флагшток и прикрепив его к сохранившемуся после обстрелов дереву в районе первой башни. Кроме того наметили в момент истечения ультиматума одновременно с подъемом красного флага всеми батареями нанести десятиминутный артудар по врагу. Памятной страницей стали митинги личного состава в ночь на 5 ноября и подъем красного флага над островом. Бойцы и командиры дали клятву биться до последнего. Теперь обстрел острова велся днем и ночью вплоть до 14 ноября. Праздник Великого Октября мы отметили под разрывы вражеских снарядов. Наступили холода, а у нас не было теплой обуви и одежды, да и паек значительно уменьшился: мы решили растянуть его до навигации следующего года.

14 ноября противник вновь обрушил на остров огонь. Красными вспышками была охвачена вся материковая часть. Такого огня я еще не видел. Вот наступил рассвет. «Катера противника, пеленг 90°»,— донеслось с дальномерной вышки. Десант из 18—20 катеров и барж тремя колоннами полным ходом следовал к северо-восточной части острова. Огонь по десанту все батареи открыли одновременно. Всплески поднялись над водой, закрывая собой катера. Один из снарядов попал в большой катер, тот вздыбился и начал тонуть. Удачно вела огонь зенитная батарея. Катера заметались, прикрываясь дымовой завесой, и начали отходить. Когда дым рассеялся, мы увидели, что несколько катеров догорали, подбитые подходили к бухте Кейбу-Лахт, а большая часть катеров отходила к о. Суур-Пакри. Зенитная батарея вела огонь по самолетам врага, которые наносили удар по башням 314-й батареи, и один самолет сбила. Вскоре прилетели вызванные с Ханко наши самолеты, но десант уже укрылся в бухтах. Стала замолкать и артиллерия противника. Я передал указание командира дивизиона о прекращении огня. Мы обо всем происшедшем донесли на Ханко и получили благодарность от командира и военкома базы. Командование КБФ приняло решение эвакуировать наш гарнизон. Вначале хотели сделать это вместе с гарнизоном Ханко, при этом планировалось послать корабли из Кронштадта прямо на Осмуссаар, без захода на Ханко. С этим предложением выступил командующий КБФ в телеграмме на имя командира базы. Однако командир и военком ВМБ Ханко, соглашаясь снять людей с Осмуссаара специальной группой кораблей, настаивали провести эту операцию после эвакуации Ханко, так как Осмуссаар должен прикрывать эвакуацию Ханко. Эвакуация проводилась небольшими партиями и продолжалась около 10 суток, без нарушения боеготовности наших батарей и скрытно от противника. К началу эвакуации на острове находилось 1008 человек. В ночь на 23 ноября «Лайне» прибуксировала с Ханко на Осмуссаар три катера для рейдовой погрузки личного состава. Обратным рейсом утром 23 ноября «Лайне» доставила на Ханко часть экипажей катеров, коменданта острова и военкома, которые были вызваны командованием для получения дополнительных указаний по эвакуации Осмуссаара. Вечером того же дня «Лайне» возвратила на Осмуссаар командование гарнизона и приняла на борт первый эшелон эвакуируемых в количестве 165 человек, главным образом раненых и больных, а утром 24 ноября благополучно доставила их на Ханко. После этого «Лайне» сделала еще три рейса, последний — в ночь на 1 декабря. Всего за четыре рейса было снято с Осмуссаара и доставлено на Ханко 648 бойцов и командиров [8]. На острове еще оставалось 357 человек, главным образом основные специалисты артиллерийских расчетов, обеспечивавших стрельбу трех батарей. Почти все дни эвакуации батареи вели контрбатарейную борьбу, а в конце ноября их огонь мы нарочно усилили.

1 декабря батареи мощными ударами отвечали на каждый обстрел острова врагом, и его батареи сразу же прекращали огонь. Наши артиллеристы не жалели снарядов, чтобы не оставлять их врагу после нашего ухода. В 18.00 мы получили извещение о выходе на Осмуссаар БТЩ-205 за последним эшелоном гарнизона. Вержбицкий, Гусев и я выехали на батарею Панова, чтобы присутствовать при уничтожении своих 130-мм орудий выстрелами с песком. Вот расчет первого орудия под руководством командира огневого взвода В. П. Москаля зарядил орудие осколочно-фугасным снарядом, а с дульной части в канал ствола насыпал морского песку, добавил в него гвоздей, металлических деталей, воды, утрамбовал пробойником и закрыл канал ствола дульной пробкой. Осталось послать боевой заряд, закрыть замок и выстрелить. Но это сделать тогда не могли: на острове была полнейшая тишина, враг не стрелял и поэтому мог заметить подрыв орудия и раскрыть замысел эвакуации. Что-то мы сразу подорвали. Башенная 180-мм батарея готовилась к подрыву с использованием взрывчатки. Для этого на острове оставлялась подрывная партия. Прочая техника и приборы, поддающиеся молотку и кувалде, были выведены из строя перед приходом корабля за последним эшелоном гарнизона. Башня Ф. С. Митрофанова была уничтожена последней. Почти до прихода корабля она, как и два зенитных орудия, продолжала вести огонь по врагу.

1 декабря тральщик «Гафель» (БТЩ-205) под командованием старшего лейтенанта Е. Ф. Шкребтиенко подошел к острову. В 23.00 началась посадка личного состава. Контроль за выполнением плана эвакуации осуществлялся мною с командного пункта. Старший писарь штаба сержант П. Н. Пешкин доложил мне акт на уничтожение секретной документации, за исключением журналов боевых действий, которые мы решили взять с собой как свидетельство нашей боевой деятельности. На КП в комнате оперативного дежурного находился мой первый заместитель по штабу старший лейтенант Васерин, который поддерживал телефонную связь с постами подрывной группы. Он оставался на острове во главе группы подрывников.

2 декабря штабная группа под моим руководством покинула КП и переместилась на западный пирс, откуда можно было непосредственно руководить эвакуацией, получая по телефону информацию с постов. Перевозка людей, боезапаса и грузов проходила нормально, хотя ветер и волнение моря усилились. К месту посадки прибывали последние группы с батарей. Проходя мимо красного флага, они отдавали ему последние почести. В это время враг вел по острову методический огонь; главным образом обстреливался район зенитной и 130-мм батарей, где уже никого не было. Когда подошли катера, мы попрощались с Васериным, водителем грузовой машины Кондрусевым и матросами катера КМ-13, пожелали им успеха до скорой встречи в Кронштадте. Васерин вручил мне конверт с письмом для жены, если с ним что-нибудь

[8] Там же. ф. 100, оп. 1, д. 699, л. 79; д. 34185, л. 109; ф. 27, оп. 1, д. 2951, лл. 40, 84, 85.

случится. Вержбицкий, Гусев и я последними сели на СО-31 и покинули остров. Тральщик, укрываясь от северного ветра, подошел ближе к западному пирсу и принял на борт последнюю группу защитников Осмуссаара. У правого борта тральщика остались пришвартованными два катера, которые были затоплены нами в двух милях от маяка. БТЩ-205 взял курс на Ханко. В тот же день мы были на базе. На Ханко около половины личного состава Осмуссаара во главе с Гусевым пересадили на турбоэлектроход «И. Сталин». Вержбицкий и я остались на тральщике. Пулеметы были поставлены для противовоздушной и противокатерной обороны. Расчеты корабельных 45-мм пушек и пулеметов ДШК были доукомплектованы зенитчиками острова. Управление ими на переходе было поручено мне. Самый переход до Гогланда оказался очень трудным. Турбоэлектроход подорвался на минах, и БТЩ-205 дважды подходил к нему для снятия людей, которых затем передавали на другие корабли. Наш тральщик шел головным, отражая атаки самолетов и торпедных катеров противника и уклоняясь от обстрела батарей с финского берега. На Гогланде мы покинули борт, а тральщик ушел для снятия людей с поврежденных кораблей. На долю осмуссааровцев и ханковцев, переправлявшихся на «И. Сталине», выпали тяжкие испытания: одни погибли или попали в плен; большинство же на других кораблях дошло до Гогланда, а затем до Кронштадта.

А группа подрывников во главе с Васериным и его заместителем Г. А. Вдовинским еще сутки находилась на острове, изображая жизнь гарнизона. Самой тревожной для подрывной группы, как рассказывали участники этой операции, была ночь на 3 декабря. Радиовахта на Ханко тогда была уже закрыта, а сигнальщик прожектором все еще давал проблески в сторону Ханко. Только в 2.00 3 декабря катер МО подошел к острову и стал на якорь в 1,5—2 кабельтовых от западного пирса. Он опоздал на пять часов. Васерин приказал закрыть вахту на маяке, маячнику и сигнальщику перейти на пирс и поддерживать связь с катером. В 3.00 начали греметь взрывы, уничтожившие береговые батареи, КП и все, что могло оказаться ценным для противника. Последние взрывы проводились под мощным вражеским обстрелом. Личный состав подрывной группы выполнил приказ командования. Так завершилась 164-дневная оборона Осмуссаара, последнего опорного пункта наших войск в Прибалтике. Доныне чтут подвиг защитников острова: в столице Эстонии есть улица Осмуссаарская, в Хаапсалу это имя носит площадь, один из теплоходов Эстонского морского пароходства называется «Осмуссаар».

НЕОБЫЧНЫЙ ПЕРЕЛЕТ

Г. А. Нечаев

Во время второй мировой войны Генеральный секретарь ЦК Французской коммунистической партии М. Торез по решению подпольного ЦК эмигрировал в Советский Союз. После освобождения Франции от гитлеровской оккупации встал вопрос о его возвращении на родину. Но Временное правительство во главе с де Голлем отказывало ему в этом. Лишь под давлением общественного мнения запрет был снят, и Торез с семьей (женой Ж. Вермерш и четырьмя сыновьями) на советском самолете в конце ноября 1944 г. вернулся во Францию.

Доставить его на родину было поручено генералам В. М. Драгуну и А. И. Вихореву. Первый из них тогда был назначен представителем

НЕЧАЕВ Геннадий Алексеевич – член Союза журналистов СССР.

уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан на территории Западной Европы, второй — его заместителем по политчасти.

Вот что рассказал о перелете Тореза во Францию генерал-майор авиации Александр Иванович Вихорев [1].

«Мы с генералом Василием Михайловичем Драгуном прилетели в Тегеран 21 ноября 1944 г. и тогда же, вечером, были приняты в советском посольстве. Посол М. А. Максимов вручил нам небольшой опечатанный конверт, предложил вскрыть его и ознакомиться с одним документом. Вскрыли. Каждый из нас молча, сосредоточенно прочел предельно краткое по содержанию предписание доставить на нашем самолете в Париж по решению Политбюро ЦК ВКП(б) генерального секретаря ЦК ФКП товарища Мориса Тореза и его семью и одного члена Политбюро ЦК ФКП, фамилию которого, к сожалению, я уже не помню. Этот документ тут же в кабинете был уничтожен. После обмена с товарищем Максимовым некоторыми вопросами мы прошли в хорошо обставленную гостиную, где был накрыт стол, за столом уже сидели, ожидая нас, Морис Торез и Жанетта Вермерш. Поздоровались. Наши будущие пассажиры, как мы узнали, были доставлены в Тегеран другим советским самолетом за сутки до нашего прилета. Товарищ Торез с присущей ему теплотой повел разговор на русском языке. Он спросил, как мы долетели, бывали ли раньше во Франции. А его жена, Жанетта Вермерш, очень обаятельная женщина, прекрасно говорившая по-русски, поинтересовалась, есть ли у нас дети, какого возраста и другими вопросами. Морис Торез сказал нам, что его младший сын, Пьер, родился в Москве, в Кунцеве, он говорил только по-русски и не признавал французского языка, знал его хуже. Наш недолгий ужин прошел в дружеской атмосфере и оставил у нас приятное воспоминание.

После ужина мы с Драгуном снова прошли в рабочий кабинет посла. Товарищ Максимов поинтересовался маршрутом нашего полета, обеспечением и надежностью бортовой радиосвязи. Обо всем этом доложил капитан Папанашвили [2], командир экипажа самолета. Закончив все свои дела в нашем посольстве, мы поехали в гостиницу на отдых. Но разве можно было безмятежно отдыхать после стольких впечатлений?!

Из Тегерана мы со своими дорогими пассажирами вылетели рано утром 22 ноября и взяли курс на Каир. Полет проходил через Багдад на небольшой высоте... До Каира долетели благополучно. Приземлившись на местном аэродроме, мы в помещении его администрации стали оформлять необходимые документы. В это время из советского консульства пришла легковая машина, на которой все наши французские друзья отбыли в одну из гостиниц, в заранее забронированные номера. По окончании оформления документов мы сдали самолет под охрану и тоже поехали в гостиницу... К вечеру к нам в гостиницу зашли двое сотрудников советского консульства, которые проинформировали нас о положении в Каире. После непродолжительной беседы, они предложили нам познакомиться со столицей Египта. Переодевшись в гражданские костюмы, мы с удовольствием прогулялись по этому большому городу.

Наш вылет из Каира был намечен от 20 часов 30 минут до 21 часа по московскому времени... И вот мы снова в полете. Позади уже остался город Александрия, впереди был ливийский город Бенгази. Преодолев по воздуху 1350 километров, мы сделали посадку на аэродроме западнее Бенгази... Морис Торез на несколько минут вышел из самолета, и его сразу же узнали работавшие на аэродроме французские рабочие. Они на-

[1] Автор настоящей публикации сделал летом 1983 г., незадолго до смерти, запись на магнитофонную ленту. Запись приводится с незначительными сокращениями.

[2] Папанашвили позже погиб на советско-германском фронте.

чали выкрикивать: «Да здравствует товарищ Торез!», «Да здравствует Коммунистическая партия Франции!» Морис Торез на их приветствия ответил взмахом руки и вернулся в самолет. Надо признаться, что этот неожиданный случай нас очень обеспокоил. Он мог вызвать серьезные осложнения на нашем пути во Францию, до которой еще было далеко.

И верно, по прибытии в комендатуру Бенгази английский полковник, просмотрев наш полетный лист, заявил, что по ряду обстоятельств наш маршрут изменяется, вместо полета вдоль испанской границы, как мы намечали, мы полетим на Триполи, а затем — на о. Мальту. Там, на Мальте, сказал полковник, вы получите все необходимые указания о полете на Марсель, а также получите ответы на все интересующие вас вопросы. Таково распоряжение английского командования на Мальте. Нам стало ясно, что дебаты с английским комендантом Бенгази бесполезны. Наш экипаж опломбировал самолет и сдал под охрану. Все мы на предоставленных в наше распоряжение автомашинах поехали в гостиницу.

На другой день, рано утром, мы вылетели в Триполи. На местном аэродроме мы дозаправили самолет горючим и снова поднялись в воздух, взяв курс на Мальту. Одностороннее изменение нашего маршрута очень обеспокоило и меня, и В. М. Драгуна. Мы оба беспокоились потому, что, во-первых, не знали причины изменения маршрута, во-вторых, потому, что могли опоздать с доставкой товарища Тореза в Париж в заранее назначенный срок. На военном аэродроме на Мальте его командование нас внешне приняло довольно гостеприимно, даже устроило прием в нашу честь, нечто вроде ужина. На этом приеме мы были вдвоем с Драгуном, члены же экипажа нашего самолета и все пассажиры находились в гостинице. После ужина английские бригадный генерал и полковник авиации пригласили нас к себе и как бы извиняясь заявили, что для безопасности наших союзных генералов они вынуждены были изменить маршрут полета.

Они предложили нам после вылета с Мальты взять курс на аэродром, что был севернее Рима. На высоте 2 тыс. м мы должны были сделать левый круг, это было согласовано с командованием аэродрома, затем — три резких покачивания плоскостями самолета, что будет сигналом для взлета четырех пар истребителей «мустангов», которые должны нас прикрывать в полете через Геную до Марселя. Английские военные предложили нам и схему прикрытия. Когда мы с ней ознакомились, то сразу же ее тактично отвергли, схема прикрытия была рассчитана на дальность прямого выстрела пулеметов систем «кольт» и «браунинг», какими были вооружены «мустанги». Мы предложили свою схему прикрытия, при этом заявили англичанам, что мы сообщили эту свою схему в Москву, где уже известно об одностороннем изменении маршрута нашего полета. Из Москвы мы получили указание докладывать по радио через каждые три-четыре минуты координаты нахождения в воздухе нашего самолета.

Ночь в гостинице мы провели, конечно, тревожно, к тому же нас очень донимали москиты: к утру у нас от их укусов распухли лица и руки. В восемь часов по местному времени, в шесть — по московскому, мы взлетели с Мальты и вскоре достигли указанного англичанами аэродрома севернее Рима. К аэродрому мы подлетели на высоте 2 тыс. м, с левым кругом. Наш самолет проделал три резких покачивания плоскостями, но ни один «мустанг» не взлетел. Снизившись до высоты 1 тыс. м, самолет еще раз сделал три резких покачивания плоскостями. Но «мустанги» в воздухе не показывались! Тогда мы отказались от посадки на аэродроме и продолжали полет, периодически меняя высоту от 1 до 1,5 тыс. м, как бы на Геную. С прикрытием «мустангами» мы должны были лететь на Марсель западнее Генуи километрах в 50-ти.

Одностороннее изменение англичанами нашего маршрута, направление нас в небезопасные в то время районы Рима и Генуи и непоявление

«мустангов» заставили нас предположить, что союзные офицеры на Мальте, получив из Бенгази сведение, что в советском самолете летит Генеральный секретарь ЦК ФКП, Морис Торез, задумали сделать нам какую-либо неприятность. Учитывая эти обстоятельства, мы с Драгуном посоветовались и, не долетев до Генуи примерно 300 км, дали указание командиру экипажа Папанашвили временно прервать радиосвязь с Москвой, изменить курс на о. Корсику, резко снизить высоту полета вплоть до бреющего и лететь с максимальной скоростью. Англичане нам радиокодом приказали вернуться на ось маршрута, т. е. продолжать полет на Геную. Мы игнорировали их приказ. Снизив высоту полета до бреющего, мы тем самым лишили их радары возможности следить за нашим самолетом. Мы летели над Лигурийским морем, примерно в 50—60 км от Корсики, потом — над Средиземным морем, держа курс на Тулон. Над морем стоял туман. Достигнув Тулона, мы немного увеличили высоту полета. До Марселя оставалось примерно 100 километров. Так мы спутали все расчеты англичан.

При приближении к Марселю стало темнеть. По радиокоду мы передали в Москву, что делаем посадку на марсельском аэродроме. В ответ получили приказ: на рассвете 27 ноября быть в районе Парижа, совершить посадку на аэродроме в Бурже. После оформления полетных документов и дозаправки самолета горючим, мы в гостинице при аэродроме, где остановились члены экипажа, дали указание его командиру и штурману рассчитать время полета до Парижа так, чтобы нам быть в Бурже до наступления рассвета 27 ноября. Поскольку расстояние по воздуху до Парижа примерно 650—700 км, то нам следовало вылететь из Марселя не позже трех часов ночи. Во избежание подслушивания нас в номере гостиницы мы давали им указания молча, с помощью бумаги и карандаша. Таким же образом командир экипажа доложил нам, что вылетать придется в 2 ч. 15 мин., что погода стоит неважная, возможны туман и обледенение самолета.

Мы с Драгуном отдыхали в городской гостинице. Встав в полночь по московскому времени, поехали прямо на аэродром. Около часа ночи командир экипажа Папанашвили доложил нам, что аэродромная администрация из-за плохих метеорологических условий не разрешает вылет самолета. После продолжительных переговоров с администрацией, Папанашвили написал в журнале аэродромной службы, что он ознакомлен с состоянием погоды, что всю ответственность за вылет берет на себя, и подписался.

Товарищ Торез и члены его семьи в сопровождении одного из представителей Марсельского комитета Французской компартии подъехали на аэродром, прямо к самолету к двум часам ночи.

Ровно в 2 ч. 30 мин. по московскому времени мы поднялись в воздух. После набора высоты я прошел в пилотскую кабину, сел рядом с товарищем Папанашвили и так провел все время полета до Парижа. С целью экономии спирта, использовавшегося против обледенения самолета, мы решили лететь под облаками вдоль железной дороги, связывающей Марсель со столицей Франции. До Лиона добрались благополучно, хотя пришлось несколько раз включать антиобледенительную систему ветровых стекол. От Лиона до Парижа оставалось километров 400—450. Погода ухудшилась. Дул сильный встречный ветер. В полете мы передали кодом в Москву радиограмму: «Идем к цели». К Парижу подлетели с наступлением рассвета, а при подлете к аэродрому передали радиокодом в Москву одно лишь слово: «Бурже» — и все. Посадку совершили, не делая круга, в отдаленном углу огромного аэродрома, с использованием света самолетных фар. В полутьме подрулили к окраине аэродрома, двигатели не выключали, выключили только свет фар.

Еще будучи в Марселе Мориса Тореза проинформировали местные товарищи, что в Бурже за ним придет автомашина, она будет в лесу ожи-

дать его прилета. Тянулись томительные минуты, а машина все еще не показывалась. Товарищ Торез внешне казался спокойным, но чувствовалось, что он в напряжении ожидания. Но вот, наконец, со стороны леса показались две легковые машины. Они приближались на большой скорости, у самого самолета резко затормозили и остановились. Морис Торез с семьей и член политбюро ЦК ФКП, фамилию которого, как я уже говорил выше, забыл, быстро вышли из самолета, уселись в машины, и они так же быстро скрылись в лесу...

Мы спокойно подрулили к комендантскому зданию на стоянку. Так закончился 27 ноября 1944 г. этот необычный перелет, о выполнении которого мы с товарищем Драгуном доложили в Москву через советского посла во Франции товарища А. Е. Богомолова. От него же мы узнали, что англичане действительно готовили провокацию против Мориса Тореза, поэтому они односторонне и изменили маршрут нашего полета. Значит, наше предположение было верным. По этой причине Москва и приказала нам быть в Париже на рассвете 27 ноября. Выполнив приказ, мы тем самым более чем за сутки сорвали коварный замысел англичан».

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О Л. Н. ГАРТМАНЕ

Е. М. Макаренкова

Впервые публикуемые здесь документы из Национального архива в Париже раскрывают одну из страниц биографии русского народовольца, политического эмигранта 1880-х годов Льва Николаевича Гартмана. «Дело Гартмана» 1880 г. имело громкий общеевропейский резонанс. Вызвав горячие симпатии передового французского общественного мнения, оно одновременно стимулировало негативную реакцию со стороны правящих сил Франции.

Гартман[1] родился в 1850 г. в Архангельской губ., в семье мещанина, немецкого колониста. Окончил четыре класса гимназии, в поисках заработка отправился в Петербург, а с 1872 г. странствовал по южным окраинам России, где в те годы развернулось революционное движение. Приняв в нем деятельное участие, Гартман, в целях маскировки сменил несколько профессий. В 1876 г. он работал преподавателем земского училища в Таганроге, позже стал нанимателем квартиры-коммуны для пропагандистов-народников в Ростове-на-Дону (его подпольная кличка в то время — «Алхимик»). Из-за преследований со стороны местных властей весной 1876 г. бежал в Крым, где перешел на нелегальное положение. Там, трудясь в артели косарей, вел революционную пропаганду, жил в Керчи, освоил сапожную профессию, «ходил в народ» на Кубани, в октябре того же года был арестован в Екатеринодаре за предъявление фальшивых документов на имя мещанина И. А. Русанова и хранение запрещенной литературы.

В начале 1878 г. Гартман бежал в Саратов после года пребывания в тюрьме, там присоединился к поселению землевольцев, членами которого были Ю. Н. Богданович, А. Д. Михайлов, сестры В. Н. и Е. Н. Фигнер. В 1878—1879 гг. Гартман — волостной писарь в с. Покровском Саратовской губ., а затем примыкает к землевольческому поселению в Тамбове. Имеется предположение, что он был в составе группы «политиков» на съезде «Земли и воли» в Липецке (июнь 1879 г.). После раскола «Земли и воли» Гартман склонился сначала к идеям чернопередельцев, но позднее примкнул к народовольцам. С августа 1879 г. работал в петербургской динамитной мастерской, в которой изготовлялись взрывчатые вещества для предстоявших покушений на царя. Гартман становится открытым сторонником террора и разделяет программу «Народной воли». По распоряжению организации он отправляется в Москву с паспортом на имя саратовского мещанина Н. С. Сухорукова, вместе с С. Л. Перовской покупает домик у Рогожской заставы, около Московско-Курской железной дороги, принимает участие в подкопе железнодорожного полотна и 19 ноября 1879 г. осуществляет взрыв царского поезда, следовавшего из Ливадии в Петербург.

В подкопе вместе с Гартманом участвовали еще десять человек, неоднократно рисковавших жизнью. С помощью вагонетки, по уложенным Гартманом рельсам срытую землю вывозили и набивали ею чулан, погреб, двор. Проход к полотну железной дороги, укрепленный досками, был настолько непрочным, что, спускаясь под землю, Гартман прихватывал флакон с ядом, чтобы в случае обвала сразу покончить с собой[2]. Но и на этот раз смелость и энергия народовольцев не дали результатов. Еще 2 апреля 1879 г. произошло неудачное покушение А. К. Соловьева на царя. В ответ правительство прибегло к свирепым репрессиям и удвоило бдительность. Поездка Александра II совершалась в данном случае необычно. Свитский поезд следовал, как всегда, впереди императорского. Но по Лозово-Севастопольской железной дороге царский состав в целях предосторожности отправили первым, по расписанию же царского поезда был предусмотрительно пущен свитский, богато разукрашенный флагами и сверкавший огнями. Взрыв динамита пришелся на вагон с конвоем, поезд сошел с рельсов, но никто не пострадал. В Москве во время усиленных розысков была поднята на ноги вся полиция. Перовской и Гартману удалось бежать в Петербург. Затем, изменив внешность, остриженный и перекрашенный в брюнета, с подведенными бровями и ресницами, Гартман с помощью народовольца В. И. Иохельсона добрался до Парижа.

Царское правительство через свою заграничную агентуру получило сведения о пребывании Гартмана в столице Франции под именем Шульца. Царское посольство в Париже сообщило об этом французской полиции, потребовав поимки «уголовного преступника» и выдачи его. Для облегчения поисков судебный следователь Московского окружного суда Глобо-Михаленко составил перечень его личных примет, который был переведен на французский язык и передан в распоряжение французской полиции. В настоящее время он хранится в материалах Национального архива в Париже (серия ВВ 181804). Мы располагаем ксерокопией этого документа, который гласит:

«Описание примет Архангельского мещанина Льва Николаевича Гартмана,— обвиняемого в преступлении, предусмотренном 1082 и 1453 пунктами Уложения о Наказаниях,— составленное судебным Следователем Московского Окружного Суда по особо важным делам Глобо-Михаленко.

Рост средний, или несколько выше среднего; 28—35 лет; волосы на голове русые, довольно светлые, были коротко острижены; лицо продолговатое, чистое; нос прямой, ноздри немного расширены; бородка рыжеватая, небольшая (была немного пробрита на подбородке); на правой стороне шеи заметен красноватый шрам, на сгибе первого сустава мизинца правой руки бородавка темно-коричневого цвета; сутуловат; правое плечо несколько выше левого; имеет привычку часто пожимать плечами (поднимать плечи кверху), выговор чисто русский; немного пришепетывает. К известному описанию примет Гартмана смотритель Глобо-Михаленко считает нужным добавить: 1., что, по показаниям не-

МАКАРЕНКОВА Елена Макаровна – кандидат исторических наук (Институт всеобщей истории АН СССР).

[1] О нем см.: Сидоров Н. А. Лев Николаевич Гартман. М. 1937; Киперман А. Я. Разночинская революционная эмиграция. Тамбов. 1980.

[2] Сидоров Н. А. Ук. соч., с. 26–27.

скольких свидетелей, имеющийся на шее у Гартмана шрам неровный, как бы от золотухи; и 2., что о существовании у него бородавки на мизинце правой руки показывала только одна свидетельница и потому примета эта считается шаткою.

Февраля «6» дня 1880 года. Судебный Следователь Московского Окружного Суда Глобо-Михаленко».

Вооруженная этим документом, французская полиция 3 февраля 1880 г. арестовала Гартмана, намереваясь вернуть его на родину как уголовного преступника. Однако весть об аресте политэмигранта и нарушении права убежища распространилась по всей Франции. Новое покушение на царя (взрыв в столовой Зимнего дворца, осуществленный народовольцем С. Н. Халтуриным 5 февраля 1880 г.) [3], совпавшее с арестом Гартмана, дало дополнительный козырь кн. Н. А. Орлову, царскому послу во Франции, в его просьбах о выдаче Гартмана. Возглавляемое умеренным республиканцем Ш. Фрейсине, имевшим репутацию хитрого политика, французское правительство пыталось вести двойную игру. С одной стороны, оно якобы предпринимало все возможное, чтобы угодить петербургскому двору; с другой — опасалось вступить в конфронтацию со своей прогрессивной общественностью.

Энергичная и решительная кампания за освобождение Гартмана была начата русской колонией во Франции. По решению Исполнительного комитета «Народной воли», в Париж выехали представители женевской эмиграции С. М. Степняк-Кравчинский и Н. И. Жуковский, чтобы войти в переговоры с правительством. Председатель Палаты депутатов, глава партии умеренных республиканцев Л. Гамбетта принял видного народника, эмигранта П. Л. Лаврова и заверил его, что Франция не нарушит республиканскую традицию и «поддержит честь Республики». 18 февраля в Париже прошла демонстрация студентов с требованием освободить заключенного. В. Гюго, «совесть Франции», направил открытое письмо в адрес правительства с настоятельным требованием: «Вы не выдадите этого человека!» [4].

Шумная кампания в республиканской и социалистической прессе в защиту Гартмана всколыхнула общественное мнение Европы. Срочно была опубликована переписка бывшего члена Комитета общественной безопасности Парижской Коммуны Ф. Пиа и знаменитого итальянского революционера Дж. Гарибальди, сочувственно относившихся к Гартману. Французская газета писала: «Ни одно европейское государство, ни Англия, ни Германия, ни сама Россия не позволили выдать приговоренных французским правосудием коммунаров... И мы убеждены, что современное французское правительство не нуждается в примерах с тем, чтобы осознать, что отвечает его интересам и в чем состоит его достоинство» [5]. В разгар этой кампании Гартман обратился к министру иностранных дел Франции с просьбой об освобождении. Это письмо хранится, как и упомянутый выше документ, в Национальном архиве вместе с фотографией Гартмана. Вот его текст:

«Господину Министру иностранных дел Франции.

От русского политического эмигранта Льва Гартмана.

Эмигрировав из России во Францию в начале января месяца сего года, я как политический эмигрант надеялся найти себе здесь приют и защиту, какую находят и находили во Франции, как и в других свободных государствах, все политические эмигранты. Я горько ошибся: меня арестовали с целью выдать России, правительство которой того требует.

Выдать меня или не выдать — этот вопрос ожидает Вашего решения, и я обращаюсь к Вам с моею настоящею просьбою в тех видах, что Вы не откажете выслушать ее, как не отказываете русскому правительству приводить доводы в пользу решения вопроса в смысле желаний русского правительства.

Я не юрист и потому не могу привести в свою защиту каких-либо законоположений французского законодательства; я прошу Вас, не предрешая вопроса о выдаче, допустить участие моего защитника; участие в смысле приведения доказательств того, что я эмигрант политический, а не уголовный, и потому не подлежу выдаче России.

Вместе с тем я прошу Вас сделать распоряжение о допущении для свидания со мною тех лиц, помощью которых я желал бы воспользоваться.

Я не буду утруждать внимания Вашего изложением сущности дела. Оно заключается в Московском деле 19 ноября 1879 г., и кроме того я обвиняюсь в пропаганде социалистических идей в Кубанской области.

Восстание Польши 60-х годов было делом чисто политическим. Многие эмигранты нашли тогда себе приют во Франции; и Франция их не выдала, Франция не признала их уголовными преступниками.

Свержение Наполеона III и провозглашение Республики во Франции есть, как и первое, политическое деяние.

Настоящее движение в России есть движение социально-революционное и, вместе, политическое. Само русское правительство не считает его уголовным; и уголовных движений не может быть. Мое же деяние есть только часть, только капля в море общего русского социально-революционного и, вместе, политического движения настоящего времени.

Правительство республиканской Франции амнистировало 10 тысяч коммунаров; неужели же оно выдаст России политического эмигранта, который пришел во Францию искать себе приюта?

Когда иноземный пришелец войдет в саклю полудикого черкеса, личность его (иноземца) неприкосновенна даже и в том случае, если он принадлежит к враждебному племени. Зло, ему причиненное, составляет позор всего черкесского племени. Такова высота нравственных понятий даже полудиких народов, таковы их отношения к лицу, ищущему крова и приюта.

И цивилизованная Франция не поступит иначе. Двери ее открыты, чтобы принять политических эмигрантов, ищущих приюта, и она приняла их немало.

Смею надеяться, что в крайнем случае Вы позволите мне выехать в Англию или Америку.

Русский политический эмигрант
Лев Гартман. 22 февраля 1880 года».

Это письмо оказалось решающим. Дело в том, что на допросах Гартман отрицал свое подлинное имя, утверждая, что он — Майер, родился в Берлине от Эдуарда и Марии Майер, а по поводу фотографии и очевидного сходства с нею заявил, что столь обычное лицо вообще можно спутать со многими другими и что фамилия «Гартман», которой подписано письмо, взята специально, чтобы вызвать сочувствие к судьбе известного эмигранта и таким образом добиться освобождения. Невзирая на эти малоубедительные аргументы, французское правительство под давлением общественного мнения заявило, что личность обвиняемого до конца не установлена и поэтому он не подлежит выдаче. 23 февраля Гартман был освобожден из-под стражи. Эта акция надолго охладила отношения Парижа и Петербурга.

[3] Это покушение на Александра II имело живой отклик во французской печати: «Le Citoyen» от 1 февраля 1880 г. уделил внимание героической акции «русских нигилистов». В поддержку Халтурина и другого народовольца, А. К. Преснякова, была принята специальная резолюция конгрессом Рабочей партии в Гавре в ноябре 1880 г. (Литература партии «Народная Воля». М. 1930, с. 99).

[4] Цит. по: Былое, 1909, № 4, с. 191.

[5] Le Rappel, 23.II.1880.

В календаре «Народной воли» за 1880 г. среди неотложных задач Исполнительный ее комитет намечал: «По отношению к Европе политика партии должна стремиться к тому, чтобы обеспечить русской революции сочувствие народов... Правительства с их изменчивой политикой, с их дипломатическими интересами не смогут быть сколько-нибудь прочными союзниками для нас. Не могут они быть и особенно опасными, если мы заручимся симпатиями общественного мнения Европы. Могущество этой силы мы видели недавно на примере Гартмана» [6]. Таким образом, «дело Гартмана» сослужило свою службу освободительному движению.

Что касается дальнейшей судьбы Гартмана, то он перебрался затем в Англию. В его честь был устроен в Лондоне банкет, на который были приглашены К. Маркс и Ф. Энгельс, ставшие затем друзьями Гартмана [7]. В сентябре 1880 г., вдохновленные успехом «дела Гартмана», руководители «Народной воли» обратились с посланием к Марксу и только что вернувшемуся на родину после амнистии французскому радикалу журналисту Рошфору с просьбой защищать «перед лицом демократического Запада» революционную Россию и оказать поддержку Гартману в осуществлении его задач. Речь шла о полномочиях Гартмана в качестве официального представителя «Народной воли» за рубежом, о чем он был уведомлен специальным письмом от имени Исполнительного комитета. Но, как показали дальнейшие события, деятельность Гартмана в этом качестве была кратковременной и не всегда результативной.

Его поездка в Америку и попытка наладить регулярную информацию о России в конце 1881 г. через газету «New York Herald Tribune» не увенчались успехом. Царская охранка, следившая за его передвижениями, явно преувеличивала опасность, когда 1 января 1882 г. на имя государственного секретаря Гирса ею было направлено секретное сообщение о том, что «ряд нигилистов, среди которых Гартман, направляется из Ментона в Санкт-Петербург с целью совершить покушение во время коронации (Александра III.— *Е. М.*) в Москве посредством взрыва динамитной бомбы. Гартмана сопровождают три лица — Ковалев, Сабров и Кандониа, которые имеют на руках фальшивые паспорта» [8].

Жил Гартман в США под фамилией «Сомов» на средства от электротехнической мастерской. Утрата связей с родиной и душевное одиночество надломили его силы, и в 1908 г. он скончался в Нью-Йорке.

---

[6] Литература партии «Народная Воля», с. 309.

[7] Подробнее см.: Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М. 1960.

[8] Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР, ф. 102, 3-е д-во, оп. 1, д. 1521, л. 15.

ИСТОРИОГРАФИЯ

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЧЕСКУЮ НАУКУ

В редакции «Вопросы истории» состоялась беседа главного редактора члена-корреспондента АН СССР А. А. Искендерова с профессором Стенфордского университета (США) Терренсом Эммонсом.

А. А. Искендеров. Хотелось бы задать Вам несколько вопросов. Вы много и давно изучаете жизнь и творчество В. О. Ключевского. В Советском Союзе и за рубежом сейчас проявляется очень большой интерес к русским историкам, в их числе и к Ключевскому. Чем Вы это объясняете?

Т. Эммонс. Думаю, нельзя не учитывать, что интерес к русской истории значительно возрос. Ключевский же не только историк, но и крупный писатель, а главное, он был очень русским человеком. Нарисованные им картины Древней Руси помогают постичь суть этой эпохи, ее духовный мир, психологию.

А. И. Не кажется ли Вам, что и советским и западным читателем Ключевский воспринимается скорее как писатель, а не как ученый-историк?

Т. Э. Я согласен с Вами. Однако такое представление о Ключевском ошибочно. Он был глубоким историческим мыслителем. Он относился к истории как к науке, всю жизнь стремился постичь закономерности исторического развития, найти смысл изучаемых им событий. Это видно из его работ и специального курса, посвященного методологии истории, который он читал в середине 80-х годов XIX века [1].

А. И. Вы, конечно, знакомы с книгой М. В. Нечкиной «Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества» (М. 1974). Как вы ее оцениваете в контексте той проблемы, которой мы с вами коснулись,— Ключевский: историк или писатель?

Т. Э. Я считаю, что эта книга прежде всего биография Ключевского. Не столько анализ его научных трудов, а именно — биография. Я полагаю, что Нечкина ошиблась, когда недооценивала его как историка-исследователя, ученого. Между тем его научные взгляды оказали огромное влияние на многочисленных учеников и до сих пор сохраняют свою значимость, как, например, предложенная им периодизация русской истории (при всей ее эклектичности).

А. И. У Ключевского было немало учеников, которые оставили заметный след в историографии.

Т. Э. У Ключевского было много слушателей, а собственно учеников, которые у него «защитились» (как мы бы сейчас сказали), было всего шесть: П. Н. Милюков, М. К. Любавский, Н. А. Рожков, А. А. Кизеветтер, М. М. Богословский и Ю. В. Готье. Затем уже идут ученики этих учеников, так сказать, «внуки Ключевского». Школа Ключевского существовала длительное время. Конечно, были у его учеников и отступления от установок учителя, но преемственность сохранялась. Почти все ученики продолжали традиции Ключевского, за исключением, пожалуй, Рожкова, выработавшего свою плюралистскую концепцию русской истории. В смысле художественности исторического повествования прямым преемником Ключевского был Кизеветтер, обладавший самым блестящим пером среди всех учеников Василия Осиповича.

---

[1] Курс «Методология русской истории» впервые опубликован в «Сочинениях» В. О. Ключевского (Т. VI. М. 1989).

А. И. Вы долгие годы занимались исследованием истории политических партий России, в основном конца XIX – начала XX века. Сейчас эта тема вызывает в Советском Союзе очень большой интерес в связи со стремлением заново осмыслить судьбы России, место Октябрьской революции в ее истории, роль различных партий (не только большевиков) в трех российских революциях, развитие российских демократических традиций, истоки сталинизма и т. д. Некоторые авторы заявляют, что причина сталинщины коренится в том, что Россия не знала-де демократии, была страной низкой политической культуры, слабо развитого политического сознания. Согласны ли вы с этой точкой зрения?

Т. Э. Не полностью. Это – интересный и сложный вопрос. Я думаю, что существовала почва для развития в России демократии, присущей гражданскому обществу. Ведь были же земства, думы – государственная и городские. Конечно, в основном они были в руках помещиков и крупной буржуазии. Но не следует забывать, что и в Англии демократические учреждения с XVII и до середины XIX в. находились в руках прежде всего дворянства. Аналогичную картину мы наблюдаем в России. Но все дело в том, что здесь эти демократические учреждения просуществовали очень недолго, в то время как гражданское и политическое сознание в конце XIX и начале XX в. развивалось очень быстро.

А. И. В «Мемуарах» А. Ф. Керенского есть глава «Россия на пути к демократии», из которой видно, как остро стояла эта проблема в России еще до начала первой мировой войны, задолго до Февральской революции...

Т. Э. А. Ф. Керенский, как и другие представители умеренных, либеральных взглядов, был убежден, что во время и после революции 1905–1907 годов Россия развивалась именно в направлении демократии. И так продолжалось вплоть до первой мировой войны, которая не ликвидировала зародыши демократии и конституционного строя.

А. И. Как вы думаете, почему ученики Ключевского оказались в рядах кадетской партии? Это случайность или закономерность, связанная с их идеологией, образом мышления, политической программой?

Т. Э. Не все они были кадетами. Например, Рожков. Но можно действительно усмотреть определенную закономерность, связанную с политической культурой, характерной для русской профессуры второй половины XIX – начала XX века. В ней, на мой взгляд, было два течения, консервативное и либеральное. К последнему принадлежали обычно специалисты по общественным наукам: историки, филологи, юристы. Консерваторы, как ни странно, обнаруживались чаще среди естественников. В целом же в русской профессуре преобладала все-таки либеральная тенденция.

А. И. Какую-то роль играло, наверное, и социальное происхождение этих ученых?

Т. Э. Университетские профессора были выходцами и из дворян, и из разночинцев. Они выражали общие взгляды русской интеллигенции. Среди историков было много дворян. Но они были приверженцами общечеловеческих ценностей, заботились о развитии просвещения в России. В осмыслении исторической миссии интеллигенции можно проследить линию преемственности от П. Л. Лаврова, разночинцев, мыслителей середины XIX века. В условиях краха народнического движения интеллигенция обратилась к проповеди «малых дел», журналистике, просветительству. Идеология прогрессивной профессуры, работавшей в конце XIX в. и во время революции, формируется после убийства Александра II, в 80-е годы.

А. И. Ученики В. О. Ключевского, например, Готье, придерживались той точки зрения, что ученый не должен заниматься политикой; его дело работа над книгами, чтение лекций, отстаивание своих научных воззрений. А на деле получилось, что некоторые из них, скажем Милюков, стали активными политическими деятелями. Нет ли здесь расхождения со взглядами их учителя?

Т. Э. Милюкова осуждали за это, и в первую очередь сам Ключевский. Но здесь надо иметь в виду, что Милюков был изгнан из университета за участие в политической деятельности, и академическая карьера оказалась для него закрытой. Милюков во многом не разделял взгляды Ключевского, даже в отношении периодизации истории России.

А. И. Вы сейчас работаете над книгой, посвященной первым годам становления Советской власти. Для нас 20-е годы также представляют очень большой интерес, поскольку без глубокого, правдивого и объективного исторического анализа этого периода трудно понять и всю последующую историю СССР.

Т. Э. Действительно, здесь находится один из ключей к ее пониманию. Именно поэтому я и занялся исследованием этого периода. Я хотел бы написать такую книгу, в которой были бы прослежены: роль мировоззрения политических деятелей, стоявших у руководства страной, влияние объективных условий – гражданской войны, голода, разрухи, международных отношений. Хотелось бы хронологически, шаг за шагом проследить, как складывалась новая политическая система. Свое исследование я намерен довести до 1922 года, до создания Союза Советских Социалистических Республик.

А. И. Достаточно ли материалов, имеющихся на Западе, для Вашей работы? Нужны, очевидно. и источники, хранящиеся в наших архивах.

Т. Э. Безусловно, нужны, хотя в Гуверовском институте есть богатые материалы, в частности – ведомственные издания первых лет Советской власти. Но нет протоколов Совнаркома, ЦИК. Доступ в советские архивы сейчас стал легче, но еще не во все. Документы по внешней политике, ЧК, НКВД за 20-е годы пока еще недоступны исследователям.

А. И. В 70-е годы вы были редактором «Russian Review». Какими принципами вы руководствовались при отборе материалов?

Т. Э. Да, я редактировал этот журнал почти десять лет. К сожалению, мы не публиковали статей советских авторов, но рецензировались отдельные издания, которые присылали знакомые, коллеги или же приобретались во время посещения Москвы. Я обращался за содействием в Институт истории СССР, но практически безрезультатно.

А. И. Можно ли говорить, что в СССР, несмотря на тяжелые для историка условия в период культа личности и застоя, все же выходили интересные работы? Да, и на Западе были ученые, которые стремились к познанию объективной истины, использованию широкого круга различных источников. Было ли определенное взаимодействие между двумя этими потоками?

Т. Э. Серьезное изучение истории России на Западе началось в годы после второй мировой войны и было связано с «холодной войной», с тем статусом, который Советский Союз приобрел в результате победы в Великой Отечественной войне. Стало развертываться изучение русского языка, в университетах возникли центры по изучению СССР.

Вначале ощущались традиции кадетской историографии. Большое влияние на молодое поколение историков оказал ученик Ключевского Михаил Михайлович Карпович (в свое время секретарь посольства Временного правительства в Вашингтоне), профессор Гарвардского университета. Он воспитал многих американских историков.

Советской же историографии в США стали уделять серьезное внимание, пожалуй, в 60-х годах, когда американские ученые стали приезжать в СССР на стажировку. В это время и стало сказываться влияние советской историографии на американскую.

А. И. Советская историография сейчас испытывает немалые трудности. Она переживает кризис. Особенно это касается освещения советского периода истории вашей страны. В последнее время появляются публикации, содержащие новые подходы, написанные на новых источниках. Их авторы стремятся по-новому осмыслить нашу историю. Как это воспринимается западной историографией?

Т. Э. Пока заметного влияния не ощущается. Дело в том, что новые работы советских историков, в основном посвященные советскому периоду, годам сталинщины, не являются еще академическими исследованиями, основанными на широком круге оригинальных документов. Преобладают публицистические сочинения. Большой пласт источников еще недоступен для исследователей, на что жалуются и советские историки.

А. И. Хотелось бы знать ваше мнение: существует ли мировая историческая наука? Многие годы мы придерживались такого стереотипа: есть историография

марксистская и немарксистская. Между ними – стена. Немарксистская историческая наука вообще не является наукой.

Среди советских историков существуют разные взгляды на эту проблему. Я, например, считаю, что в исторической науке, как и в любой другой, есть мировые критерии научности, соответствующие определенному этапу развития мировой исторической мысли. Убежден, что советская историческая наука должна рассматривать себя как часть мировой исторической науки, развитие которой подчинено своим внутренним законам, своей внутренней логике. Как Вы смотрите на эту проблему?

Т. Э. Конечно, как существует человечество – всемирное целое, так существует и мировая историческая наука, по крайней мере, как потенция...

А. И. Существует же планетарное мышление...

Т. Э. Мировая историческая наука составляет его часть. В этой науке имеются общие, мировые критерии. Теперь уже и в советских исторических журналах пишут о том, что в так называемой немарксистской историографии есть кое-что полезное. Вообще точка зрения, что все западные историки – немарксисты, ошибочна. Есть на Западе и марксистские историки. И вообще, что такое марксистская историография? Это очень сложное понятие. В ней имеются разные течения, по-своему его определяющие.

Конечно, в мировой исторической науке существуют общие критерии. Даже в эпоху застоя советские и американские историки, сидя за одним столом, находили общий язык, когда обсуждали конкретные исторические факты, актуальные научные проблемы.

А. И. Два историка, занимающиеся одной и той же проблемой, всегда найдут общий язык, когда речь идет о конкретных проблемах, концепциях, анализе определенных источников.

И последний вопрос. В 1989 году, под Вашей редакцией и с Вашими комментариями опубликованы дневники одного из лучших учеников Ключевского – Готье. Не могли бы Вы рассказать об этом издании?

Т. Э. Дневник Готье охватывает события, происходившие в Москве в 1917–1922 годах. Он был найден мною в архиве Гуверовского института в Стэнфорде. В 1921–1922 гг. профессор Ф. А. Голдер по поручению Г. Гувера собирал новые материалы для библиотеки. Он был в России еще до Октябрьской революции, хорошо знал московских и петроградских историков. Собирал материалы об Аляске, составил, между прочим, каталог-указатель материалов об Аляске в фондах петербургских архивов. В середине 1922 г., как раз когда шел процесс над эсерами, Готье передал ему этот дневник на хранение. Голдер увез его в США и сохранил в своем личном архиве, где он и пролежал до 1982 г., когда я случайно его обнаружил. Дневник Готье – это почти 500 страниц неправленного автором машинописного текста. Язык – удивительно сочный, яркий, образный. Юрий Владимирович старался осмыслить происходящее вокруг него, размышлял о русской революции, о судьбах страны.

А. И. Благодарю Вас за беседу.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ НЕПРЕДУБЕЖДЕННЫМ ВЗГЛЯДОМ

(ТРИ КНИГИ А. П. КАЖДАНА О ВИЗАНТИИ)

Я. Н. Любарский

К перечню научных и культурных областей, ущемленных в прошлые годы, с полным правом можно отнести и византиноведение. Вряд ли кому придет в голову сравнивать причиненный здесь ущерб с результатами катастроф в биологии и кибернетике или даже в новейшей истории и социологии. Тем не менее сознательно проводившееся снижение уровня исследований, ограничение научного творчества независимо и интересно мыслящих людей нанесли немалый ущерб престижу советской и особенно русской исторической науки, для которой изучение Византии всегда было одной из наиболее традиционных областей. Главной потерей советского византиноведения последних лет была вынужденная эмиграция из СССР в 1978 г. доктора исторических наук А. П. Каждана.

В первый год после выезда из Союза Каждан выступал с лекциями в ряде крупнейших университетов Европы, а потом переехал за океан, где вскоре занял место старшего научного сотрудника главного в США византиноведческого центра в Думбартон-Оксе в Вашингтоне. Переезд на Запад мало что изменил в распорядке дня ученого, заполненном, как и прежде, упорным систематическим трудом. В результате проведенных на Западе десяти лет – три книги и многочисленные статьи во всех византиноведческих изданиях мира, разумеется, помимо выходящего в Москве «Византийского временника», которому Каждан в свое время отдал столько сил, но в котором до недавнего времени стало невозможным не только печатать его статьи, но и упоминать имя ученого.

Изданные в США книги[1] – обобщение многолетних трудов. Их содержание мало знакомо в Советском Союзе даже специалистам, и было бы справедливо вернуть хотя бы в форме схематического изложения результаты работы мысли на ту почву, на которой она зарождалась и развивалась. Это надо сделать, во-первых, для пользы наших исследователей, во-вторых, ради восстановления элементарной справедливости и, в-третьих, из чувства благодарности к ученому, много сделавшему для пропаганды советской византиноведческой науки за рубежом.

Все три книги написаны в соавторстве. Медиевист Ж. Констабль, искусствовед А. Эпстейн, специалист по византийской и древнерусской истории С. Франклин не только отшлифовали английский язык русофонного автора и разделили его основные концепции, но добавили материал из специфических областей знания каждого, конкретизировали некоторые из идей Каждана.

Многие мысли и выводы в этих книгах перекрещиваются, а подчас и повторяются, получая дальнейшее развитие. Сформулированный в одной работе вывод оказывается в другой предпосылкой исследования. Сформировавшаяся у Каждана система взглядов и воззрений на историю Византии настойчиво проводится и развивается им на любом материале и в любом контексте. Своеобразная модель византийской цивилизации, разработанная Кажданом, используется им при анализе самых различных сторон жизни и деятельности византийцев. Многие компоненты этой модели известны отечественным ученым из его доэмиграционных публикаций, но целиком она была собрана и начала функционировать уже на американской почве.

К этому синтезу Каждан шел долгие годы. Начав, как это было характерно почти для всех советских историков прошлых лет, с изучения социально-экономических отношений, углубившись в проблемы источниковедческие, он значительно раньше других обратился к духовной истории Византии. Его интересуют в первую очередь не история безличных социальных процессов, не проблемы филиации текстов и установления источников и датировок, а человек с его материальными и духовными ценностями и устремлениями. Все традиционные проблемы медиевистики остаются в поле зрения ученого, но начинают строго соотноситься с человеком – объектом и субъектом истории и исторической науки. Круг интересов исследователя расширяется, охватывая все новые области, традиционно относящиеся к сфере литературоведения, искусствознания, истории права и так далее. Каждан не становится ни литературоведом, ни историком искусства или права, но материал этих наук начинает занимать все большее место в исследованиях историка, посвятившего свое научное творчество истории человека. В известном смысле в трудах Каждана, как и в работах некоторых других ученых, относящих себя к «культуро-

ЛЮБАРСКИЙ Яков Николаевич – доктор филологических наук, профессор.

[1] Kazhdan A., Constable G. People and Power in Byzantium. Dumbarton Oaks. 1982; Kazhdan A. Studies on Byzantine Literature of the Eleventh and Twelfth Centuries. Cambridge. 1984; Kazhdan A., Epstein A. Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries. University of California Press. 1985.

логическому» направлению, происходит на основе новых методов некий новый синтез ряда гуманитарных наук, раздробившихся на отдельные ветви несколько десятилетий тому назад (классическая филология, медиевистика и т. д.). В этих исканиях он уже в 60-е годы примкнул не к западноевропейскому или американскому византиноведению (тогда еще относительно консервативному), ни тем более к советским историкам Византии (большей частью в то время занятым социологическими изысканиями), а к опыту западноевропейской медиевистики, сочетавшей в лице лучших своих представителей глубину традиционного историко-филологического анализа с современными приемами исследований. В первую очередь, речь идет о школе «Анналов», заслуга которой, как известно, заключалась в переходе от анализа социально-экономических отношений как таковых к воссозданию образа их носителя, то есть человека.

Ученого-гуманитария формирует не только научная школа, но и общественная ситуация, и путь Каждана «к человеку» определила отнюдь не только школа «Анналов». Для характеристики общественной позиции ученого тех лет достаточно напомнить, что в 60-е годы Каждан – один из активных авторов «Нового мира» периода Александра Твардовского. Это было время схваток с журналом «Октябрь» и с силами, за ним стоявшими, и интерес «Нового мира» к античности и средневековью, о которых писал Каждан, был совсем не археологическим. Читатели старшего поколения не забыли ту изощренную технику намеков, аллюзий и эзопова языка, получившего тогда эвфемистическое название «неконтролируемого подтекста», с которым с комическим усердием боролись некоторые ревностные редакторы и цензоры. То, чего нельзя было сказать об окружающей действительности, какое-то время еще можно было упомянуть в применении к Древнему Риму или Византии. Этой «техникой» Каждан владел искусно. Однако перечитывая сейчас его статьи и рецензии четвертьвековой давности, убеждаешься, что прямая аллюзия в них – отнюдь не главная цель. Главный его интерес лежит в несравненно более глубокой области, а именно в проблеме, как себя ведет, как реагирует на общественные «вызовы» человек в условиях будь то демократического или сословного, а главное, тоталитарного и авторитарного общества. Для исследования последнего вопроса византийская цивилизация, естественно, представляла собой идеальную область. Проблемы, волновавшие наших «шестидесятников», всерьез обсуждались Кажданом на материале античности и средневековья, западного и византийского. Академические интересы и общественная потребность парадоксальным образом и вместе с тем очень плодотворно пересеклись между собой и дали историку импульс, который и привел к созданию той «модели» византийского общества, о которой говорилось выше.

В данном сообщении мы остановимся только на важнейших положениях концепции византийской цивилизации, предложенной Кажданом. Эта цивилизация представляла собой систему сходную и вместе с тем принципиально отличную от граничивших с нею во времени и пространстве: античной, средневековой западноевропейской и мусульманской. Понять историю Византии можно только в сопоставлении с этими культурами, а поэтому историческая компаративистика – обязательный и непременный метод исследователя. Если сравнение Византии с мусульманским миром едва намечено, то темы «Византия и античность», «Византия и средневековый Запад» проходят через все три книги красной нитью. Их роль в рассуждениях автора совершенно различна. Задача первой – утвердить право византийской цивилизации на суверенный подход, право, оспаривавшееся целыми поколениями ученых и с большими ограничениями признаваемое ныне.

Почему цивилизация, чьи литераторы пользовались языком Платона и Плутарха, юристы – положениями римского права, риторы имитировали Исократа, а историки – Фукидида и Полибия, цивилизация, жители которой считали себя римлянами, и где действительно продолжали существовать многие римские институты, почему эта цивилизация не только не была античной, но в ряде аспектов ее диалектическим отрицанием? Ответ на этот вопрос – одна из «сверхзадач» Каждана.

Названная проблема имеет давнюю историю, у Каждана гораздо больше оппонентов, нежели сторонников. Главные свои аргументы ученый высказал в полемике с совсем недавним и весьма последовательным защитником теории континуитета, западногерманским византинистом Г. Вейсом. Не выдерживает критики, с точки зрения Каждана, и представление о византийском обществе как о «синтезе» античных и ближневосточных культурных традиций. (Эта точка зрения, как не покажется странным, была представлена в советской науке такими антиподами, как С. С. Аверинцев и З. В. Удальцова.)

Сопоставление Византии с средневековой западной культурой играет в концепции ученого совершенно иную роль. Если византийская цивилизация «суверенна» и представляет собой определенную систему, то ее структура и особенности проявляются только в сравнении с другими параллельными системами, естественно развившимися после гибели античности на обломках ее культуры. И в этом смысле, конечно, нет удобнее объекта для сравнения, чем западное средневековье. Методы сопоставления, использованные А. П. Кажданом, нетривиальны. Вот некоторые примеры. Что думали о византийцах латиняне, посещавшие Константинополь, и в каких словах и выражениях описывали увиденное? Как, в свою очередь, воспринимали западных людей и их порядки византийцы? Этими вопросами задается Каждан и внимательно анализирует данные, справедливо полагая, что в глаза чужестранцу в первую очередь бросается необычное, отличное от его собственного опыта, то, что как раз и может привести современного исследователя к выводам о сущности различия двух культур. Так, он вспоминает пассаж из «Истории» Иоанна Киннама, удивлявшегося, что каждый из крестоносных воинов, прибывших в 1147 г. в Константинополь, находился в подчиненном положении у своего господина. Сообщение Киннама не несет в себе новой информации: система иерархической зависимости на Западе хорошо известна. Знаменателен, однако, самый факт удивления Киннама: в Византии он не встречал ничего подобного. Нейтральный на первый взгляд пассаж свидетельствует о коренном различии между двумя обществами: иерархической структуре западного мира и отсутствии иерархии в Византии XII века.

А вот другой пример. Каждан подробно сопоставляет сообщения о низвержении императора Андроника Комнина (XII в.), принадлежащие византийскому историку Никите Хониату и франкскому рыцарю Роберту де Клари. Такое сопоставление обычно для ученых-историков, пытающихся восстановить достоверную канву реальных событий. Однако Каждана интересуют не столько изложенные этими авторами факты и последовательность событий, сколько тональность рассказа о них, их восприятие авторами. Он видит свою задачу в том, чтобы исследовать различия менталитета западного человека и византийца, в конечном счете определить, где проходит граница между социо-культурными кругами Запада и Востока, в чем состоит суть византийской культуры, модель византийской цивилизации.

Обосновывая свой метод исследований и прослеживая историю изучения византийской цивилизации за истекшие полтора столетия (см. главу «Взгляд на историю византийской цивилизации: от Краузе до Бека и Мэнго» в книге «Studies on Byzantine Literature»), Каждан пишет о наметившейся в последние десятилетия тенденции рассматривать феномен византийской цивилизации не как конгломерат отдельных достаточно произвольно подобранных авторами институтов («быт», «юриспруденция», «литература», «государственное устройство», «наука» и т. п.[2]), а как сложно организованную структуру с непростой связью отдельных элементов. Кульминацией этих уже наметившихся тенденций являются работы Каждана, который ищет некую идею, пронизывавшую все аспекты византийской действительности и в конечном счете определявшей не только то, как, к примеру, византиец рисовал икону или поклонялся императору, но и то, по какому плану строил дом и даже что предпочитал есть на обед, которая объясняла не только, почему византийский ритор не мог обойтись без античных клише, но и по какой причине в упряжке у византийского крестьянина шел один вол, а не восемь, как у иных из его западных коллег. Конечно, сейчас мы несколько утрируем, но в принципе усилия историка развиваются в этом направлении. Каждан не злоупотребляет новейшей семиотической терминологией, но метод его мышления глубоко семиотичен по существу:

[2] Примером такой явно архаичной организации материала могут служить недавно изданные в СССР два тома «Культуры Византии» (М. 1984, 1989). Каждан, будучи еще в Союзе, начал работу над этим изданием.

почти каждое, казалось бы, нейтральное и даже случайное явление и факт для него – знак «византинизма», в сущность которого он хочет проникнуть.

Для Каждана фокус «византинизма» – «человек византийский» (homo byzantinus), анализ которого и выдвинут в центр изложения трех книг (термин этот с легкой руки Каждана входит в систему понятий византинистов). Вот названия первых четырех глав первой из изданных историком в Америке книг: «Homo byzantinus в обществе», «Материальное окружение homo byzantinus», «Homo byzantinus перед Богом», «Homo byzantinus в истории литературы и искусства». Богатый фактический материал преподан здесь вопреки традиции не по обычным рубрикам, а концентрируется вокруг единственного субъекта и объекта истории, «меры всех вещей» – человека. В книге «Изменения в византийской культуре XI–XII вв.» рассказ о глубоких сдвигах в различных областях культурной жизни логично завершается главой, названной «Человек в литературе и искусстве». Хотя изложение в третьей книге «Очерки византийской литературы XI–XII вв.» и не строится вокруг «человеческого фактора», тем не менее индивидуальность каждого из рассматриваемых писателей и его стиля – основное ее содержание. Заметим в скобках, что речь идет о византийских писателях, за которыми вообще, как правило, не признается права на какую бы то ни было индивидуальность.

Было бы долго и неуместно объяснять здесь все нюансы образа homo byzantinus, представленного Кажданом в трех книгах. Отметим только ключевую идею, составляющую основу всех рассуждений историка: «человек византийский», освободившись от полисных связей поздней античности, в отличие от человека западного средневековья, не включился в систему вертикальных и горизонтальных корпоративных связей, но оказался «один на один» перед всевышним Богом и всемогущим василевсом. Этот «индивидуализм без свободы» и составил суть менталитета homo byzantinus, в самом конечном счете определивший своеобразие византийской цивилизации.

Возможность построений определенной модели византийской цивилизации не означает, что эта цивилизация оставалась неподвижной и неизменной в течение всего византийского тысячелетия. Как раз наоборот. Изменчивость и подвижность византийского общества – один из главных тезисов Каждана. И в данном случае позиция исследователя противостоит весьма распространенной точке зрения, согласно которой (в крайнем ее выражении) византийская цивилизация была затянувшимся декадансом античности, не знала «нормального» для любого общества развития, не прошла стадии «детства» (архаики), «зрелости» (классики) и «заката» (эллинизма), с годами не приобретала никаких новых черт и лишь «реализовала самое себя», иными словами, воспроизводила изначально заложенные в ней самой черты. Согласно же воззрениям Каждана, модель византийской цивилизации не была неизменной на протяжении своего существования.

В заключительной части книги «Изменения в византийской культуре в XI–XII вв.» автор пишет: «Изменения эти не случайны и не единичны, они составляют единое целое, включающее различные сферы человеческой деятельности, начиная от сельскохозяйственного и ремесленного производства и кончая созданием великих памятников и преобразованием самих способов мышления. Возрождение городов создало основы для многих сдвигов в интеллектуальных областях, включая возникновение учебных заведений, роста учености и элементов скептицизма. Рамки идеального поведения были расширены, а писатели и художники с большим интересом начали всматриваться в сложность человеческой природы. Судя по произведениям искусства и литературы, человек и природа стали реже противопоставляться один другому и чаще рассматриваться как нечто связанное и взаимодополняющее». В этой цитате – квинтэссенция идей упомянутой книги.

Отметим, что, с нашей точки зрения, в аргументации Каждана порой встречаются известные натяжки [3], но «запас прочности», заложенный в самой сути его концепции, как правило, всякий раз надежно оберегает ее от разрушения. Как любят отмечать представители точных наук, обнаружение таких противоречий обычно предшествует большим открытиям. Как бы то ни было, в культурно-историческом отношении одним из таких противоречивых феноменов, несомненно, является византийская цивилизация, описать которую в непротиворечивых терминах оказывается подчас невозможным. К осознанию этого обстоятельства в последнее время пришли некоторые исследователи; достаточно вспомнить хотя бы название недавней статьи Г. Хунгера «Византия в двух лицах» или упомянуть работы Г. Бека об эротике в Византии, чтобы наличие такой тенденции стало очевидным.

Признание амбивалентности византийской действительности не только убеждение, но и неотъемлемый компонент исследовательского метода Каждана, постоянно фиксирующего внимание на неадекватности византийской действительности самой себе (глава в одной из книг так и называется «Амбивалентность реальности»). Интересно, что «парадоксальности объекта» нередко соответствует и парадоксальность мысли Каждана, чей способ рассуждений диалектичен и далеко не всегда укладывается в рамки элементарного силлогистического мышления. Скажем определеннее. Вскрывая парадоксальность исторической ситуации в Византии, Каждан не боится из ряда предпосылок делать весьма неожиданные на первый взгляд выводы. Вот характерный пример. Учеными предлагалось немало объяснений возрождения античной культуры и образованности в XI–XII вв., но еще никогда этот феномен не получал следующей трактовки: «Склонность Византии к античности появилась из стремления к надежности и в нестабильном обществе путем создания иллюзии культурной преемственности с эллинским прошлым». Не станем дискутировать о справедливости этого утверждения. Культурно-исторические явления редко бывают следствием какой-то одной причины, да и в самом объяснении немало субъективного видения. Ясно одно: трактовка Каждана нетрадиционна, нетривиальна и высвечивает явление с неожиданной стороны. Вспомним, впрочем, что научную истину отнюдь не всегда надо искать в житейском «здравом смысле».

Многие случаи «амбивалентности», приведенные Кажданом, впечатляющи и позволяют увидеть уже известные явления в новом свете. Что могло быть безусловней и абсолютней – и в этом согласны все ученые – власти византийского василевса? Он не только распоряжался жизнью, имуществом и смертью своих подданных, он был земной ипостасью Бога. Однако Каждан видит в отношении к императору и другую сторону. Василевс не только всемогущ, но и бессилен. Он не мог передать свою власть по наследству, в каком-то смысле он не был в состоянии распорядиться даже своей жизнью (многие императоры умерли насильственной смертью), он оказывался рабом сложнейшего придворного церемониала, изменить который не имел права ни в каком отношении и т. д.

Далеко не все замечания в упомянутой выше главе «Амбивалентность реальности» представляются нам справедливыми. Во многих случаях разное отношение византийцев к одному и тому же явлению или факту можно легко объяснить разным мироощущением, присущим тем или иным социальным группам или просто индивидуумам, тем не менее основная мысль об амбивалентности византийского общества не только верна, но и плодотворна.

С воззрениями Каждана на византийскую цивилизацию можно соглашаться, можно отнестись к ним осторожно, а можно не принимать их вовсе. Существенна не абстрактная «истинность» системы его взглядов, а степень ее продуктивности, ее импульсная сила для исследователей. С этой точки зрения концепция Каждана имеет явные преимущества по сравнению с доктринами его оппонентов. Она побуждает не к ограниченному изучению византийской цивилизации, как чего-то застывшего, конечного, неизменного, а к рассмотрению ее в становлении, развитии, взаимосвязи отдельных компонентов и бесконечности проявлений.

Создать столь нетрадиционную систему вряд ли было бы возможным, используя лишь традиционные исторические и филологические методы. Нетривиальности концепции соответствуют и нетривиальные для византиноведения способы иссле-

[3] Здесь мы не будем говорить о несогласии с автором по некоторым частным вопросам. Отметим лишь искусственность попыток свести многие изменения в церковной и религиозной жизни Византии XI–XII вв. к «народным тенденциям» (см. Change in Byzantine Culture, p. 86 ff.). Излишне категорично также утверждать, что знатное происхождение не входило в число царских «доблестей» в IX–X веках. Настойчивое и абсурдное стремление византийских авторов приписать царское происхождение бывшему конюшему, императору Василию I – достаточное опровержение этого тезиса (см. p. 110 ff.) и так далее.

дования. Как всегда достаточно откровенно обнажая механику своего метода, Каждан высказывает вполне еретическую для любого исследователя-традиционалиста мысль, что накопление новых факторов, издание новых текстов и т. п., как бы ни была квалифицированна, трудоемка и престижна эта работа, мало может изменить привычную картину византийской цивилизации. Напротив, нетрадиционные вопросы к старым и, казалось бы, давно исчерпанным источникам могут создать новую и часто неожиданную картину ушедшего общества. Иными словами, историк постановкой нетрадиционных вопросов в состоянии заставить источник дать ему те сведения, которые не собирался сообщать и которыми даже и не обладал его автор (подробно об этом см. главу «В поисках косвенной информации» в книге «Народ и власть в Византии»). Именно благодаря применению этого метода историку удается выделить неклишированное и индивидуальное в системе византийской культуры.

Возникает вопрос, по какой же причине исследователь такого масштаба, как Каждан, перестал быть советским и стал американским ученым. Нетрудно, конечно, отделаться дежурной ссылкой на «период застоя», по самой природе своей враждебного всякой оригинальной мысли и истинной учености. Однако в каждой конкретной области «застой» воплощается в совершенно определенные имена, отчества и фамилии. Таким «именем, отчеством и фамилией» в области византиноведении была заведующая сектором истории Византии Института всеобщей истории АН СССР, директор того же института, главный редактор «Византийского временника» и «Вестника древней истории», член различных редколлегий, председатель или член многих советов, член-корреспондент АН СССР З. В. Удальцова. Мы не ставим перед собой задачу оценивать деятельность покойной З. В. Удальцовой как ученого и администратора науки[4]. Занявшая все мыслимые посты, являясь фигурой донельзя официозной, она испытывала идиосинкразию ко всему оригинальному и независимому в научной мысли и создала условия, при которых пребывание Каждана в руководимом ею секторе и вообще в системе советской медиевистики стало невозможным. В результате наше византиноведение потеряло (а американское приобрело) одного из самых значительных и, во всяком случае, самого неординарного ученого послевоенного поколения.

Вписался ли Каждан органично в систему западной исторической науки? И да, и нет. Нет, потому что «позиция противостояния», которая была свойственна ему в Союзе, сохранилась и на Западе. Однако если здесь это было противостояние идеологическим шорам и дилетантизму в науке, «там» это стало противостоянием консервативным тенденциям в византиноведении. Впрочем подобное противостояние уже не грозит Каждану никакими неприятностями по службе.

Как бы то ни было, даже не интересующемуся проблемами истории Византии русскоязычному читателю было бы очень интересно и полезно прочесть исследования Каждана хотя бы потому, что такие темы его книг (мы выбираем их почти наугад), как имперская великодержавная заносчивость, ксенофобия, восторженное раболепие, роль интеллектуала в тоталитарном государстве и т. д., мы оживленно обсуждаем сейчас на материале собственного недавнего прошлого.

[4] Это уже сделано З. Г. Самодуровой в статье «З. В. Удальцова. Творческий путь» (Византийский временник. Т. 49). Мы, правда, склонны большинство утверждений автора трактовать в прямо противоположном смысле...

С. Н. КАЙДАШ. *Сила слабых. Женщины в России (XI—XIX вв.)* М. Советская Россия. 1989. 288 с.

Новая книга С. Кайдаш повествует о судьбах замечательных русских женщин, живших в XI–XIX веках. Судьбы эти различны, каждая несет на себе печать своего времени. Не однозначно и их место в истории, но все они, по выражению В. Белинского, были «героинями своих обязанностей», хранительницами «Прометеева огня национальной жизни».

Автор использует русские летописи, жития святых, воспоминания, дневники современников, архивные материалы, переписку (некоторые письма, как, например, Н. Д. Фонвизиной-Пущиной – Ф. М. Достоевскому, впервые вводятся в научный оборот). Таким образом, мы имеем дело с серьезным исследованием, результаты которого изложены в увлекательной, популярной форме. Таковы повествования о «коронованных киевлянках» – дочерях Ярослава Мудрого: Елизавете – королеве Норвегии, Анне – королеве Франции, Анастасии – королеве Венгрии, оставивших заметный след в истории этих стран. Широкому читателю менее известна судьба Евпраксии Всеволодовны (1071–1109 гг.) – жены саксонского маркграфа, а затем германского императора Генриха IV, активной участницы бурных политических событий в Империи.

Говоря о женщинах Древней Руси, автор подчеркивает, что многие из них славились своей образованностью. Перепиской книг при Софийском соборе занималась полоцкая княжна Предслава (Евфросинья Полоцкая), основавшая школу для девочек, где обучали «ремеслам, пению и швению». Супруга Владимирского князя Всеволода Большое Гнездо, подобно Владимиру Мономаху, оставила поучение своим сыновьям (1205 г.). Она обратилась к ним с патриотическим призывом, чрезвычайно важным в то время: «Аще ли же в ненависти и распрях и в которых будете между собою, то сами погибнете и благословенное наследие державу отечества вашего изгубите юже праотцы и отец ваш и протьчее средство ваше многим трудом и потом приобретоша».

Одна из глав книги посвящена Ярославне из «Слова о полку Игореве», причем Кайдаш нашла и здесь свой, оригинальный ракурс исследования, позволивший полнее и ярче высветить этот привлекательный образ. Ростовские предания донесли до нас сведения о княгине Марье-летописице, принявшей участие в составлении жития князя Михаила Черниговского. После нашествия полчищ Батыя и разгрома таких центров просвещения, как Киев, Чернигов, Рязань и Владимир, именно Ростов Великий на какое-то время стал духовным центром, продолжавшим традиции русского летописания. Вслед за академиком Д. С. Лихачевым, С. Кайдаш, сопоставив пока малоизвестные факты, утверждает, что автором Ростовской летописи середины XIII в. была именно княгиня Марья.

Не только мудростью, но и храбростью славились русские женщины. На Куликовом поле плечом к плечу с мужчинами сражались княгиня Феодора, Дарья Андреевна Ростовская, Фекла и другие женщины, имена которых, к сожалению, до нас не дошли.

Используя летописи, записки соотечественников, воспоминания иностранцев, опираясь на богатую литературу, Кайдаш смогла нарисовать обаятельный и трагический образ дочери царя Бориса – Ксении Годуновой.

Из героинь XVIII в. Кайдаш остановила свой выбор на Наталье Долгорукой. Полюбив в 16 лет удачливого красавца – царского фаворита, она по доброй воле разделила с ним опалу и ссылку в Березов, а после его казни, оставшись молодой вдовой, сохранила верность мужу до конца своей жизни. Уже в немолодые годы она написала: «Положила свое намерение, когда сердце одному отдав, жить или умереть вместе Я не имела такой привычки, чтобы сегодня любить одного, а завтра другого. В нонешний век така мода, а я доказала свету, что я в любви верна: во всех злоключениях и была своему мужу товарищ».

Из блестящего ряда женщин XIX в. особое внимание Кайдаш привлекла Зинаида Волконская, которую Пушкин не случайно назвал «царицей муз и красоты». Как человек необычайной духовной силы и одаренности, предстает со страниц книги почти не известная нам Наталья Дмитриевна Фонвизина-Пущина, состоявшая в переписке с Ф. М. Достоевским. Л. Н. Толстой, прочтя ее «Исповедь», настолько увлекся этой личностью, что предполагал сделать героиней романа о декабристах. Пушкинисты называют несколько имен, послуживших прототипом Татьяны Лариной. Кайдаш склоняется в пользу Фонвизиной-Пущиной.

Завершают книгу рассказы о Марии Константиновне Цебриковой и Вере Фигнер. О первой знают сейчас немногие, но в 90-е годы прошлого века ее имя было на устах у всей читающей России. Она обратилась с обличающим самодержавие письмом к Александру III. Письмо это ходило в списках, его обсуждали, спорили, а призыв Цебриковой «Будите совесть!» не остался без ответа.

О Вере Фигнер, родившейся при Николае I, а скончавшейся в 1942 г., которой, по выражению А. И. Герцена, выпала удача «увидеть концы начал», мы знаем гораздо больше. Но и здесь Кайдаш нашла свои краски, показав в рассказе о ней силу и слабость движения народовольцев.

А. П. Бажова

M. PERRIE. *The Image Ivan the Terrible in Russian Folklore*. Cambridge. 1987.
М. ПЕРРИ. *Образ Ивана Грозного в русском фольклоре*

Монография английской исследовательницы М. Перри посвящена проблеме формирования монархических идей в сознании русского народа. Ее занимает вопрос: каким образом царь Иван Грозный, повинный в массовых репрессиях против русского народа, получил положительную оценку в отечественном фольклоре?

Русские историки первой половины XIX в. полагали, что миф об Иване Грозном был настолько силен, что позволил в устном народном творчестве преодолеть отрицательные индивидуальные его черты. Исследователи конца прошлого века установили, что фольклорный образ царя не всегда был положительным. В советской историографии долгое время господствовало представление, что положительный образ Ивана Грозного в устном народном творчестве возник в результате одобрения централизаторской политики царя широкими народными массами. М. Перри установила, что работы русских и советских историков и фольклористов базируются главным образом на анализе какого-либо одного типа источников: либо письменных, либо фольклорных. Сама она попыталась синтезировать эти данные.

Изучив оценки Ивана IV современниками, отражение его личности в фольклоре и мемуарах иностранцев, в русской письменности XVII–XVIII вв., а также в исторических песнях о царе, записанных в XIX–XX вв., Перри попыталась проследить различия в подходе к личности и делам царя. В мемуарах иностранцев господствовали негативные оценки. Жители восточных и центральных областей России считали борьбу Ивана Грозного с внешними и внутренними врагами справедливой, хотя и сожалели, что вместе с изменниками-боярами и казнокрадами-чиновниками часто гибнут невинные. Население Новгородской и Псковской земель, особенно пострадавшее в результате опричных погромов и Ливонской войны, было убеждено, что в их бедах повинно окружение Ивана Грозного, а не царь.

Перри обнаружила свидетельства монархических иллюзий у русских людей задолго до воцарения Ивана Грозного и тем самым поставила под сомнение господствующее в отечественной историографии представление, что эти иллюзии зародились в России лишь в середине XVI века. Внешнеполитические успехи и реформы государственного управления в первые годы царствования Ивана Грозного способствовали развитию этих представлений. Население, по мнению Перри, увидело в массовых казнях в период опричнины проявление одного из главных качеств «истинного царя»: беспощадность к врагам внешним и внутренним. Собственно и сам Иван Грозный в своих обращениях к народу всячески старался поддержать это мнение.

Идеализация Ивана Грозного, как показала Перри, произошла много позже, в XVII в., когда песни и молитвы современников о царе были переосмыслены потомками. Этот процесс шел в двух направлениях. С одной стороны, экономические, социальные, политические потрясения «бунташного» XVII века заставляли русский народ рассматривать время правления Ивана Грозного как своеобразный «золотой век», с другой – бесцветные личности, сидевшие на троне в это столетие, вынуждали с сожалением вспоминать о жестоком, но деятельном царе. В исторических песнях черты реального Ивана Грозного постепенно забылись и почти исчезли. В дальнейшем этот фольклорный образ Ивана IV мало изменился.

Предложенные Перри объяснения причин возникновения в фольклоре положительного образа Ивана IV представляются убедительными. Они, по нашему мнению, развивают взгляды исследователей, полагавших, что миф о царе был настолько силен, что позволил преодолеть в фольклоре черты индивидуальной личности. Однако Перри не дает аргументированного ответа, что обусловило возникновение монархических иллюзий в русском народе в XIV–XV веках. Думается, что ответ на этот вопрос следует искать в изучении того влияния, которое оказала на сознание людей прогрессивная роль монархии, возглавившей борьбу дворян, посадских и крестьян против феодальных смут и сепаратизма в России и Европе в этот период.

Кроме того, вывод о существовании монархических иллюзий в XIV–XV вв. ставит вопрос, почему в фольклоре отсутствуют положительные образы Ивана III и Василия III. В годы правления этих царей также были достигнуты успехи, и они отнюдь не были милосердны к своим врагам. Не означает ли это, что «песни и молитвы» их современников, сыграли свою роль в формировании исторических песен об Иване Грозном, образ которого вобрал в себя и фольклорные образы его предков?

Интересно проведенное Перри сравнение сходных черт в процессах формирования положительных образов Ивана Грозного в фольклоре и Сталина в сознании советских людей 1930–1980 годов. Однако наблюдения исследовательницы носят предварительный характер и нуждаются во всесторонней проверке.

В рецензируемой монографии рассматривается проблема зарождения одного из видов монархических идей – идеализации правящего царя. В специальной статье о народных социально-утопических легендах в России в начале XVII в. автор анализировал обстоятельства возникновения такого типа монархических представлений в сознании русского народа, который заключается в вере, что правящий царь является узурпатором, а истинный скрывается, но скоро объявится и избавит народ от угнетателей. Перри поставила под сомнение точку зрения К. В. Чистова, принятую большинством западных историков [1]. Чистов проанализировал идеи, которыми руководствовались русские люди в своих выступлениях против существующего порядка. При этом он отказался от социологических схем, в которых все действия крестьян и посадских ставились в жесткую зависимость от экономического фактора развития общества и классовой борьбы. Исследователь полагает, что в конце XVI – начале XVII в. коллективным разумом народа был создав цикл социально-утопических легенд о царях-избавителях. В начале XVII в. самозванцы использовали эти легенды в своей борьбе против законных монархов и своими действиями способствовали дискредитации и изживанию этих легенд [2]. Перри обратила внимание на то, что Чистов, анализируя свидетельства о чудесных спасениях и появлениях царей-избавителей в письменных источниках XVII в., отнесси к ним как к жанру фольклора и применил методику работы с фольклорными, а не с письменными источниками, как того требовал материал (с. 222).

Исследовательница изучила свидетельства о чудесных спасениях и появлениях царевича и царя Дмитрия, Бориса Годунова и царевича Петра в записках иностравцев, летописях, сказаниях и др. источниках и установила, что до появления самозванцев каких-либо социально-утопических легенд не существовало. В народе часто распространялись слухи, источниками которых были люди, причастные к борьбе за власть. Однако после разгрома той или иной оппозиционной группировки эти слухи постепенно исчезали. Так было с легендой о чудесном спасении Дмитрия, которую в 1591 г. распространяли Нагие, а в 1598 г.– Романовы. Так было и с версией о бегстве Бориса Годунова за рубеж в 1605 году. Затем, после появления самозванцев, слухи подверглись тщательной переработке их ближайшим окружением. Именно так путаный и малоубедительный рассказ Григория Отрепьева с помощью его польских покровителей приобрел вид правдоподобной истории, которая смогла увлечь русских людей и способствовала успехам самозванца. Аналогичным образом во время восстания в Москве в 1606 г. молва о чудесном спасении царя Дмитрия приобрела форму законченного рассказа. Исто-

[1] Perrie M. Popular Socio-Utopian Legends in the Time of Troubles.– The Slavonik and East European Review, 1982, Vol. 60, April, pp. 221–222; Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М. 1967.

[2] Чистов К. В. Ук. соч., с. 24–32.

рии о царевиче Петре вообще возникла без каких-либо предварительных слухов. Она создана терскими казаками-станичниками, которым был нужен повод для расправ с купцами и дворянами на Волге.

Примечательно, что все эти истории приобрели отмеченные Чистовым фольклорные черты только после того, как их стали распространять в прокламациях сторонники самозванцев. Поэтому, полагает Перри, элементы фольклора в историях самозванцев свидетельствуют о своеобразном осмыслении этих историй простолюдинами, а не о существовании социально-утопических легенд, как считает Чистов.

Эти наблюдения позволили Перри отказаться от гипотезы о существовании в России в начале XVII в. социально-утопических легенд о царях-избавителях и прийти к выводу, что эти легенды на деле представляют собой истории, сочиненные самозванцами и их сторонниками и посвоему переосмысленные народом (с. 242–243).

Выводы Перри развивают взгляды С. Ф. Платонова, который считал исходным этапом кризиса начала XVII в. борьбу за власть после пресечения династии Рюриковичей [3]. Они довольно убедительны и показывают, что основа монархических представлений о царях-узурпаторах и царях-избавителях была заложена в начале XVII в. борющимися за власть самозванцами в их ближайшими сторонниками. Однако вопрос, превратились ли в дальнейшем, в XVII–XVIII вв., истории самозванцев в народные социально-утопические легенды, остается открытым.

Данные, полученные Перри, открывают перспективу пересмотра и углубления традиционных представлений о зарождении и изживании монархических иллюзий в русском народе.

И. О. Тюменцев

[3] Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб. 1901, с. 181–182.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

О «НЕИСТОВОМ МАРТЕМЬЯНЕ»

С огромным интересом прочитала статью И. Б. Шишкина «Дело Рютина» в вашем журнале (1989, № 7). Да, дело моего деда М. Н. Рютина таинственно. И я думаю, что причин тому, помимо названных в статье, немало. Есть, наверное, и чисто психологические. Сталин боялся цитировать правду, особенно если она написана ярким публицистом, таким, как Мартемьян Никитич. И еще одна причина: то, что говорил и писал дед по поводу методов коллективизации сельского хозяйства, вошло позже целыми абзацами в сталинскую газетную статью «Головокружение от успехов» – этот «гениальный труд гениального вождя».

В свое время платформу Рютина читал весь первый партэшелон (зря Н. И. Бухарин открещивался). И не просто читали, но и от себя добавляли. «Дело» деда в 1932 г. обсуждалось во всех московских парторганизациях, однако, полагаю, обсуждалось так же, как позднее «Доктор Живаго» Пастернака, то есть без прочтения как платформы, так и «обращения».

В статье Шишкина впервые дается общий анализ деятельности «Союза», рассказывается о Каюровых, чудесных людях. Интересно, что когда уже при Н. С. Хрущеве готовили для съездовского доклада раздел по «уклонам», мою маму приглашали в ЦК КПСС, расспрашивали о рютинской платформе.

В 1963 г. я и сама побывала в КПК при ЦК КПСС по поводу предоставления маме жилья. Меня принял (а я была с партбилетом) какой-то товарищ с неизвестной мне фамилией. Требовалось немногое: лишь бы Комиссия Партийного Контроля подтвердила Кировскому райкому партии и Кировскому райсовету Москвы, что мама действительно проживала в Москве до Великой Отечественной войны. Жилье ей тогда предоставили от ее работы. Послевоенного же стажа проживания в Москве не хватало, а домовых книг не сохранилось. И вот, глядя мне в глаза, этот товарищ сказал: «Ваш дедушка не реабилитирован, и реабилитировать его не будут». Хрущев квартиру маме, однако, дал.

Очень был заинтересован в том, чтобы никогда не всплывало имя Рютина, такой партийный «теоретик», как Ем. Ярославский. Ему невыгодно было упоминать о Рютине, ибо Сталин мог докопаться до былой связи между Рютиными и Ярославскими. Дело в том, что брат моей бабушки Евдокии Михайловны М. М. Константинов (профессор истории), некогда меньшевик, был большим личным другом Емельяна. Они до революции сидели вместе, то ли на каторге, то ли в Александровском централе (Иркутская губ.). Когда деда перевели из Дагестана на работу в Москву, то эти три семьи – Константиновы, Рютины и Ярославские – часто встречались у Константинова, в доме бывших политкаторжан на ул. Чаплыгина, возле Лялина переулка. Обедали, беседовали, спорили. Ярославский и дед после ожесточенных столкновений «перековали» Михаила Михайловича в большевика и дали ему рекомендацию для вступления в Коммунистическую партию. Константинов умер от сердечного приступа, некролог в газете «Известия» подписал Ярославский (кажется, в 1938 г.).

Но позднее, боясь, Емельян особо усердствовал в «разоблачении» моего деда, а потом в своих «изысканиях» старался просто молчать о Рютине. Одного Рютина он как бы держал для себя, другого – для Сталина.

Мне было 15 лет, когда, продав все вещи и еще заняв денег, мама отправила меня в Москву из Караганды искать могилу бабушки. Могилы никакой я не нашла, конечно, а вот справку о том, что бабушка умерла в Карлаге, то есть совсем рядом с нами, я получила. Мною овладело отчаяние: как я по возвращении скажу об этом маме?

Я позвонила теще старшего сына Рютина Е. Ф. Владимирской (вероятно, сестре того Владимирского, чей прах захоронен в Кремлевской стене). Повезла меня Елена Федоровна в Кратово. Был 1946 год. Там старушки, в том числе члены семьи уже покойного Ярославского, пожелали посмотреть на внучку «неистового Мартемьяна». Я стояла перед ними, опустив голову, а они вдруг стали мне говорить, какой замечательный у меня был дед, только слишком горячий, и как я буду еще им гордиться. Бумажка про бабушку, вместе с остатком денег спрятанная в лифчике, жгла меня; их слова были пыткой... Я думала, что задохнусь от слез в тамбуре электрички, возвращаясь из Кратова в Москву.

Но вот о физическом устранении Сталина предположение И. Б. Шишкина в его статье никуда не годится: это полностью отметал еще сам Мартемьян Никитич в своем письме в ЦИК («Известия ЦК КПСС», 1989, № 6). Логика письма абсолютно безупречна. Хотя лично я считаю, что три копейки цена всем револьверам, изъятым энкаведистами у старых большевиков при обысках: у Рыкова они лежали под матрацем, но без дела. И Томский зря пальнул в себя: надо было стрелять, куда следует.

Ю. З. Жуковская (Рютина), Ленинград

ПРАВДА ИЛИ НОВАЯ ЛЕГЕНДА?

Статья Е. И. Рыбкина «Мировоззрение и военная история» в «Военно-историческом журнале» (1989, № 3) сразу заставляет вспомнить о письме Н. Андреевой «Не могу поступаться принципами» в газете «Советская Россия». Рыбкин обеспокоен тем, что «на смену искажениям исторических фактов Сталиным и сталинистами пришли искажения и акценты противоположного характера» (с. 49). Признавая, что «массы людей на веру принимали «великие подвиги» Сталина в гражданской войне и еще больше — в Великой Отечественной войне», он подчеркивает, что «вместе с тем мы не можем отрицать немалых заслуг Сталина в эти периоды» (там же).

Что же относит Рыбкин к числу сталинских заслуг? Прежде всего заключение в 1939 г. договоров с Гитлером о ненападении и о дружбе и границе, которые будто бы раскололи империалистический мир (по мнению автора, он «вплоть до поражения Франции летом 1940 г.» угрожал нам созданием «единого фронта империализма против нас») и даже «практически предопределили победу в 1945 году» (с. 51). И ни слова о том, что договорам сопутствовали секретные протоколы, поделившие Восточную Европу на сферы влияния, что к лету 1939 г. противоречия Англии и Франции с Германией достигли такой остроты, что о соглашении против СССР нельзя было помышлять всерьез (Англия сразу после пакта 23 августа превратила свои гарантии Польше в двухсторонний договор, отсрочив тем самым на неделю гитлеровское нападение и подтвердив свою решимость сражаться).

Много внимания Рыбкин уделяет вопросу о советских военных потерях. Он пишет «как человек, непосредственно принимавший в середине 70-х годов участие в сборе информации о потерях и их анализе, скажу прямо: эти сведения есть, и они довольно исчерпывающие. Некоторые цифры проникли в печать давно» (с. 52). Получается, что эти сведения уже обнародованы. Но далее Рыбкин к ним почему-то не обращается, а лишь высказывает мнение, что цифру потерь в 10 млн. убитых можно принять, включив в нее как павших на поле боя, так и 4,5 млн. погибших в фашистском плену. Наши же расчеты потерь («Вопросы истории», 1988, № 9) он называет «неуклюжими», используя для их дискредитации следующий прием: суммирует число убитых, умерших от ран, пленных и раненых и сравнивает полученный результат с общим числом мобилизованных, получая превышение потерь над числом мобилизованных в 30—40%. Между тем суммировать можно лишь данные о безвозвратных потерях — убитых, умерших от ран и в плену, так как раненые в большинстве возвращались в строй, некоторые были ранены несколько раз или в дальнейшем умерли от ран или были убиты.

Если провести подсчеты правильно и учесть, что после войны в Советской Армии насчитывалось более 11 (а не более 9, как думает Рыбкин) млн. человек, то получится, что из армии в ходе войны из 31 млн. мобилизованных примерно 3 млн. было уволено по инвалидности, что вполне соответствует общему числу раненых и подтверждает правильность наших расчетов. Да и советских пленных в нацистских лагерях погибло от 3,3 до 3,7 млн., а не 4,5 [1]. Соотношение же убитых на советско-германском фронте было, к сожалению, не 2 : 1 как считает Рыбкин, а почти 4 : 1 не в нашу пользу.

Общее число раненых в Советских Вооруженных Силах в годы войны можно определить весьма точно. Известно, что средняя загруженность коечной сети эвакогоспиталей по максимальному развертыванию составляла 85—87 пораженных в боях на каждые 10 коек [2]. Цифра максимального развертывания — 1 719 450 коек [3]. Через эвакогоспитали прошло 51,5% всех раненых [4]. Таким образом, общее число пораженных в боях можно определить в 28,7 млн. человек. Из числа раненых умерло около 2 млн. человек. Соотношение между числом пораженных в боях и погибших на поле боя (8,5 млн.) — 3,4 : 1. Отметим, что в германской армия за годы войны число пораженных в боях было во много раз меньше — не более 7 миллионов. Наиболее неблагоприятным соотношение потерь между вооруженными силами СССР и Германии было в период битвы под Курском в июле и августе 1943 г., когда советские потери пораженными в боях достигли максимума — 2,5 млн. человек. Общие германские потери на Восточном фронте (без пленных) за тот же период составили 0,5 млн. человек, то есть в 5 раз меньше советских [5].

Соглашаясь с тем, что в 1941 г. в плен попало 3,9 млн. красноармейцев, Рыбкин в то же время утверждает: «Прорываясь в глубь страны, гитлеровцы брали в плен сотни тысяч отмобилизованных, обмундированных, имеющих знаки различия (солдаты и офицеры запаса) советских людей, которых и военными-то еще было назвать нельзя, ибо они брели по дорогам войны без оружия, без подчинения определенному командованию» (с. 52). Их число Рыбкин оценивает в 1,5—2 млн. человек. Но, во-первых, обмундирование запасные могли получить только в части, значит, под какое-то командование они все же поступили, во-вторых, самые крупные котлы 1941 г., давшие более 600 тыс. пленных каждый (Киевский, под Вязьмой и Брянском), приходятся на сентябрь и октябрь, когда все запасные уже давно были в строю и должны были пройти переподготовку. Даже бывший генерал вермахта признает, что советскому руководству из занятых немцами областей «все население, способное носить оружие, удалось своевременно эвакуировать» [6].

Рыбкин довольно своеобразно объясняет тот факт, что наши потери на поле боя многократно превосходили немецкие. Отмечая и ослабление Красной Армии в результате сталинских репрессий, и внезапность нападения Германии, в качестве дополнительных причин он выдвигает запоздалый переход Красной Армии к кадровой системе комплектования (по его мнению, в 1940, в действительности — в 1935—1939, тогда как в Германии — в 1938 г.), а также неуклонно нараставшую после Курской битвы «опасность возникновения блока Германии с ее тогда еще противниками на Западе, а также выхода из войны (очевидно, западных союзников.— *Б. С.*) с устранением Гитлера и его клики» (с. 53). Из-за этой опасности «нам надо было спешить, наносить удар за ударом, порой даже не считаясь с потерями» (с. 54).

По оценке германской разведки, к 1 мая 1942 г. потери Советских Вооруженных Сил составили 1,7 млн. убитыми и 1,8 млн. инвалидов (в число инвалидов, очевидно, включены и умершие от ран) [7]. Потери вермахта убитыми на Восточном фронте к 1 мая 1942 г. достигли 245 тыс. человек. Потери люфтваффе можно оценить в 10 тыс. убитыми, потери германских союзников — в 55 тысяч убитыми [8]. Так что за первые 10 месяцев войны соотношение потерь убитыми получается 5,5 : 1, а если учесть что за первые 4,5 месяца войны это соотношение близко к 3 : 1, то получается, что соотношение потерь в период с ноября 1941 г. по май 1942 г. — 6 : 1.

В это время Красная Армия главным образом наступала, фактор внезапности уже сошел на нет, а фактор возможного сепаратного сговора союзников с Гитлером, по мнению самого же Рыбкина, не играл существенной роли. В последний же год войны, когда, если следовать логике Рыбкина, действие «фактора сепаратного мира» на нашу стратегию и тактику должно было быть максимальным, соотношение потерь оказывается самым благоприятным для Красной Армии за всю войну — 2,8 : 1. Тут сказались как рост боевого опыта и оснащенности наших войск, так и ухудшение качества личного состава и сравнительной оснащенности вооружением и техникой армии противника, где с осени 1944 г. значительную часть солдат составляли ополченцы-фольксштурмисты.

Налицо, таким образом, попытка включить новую, более обширную информацию о войне, ставшую достоянием общественности (будь то о советско-германских договорах или о советских военных потерях), в новую систему мифов. Еще один образец такого мифа — объяснение того, «почему мы теряли даже во время быстрых и эффектных наступательных ударов больше техники, чем вермахт», малым временем, отпущенным «для культурной революции в нашей стране», из-за чего «народ в своей массе не успел освоить технику как на производстве, так и в армии» (с. 55). Поэтому в вопрос о производстве и потерях советской боевой техники пора внести ясность. Известно, что советские безвозвратные среднемесячные потери танков составляли 19% от находившихся на фронте [9]. Если взять данные о количестве танков на фронте (в основном на даты накануне начала военных кампаний, когда это количество было максимальным [10], то получится, что наши безвозвратные потери в танках не превышали 63 тысяч. Но за годы войны мы произвели официально 102,8 тыс. танков и САУ и 134,1 тыс. самолетов. Кроме того, 12,5 тыс. танков и 18 тыс. самолетов мы получили от США и Анг-

---

[1] Вопросы истории, 1989, № 3, с. 37

[2] Военно-медицинский журнал, 1970, № 5, с. 12.

[3] История второй мировой войны 1939—1945. Т. 9. М. 1978, с. 515.

[4] Кузьмин М. К. Советская медицина в годы Великой Отечественной войны. М. 1979, с. 82.

[5] Подсчитано по: Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945. Т. 3. М. 1976, с. 338—339; Смирнов Е. И. Война и военная медицина. М. 1979, с. 188.

[6] Типпельскирх К. История второй мировой войны. М. 1956, с. 228.

[7] Gehlen R. Der Denst. Erinnerungen 1942—1971. Mainz — Wiesbaden. 1971. S. 26.

[8] Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3, кн. 2. М. 1971, с. 240; Мировая война 1939—1945. М. 1957, с. 515.

[9] Военная стратегия. М. 1963, с. 427.

[10] Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. Краткая история. М. 1984, с. 515; Советские Вооруженные Силы 1918—1988. М. 1987, с. 218.

лии [11]. С учетом довоенного производства и числа танков в войсках в конце войны наши безвозвратные потери в танках должны были достичь 120 тысяч! В действительности, как видим, они были на 57 тыс. меньше. Значит, эти 57 тыс. существовали лишь на бумаге, и наше производство танков завышено против действительного в 2,2 раза. Интересно, что немецкая разведка в августе 1942 г. доносила Гитлеру, что СССР выпускает 1 тыс. танков в месяц. Это было сочтено преувеличением. Но официально танков мы тогда выпускали вдвое больше [12]. Теперь ясно, что германская разведка не ошибалась, а завышены были данные о нашем производстве.

Та же ситуация и с самолетами. По немецким данным, в воздушных боях за всю войну было уничтожено 45 тыс. советских самолетов [13] (цифра, возможно, преувеличена, число сбитых самолетов противника обычно завышают). Во второй мировой войне доля самолетов, уничтоженных зенитным огнем и на аэродромах, составляла около 10% всех боевых потерь [14], а небоевые потери (эксплуатационные и учебные) были примерно вдвое меньше боевых [15]. Поэтому общие безвозвратные потери советских самолетов можно оценить в 75–80 тыс., тогда как, исходя из данных об их производстве, лендлизе и количестве самолетов на фронте в начале и в конце войны, потери должны были бы достигать 140–150 тысяч. Опять 70–80 тыс. несуществующих самолетов, опять завышение производства в 2,2 раза. О самых ординарных приписках говорит и тот факт, что с 1941 по 1943 г. время, затрачиваемое на производство одного танка и одного самолета, уменьшилось вдвое [16]. Действительные же потери нашей авиации фактически равны потерям люфтваффе на Восточном фронте – 77 тыс. самолетов [17].

Нет, в наступлении мы не теряли больше техники, чем противник. Виновата сталинская система, не только ни в грош не ставившая жизнь человека, но и породившая массовое очковтирательство, искажавшее реальное положение дел в военной экономике. Между тем Рыбкин категорически отказывается считать главной причиной наших ошибок и неудач «исторических издержек», по его выражению, «пороки развития социалистического строя или гнет личности Сталина» (с. 55).

Необходимо ликвидировать все «белые пятна» в истории Великой Отечественной войны, открыть все относящиеся к этому периоду архивные документы. Полная правда о войне не позволит создавать новые легенды, когда полуправда оказывается тесно сплетена с мифом.

Б. В. Соколов

[11] Советская Военная энциклопедия. Т. 2, с. 66; т. 4, с. 599.

[12] Лацис О. Р. Выйти из квадрата. М. 1989, с. 23.

[13] Международная жизнь, 1989, № 4, с. 25.

[14] См. Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. С. 36, 148, 168.

[15] Подсчитано по: Мировая война 1939–1945, с. 515.

[16] Вознесенский Н. А. Избранные произведения 1931–1947. М. 1979, с. 552.

[17] Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия, с. 36, 148, 168; Развитие Советских Вооруженных Сил и военного искусства в Великой Отечественной войне 1941–1945. М. 1988, с. 271.

ПАМЯТНИКОВЕДЕНИЕ – НАУКА...

Если весь комплекс дисциплин, связанных с многообразным развитием музейного дела, называется «музееведение», то как именовать науку о выявлении, систематизации, изучении, реставрации, охране и использовании памятников природы, истории и культуры? Логичнее всего – «памятниковедение». И эта наука фактически уже существует, не ожидая особого академического благословения. Редколлегию последнего сборника «Памятниковедение» составили такие известные специалисты в области охраны и изучения различного рода отечественных памятников, как академики В. П. Алексеев, А. П. Деревянко, В. П. Мишин, чл.-корр. АН СССР В. Л. Янин... Однако специалистов из отдела отечественных памятников Института истории СССР АН СССР, к сожалению, среди авторов и редакторов подобных сборников нет [1]. Создается впечатление, что для этих специалистов (а они вносят свой вклад в координацию памятниковедческих исследований в стране) нет самой науки, которой они призваны служить. Их настроение может передаваться различным памятниковедческим учреждениям, и тогда потребуются долгие годы, чтобы эта реально существующая наука стала широко признанной и способствовала улучшению всего теоретического и практического памятниковедения в стране.

[1] См.: Памятниковедение. Теория, методология, практика. М. 1986; Памятниковедение науки и техники: теория, методика, практика. М. 1988. НИИ культуры РСФСР готовит следующий выпуск научных трудов.

Недавно вышли две весьма полезные своим конкретным фактическим материалом работы ведущих сотрудников отдела [2], но авторы стоически избегают употреблять даже термин «памятниковедение». Игнорирование памятниковедения как науки (с существенной методологической частью) ведет к заметным теоретическим и даже фактическим просчетам.

Ю. Н. Жуков высказывает мнение, что первые «попытки осознать историю страны, народа, личную причастность к ней, зависимость от нее, желание сохранить материальные свидетельства прошлого связаны в России с Петровской эпохой» (с. 19). А до этого разве не было таких попыток? Например, созданная к XII в. известная летопись прямо называлась «Вот повести минувших лет, откуда пошла Русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла Русская земля». И наши пращуры, выходившие на территорию будущей Руси задолго до нашей эры, тоже имели свое осознание, особенно в эпосе. Главными «материальными свидетельствами прошлого» чаще всего они признавали «могилы предков», свято охраняя их, и за это им больше всего благодарны археологи.

Памятниковедение признает многотысячелетние корни разнообразной памятниковедческой деятельности любого народа, его предков и прапредков. Оно позволяет видеть всю историю во всей полноте бесконечного разнообразия памятников, тогда как специалисты по отдельным периодам истории слишком абсолютизируют границы этих периодов, рвут (правда, с благородной целью углубленного исследования) единую историческую ткань, созданную этим разнообразием памятников. Отсюда может возникать ущербность, явная ограниченность исторического сознания того или иного народа, что, например, в советском народе вызвано абсолютизацией истории Октября, игнорированием древнего прошлого Родины.

До 1917 г. и в первые годы Советской власти памятниковедение чаще всего развивалось как «отчизноведение», или «родиноведение» [3]. Затем закрепился термин «краеведение» (ведь можно заниматься историей «края», который для исследователя родиной не является), а осознание памятниковедческого единства всех «краев» в рамках Родины (Отчизны, Отечества) стало подменяться различными интернационалистскими построениями. Ответственность каждого человека перед всем человечеством за благоустройство места, где он родился и вырос, сменилась ожиданием «мировой революции», «оргнабором» и перебросками по стране, да и за ее пределы. Насильственный отрыв человека от комплекса «родных памятников» и привел к той обстановке в стране, которую мы с болью переживаем. Нынешние «формальные памятниковеды» нередко считают многих краеведов рангом много ниже себя, тогда как в первое десятилетие Октября развитием краеведения непосредственно занималась Академия наук, возникла и существовала целая сеть местных краеведческих институтов (затем стали доминировать историко-партийные учреждения и исследования по истории советского периода).

Закономерен вопрос о соотношении памятниковедения и источниковедения. В науке допустимы разные ответы на него. Например, еще один сотрудник отдела считает возможным определить «исторический источник не как памятник, а в форме абстрактной познавательной категории»(?) [4]. Пытаясь исключить понятия «памятник» и «памятниковедение» из терминологического словаря по источниковедению, автор неизбежно противоречит сам себе: в задачах археографии он определяет «описание памятников письменности», в задачах классификации – «способ изучения памятников: их поиск», а в критике показаний источников – извлечение «достоверных свидетельств о фактах из памятников». Как же извлекать достоверные свидетельства из того, что существует лишь «в форме абстрактной познавательной категории»?!

Памятниковедение много шире источниковедения и вбирает его в себя как одно из своих направлений, но при этом источниковедение много глубже памятниковедения, ибо всесторонне изучает отдельные памятники или их конкретные группы (в рамках ограниченных и вполне конкретных исторических тем и периодов). Памятниковеду достаточно иметь о памятнике самые общие сведения (но обязательно верные), важные для его общественной оценки, его использования в экскурсиях, определения места памятника в ряду всех других и т. д. Для источниковеда чаще всего эти сведения являются лишь исходными для последующего углубленного изучения. Самые общие источниковедческие обзоры (типа «дореволюционное источниковедение» или «советское источниковедение») фактически оказываются памятниковедением: перечисляют основные группы памятников, дают им сравнительно общие характеристики. Но иначе и быть не могло, если реальность памятниковедения как науки игнорировалась, да и до сих пор нередко игнорируется.

[2] Гаврилов Б. И. Памятники Великой Отечественной войны. М. 1989; Жуков Ю. Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. 1917–1920. М. 1989.

[3] См. Назаров М. И. Указатель книг и статей по выставочному, музейному, экскурсионному делу и родиноведению. М. 1919; и др.

[4] Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод. М. 1983, с. 216; см. также с. 221–223.

Памятниковедение не может подменять источниковедения, ибо развивается на фундаменте достижений источниковедов. Памятников (как и источников) — бесконечное множество, они наполняют всю вселенную, так как каждый предмет в силу своих возможностей отразить эпоху несет ту или иную информацию о прошлом. Правда, выступая как «памятник-источник», он в общественной жизни неизбежно действует и как «памятник-символ» (и с этой стороны интересует именно памятниковедов).

Методологические аспекты символистики объемно отражены в работах А. Ф. Лосева, К. А. Сваcьяна, других советских и зарубежных исследователей. Первым акцентировал внимание на понятии «памятник-символ» еще в 1974 г. М. Т. Белявский. Сегодня любой специалист, реально связанный с памятниковедением, игнорировать символику памятника не может — именно своей символикой он и ценен для общества.

Б. И. Гаврилов, имеющий большую памятниковедческую практику, в определенной степени справедливо считает, что разумное «использование натуральных памятников войны и монументальных памятников-символов в воспитательной работе является залогом ее успеха». Далее он поясняет: практика «подмены в идеологической работе натуральных памятников войны памятниками-символами наносит очевидный ущерб воспитанию молодежи и препятствует активизации деятельности по выявлению, охране и использованию натуральных памятников» (с. 62). Но еще раньше автор отметил, что взаимосвязь всех памятников с памятниками войны «символизирует единство историко-культурного наследия, неразрывность и взаимопроникновение его составных частей, хронологическую преемственность эпох и времен истории» (с. 11). Это глубокая мысль. Ведь «натуральные памятники», как и любые другие, неизбежно имеют свою символику.

Что символизировало для Константина Симонова то поле боя, над которым он попросил развеять свой прах? А что значит для нас символика Красной или Дворцовой площади, родного дома или близкой с детства реки? В каждом случае многообразие значений связывается с многообразием переживаний, «напоминаний». Это и притягивает человека к данному памятнику, повышает его роль в идейно-воспитательной работе. Вопросы символики различных памятников сегодня все более активно разрабатываются специалистами во всем мире.

К чему приводит игнорирование памятниковедения как науки? К ошибкам и потерям в выявлении, систематизации, изучении, реставрации, охране и использовании памятников природы, истории и культуры; к искажению нормальных пропорций между развитием различных памятниковедческих направлений. Да и в изучении истории самого памятниковедения могут возникнуть заметные недостатки. Например, Ю. Н. Жуков хорошо показал формирование централизованных структур советского памятниковедения и их юридической базы в 1917—1920 годах. Однако нет в его работе должного отражения финансирования памятниковедения в то время, не освещены вопросы выявления, систематизации и использования всех основных групп памятников, особенно относящихся уже к эпохе Октября. Нет и внимания к главным «памятникам-символам», ибо нет понимания их реальности и значения.

Наше отставание в развитии памятниковедения неизбежно сказывается на сегодняшнем существовании и воздействии этой науки, чревато еще большими потерями и ошибками в будущем. Никогда «ползучая эмпирика» не была выше теории, и теоретические недостатки даже самым занимательным «навалом фактов» не скрыть. Совместными же усилиями всех специалистов, их сотрудничеством на основах доброжелательной принципиальности можно обеспечивать должное развитие отечественного памятниковедения.

П. М. Золин,
кандидат исторических наук,
Новгород

Только что прочел в журнале «Вопросы истории» (1989, № 6) отчет о заседании «Круглого стола» о возникновении второй мировой войны. Мени очень обрадовали выступления товарищей Ржешевского, Фалина, Сиполса, Безыменского. Отрадно было заметить, что единственный их оппонент никаких фактов не мог привести, только догадки. Неубедительно звучали его утверждения о якобы больших переменах в настроениях Англии, с которыми Чемберлен и К° и даже военные круги не могли не считаться. Как будто перемена формул, употребляемых для одурачивания народа, когда-либо имела значение в английской политической жизни! На Черчилля все ведущие тори плевать хотели, а подавляющее большинство вождей лейбористов вели политику молчаливого согласия с консерваторами — за что мы их здорово разоблачали. Спасибо журналу за то, что он не дает ставить факты 1938—1939 годов с ног на голову!

С коммунистическим приветом
А. Ротштейн, Великобритания

CONTENTS

SOMMAIRE

SUMARIO

Технический редактор З. П. Кузнецова

Сдано в набор 02.02.90. Подписано к печати 12.03.90. А-09421. Формат 70×108 1/16
Высокая печать. Усл. печ. л. 16,80. Усл. кр.-отт. 17,33. Уч.-изд. л. 19,08.
Тираж 105 000 экз. Заказ № 2139. Цена 90 коп.

Адрес редакции: 103781 ГСП, Москва, К-6, Путинковский пер., 1/2. Телефон 209-96-21.

Набрано и сматрицировано во 2-й типографии издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Отпечатано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24,

НОВЫЕ КНИГИ

FOOTE G. **A Chronology of Post War British Politics.** London etc. Croom Helm. 1988. 280 p.

BØGH A. **Dansk Samfundshistorie. Fra istid landboreformer ca. 11.000 f. v. t. til ca. 1750 e. v. t.** Alborg. Bogsmedjen. 1987. 155 s.

GOPALA AIYER V. **The Chronology of Ancient India.** (Beginning of the Sat Yuga, Dwaper, Treta and Kali Yuga with Date of Mahabharata). Delhi. Sanjay Prakashnan. 1987. VI, 141, 190 p.

MUTTUKUMARU A. **The Military History of Ceylon.** An Outline. New Delhi. Navrang. 1987. 227 p. (8) l. Il.

Historia de Espana. I. Prehistoria. Por Francisco Jordá Cerdá, Manuel Pellicer Catalán, Pilar Acosta Martinez, Martin Almagro-Corbea. 1986. 551 p. 3. Espana romana. Por Angel Montenegro Duque, José Ma. Blazques Martinez, José Ma. Solana Sáinz. 1986. 626 p. 4. Época visigoda (409–711). Por José Orlandis. 1987. 290 p. 6. La consolidación de los Reinos Hispánicos (1157–1369). Por Vicente A. Alvarez Palenzuela, Luis Suárez Fernández. 1988. 363 p. 7. Los Trastámara y los Reyes Católicos. Por Luis Suárez Fernández. 1985. 415 p. 8. Los Austrias Mayores y la culminación del Imperio (1516–1598). Por Manuel Fernandez Alvarez, Ana Diaz Medina. 1987–331 p. 9. La crisis del siglo XVII bajo los últimos Austrias (1598–1700). Miguel Avilés Fernández, Siro Villas Tinoco, Carmen Maria Cremades Griñán. 1988. 351 p. 14. América Hispana. Hasta la creación de las nuevas naciones. Por Francisco Morales Padrón. 1986. 367 p. 15. América Hispana. Las nuevas naciones. Por Francisco Morales Padrón. 1986. 359 p. Madrid, Gredos.

Historia y pensamiento. Homenaje a Luis Diez del Corral. Ofrecido por la Univ. Complutense. Con la colab. de Centro de Estudios Constitutionales etc. Coor. de la ed.: Maria Carmen Iglesia. 1. 486 p. 2. 518 p. Madrid. EUDEMA. 1987.

Origen de los mexicanos. Ed. de Germán Vázquez. Madrid. Historia 16. 1987. 243 p.

COLAJANNI N. **Comunisti al bivio.** Cambiare fino in fondo o rassegnarsi al declino. Milano. Mondadori. 1987. 200 p.

VITERBO-M. **Antiche civilta.** Roma-Bari. Laterza. 1987. XXX, 429 p.

VITERBO M. **Da Masaniello alla Carboneria.** Roma-Bari. Laterza. 1987. XII, 400 p

PENNER N. **Canadian Communism: the Stalin Years and Beyond.** Toronto etc. Methuen. 1988. XII, 319 p.

GONZALES CASANOVA P. **En el primer gobierno constitucional (1917–1920).** México. Siglo XXI. 1987. 227 p.

ARLOV Th. B. **Svalbard 1596–1650 i historiografisk lys.** Oslo. Norsk Polarinst. 1988. 152 s.

HEIDAR K. **Partidemokrati pa prøve.** Norske partieliter i demokratisk perspektiv. Oslo. Universitetsforl. 1988. 197 s.

BORGES COELHO A. **Inquisição de Évora: Das primórdios a 1668.** Vol. 1. 448 p. Lisboa. Caminho. 1987.

BEYME K. VON. **The Soviet Union in World Politics.** New York. St. Martins Press. 1987. XI, 219 p.

BRANDS H. W. **Cold Warriors: Eisenhower's Generation and American Foreign Policy.** New York. Columbia Univ. Press. 1988. XII, 252 p.

Encyclopedia of the Renaissance. Thomas G. Bergin, Consult. ed., Jennifer Speake, Gen. ed. New York. Oxford. Facts on File. 1987. 454, (5) p., (16) l. ill.

JULKU K. **Suomen itärajan synty.** Rovaniemi: Pohjois-Suomen hist. yhdistys. 1987. 455 s.

VIITALA H. M. **Vasemmistolainen työväenliike Suomessa. Osa I. SKP – parlamentaarinen ja vallankumouksellinen puolue, 1918–1988.** Pori. Porin painopalvelu oy. 1988. 197 s.

MEYER E., BERKIAN A. J. **Zwischen Rhein und Arax: 900 j. dt.– arm. Beziehungen.** Oldenburg. Holzberg. 1988. 216 S.

SCHMIDT F. **Die Metamorphosen der Revolution. Der Wandel des Revolutionsbegriff von Blanqui bis zum Eurokommunismus.** Frankfurt a. M. New York. Campus. 1988. 421 S.

WEBER M. **Zur Politik im Weltkrieg. Schriften u. Reden, 1914–1918** (Hrsg. von Wolfgang J. Mommsen in Zusarb. mit Gangolf Hübinger. Tübingen. Mohr. 1988. VII, 444 S.

BOURDERON R., AVAKOUMOVITCH I. **Détruire le PCF: Archives de l'État fr. et de l'occupant hitlérien, 1940–1944.** Paris. Messidor. Ed. soc. 1988. 274 p.

Histoire de la Bourgogne. Joseph Joly. Roland Martin, Jean Marilier et al. Sous la dir de Jean Richard. Toulouse. Privat. 1988. 492 p. (14) f. ill.

MORUZZI J.-F., BOULAERT E. **Iparretarrak: Séparatisme et terrorisme en Pays Basque français.** Paris. Plon. 1988. 238 p.

REBEAUD L. **La Suisse verte: Les premières années du Parti écologiste suisse.** Lausanne. L'Age d'homme. 1987. 125 p.

NYLÉN E., LAMM J. P. **Bildstenar.** Katalog över samtliga pa Gotland kända bildstenar samt bibliografi över bildstenslitteratur. Stockholm. Gidlund. 1987. 211 s.